БИБЛІОТЕКА КОЛОМЕНСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. МАЙ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. В. П. . . . . 225—233
II. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ. (Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковскаго). Сообщ. А. А. Ѳоминъ. 235—275
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. . . . . 277—306
IV. Присяга императору Николаю I въ Тулѣ. Н. Д. 307—311
V. Россія и папскій престолъ. П. Пирлинга. (Съ французскаго). . . . . 313—347
VI. Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ. П. Д. Стремоухова. 349—361
VII. О народномъ просвѣщеніи въ Россіи. (Всеподданнѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета Перовскаго). 20 апрѣля 1826 г. . . . . 363—367
VIII. Размолвка В. Р. Марченко съ граф. Аракчеевымъ. Сообщилъ Н. Д. . . . . 369—371
IX. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Переводъ В. В. Тимощукъ. . . . . 373—394
X. Изъ переписки Н. А. Полевого. Сообщилъ Н. К. Козьминъ. . . . . 397—413
XI. Забытый подвигъ. * * *. 417—426
XII. Записки генерала В. И. Левенштерна . . . . . 427—444
XIII. Памятникъ граждан. Минину и кн. Пожарскому. 445—447
XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Портретъ Державина въ Иркутскѣ. Сообщ. В. П. (стр. 234).—Который Капнистъ? Сообщилъ В. А. Бильбасовъ (276).—Лунное затменіе въ началѣ XVIII вѣка. Сообщилъ М. К. Марченко (312). —Еврейскій самосудъ. Сообщилъ А. Мердеръ (348).—Народные подвиги въ 1812 г. (362). — Собственноручное письмо Б. П. Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову. Январь 1708 г. Сообщ. М. К. Марченко (368).—Письмо А. Болотова — П. С. Щепкину. Спб. 20-го сент. 1827 г. (372). Письмо П. С. Нахимова, 19-го марта 1854 г., по поводу Синопской побѣды. Сообщилъ А. Х. Алкалаевъ (395—396). Послѣдствія невыученнаго урока музыки. Сообщ. А. Мердеръ (414).—Петербургскіе нравы въ концѣ 20-хъ годовъ (415—416).—Исполины. Стихотвор. А. И. С—ва (448).
XV. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ протоіерея І. І. Базарова въ молодости. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.
Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

25-198

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1901 г.

Библіографическій листокъ.

Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ общей редакціей М. М. Филиппова, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. СПБ. 1901 г.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ одиннадцати главъ.

Въ первой главѣ данъ общій очеркъ развитія естествознанія въ началѣ XIX вѣка; выяснены успѣхи химіи, астрономіи, минералогіи, гальваническаго электричества.

Во второй главѣ говорится объ установленіи ученія объ эволюціи организмовъ, а слѣдующая отведена обзору естественныхъ наукъ въ эпоху открытія принципа энергіи.

Въ четвертой главѣ подробно разсматриваются успѣхи отдѣльныхъ цивилизацій. Изъ великихъ расъ, населяющихъ Европу, ни одна,—по словамъ автора,—не оказала въ XIX столѣтіи такихъ блестящихъ успѣховъ, какими можетъ похвалиться славянская раса. Послѣ паденія Польши, въ началѣ новѣйшей эры, изъ числа всѣхъ славянскихъ народовъ одна Россія играетъ значительную роль. Но и она долго была отрѣзана отъ остальной Европы, такъ какъ не обладала ни средствами сообщенія, ни промышленностью, и могла считаться скорѣе азіатскою, нежели европейскою страной. Даже при Николаѣ I остзейскіе нѣмцы монополизировали бо́льшую часть выдающихся государственныхъ и военныхъ должностей. Славяне въ Пруссіи и Австріи служили нѣмцамъ, въ Венгріи—мадьярамъ, въ Турціи—османамъ. Но въ настоящее время всюду измѣнилось ихъ положеніе, благодаря, либо примѣру Россіи, либо ея поощренію, либо и фактической поддержкѣ съ ея стороны.

Итоги преуспѣянія Россіи въ теченіе истекшаго вѣка въ политическомъ отношеніи,—по словамъ автора,—сводятся къ слѣдующему: на сѣверо-западѣ она отторгла отъ Швеціи Финляндію; на западѣ—захватила большую часть Польши; на югѣ Россія, въ ущербъ Турціи, распространила свои владѣнія вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря; въ Азіи она подчинила своей власти Кавказъ, Забайкалье, Киргизскія степи, значительную часть Арменіи, Амурскій край,—и стала величайшей Имперіей земнаго шара. По всѣмъ губерніямъ, въ томъ числѣ и азіатскимъ, проведены желѣзныя дороги, и вскорѣ вся Сибирь будетъ изрѣзана ими. Громадная мощь Россійской Имперіи тяжело ложится на сосѣднія государства, изъ коихъ нѣкогда столь грозная Турція обратилась въ совершенно беззащитное государство. Послѣ неудачной для Россіи крымской войны, она собиралась съ силами въ теченіе двухъ десятилѣтій, а затѣмъ снова выступила въ защиту славянскихъ народностей. Вступивъ въ союзъ съ Франціей, Россія стала рѣшителемъ вопроса о войнѣ или мирѣ въ Европѣ.

Что касается духовнаго развитія, то и въ этомъ отношеніи Россія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій достигла громаднаго и своеобразнаго расцвѣта. Теперь ее уже нельзя обвинять въ томъ, что она присвоила себѣ лишь внѣшнюю культуру Запада, что ему только подражаетъ.

Земледѣліе и система сельскаго хозяйства достигли въ новѣйшее время въ Китаѣ такого совершенства, которое рѣдко встрѣчаешь и въ Европѣ. Какъ говоритъ проф. Филиппсонъ,—почва не имѣетъ отдыха, а во избѣжаніе истощенія ея, она заботливо удобряется. Промышленность развилась самостоятельно и достигла во многихъ отношеніяхъ неподражаемой степени совершенства. Шелковыя издѣлія отличаются блескомъ, плотностью, добротностью и прочностью красокъ. Фарфоровыя издѣлія пользуются всемірной извѣстностью; рѣзныя работы изумляютъ тонкостью и совершенствомъ исполненія... Среди европейскихъ апостоловъ цивилизаціи англичане занимаютъ первенствующее мѣсто; они стараются въ теченіе многихъ лѣтъ осчастливить китайцевъ опійнымъ ядомъ, такъ что теперь въ великой имперіи мы встрѣчаемъ провинціи, въ которыхъ все населеніе и разорилось, и потеряло здоровье благодаря страсти къ куренію опіума.

О торговлѣ людьми въ наше время читаемъ слѣдующее: первый толчекъ движенію противъ торга людьми дала Англія, та самая Англія, которая довела торговлю неграми до высочайшей степени совершенства, переведя торговлю эту въ свои колоніи, съ цѣлью ихъ удобнѣе держать въ зависимости, и монополизировала тамъ При извѣстномъ торгашескомъ духѣ англичанъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что ихъ внезапное возмущеніе противъ рабства не вытекало исключительно изъ нравственныхъ причинъ; навѣрное тутъ дѣйствовали другія побудительныя причины; фактически вѣрно, что усилія Англіи уничтожить торговлю рабами точно совпали съ эпохой отпаденія Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, такъ что средство, служившее къ удержанію этихъ колоній въ зависимости, оказалось уже излишнимъ. Британская торговля вынуждена была искать другихъ областей и нашла ихъ въ Африкѣ. Но поднять торговлю товарами и разными продуктами оказалось возможнымъ лишь при условіи уничтоженія торговли рабами.

Въ пятой главѣ разсматриваются успѣхи археологіи,—науки, сравнительно еще молодой. „Густой мракъ невѣжества,—замѣчаетъ г. Ольгердъ Вильчинскій,—парилъ надъ значительною частью общества XVIII столѣтія; почти никто не умѣлъ отличить исторію отъ миѳологіи, химія почивала въ колыбели, зоологія излагалась по правиламъ теологіи, діалектика, схоластика, софизмы все еще составляли ядро науки, диспутъ двухъ ярыхъ ораторовъ рѣшалъ спорные вопросы науки... Археологія еще не была наукой. Только въ кон-

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ., 24 апрѣля 1901 г. тип. тов. „Общ. польза“, Б. Подъяч., д. 39.

ПРОТОІЕРЕЙ І. І. БАЗАРОВЪ.

11-го іюля 1856 г. Вильдбадъ.

БИБЛІОТЕКА КОЛОМЕНСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г.

Осенью 1823 года состоялось въ Черновцахъ свиданіе между императорами Александромъ I и Францомъ I [1]). По словамъ Кунца, императоръ Францъ пріѣхалъ 4-го октября, двумя днями ранѣе императора Александра. При переѣздѣ черезъ Прутъ царя начался пушечный салютъ, а главная улица, т. е. путь, по которому слѣдовали монархи, и дома, въ которыхъ они помѣстились со своими свитами, были иллюминованы. Квартира царю, противъ которой горѣлъ транспарантъ съ его вензелемъ,

[1]) Объ этой встрѣчѣ двухъ монарховъ осталось весьма мало воспоминаній въ самыхъ Черновцахъ. Очевидцы, которые еще живы и число которыхъ крайне ограничено, конечно, не помнятъ происходившаго 77 лѣтъ тому назадъ событія. Лица же, свидѣтельство которыхъ могло бы имѣть нѣкоторую цѣну, перемерли. Письменныхъ памятниковъ имѣется на мѣстѣ происходившаго событія всего одинъ, латинская рукопись: „Memorabilia Ecclesiae parochialis r. l. Gernoviciensis in Tractu Bucovino ab anno 1775 usque ad 1825". Принадлежитъ она перу бывшаго въ то время настоятелемъ Черновецкаго костела, ксендза А. Кунца (Anton Kunz). Изъ этой рукописи кустосомъ тамошняго университета докторомъ Полекомъ (J. Polek) сдѣланы были извлеченія, переведенныя на нѣмецкій языкъ. Извлеченія эти положены въ основаніе описываемаго здѣсь Черновецкаго свиданія, но единственно со стороны фактической. Другихъ источниковъ намъ не попадалось подъ руку, если не считать издававшагося во Львовѣ періодическаго изданія „Gazeta Lwowska". Это былъ единственный мѣстный органъ печати, такъ какъ сама Буковина составляла въ 1823 году лишь одинъ изъ округовъ (Bezirk) Галиційской области.

Къ запискѣ ксендза Кунца слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и не вполнѣ довѣрять разсказамъ католическаго священника въ православной странѣ, разсуждающаго о посѣщеніи этой страны главнымъ вѣнценоснымъ покровителемъ православія. При чтеніи этой записки или извлеченія

отведена была въ существующемъ и понынѣ домѣ, въ которомъ съ основанія его помѣщаются командующіе войсками въ Буковинѣ. Напротивъ помѣстился австрійскій императоръ въ квартирѣ, занимаемой гофратомъ, начальникомъ гражданскаго управленіи страны. Въ свитѣ императора Франца находились намѣстникъ Галиціи, графъ Таафе, а также

изъ нея не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что многое въ ней относится къ анекдотической области. Характера достовѣрнаго документа она имѣть не можетъ. Тѣмъ не менѣе въ иностранной литературѣ встрѣчается все-таки хоть что-нибудь относящееся до описанія (съ внѣшней стороны) свиданія императоровъ въ Черновцахъ; въ русской же, насколько намъ извѣстно, не имѣется къ сожалѣнію ничего. Было бы весьма интереснымъ ознакомиться, для изученія описываемой эпохи, съ тѣми матеріалами, которые несомнѣнно должны находиться въ придворныхъ архивахъ С.-Петербургскомъ и Вѣнскомъ. Гофъ или камеръ-фуріерскіе журналы, документы главныхъ квартиръ и походныхъ канцелярій могли бы навѣрно также сообщить интересныя свѣдѣнія, касающіяся Черновецкаго свиданія. Что же касается розысканій во Львовѣ, благодаря любезности тамошняго русскаго консула К. П. Пустошкина, они были произведены тщательнымъ образомъ престарѣлымъ каноникомъ Петрушевичемъ и директоромъ Львовскаго архива г. Чаловскимъ. Къ сожалѣнію, оба ученые эти не могли открыть какихъ-либо документовъ; по мнѣнію ихъ, дипломатическія канцеляріи забрали тогда же все, что относилось до свиданія императоровъ въ Черновцахъ, и историческіе матеріалы событія этого нужно искать въ Hof und Staats Archiv въ Вѣнѣ и въ нашемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Личные розысканія К. П. Пустошкина также не привели къ какимъ-либо результатамъ.

Относительно же сущности самыхъ дипломатическихъ переговоровъ, которые велись главнымъ образомъ во Львовѣ, между княземъ Меттернихомъ и графомъ Нессельроде (къ послѣднему присоединился также посланникъ нашъ при Вѣнскомъ дворѣ Татищевъ), а также результатовъ этихъ переговоровъ иностранная литература опять-таки представляетъ наибольшее количество матеріаловъ. Изъ ученыхъ трудовъ, описывающихъ эпоху 1823 года, слѣдуетъ назвать „Исторію Греціи“ Мендельсонъ-Бартольди, а изъ собраній историческихъ матеріаловъ, заключающихся въ подлинныхъ дипломатическихъ документахъ, надлежитъ указать на „Воспоминанія князя Меттерниха“, а равно на „Исторію возрожденія Греціи“, графа Прокешъ Остена, находившагося долгое время интернунціемъ въ Константинополѣ. Упоминаемые здѣсь послѣдніе два труда заслуживаютъ конечно особеннаго вниманія, такъ какъ первый принадлежитъ одному изъ главныхъ историческихъ дѣятелей первой половины XIX вѣка, а второй—человѣку, имѣвшему самое обширное познаніе среди австрійскихъ дипломатовъ по восточному вопросу.

Находясь за границею и не имѣя возможности разработать интересующую насъ эпоху, при помощи матеріала, извѣстнаго уже можетъ быть въ русской литературѣ и касающагося именно свиданія въ Черновцахъ русскаго и австрійскаго монарховъ, мы могли воспользоваться только трудами профессора Мартенса, заключающимися въ изданномъ имъ томѣ (четвертомъ) „Собраній трактатовъ и конвенцій“, а также книгою С. М. Соловьева „Императоръ Александръ I, политика и дипломатія“, и нѣкоторыми другими, въ томъ числѣ также книгою покойнаго генеральнаго консула Бухарова „la Russie et

командующіе войсками въ Галиціи и Трансильваніи. Изъ Галиціи приведенъ былъ одинъ баталіонъ пѣхоты и два оркестра военной музыки. На другой день пріѣзда государя, обоимъ монархамъ представлялись всѣ власти, какъ свѣтскія, такъ и духовныя. Въ числѣ представлявшихся былъ также буковинскій православный епископъ Балашескулъ въ сопро-

---

la Turquie", но всѣ эти ученые труды, къ сожалѣнію, опять-таки ничего не заключаютъ, что могло бы ознакомить читателя съ подробностями Черновецкаго свиданія, фактическая сторона котораго, какъ выше уже было замѣчено, остается совершенно неразработанною. Такъ, до сихъ поръ подлинно не извѣстно, кто же именно, по такъ называемой дипломатической части, находился при государѣ, разъ что доказано, что графъ Нессельроде вовсе и не былъ въ Черновцахъ, а совѣщался съ больнымъ австрійскимъ министромъ во Львовѣ. Надобно полагать, что даже при существовавшихъ тогда путяхъ сообщенія, императоры, проводя въ Черновцахъ цѣлую недѣлю, получали все-таки свѣдѣнія о происходившемъ во Львовѣ. Также нѣтъ никакихъ свѣдѣній не только съ русской стороны, но даже и съ австрійской, о личныхъ переговорахъ обоихъ государей, а равно о достигнутыхъ результатахъ личнаго свиданія монарховъ и о той роли, которую игралъ во время свиданія откомандированный Меттернихомъ совѣтникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Мерси. Свѣдѣнія эти освѣтили бы вопросъ съ той стороны, съ которой по настоящее время представляется онъ довольно неяснымъ, что же именно дѣлали Александръ и Францъ въ Черновцахъ въ продолженіе 7—8 дневнаго пребыванія въ этомъ городѣ? Большихъ подробностей о томъ, въ чемъ состояло времяпрепровожденіе императоровъ Александра и Франца, не имѣется. Если принять во вниманіе, что городъ Черновцы въ то время болѣе походилъ на деревню, то даже присутствіе обѣихъ свитъ, властей и помѣстнаго дворянства, съѣхавшагося на торжество, не могло доставить большихъ развлеченій. Одно утро оказалось достаточнымъ для пріема властей, свѣтскихъ и духовныхъ, а равно и нотаблей. Объ обѣдахъ и балахъ не упоминается Кунцъ утверждаетъ, что государи кушали всегда вмѣстѣ и одни. Охотъ не было, а вызванный изъ Галиціи батальонъ полка Nugent врядъ-ли могъ представить изъ себя достаточную боевую массу для производства маневровъ. Трудно вообразить себѣ, что монархи нашли бы удовольствіе въ произведеніи баталіоннаго или ротнаго ученья. Вотъ почему было бы весьма интереснымъ открытіе такихъ документовъ, которые могли бы освѣтить „Черновецкую недѣлю" въ описаніи оной съ фактической стороны, а также въ сообщеніи дальнѣйшихъ подробностей, относящихся до политическаго значенія этого свиданія. Въ немъ принимали участіе только Россія и Австрія и никакая изъ другихъ державъ. Послѣдняя записками своего знаменитаго канцлера и книгою своего интернунція ознакомила между прочимъ довольно подробно читающую публику съ происходившимъ на политической сценѣ Европы во вторую половину 1823 года. Очередь теперь за Россіею. Надобно полагать, что С.-Петербургскій главный архивъ заключаетъ въ себѣ немало весьма интересныхъ документовъ, которые могли бы пролить новый свѣтъ на происходившее въ октябрѣ мѣсяцѣ вышеупомянутаго года. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ оказало бы немалую услугу разрѣшеніемъ разработки документовъ, относящихся до параллельныхъ свиданій монарховъ въ Черновцахъ и дипломатовъ ихъ во Львовѣ.

*

вожденіи клира. Хотя пріемъ у императора Александра духовенствъ всѣхъ вѣроисповѣданій назначенъ былъ въ 11 часовъ, но епископъ испросилъ себѣ аудіенцію въ 9 часовъ утра, которая и была ему дана. Бесѣда государя съ епископомъ Балашескуломъ продолжалась довольно долго. Когда римско и греко-католическое духовенство явилось къ назначенной аудіенціи, по словамъ Кунца, чуть-чуть не произошелъ крупный скандалъ. Лицо повидимому, завѣдывавшее церемоніальными дѣлами при императорѣ Александрѣ, полагая, вѣроятно, что не слѣдовало тревожить его величество, не хотѣло допустить остальное духовенство до государя. Только угроза Кунца, представлявшаго католическое духовенство, оставить пріемный залъ заставила русскаго придворнаго вторично доложить о томъ, что духовенство, католическое и уніатское, дожидается аудіенціи у царя. Императоръ Александръ вышелъ, спросилъ объ именахъ представлявшихся и, сказавъ нѣсколько словъ по-французски, отпустилъ ихъ. Происшествіе это особенно подчеркивается Кунцемъ въ его воспоминаніяхъ. Католическому священнику кажется страннымъ напримѣръ, что царь цѣлуетъ руку у епископа, и въ то же самое время кажется обиднымъ, что въ странѣ, входящей въ составъ католической державы, русскій государь отдаетъ предпочтеніе тому духовенству, съ которымъ онъ исповѣдуетъ одну и ту же вѣру. Очень можетъ быть, что событіе, показавшееся столь важнымъ католику и какъ бы имѣвшее въ его глазахъ намѣреніе отнестись съ пренебреженіемъ къ католической церкви,—было не что иное, какъ церемоніальная погрѣшность. Впрочемъ, отъ такого повѣствователя, какъ Кунцъ, не иначе называющаго православныхъ, какъ схизматиками (nicht unirte Griechen oder Schismatiker), другаго взгляда на подобный инцидентъ и ожидать нельзя. Между прочимъ, Кунцъ разсказываетъ и еще слѣдующее. Государь любилъ одинъ безъ свиты гулять по черновецкимъ улицамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ направился въ предмѣстье Гореча. Въ немъ находилась существующая и понынѣ небольшая церковь, бывшая прежде монастыремъ, закрытымъ во время секуляризаціи всѣхъ буковинскихъ монастырей (за исключеніемъ трехъ) въ царствованіе императора Іосифа II. По преданію, церковь эта была построена архимандритомъ Артамономъ при денежной помощи также и императрицы Екатерины II, что̀ дѣйствительно совпадало съ временемъ занятія въ 1770—1774 годахъ нашими войсками нынѣшней Буковины. Историкъ Буковины, докторъ Кайндлъ, не отрицаетъ факта пожертвованія русскою государынею 30 червонцевъ, но понятно, что даже, при дешевизнѣ матеріаловъ того времени, на подобную сумму выстроить хотя и небольшую, но во всякомъ случаѣ, каменную церковь нельзя. Бо̀льшаго вѣроятія заслуживаетъ преданіе о пожертвованіи находившимися въ Буковинѣ русскими войсками двухъ колоколовъ, отлитыхъ на лѣвомъ берегу Прута въ мѣ-

стечкѣ Садагорѣ, лежащемъ какъ разъ противъ Черновцевъ. Въ мѣстечкѣ этомъ, занятомъ съ 1770 года русскимъ генераломъ Гартенбергомъ (отъ фамильнаго имени котораго, переведеннаго на русскій языкъ, и произошло самое наименованіе Садагора), встрѣчаются до сихъ поръ еще мѣдныя монеты, отчеканенныя въ Садагорѣ, съ екатерининскимъ вензелемъ на лицевой сторонѣ и съ русской надписью на оборотѣ.

Но вернемся къ разсказу ксендза Кунца. По дорогѣ въ Горечу, государь встрѣтилъ ѣдущаго верхомъ священника. Узнавъ его по рясѣ, государь попросилъ священнослужителя сойти съ лошади и благословить его, что̀ тотъ и сдѣлалъ. Кунцъ прибавляетъ видимо съ удивленіемъ: Александръ поцѣловалъ его грязную руку. Священникъ этотъ былъ, такъ-называемый въ православныхъ церквахъ Австріи, cooperator [1]), давшій сейчасъ знать старшему священнику, что важное лицо изъ свиты императора россійскаго (государь не назвалъ себя) посѣтитъ церковь. Когда Александръ взошелъ въ нее, то «хитрый іерей (der schlaue Priester)», какъ выражается Кунцъ, уже облачившись, служилъ молебенъ за императора Александра и его свиту. На вопросъ царя, почему онъ не молится за своего монарха, священникъ отвѣтилъ, что онъ совершаетъ это ежедневно, но что въ настоящее время приличествуетъ молиться за Александра: онъ чужой и гость, слѣдуетъ испросить ему благословеній въ трудахъ и пожелать благополучнаго возвращенія. За симъ государь подошелъ къ Евангелію: поцѣловалъ руку у священника, наградилъ его 50 червонцами и пѣшкомъ возвратился домой. Кунцъ не безъ ехидства надъ православнымъ духовенствомъ прибавляетъ, что щедрость Александра породила ссору между обоими священниками, такъ какъ кооператоръ считалъ себя также въ правѣ на полученіе доли изъ пожертвованныхъ русскимъ императоромъ денегъ. Александръ, узнавши объ этомъ, приказалъ также выдать и младшему священнику—25 червонцевъ.

Разсматривая лѣтопись ксендза Кунца, невольно останавливаешься на встрѣчающейся часто анекдотической сторонѣ разсказа, уничтожающей ту долю исторической подлинности, которой можно было бы, все-таки, требовать отъ очевидца, къ тому же облеченнаго въ священническій санъ. Но у ксендза Кунца проглядываетъ такъ сильно ненависть къ православію, что, какъ было уже выше замѣчено, придавать вѣру его словамъ можно не иначе, какъ съ большою осторожностью.

При описываемомъ посѣщеніи церкви въ Горечѣ, съ русскимъ императоромъ произошелъ еще другой случай, который могъ имѣть очень

[1]) Въ этомъ названіи видно уже воздѣйствіе латинской вѣры на православную.

печальныя послѣдствія. Когда государь сталъ приближаться къ церкви, изъ сторожки выскочило нѣсколько собакъ, которыя напали на него. Съ помощью вырваннаго изъ изгороди кола Александръ съ трудомъ отбился отъ разъяренныхъ псовъ. На помощь прибѣжали жившіе на покоѣ монахи, которымъ государь и подарилъ на память палку, послужившую ему орудіемъ защиты. Палка эта впослѣдствіи была окована въ серебро съ подобающей надписью и долгое время хранилась въ церкви. Прочитавъ въ «Воспоминаніяхъ Вигеля» (ошибочно называющаго церковь въ Горечѣ монастыремъ) о существованіи этой палки, мы поинтересовались взглянуть на нее, но, къ сожалѣнію, приходскій священникъ заявилъ намъ, что хотя и онъ тоже слышалъ про эту палку, но гдѣ она въ настоящее время находится, ему не извѣстно. Между тѣмъ, до сихъ поръ проживаютъ въ Черновцахъ люди, утверждающіе, что они дѣйствительно видѣли въ Гореческой церкви эту палку. Не мѣшаетъ, между прочимъ, исправить здѣсь ошибку, вкравшуюся въ «Воспоминанія Вигеля». Извѣстный мемуаристъ нашъ, повидимому, смѣшиваетъ эту церковь съ существующимъ въ Бѣлой Криницѣ старообрядческимъ монастыремъ, который служитъ мѣстопребываніемъ раскольничьяго митрополита. Монастырь Бѣлокриницкій отстоитъ, однако, отъ Черновцевъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды, и, конечно, пѣшкомъ туда попасть императоръ Александръ не могъ.

Пробывши 8 дней въ Черновцахъ, императоръ Александръ возвратился черезъ Новоселицу въ Россію, а за нимъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ также и императоръ Францъ. Царь передъ отъѣздомъ своимъ щедро наградилъ лицъ, состоявшихъ въ свитѣ императора австрійскаго, а также австрійскихъ властей и офицеровъ—однихъ орденами, другихъ табакерками и нѣкоторыхъ деньгами.

С. М. Соловьевъ, разбирая въ своемъ сочиненіи «Императоръ Александръ I, политика и дипломатія Россіи въ первой четверти XIX вѣка», раздѣлилъ свою книгу на двѣ части, назвавши первую эпохою коалиціи, а вторую—эпохою конгрессовъ. Черновецкая недѣля заключила восьмидневнымъ свиданіемъ императоровъ въ Черновцахъ эту эпоху. Недѣля эта не была конечно столь блистательна и многолюдна, какъ съѣзды государей и дипломатовъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ, Лайбахѣ и Веронѣ, но соглашеніе, къ которому пришли во Львовѣ, Меттерниха съ одной стороны, а Нессельроде съ Татищевымъ съ другой, не было конечно лишено политическаго значенія. Въ настоящее время, основываясь на опубликованныхъ документахъ, заключающихся главнымъ образомъ въ мемуарахъ князя Меттерниха и въ сочиненіи графа Прокешъ Остена, можно съ достовѣрностью сказать, что греческій вопросъ былъ главнымъ предметомъ разсужденій. Греція уже два года какъ боролась съ Турціею за независимость, а Молдавія и Валахія заняты были ту-

рецкими войсками. Дипломатическія сношенія Россіи съ Портою были прерваны, русскіе (торговые) интересы находились подъ покровительствомъ лорда Странгфорда,—великобританскаго посла при блистательной Портѣ. Россія, вѣчная и неизмѣнная покровительница своихъ братьевъ по вѣрѣ, требовала отозванія турецкихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ и вознагражденія за причиненные убытки торговлѣ ея на Черномъ морѣ, а равно обѣщанія впредь торговлю эту отнюдь не стѣснять. Только на этихъ условіяхъ Россія соглашалась возобновить дипломатическія сношенія съ Портою, а въ противномъ случаѣ она готова была объявить войну Турціи. Общее политическое состояніе Европы казалось въ данную минуту довольно критическимъ. Генцъ, правая рука Меттерниха, считалъ ставку дипломатической игры, которая велась въ то время противъ Россіи, конечно,—хотя Австрія и Англія повидимому дѣйствовали съ нею заодно,—настолько высокою, что отъ проигрыша или выигрыша зависѣло не только самое существованіе Оттоманской имперіи, но сохраненіе или разрушеніе всей тогдашней политической системы. Боясь, какъ бы Россія съ оружіемъ въ рукахъ не рѣшилась достигнуть удовлетворенія отъ Турціи, а въ то же самое время не желая вовлекать Австрію въ войну съ Россіею и не разсчитывая на содѣйствіе Англіи, политика которой находилась въ рукахъ непримиримаго врага его Каннинга, Меттернихъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы помѣшать русско-турецкой войнѣ. Благодаря довѣрію, которымъ пользовался онъ у императора Александра, достигнуть этого ему было легко: государь охотно согласился пріѣхать на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Черновцы. Между тѣмъ, какъ извѣстно, самые переговоры велись не въ этомъ городѣ, а во Львовѣ, гдѣ Меттернихъ лежалъ больной, О болѣзни своей выражается онъ въ своихъ мемуарахъ между прочимъ такъ: «mon incommodité (car ce n'est pas une maladie véritable) se serait passée comme les précédentes» [1]). Слова эти указываютъ на дѣйствительную степень болѣзни австрійскаго министра. Служи Меттернихъ при менѣе благодушномъ монархѣ, каковымъ былъ императоръ Францъ I и имѣй онъ болѣе взыскательныхъ партнеровъ, нежели были Нессельроде и Татищевъ, онъ, вѣроятно, не остановился бы во Львовѣ, а доѣхалъ бы до Черновцевъ. Вѣроятно, ему представлялось однако болѣе выгоднымъ для Австріи вести переговоры въ нѣкоторомъ разстояніи отъ императоровъ. До какой степени знаменитый австрійскій дипломатъ умѣлъ пользоваться своимъ могущественнымъ по отношенію къ Россіи положеніемъ, могутъ послужить слѣдующія слова, приписываемыя имъ императору Францу.

---

[1]) Мое недомоганіе (это не настоящая болѣзнь) прошло бы, какъ и предыдущія.

Когда послѣдній узналъ, что Меттернихъ въ Черновцы не пріѣдетъ, то сказалъ состоявшему при немъ совѣтнику Мерси: «Eh bien! voilà qui ne sera pas mal. Je ne connais l'affaire que superficiellement: vous ne la connaissez que depuis hier: nous ferons triste figure à nous deux. Si cela ne marche pas, je traînerai l'Empereur Alexandre chez le Prince de Metternich: celui-ci sera plus avancé dans une demi heure que nous le serions nous deux au bout de huit jours» [1]). Только при довѣріи къ нему русскаго царя, превосходя графа Нессельроде личною иниціативою и обладая сильнымъ вліяніемъ на Татищева, тогдашняго русскаго посланника въ Вѣнѣ, австрійскій министръ могъ рѣшиться выставить легкое недомоганіе причиною пріостановки своего путешествія. Хотя Меттернихъ въ письмахъ къ женѣ своей описываетъ весьма подробно болѣзнь свою, намъ кажется однако, что патологическую причину оной труднѣе опредѣлить, нежели политическое основаніе, помѣшавшее австрійскому дипломату пріѣхать въ Черновцы. Сознавая хорошо, что въ европейскомъ оркестрѣ онъ игралъ первую скрипку, Меттернихъ съ пренебреженіемъ отнесся къ съѣхавшимся на свиданіе монархамъ и къ представителямъ русской дипломатіи. Императоръ Францъ I, вдавшійся въ мистицизмъ Александръ, какъ циркулемъ свои рѣчи и поступки размѣривавшій, осторожный Нессельроде и конечно уступавшій Меттерниху въ дипломатическихъ способностяхъ Татищевъ,—всѣ вышеупомянутые дѣятели были какъ нельзя болѣе на руку честолюбивому и энергичному австрійскому дипломату. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по окончаніи переговоровъ со своими коллегами и по отъѣздѣ обоихъ императоровъ изъ Черновцевъ, онъ могъ, торжествуя одержанную имъ дипломатическую побѣду, выразиться слѣдующимъ образомъ: «Tout est fini et la paix est assurée, l'honneur en revient à l'Empereur de Russie qui tint parole au Ministre d'Autriche [2]). Еще болѣе высокомѣріе Меттерниха по отношенію пребывавшихъ въ Черновцахъ обоихъ государей, а во Львовѣ обоихъ русскихъ дипломатовъ, выражается въ слѣдующей фразѣ, въ достовѣрности которой усумниться нельзя: «Seul de mon bord, c. a. d. le seul homme d'affaires, au lit à Lemberg» [3]). Высказанный здѣсь Меттернихомъ взглядъ о доляхъ участія обоихъ монарховъ и его русскихъ коллегъ въ дѣлѣ,

---

[1]) Ну, вотъ будетъ не дурно. Я знакомъ съ дѣломъ только поверхностно; Вы знаете его лишь со вчерашняго дня: мы оба будемъ играть плачевную роль.—Если ничего не выйдетъ, то я потащу императора Александра къ князю Меттерниху, а этотъ въ полчаса сдѣлаетъ больше, чѣмъ мы оба въ недѣлю.

[2]) Все кончено и миръ обезпеченъ: честь этого принадлежитъ императору россійскому, который сдержалъ слово, данное министру Австріи.

[3]) Единственный человѣкъ моего закала, т. е. единственный дѣловой человѣкъ, въ постели въ Лембергѣ.

для котораго состоялись параллельныя: Черновецкое и Львовское свиданія,—подтверждаетъ только то, что австрійскій министръ дѣйствительно дирижировалъ концертомъ европейскихъ державъ, исключая Англіи.

Разсматривая предшествовавшіе съѣзды монарховъ и дипломатовъ въ эпоху, такъ удачно названную Соловьевымъ эпохою конгрессовъ, и принимая также въ разсужденіе Черновецкое свиданіе, безошибочно можно утверждать, что князь Меттернихъ имѣлъ самое рѣшительное вліяніе на политику Россіи въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Въ высшей степени подтверждаетъ взглядъ этотъ Черновецкая недѣля. Наглядное доказательство, что не Россія руководила въ это время Австріею, а послѣдняя первою, видимъ въ той необыкновенной ловкости, съ которой Меттернихъ помѣшалъ войнѣ Россіи съ Турціею, потому только, что Австріи это было на руку. Слѣдовало убѣдить Александра, связаннаго по рукамъ данными имъ обѣщаніями священному союзу, что греческое возстаніе все-таки дѣло революціонное, и этого Австрія достигла. Александръ колебался, безъ содѣйствія Европы, порѣшить единолично съ греческимъ вопросомъ. Были даже моменты, когда, забывая, что мусульмане терзаютъ единовѣрцевъ его, онъ относился далеко не дружелюбно къ грекамъ.

Кровавая распря Россіи съ Турціею произошла уже при преемникѣ Александра. Императоръ Николай принялъ на себя роль Немезиды, наказавшей турокъ за всѣ ихъ злодѣянія надъ греками въ продолженіе двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Передъ рѣшительною политикою Россіи не только Австрія и Англія, но и остальная Европа промолчала. Императоръ Николай сумѣлъ воспользоваться положеніемъ, которымъ старшій братъ его хотѣлъ или не хотѣлъ, но не сумѣлъ и пренебрегъ. Послѣ того, какъ башкиры и казаки напоили коней своихъ въ струяхъ Сены, блескъ Россійской короны сіялъ настолько лучезарно, что блеска этого хватило на все Николаевское тридцатилѣтнее царствованіе вплоть до Севастопольскаго погрома.

Результатомъ Черновецкаго свиданія было: принятіе Турціею предложенныхъ Россіею условій и возобновленіе дипломатическихъ сношеній. Въ Константинополь посланъ былъ русскимъ правительствомъ, сначала въ качествѣ только агента по торговымъ дѣламъ, д. с. с. Минчіаки. Дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу препоручались созванной въ слѣдующемъ году конференціи въ С.-Петербургѣ.

В. П.

Портретъ Державина въ Иркутскѣ.

Въ статьѣ М. Н. Галкина-Враского: «Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ» («Русская Старина» 1901 г. № 1, стр. 156) напечатано, что «Державинъ, получивъ отъ сибиряковъ въ даръ соболью шубу и шапку (по какому поводу,—неизвѣстно), прислалъ этотъ портретъ, украшающій теперь помѣщеніе генералъ-губернаторскаго дома».

Сообщеніе это не точно, и дѣло было такъ: соболья шуба, крытая зеленымъ бархатомъ, послана была Державину не сибиряками, а гремѣвшимъ въ свое время въ Иркутскѣ богачемъ, долгое время бывшимъ городскимъ головою, К. М. Сибиряковымъ—въ знакъ уваженія къ Державину, какъ къ поэту. Ему и прислалъ Державинъ, какъ отвѣтный подарокъ, свой портретъ, въ натуральную величину, на которомъ онъ изображенъ въ подаренной ему шубѣ.

Впослѣдствіи домъ Сибирякова былъ проданъ въ казну для помѣщенія въ немъ генералъ-губернаторовъ; вмѣстѣ съ домомъ поступилъ въ казну и портретъ Державина.

Къ сказанному не лишне прибавить, что Сибиряковъ, получивъ портретъ Державина, поручилъ какому-то мѣстному живописцу нарисовать на портретѣ генія, держащаго лавровый вѣнокъ надъ головой поэта, но потомъ, по распоряженію кого-то изъ генералъ-губернаторовъ, геній былъ уничтоженъ, и теперь портретъ находится въ первоначальномъ его видѣ.

В. П.

Николай Ивановичъ Тургеневъ.

въ письмахъ къ своимъ братьямъ.

(Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковскаго).

Николай Ивановичъ Тургеневъ родился въ Симбирскѣ, 11-го октября 1789 года и былъ сынъ куратора Московскаго университета Ивана Петровича Тургенева. Семья Тургеневыхъ была связана съ лучшими умственными силами стараго и новаго поколѣнія, и всѣ дѣти Ивана Петровича получили основательное и блестящее образованіе. Окончивъ курсъ въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, а затѣмъ въ университетѣ, Николай Ивановичъ Тургеневъ, въ 1810 году уѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ занимался юридическими и историческими науками, политической экономіей и финансами. Въ 1812 году, онъ возвратился на родину и поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Съ обширнымъ умомъ и европейскимъ образованіемъ Н. И. Тургеневъ соединялъ и высокія нравственныя качества. «Одаренный мягкой, отзывчивой душой и твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, онъ весь былъ проникнутъ чувствомъ великодушія и безграничной любви къ свободѣ и правдѣ» [1]).

Начало служебной карьеры Тургенева совпало съ пріѣздомъ въ Петербургъ барона Штейна, бывшаго заклятымъ врагомъ Наполеона, «другомъ человѣчества и либеральныхъ идей». Рекомендованный Штейну Уваровымъ, Тургеневъ былъ назначенъ русскимъ коммиссаромъ въ центральную правительственную коммиссію и провелъ за границей слишкомъ два года, сопровождая русскія войска въ походахъ 1814—1815 годовъ.

[1]) В. И. Саитовъ. Остафіевскій Архивъ, т. I, стр. 397 и 398.

Несмотря на просьбы Штейна остаться при немъ, Н. И. Тургеневъ возвратился въ 1816 году на родину, но личность Штейна запечатлѣлась на всю жизнь въ его душѣ. Со своей стороны Штейнъ такъ говорилъ о своемъ помощникѣ: имя Николая Тургенева равносильно съ именами честности и чести.

По возвращеніи въ Россію, Н. И. Тургеневъ поступилъ на службу въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ и оставался до конца своего пребыванія въ Россіи въ 1824 году.

Встрѣтивъ въ русской жизни много темныхъ сторонъ, требовавшихъ преобразованій, онъ прежде всего остановился на крестьянскомъ вопросѣ, и освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ стало главнѣйшею задачею и цѣлью его собственной жизни.

Въ 1818 году онъ издалъ «Опытъ теоріи налоговъ» и высказалъ въ немъ самымъ яснымъ образомъ свое осужденіе крѣпостнаго права. Въ слѣдующемъ 1819 году, Тургеневъ представилъ императору Александру записку о крестьянскомъ вопросѣ подъ заглавіемъ «Нѣчто о состояніи крестьянъ въ Россіи» [1]).

Когда послѣ Отечественной войны всеобщее возбужденіе умовъ выразилось въ явныхъ и тайныхъ обществахъ, Н. И. Тургеневъ, заинтересованный начинаніями перваго либеральнаго кружка, основаннаго тогда «Союза Благоденствія», присоединился къ нему, «тѣмъ болѣе, что въ понятіяхъ кружка видѣлъ существенный пробѣлъ—отсутствіе всякой мысли о необходимости освобожденія крестьянъ, которое самъ считалъ краеугольнымъ камнемъ всякаго дальнѣйшаго возможнаго развитія общественнаго и политическаго; и тѣмъ болѣе еще, что первоначальный «Союзъ», представляя собой не болѣе, какъ кружокъ близкихъ людей однихъ мнѣній, не заключалъ въ себѣ никакихъ особенностей преступнаго заговора» [2]).

Въ этомъ кружкѣ вся дѣятельность Н. И. Тургенева направлена была на проведеніе своихъ мыслей о крестьянскомъ вопросѣ, которыя онъ изложилъ и въ запискѣ, поданной императору Александру. Въ 1821 году «Союзъ Благоденствія» былъ закрытъ; Тургеневъ не принималъ никакого участія въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ тайнаго общества и въ 1824 году уѣхалъ по болѣзни въ отпускъ за границу. Событія 14-го декабря 1825 года и произведенное затѣмъ слѣдствіе включило и Николая Ивановича въ число участниковъ заговора. Отъ него потребовали возвращенія въ Россію; онъ не поѣхалъ и осужденъ былъ на смертную казнь.

---

[1]) См. Сборникъ историческихъ матеріаловъ Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ IV, стр. 441.

[2]) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 1900 г., стр. 579.

Помѣщаемыя ниже письма указываютъ на ту настойчивость, съ которою онъ опровергалъ изложеніе донесенія и доказывалъ свою невиновность въ событіяхъ 14-го декабря. Сначала онъ переѣхалъ въ Англію, а затѣмъ поселился во Франціи. Въ Россію Николай Ивановичъ пріѣхалъ только въ 1857 году, во второй разъ въ 1859 году и, наконецъ, въ 1864—послѣ освобожденія крестьянъ.

«Ненавистное рабство наконецъ прекратилось, — говоритъ Ив. Серг. Тургеневъ.—Императоръ Александръ II возвратилъ ему (Николаю Ивановичу) чины и дворянское достоинство, но если сердце старца было преисполнено чувствомъ благодарной любви къ монарху, то, конечно, не столько за эту милость, которая въ глазахъ Тургенева была не что иное, какъ актъ правосудія, сколько за совершеніе, силою царскаго самодержавія, всѣхъ завѣтныхъ его надеждъ и мечтаній.... Намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго съ бѣгущими по щекамъ слезами въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля».

Николай Ивановичъ Тургеневъ скончался 29-го октября 1871 года, въ своей виллѣ Vert-Bois, въ окрестностяхъ Парижа. Онъ любилъ Россію, зорко слѣдилъ за тѣмъ, что въ ней происходило, и память о немъ останется навсегда драгоцѣнной для всѣхъ, кто зналъ его; «но и Россія не забудетъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ».

I.

Письма Н. И. Тургенева къ Сергѣю Ивановичу Тургеневу.

1.

20-го іюля 1826 г. Лондонъ.

Невозможность быть на что-либо полезнымъ въ Россіи освобождаетъ меня отъ упрековъ совѣсти, которые я могъ бы имѣть, если бъ, будучи въ состояніи дѣйствовать для пользы мужиковъ, я избралъ произвольно теперешній родъ жизни. Думая же теперь о томъ, какъ я дѣйствовалъ въ Россіи, я нахожу утѣшеніе въ моихъ дѣйствіяхъ. Хлопотавъ налѣво и направо, и взадъ и впередъ, въ пользу освобожденія крестьянъ, мнѣ теперь кажется, что хлопоты мои были несовершенно безполезны. Я по крайней мѣрѣ обратилъ вниманіе нѣкоторыхъ на этотъ предметъ, и мнѣніе Государственнаго Совѣта объ улучшеніи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, котораго я былъ причиною, служитъ этому доказательствомъ, не говоря о многихъ частныхъ дѣлахъ, проходившихъ чрезъ мои руки, кои всѣ были рѣшены въ пользу свободы.

Думая теперь о затрудненіяхъ, съ каковыми сопряжены у насъ всѣ

попытки сего рода, я самъ удивляюсь, какъ и столько—какъ бы это мало ни было—могло мнѣ удасться. Что впередъ со мною случиться можетъ—кто это знаетъ? Но я знаю, что пребываніе мое въ Англіи, на свободѣ,—внѣ власти тѣхъ людей, которые меня называютъ преступникомъ, и я не могу не благодарить судьбу, которая какимъ-то непонятнымъ образомъ привела меня сюда въ самое то время, какъ фельдъегери искали меня въ Италіи и въ Парижѣ. Еслибъ я остался двѣ недѣли долѣе въ Парижѣ, то вмѣсто Bedfordsquare я сидѣлъ бы теперь въ Петропавловской крѣпости и вмѣсто «Edinburgh Review» читалъ бы допросные пункты. Это спасеніе было бы для меня наслажденіемъ, если бы мысль о тѣхъ, которые, болѣе меня заслуживая покровительство судьбы, не испытали сего же блага, меня не огорчала. Граббе, Фонъ-Визины, Якушкинъ, какъ мнѣ писали, сидятъ въ крѣпости. Ихъ участь меня болѣе огорчаетъ, ибо я ихъ болѣе уважаю, жалѣя при томъ и о другихъ. Одинъ упрекъ могу только себѣ сдѣлать: это нѣкоторая слабость, съ которою я написалъ мое оправданіе, слабость, или неискусство, можетъ быть.—Въ семъ объясненіи я сказалъ объ обществѣ то, что оно было дѣйствительно, т. е. вздоръ, ребячество, прибавивъ впрочемъ, что если бъ оно было что-нибудь значительное, то «у меня не недостало бы духа смѣло выдти впередъ и, оправдывая намѣреніе, обвинять себя предъ существующими законами». Александръ Ивановичъ[1]) послалъ его (объясненіе) къ государю, не надѣясь впрочемъ никакого успѣха. Лучше было бы удержать его. Я показывалъ въ объясненіи, что, будучи въ обществѣ, я имѣлъ только одну цѣль: освобожденіе крестьянъ, и что эту цѣль почиталъ и почитаю важнѣйшею для меня въ жизни. Пишутъ, что арестованные все показываютъ. Я этому вѣрю, видя, что они не забыли даже и моей фразы, замѣчая только, что не помню (не помнятъ?), при какомъ случаѣ произнесъ ее, и что ее никакъ нельзя почитать какъ шуткою. Изъ подробныхъ объясненій подсудимыхъ всякій безпристрастный человѣкъ долженъ убѣдиться въ незначительности бывшихъ обществъ. Что касается до заговора, то по письмамъ брата можно заключать, что дѣйствительно показанія подсудимыхъ позволяютъ думать о таковомъ заговорѣ; но, мнѣ кажется, что они слишкомъ много на себя показываютъ, и судьи, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, нашли бы тутъ не заговоры, а разговоры.

Противъ меня впрочемъ нѣтъ показаній въ семъ отношеніи. Скоро мы, можетъ быть, узнаемъ о рѣшеніи всего дѣла. Никакой приговоръ не только не опечалитъ, но даже не удивитъ меня. Лишеніе чиновъ и дворянства не большая потеря для живущаго въ Англіи. Къ тому же тогда я, въ нѣкоторомъ смыслѣ, буду ближе къ самому почтенному классу моихъ земляковъ, къ классу бѣдныхъ крестьянъ. Но такой приговоръ

[1]) Братъ Н. И. Тургенева.

для находящихся въ Россіи, конечно, есть несчастіе, и только за нихъ я сожалѣть буду, за нихъ и за васъ—ибо для васъ имѣть брата, осужденнаго въ той землѣ, къ которой вы принадлежите, будетъ, конечно, непріятно. Вотъ единственная причина для меня огорчаться. Но я думаю, что, будучи на вашемъ мѣстѣ, я нашелъ бы средства не огорчаться такою бѣдою! Въ жизни есть много другихъ гораздо важнѣйшихъ причинъ печалиться. И между сими причинами одна покрываетъ всѣ прочія: несчастное положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи!—Въ нѣкоторомъ смыслѣ, для меня исключительно, приговоръ такого рода будетъ даже утѣшеніемъ, ибо я найду въ немъ доказательство, что я жилъ въ Россіи не для обѣдовъ и другихъ глупостей и выгодъ скотскихъ. Съ душою свободною, съ совѣстію чистою и только съ сожалѣніемъ, что не дѣлалъ болѣе, я не промѣняю своей участи на этихъ рыцарей брюха и подлости, которые, тяготя землю, тяготятъ и бытіе подобныхъ себѣ по наружности, но высшихъ по качествамъ нравственнымъ. Если бъ со мною не случилось этой передряги, я попалъ бы, можетъ быть, на ту же дорогу эгоизма и преступнаго равнодушія, по которой идутъ у насъ къ ничтожной могилѣ даже и менѣе дурные люди. Теперь, благодаря тому, что со мною случилось, мнѣнія мои возвысились и, думаю, очистились отъ многаго, очень нехорошаго, и я не оставляю той мысли, которая представилась мнѣ въ самомъ началѣ, тогда, когда я еще горевалъ о себѣ:—что судьба дѣлаетъ съ своей стороны все для того, чтобы сдѣлать изъ меня порядочнаго человѣка. Всякій противный, то-есть такъ называемый выгодный поворотъ въ моихъ обстоятельствахъ можетъ противодѣйствовать судьбѣ, и потому, если могу дорожить нравственнымъ достоинствомъ, я не долженъ искать этихъ выгодъ, которыя впрочемъ могутъ только быть мнѣ общими съ самыми мелкими двуногими тварями, пресмыкающимися между передними и бостонными залами! При всемъ ихъ благополучіи я думаю, что никому изъ нихъ лента, мѣсто не могутъ принести такого удовольствія, какое я нахожу иногда при чтеніи одного артикля изъ «Edinburgh Review». Это наслажденіе чтенія было долго для меня чуждымъ. Въ Россіи я читалъ процессы и даже изъ книгъ, только такія, которыя могли имѣть отношеніе къ процессамъ. Теперь я читаю что хочу. Это пріятно, по крайней мѣрѣ по новости.

2.

25-го іюля 1826 г. Лондонъ.

Вчера и третьяго дня я читалъ въ различныхъ газетахъ рапортъ слѣдственной коммиссіи, учрежденной для изслѣдованія заговоровъ тайныхъ обществъ. Показанія и признанія отвратительны. Я никакъ не воображалъ, чтобы дѣйствительно былъ замыселъ на убійства какія-ли-

бо. Конечно, все кончилось похвальбами и гнусными фразами, но и это гадко донельзя. По самому рапорту видно, что эти замыслы существовали или прежде, нежели я пріѣхалъ въ Петербургъ, или послѣ моего отъѣзда въ Карлсбадъ. Никто въ семъ отношеніи на меня не показываетъ. Да и показывать невозможно. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые признались въ произнесеніи какихъ-либо мнѣній о заговорахъ на жизнь чью-либо, никогда ни полслова не говорилъ объ этомъ мнѣ. Только одинъ Рылѣевъ показываетъ, что между прочими и я согласился на его мнѣніе относительно депортаціи государя. Но по всему въ рапортѣ я вижу, что его мнѣніе было произнесено имъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. Я пишу сегодня въ Петербургъ къ брату Ал. Ив., чтобы онъ представилъ куда можно нѣкоторыя мои объясненія о семъ обстоятельствѣ. Не знаю, застанетъ ли его мое письмо въ Петербургѣ. А мнѣ очень трудно видѣть обвиненіе совершенно неосновательное, и противъ котораго совершенно можно оправдать меня, если только справятся о числахъ и спросятъ подтвержденія ихъ отъ того, который показываетъ, или отъ другихъ. Опредѣливъ обстоятельства подробно—я увѣренъ, что доказательство будетъ ясно въ мою пользу. Впрочемъ, рапортъ подтверждаетъ все, что я говорилъ о тайныхъ обществахъ, но мѣрѣ какъ я ихъ зналъ; то-есть, что все было вздоръ или, лучше сказать, что я ничего не зналъ серіознаго. Затѣи гнусностей и ужасовъ сдѣлались мнѣ извѣстными только теперь изъ рапорта.

PS. Написалъ письмо къ брату Ал. Ив. и посылаю сегодня же. Прошу его представить отъ моего имени куда слѣдуетъ просьбу о томъ, чтобы взяли справку: когда было разсуждаемо о предложеніи Рылѣева: депортировать государя, и спросили бы его и другихъ, которыхъ онъ цитуетъ вмѣстѣ со мною, былъ ли я тутъ? Я увѣренъ, что справка покажетъ, что это было или не въ моемъ присутствіи или даже тогда, когда я былъ уже за границею. Если письмо мое не найдетъ брата въ Петербургѣ, и если ты теперешнее мое письмо получишь при немъ въ Маріенбадѣ; то нельзя ли ему написать къ кому-либо въ Петербургъ о сей справкѣ? Далѣе я изъявляю желаніе, чтобы всѣхъ спросили, признавшихся въ преступныхъ замыслахъ: говорилъ ли кто-либо изъ нихъ, хотя шуткою или частно, мнѣ о такихъ замыслахъ? Одного изъ нихъ, Никиту Муравьева, я видалъ часто. Но и онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего похожаго. Другихъ я даже не знаю. Судя по безпристрастію, съ какимъ изложенъ рапортъ, я увѣренъ, что сіи мои желанія могутъ быть исполнены, и тогда я буду совершенно чистъ отъ всѣхъ обвиненій положительныхъ. За участіе же въ обществѣ, признававшемъ закономъ «Зеленую книгу», совѣстно будетъ обвинить и меня и другихъ.

3.

1-го августа 1826 г. Лондонъ [1]).

Мое послѣднее письмо къ Александру уже не застанетъ его въ Петербургѣ. Для меня весьма важно,—и это вполнѣ естественно, чтобы тотъ шагъ, о которомъ я его просилъ, былъ сдѣланъ по крайней мѣрѣ кѣмъ-нибудь другимъ, коль скоро онъ не можетъ сдѣлать его самъ.

Александръ пишетъ, что записка моя не понравилась между прочимъ потому, что я высказываю въ ней, что это дѣло велось не серьезно; но онъ не говоритъ, убѣдились ли въ томъ, что я не могъ смотрѣть на дѣло иначе, такъ какъ мнѣ не было извѣстно все то, что я узналъ впослѣдствіи изъ газетъ. А это интересуетъ меня болѣе всего, и изъ того, что моей запиской недовольны, я заключаю, что въ этомъ не убѣждены. Я и просилъ именно Александра сдѣлать тотъ шагъ, о коемъ я писалъ ему въ послѣднемъ письмѣ, которое онъ не могъ получить до своего отъѣзда, съ цѣлью убѣдить въ этомъ и доказать правдивость моей записки въ томъ, что касается меня лично. Александръ пишетъ объ одной газетной статьѣ, но не упоминаетъ названія газеты. Если она издается здѣсь, то я могу навести справки. Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы знать, какая это газета и когда именно появилась статья. Я не читалъ ничего особеннаго объ этомъ дѣлѣ и вообще я читаю только «Times» да изрѣдка «l' Etoile» и «le Constitutionel», но не регулярно. Впрочемъ, я надѣюсь узнать кое-какія подробности, касающіяся меня лично, изъ письма, которое Александръ обѣщалъ мнѣ написать въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ. Надѣюсь также, что Александръ, прочитавъ мои письма къ тебѣ (въ особенности письмо № 3) убѣдится наконецъ въ томъ, что мнѣ нѣтъ надобности ни въ особыхъ утѣшеніяхъ ни въ особыхъ стараніяхъ, чтобы (успокоиться?) [2]) при данныхъ обстоятельствахъ. Я очень спокоенъ и вовсе не считаю себя несчастнымъ. Думая о путешествіи, я дѣлаю это только предположительно. Настоящее вовсе не тяготитъ меня. Il dolce far niente также имѣетъ свою прелесть, и я могу предаться ему со спокойной совѣстью, такъ какъ я не по своей винѣ очутился въ состояніи бездѣятельности и лѣни, въ которомъ я пребываю.

II.

Письма Н. И. Тургенева къ Александру Ивановичу Тургеневу.

1.

(24-го апрѣля) 6-го мая 1826 г. Эдинбургъ. № 1.

Никакъ не ожидалъ того, что теперь вижу. Положеніе мое сдѣлалось трудно; но я переносилъ бы его съ терпѣніемъ, если бы не видалъ,

[1]) Переводъ съ французскаго.
[2]) Слово пропущено въ подлинникѣ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

25124

что вы, мои братья, болѣе страдаете за меня, нежели я самъ за себя. Изъясненіе вашихъ чувствъ объемлетъ меня и радостію и горестію. Еслибъ я совершенно одинъ былъ на свѣтѣ, то можетъ быть всѣ эти бѣдствія не казались бы мнѣ таковыми. Даю вамъ искреннее увѣреніе, что и теперь главная моя бѣда въ томъ, что я васъ поставилъ въ такое положеніе. Право, мое собственное меня менѣе тревожитъ. Вы требуете моего оправданія. Я не могъ не исполнить вашего требованія. Я написалъ его. Оно можетъ показаться темнымъ, неполнымъ; но, право, всѣ обстоятельства, о которыхъ я говорю, и для меня точно также темны. Можетъ быть, найдутъ, что оно несогласно съ показаніями другихъ. Но я не могъ ничего представить болѣе. Сказалъ все, что помню, и сказалъ такъ, какъ всегда разумѣлъ эти вещи. Другіе, можетъ быть, разумѣли ихъ иначе. Одно для меня ясно, и въ этомъ я нахожу главное оправданіе: я всегда почиталъ общество болѣе шуточнымъ, нежели серіознымъ занятіемъ. Это мнѣніе раздѣляли и другіе. Инаго не сказалъ бы я и на одрѣ смертномъ, и тѣ, которые судятъ меня, если они хотятъ находить охотнѣе невинныхъ, нежели виновныхъ, съ чистою совѣстію могутъ оправдать меня по сему моему увѣренію. Какъ я могъ предполагать, что во всѣхъ фразахъ, которыя я когда-либо говорилъ, я могу быть принужденъ дать отчетъ? Думая о себѣ, я думаю иногда, какія фразы я слыхалъ отъ множества другихъ лицъ, кои конечно не принадлежали къ обществу?

2.

(27-го) 9-го апрѣля [1]) 1826 г. Эдинбургъ. № 2.

Сегодня явился ко мнѣ секретарь посольства князь Горчаковъ изъ Лондона и сообщилъ приказаніе явиться немедленно въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что здоровье мое не позволяетъ предпринять пути столь дальняго, и что четвертаго дня, (24) 6 [2]), послалъ по почтѣ, на имя С. Петербургскаго почтдиректора, объясненіе въ обвиненіяхъ противъ меня, о которыхъ я узналъ обстоятельно только за нѣсколько дней. Я далъ сей отзывъ немедленно и на бумагѣ. Князь Горчаковъ ушелъ. Оставшись одинъ, я увидѣлъ въ полной мѣрѣ и во всей сущности мое положеніе! Читая отношеніе графа Нессельроде, я вижу, что меня обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, въ другомъ отношеніи предписываютъ объявить (signaler) меня передъ англинскимъ правительствомъ измѣнникомъ, преступникомъ. Таковымъ называютъ меня и въ отношеніи, мнѣ переданномъ, и что я, если не явлюсь немедленно, буду судимъ, какъ тако-

[1]) Такъ проставлены цифры въ оригиналѣ.
[2]) Такъ въ оригиналѣ.

вой преступникъ. Несмотря на то, что мнѣ должно бы быть приготовлену ко всему послѣ того, какъ сдѣлались мнѣ извѣстными обвиненія, я никакъ не ожидалъ того, что̀ испыталъ сегодня. Я обвиняюсь въ измѣнѣ! Я государственный преступникъ! Я читаю, перечитываю слова сіи—и не вѣрю глазамъ моимъ! Но долженъ вѣрить! долженъ говорить самъ себѣ: да, да, тебя обвиняютъ въ измѣнѣ. И будучи такимъ образомъ въ необходимости вѣрить словамъ, вѣрить дѣйствительности обвиненія, я спрашиваю самъ себя: что хуже, что ужаснѣе могло бы случиться со мною, еслибъ я былъ теперь въ Петербургѣ? Страданія физическія, заточеніе мало бы прибавили къ страданіямъ нравственнымъ. И такъ въ томъ, что было сообщено мнѣ сегодня, я долженъ видѣть—и вижу—мой приговоръ окончательный. И послѣ этого приговора я не могу въ себѣ найти силъ ни оправдываться, ни объяснять, однимъ словомъ, ничего дѣлать. Теперь все для меня кончено!

Писавъ объясненіе, я имѣлъ много надежды—теперь дѣло рѣшено. Меня объявляютъ измѣнникомъ, преступникомъ! Писавъ объясненіе, мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что обвиненія противъ меня такъ ужасны. Иначе я никогда бы не имѣлъ духа такъ оправдываться. Какъ оправдываться въ такомъ преступленіи, которое никакъ и мыслію не можетъ войти въ мою душу? Но меня обвиняютъ — и это обвиненіе для меня то же, что приговоръ окончательный! Какъ бы я могъ показать глаза въ Россію подъ бременемъ такого обвиненія? Я государственный преступникъ! Я измѣнникъ! Нѣтъ! нѣтъ—это невозможно!

Что еще могу сказать вамъ! вамъ, моимъ братьямъ, которыхъ дѣлаю несчастіе! Я имѣю предъ вами обязанности, которыя исполнить готовъ. Между сими обязанностями одна состоитъ въ томъ, что я долженъ увѣдомлять васъ о себѣ. Позволено ли мнѣ сіе будетъ—не знаю. Я буду писать къ вамъ, но будете ли вы получать мои письма? Бѣдствія мои распространяются ли на васъ въ семъ отношеніи?

Повторяю вамъ твердое обѣщаніе: я исполню все, чего вы отъ меня требовать можете. Хотѣлъ бы просить васъ объ одномъ, еслибы, къ несчастію, не зналъ заранѣе, что исполненіе моей просьбы для васъ невозможно, просить, молить, чтобы вы менѣе обо мнѣ безпокоились. Хотите ли вы, чтобы я переносилъ бѣдствіе мое съ твердостію,—я даю вамъ это обѣщаніе и грущу болѣе о васъ, нежели о самомъ себѣ. Что касается до того, гдѣ я буду жить—послѣ сдѣланнаго мнѣ сегодня объявленія, которое, повторяю, я почитаю не иначе, какъ приговоромъ окончательнымъ—гдѣ бы я ни жилъ, все равно. Кн. Горчаковъ, взявъ мою росписку, спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать? Я отвѣчалъ, что не знаю: не знаю даже, позволятъ ли мнѣ остаться въ Англіи. Онъ сказалъ, что позволятъ, но что положеніе мое будетъ весьма непріятно. Но

что всѣ непріятности въ мірѣ, послѣ того, что уже я испыталъ? И такъ я буду оставаться здѣсь.

Я получилъ письмо изъ Москвы, писанное на ваше и мое имя, гдѣ пишутъ, что сверхъ извѣстныхъ по газетамъ арестантовъ Граббе, Фонъ-Визины [1]);—это извѣстіе сколько огорчило меня за нихъ, но какъ будто обрадовало меня за меня самого. Подлежа отвѣтственности съ такими людьми, думалъ я, чего могу я опасаться? Честность, благородство ихъ не есть ли ручательство и за меня? Но сегодня всѣ надежды для меня исчезли! Я не сожалѣю, что послалъ мое объясненіе; я не могъ болѣе ничего сказать теперь. Я говорилъ откровенно все, что могъ вспомнить. Теперь менѣе, нежели когда-нибудь, помню прошедшее. Ужасное обвиненіе, сегодня мнѣ сообщенное, наполнило мою душу какимъ-то хаосомъ сомнѣній, недоумѣній! Но помните мое обѣщаніе. Если я былъ такъ несчастливъ, что былъ причиною несчастія вашего, то по крайней мѣрѣ я буду, въ теперешнемъ моемъ положеніи, сносить и горе, и все такъ, чтобы хоть нѣсколько позволить вамъ исполнить главную, единственную мою просьбу: менѣе обо мнѣ безпокоиться. Прощайте.

3.

14-го мая (1826 г.). Эдинбургъ, № 3.

№ 1-й послалъ я, вмѣстѣ съ моимъ объясненіемъ на обвиненія, противъ меня дѣлаемыя. Это объясненіе я послалъ въ открытой оберткѣ, адресовавъ пакетъ на имя петербургскаго почтдиректора. № 2 послалъ, просто, по почтѣ на ваше имя и въ немъ извѣщалъ, что кн. Горчаковъ былъ присланъ ко мнѣ изъ Лондона съ приказаніемъ немедленно явиться въ Петербургъ. Я письменно отвѣчалъ, что за здоровьемъ ѣхать не могу и что послалъ уже объясненіе. Я писалъ тутъ къ вамъ, что обвиненіе, въ семъ приказаніи противъ меня излагаемое, я принялъ за окончательный приговоръ, и что съ сего времени все, относительно обвиненій и всѣхъ этихъ обстоятельствъ, для меня рѣшено. Такъ оно есть и въ самомъ дѣлѣ. Какъ бы участь моя теперь рѣшена въ Россіи ни была, я повторяю, что для меня, въ семъ отношеніи, все кончено. Никакой приговоръ не можетъ сдѣлать болѣе, нежели сдѣлало объявленное мнѣ оффиціально обвиненіе и слова, что я государственный преступникъ. Послѣ всего я долженъ сказать, что не моя вина, если почитаютъ меня преступникомъ, между тѣмъ какъ я почитать себя таковымъ никакъ не могу. Но, какъ бы то ни было, я повторяю, что для меня все кончилось,

---

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

и я долженъ разстаться съ Россіею. Объявленный однажды преступникомъ, что я могу дѣлать въ Россіи во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ? Ничего и никогда. Какъ ни велико это несчастіе, но оно,—я теперь это вижу и чувствую,—оно не выше силъ моихъ. Что всего болѣе меня безпокоитъ, это вы. Зная вашъ характеръ, я къ несчастію долженъ вѣрить, что вы гораздо болѣе страдаете, нежели я. Между тѣмъ, я также увѣренъ, что если бы вы теперь могли читать въ душѣ моей, если бы могли видѣть, что во мнѣ происходитъ, увѣренъ, что вы были бы гораздо спокойнѣе на счетъ мой. Увѣряю васъ истинно, что вы не имѣете достаточныхъ причинъ много горевать обо мнѣ. Я часто бывалъ весьма въ мрачномъ расположеніи духа. Я солгалъ бы, если бъ сказалъ, что я теперь въ веселомъ расположеніи духа. Но солгалъ бы также, если бъ сказалъ, что я въ отчаяніи, или близокъ къ отчаянію. Я не могу дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается. Вижу только бѣду, но не вижу причины бѣды. Эта бѣда пришла на меня безъ моего содѣйствія. Я не постигаю, какъ я могу ее заслуживать. И такъ, чувствуя совѣсть совершенно чистою, я весьма легко могу найтись въ теперешнемъ моемъ положеніи. Время, надѣюсь, все приведетъ въ равновѣсіе и порядокъ. Одного, чего опасаюсь, оно не сдѣлаетъ, это время не вселитъ въ меня увѣренности, что вы менѣе обо мнѣ грустите. Но обдумайте все порядочно, хладнокровно; разсмотрите мое положеніе въ томъ видѣ, какъ оно есть, а не въ томъ, какъ оно вамъ представляться можетъ; и тогда—думаю,—убѣдитесь, что мои просьбы къ вамъ: менѣе о мнѣ безпокоиться покажутся вамъ основательными. Не увеличивайте въ вашемъ воображеніи невыгодъ моего положенія.

4.

20-го мая (1826 г.). Эдинбургъ № 4.

Вотъ гдѣ главное мое горе—это вы. Чувствуя совѣсть мою совершенно чистою, я могъ бы сносить мое теперешнее положеніе легко, если бъ не зналъ, что своею бѣдою навлекъ бѣду на васъ,—поставилъ васъ въ трудное положеніе, коего малѣйшія невыгоды состоятъ въ томъ, что вы должны были оставить ваше путешествіе. Боюсь также, чтобы передряга эта не имѣла особенно вреднаго вліянія на доровье Сергѣя. Разъѣзды его, въ заботѣ и безпокойствѣ, страшатъ меня.

О себѣ особенно повторяю вамъ, что я почитаю участь мою совершенно рѣшенною. Обвинять меня въ томъ и такъ, какъ меня обвиняютъ, или осудить меня окончательно вслѣдствіе такихъ обвиненій—значитъ одно и то же. Я дѣлалъ объясненія, пока надѣялся, что меня не почитаютъ преступникомъ. Могутъ еще спросить меня. Но зачѣмъ всѣ эти

тайныя общества, если ты видѣлъ, что это вздоръ? Что могу я отвѣчать на это? Иные, для развлеченія, играютъ въ карты, иные пляшутъ, иные играютъ въ жмурки, иные собираются проводить время въ разговорахъ. Я принадлежалъ къ числу сихъ послѣднихъ. Что теперь изъ этихъ разговоровъ дѣлаютъ преступленіе—могъ ли я это предвидѣть? Я болталъ такъ, какъ и всѣ люди иногда болтаютъ. Но если бы намѣренія мои были таковы, каковыми ихъ теперь почитаютъ, могъ ли бы я проводить время и убивать здоровье за процессами, за проектами законовъ и пр. и пр.

Какъ это можно согласовать? И такъ если вы терпите за меня, то по крайней мѣрѣ я могу почитать себя въ полной мѣрѣ невинною причиною вашей бѣды. Я возненавидѣлъ бы самъ себя, если бы имѣлъ сознаніе дѣйствительной моей виновности, ибо тогда ваше насчастіе было бы послѣдствіемъ моей воли. Теперь, право, ни въ чемъ я упрекать себя не могу, кромѣ недостатка въ строгой предосторожности. Но я на всѣ стороны былъ всегда неосторожень въ разговорахъ, думая всегда, что чистота намѣреній и ясность дѣлъ будутъ для меня достаточною оградою. Я ошибся. Терплю за ошибку и имѣлъ бы много причинъ утѣшенія, если бы не вовлекъ васъ въ горе. Еще прошу васъ менѣе обо мнѣ безпокоиться. Право, нѣтъ причинъ для большаго горя.

5.

7-го іюля (1826 г.). Лондонъ, № 5.

Вы убѣждаете меня быть спокойнѣе. Если я о чемъ-либо грущу истинно, то это о васъ. Вижу, что вы гораздо болѣе терпите за меня, нежели я самъ. Вы могли имѣть поводъ сильно обо мнѣ безпокоиться по первымъ моимъ письмамъ. Съ тѣхъ поръ положеніе моего духа очень измѣнилось. Въ первые дни послѣ полученія вашихъ писемъ въ Эдинбургѣ и отправленія моихъ объясненій, мнѣ было точно весьма грустно. Но теперь, если бъ не вы, то я истинно не грустилъ бы ни о чемъ, лично до насъ касающемся. Да и о чемъ грустить? Гдѣ достаточныя причины почитать себя несчастливымъ? Я лишенъ возможности быть въ Россіи—вотъ все. Но это, лишая меня нѣкоторыхъ пріятностей, доставляетъ съ другой стороны и выгоды: я многаго, будучи здѣсь, не вижу, на что никогда не могъ смотрѣть хладнокровно. Что касается до обвиненій, на меня взводимыхъ,—это не должно и не можетъ сильно меня тревожить. Другіе могутъ думать о мнѣ, что хотятъ, почитать меня злодѣемъ или преступникомъ; это мнѣніе не перемѣнитъ ни мало того, что говоритъ мнѣ совѣсть. Дабы судить о вліяніи на меня мнѣнія другихъ, надобно знать, что я самъ о сихъ другихъ думаю. Рѣшенія и

приговоры не должны дѣйствовать на меня сильнѣе, нежели мнѣнія. Никакія сентенціи въ мірѣ не могутъ убѣдить меня ни на минуту, что я истинно въ чемъ-либо виновенъ. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и толкахъ о заговорахъ и обществахъ я истинно не могу надивиться, какъ могутъ люди, узнавшіе по самымъ подробнымъ показаніямъ всю сущность этихъ тайныхъ обществъ, могутъ еще имѣть какое-либо сомнѣніе, что они были совершенно ничтожны, умирали вскорѣ послѣ своего рожденія и что даже память о нихъ совершенно бы исчезла, если бы не дали имъ этими изслѣдованіями какой-то незаслуженной ни въ какомъ отношеніи важности. Между задержанными есть такіе люди, о коихъ можно сказать, что имена ихъ и слово преступленіе hurlent de se trouver ensemble. Что касается до заговора, то о семъ я ничего сказать не могу, ибо ничего не знаю, но и здѣсь не повѣрю, дондеже не вложу перстъ. Въ Германіи правительства, не знаю почему, почитали нужнымъ придавать какую-то важность открытымъ тайнымъ обществамъ. Я думаю, что и тамъ они были ничтожны, и правительства хлопотали безъ нужды. Но у насъ! Что можетъ побудить правительство видѣть въ обществахъ то, чего въ нихъ не было?—я постичь не могу. Что я говорилъ о нихъ въ моихъ изъясненіяхъ—справедливо. Общества, въ настоящемъ или, лучше сказать, въ какомъ-нибудь смыслѣ, точно не было. Не постигаю далѣе, какъ могутъ приписывать возмущеніе этимъ же обществамъ. Я былъ членомъ этого общества, но зналъ и думалъ о возмущеніяхъ такъ же мало, какъ китайскій императоръ. Могу ли я быть оправданъ передъ закономъ? Этотъ вопросъ рѣшить не трудно. Пусть найдутъ законъ, который дѣлаетъ преступленіемъ разговоры частные. Пока сего закона не существуетъ, пока всѣ законы вообще будутъ запрещать дѣйствія, поступки, а не разговоры—дотолѣ оправданіе мое несомнѣнно. Я объявилъ, чего я искалъ въ обществахъ. Дѣло освобожденія крестьянъ было для меня всегда священнѣйшимъ. Оно было единственною цѣлію моей жизни. И даже до такой степени, что, не будучи конечно врагомъ конституцій, я никогда не думалъ, что сіи послѣднія могутъ быть нашею потребностію, прежде важнаго, святаго и неизбѣжнаго рано или поздно освобожденія крестьянъ. Я помню, что нѣкоторые весьма добрые и почтенные люди, почитая меня большимъ либераломъ, удивлялись, что либеральность моя ограничивалась желаніемъ свободы гражданской. Съ другими, также весьма почтенными и сѣдинами украшенными особами, я часто спорилъ, доказывалъ, что гражданская свобода, коею пользуются въ Россіи всѣ, кромѣ крѣпостныхъ людей, несравненно нужнѣе и вѣрнѣе политической. Новѣйшія происшествія въ Англіи подтверждаютъ мое мнѣніе. Теперешнее правительство сильно желаетъ уничтоженія рабства въ Вестъ-Индіи, но, не имѣя власти самодержавной, не можетъ исполнить сего святаго дѣла, не-

смотря, что въ Англіи общее мнѣніе сильно поддерживаетъ въ семъ отношеніи министровъ,—не можетъ потому, что владѣльцы вестъ-индскіе имѣютъ свои права. Дайте эти права Якову Степановичу Есипову—и что въ мірѣ можетъ заставить его отказаться отъ цѣпей и стуловъ?

Обращаясь мыслями ко времени, которое я провелъ въ Петербургѣ, я теперь—и теперь впервые—замѣчаю, что не даромъ тогда тяготилъ землю. Многое мнѣ удавалось даже. Я точно жилъ для идеи. Собственныя выгоды точно ни на минуту не входили въ мою голову. Я не пропускалъ случаевъ, которые представлялись мнѣ дѣйствовать къ предположенной цѣли. Такъ я попалъ и въ общество. Вступленіе въ общество было съ моей стороны нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Но что въ свѣтѣ добывается безъ пожертвованій? Матеріально я ничего не сдѣлалъ въ обществѣ для достиженія моей цѣли, но думаю, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ поселилъ здравыя мысли о нашемъ крѣпостномъ состояніи. Но, не видя успѣховъ матеріальныхъ, то-есть не видя отпускныхъ, коихъ я требовалъ, я наконецъ совершенно бросилъ эту безплодную землю и въ послѣднее время нимало не заботился и даже не думалъ объ обществѣ. Не опасался также ни мало никакихъ послѣдствій отъ того, что былъ въ обществѣ, ибо былъ увѣренъ, что покойный государь давно зналъ уже о существованіи обществъ. Объ этомъ упомянулъ я въ объясненіяхъ, но слегка. Я имѣлъ причины несомнительныя такъ думать и продолжаю думать и теперь также.

Вчера я получилъ письмо ваше ко мнѣ, 17-го мая, отъ Сергѣя. Съ горестію вижу, что вы точно въ несчастномъ положеніи отъ меня. Вотъ одно, что для меня тяжело. Надѣюсь, что послѣднія мои письма васъ успокоютъ. Если же нѣтъ—то скажу откровенно, къ горести присоединится чувство нѣкотораго негодованія.

Далѣе я думаю и для васъ и для меня наиболѣе приличнымъ и необходимымъ ни мало не хлопотать обо мнѣ. Признаюсь: опасаюсь, что вы слишкомъ далеко пошли или пойдете въ защищеніи меня. «Голосъ братскій безсиленъ», пишете вы, но я прошу и убѣждаю васъ не вступаться ни во что оффиціальное, до меня касающееся. Я такъ спокоенъ совѣстію, что всякое оправданіе представляется мнѣ совершенно излишнимъ, и я часто сожалѣлъ, что написалъ къ вамъ мое изъясненіе. Но тогда я не зналъ еще, что я «преступникъ государственныхъ законовъ!» слова ваши: «Думаю о тебѣ ежеминутно». «Буду жить здѣсь только для тебя» и т. п. Вотъ мое несчастіе истинное, почти нестерпимое. Неужели вы не можете имѣть надъ собою столько власти, чтобы стать немного повыше этихъ мелкихъ обстоятельствъ? Увѣряю васъ честію, что вы можете только однимъ образомъ явить мнѣ и любовь и дружбу вашу, именно смотрѣть на все это такъ, какъ смотрю я. Поставьте себя на

мое мѣсто и скажите: могу ли я быть свободенъ отъ тяжелой грусти, видя, что вы въ ужасномъ безпокойствѣ и смущеніи?

6.

18-го августа 1826 г. Лондонъ, № 7.

Я получилъ два письма ваши. Видя изъ нихъ, что я осужденъ какъ учредитель, возстановитель и распространитель и за вымыслъ республики, мнѣ не трудно отгадать, что я приговоренъ былъ къ смерти, а послѣ къ каторгѣ. Несправедливость или ослѣпленіе можетъ иногда простираться такъ далеко, что не только оправданіе, но даже и замѣчанія дѣлаются совершенно излишними. Главный результатъ моихъ мнѣній и чувствъ о семъ приговорѣ есть, что онъ утѣшаетъ меня своею несправедливостію я могъ бы даже... [1]), если бъ все это дѣло касалось до меня исключительно. Но я вижу, что оно тягчитъ васъ—и вотъ истинное мое горе. Послѣ сего я также не иначе, какъ съ грустію, могу думать о тѣхъ, коихъ почитаю столь же невинными, какъ и самого себя, съ которыми, какъ напр. съ Гл(инкою) и Бриг(еномъ) раздѣлялъ и мнѣнія и чувства, и кои не были спасены судьбою такъ, какъ я.—Если бы не вы, если бъ не они, я, право, ни мало не думалъ бы объ этомъ такъ называемомъ несчастіи, ибо совѣсть чистая дѣлаетъ для меня жизнь легкою и пріятною, и здѣсь болѣе, нежели гдѣ-либо. Желалъ бы убѣдить васъ въ спокойствіи души моей. Но вижу по вашимъ и по Сергѣевымъ письмамъ, что это трудно, и что вы увеличиваете въ вашемъ воображеніи затруднительность или непріятность моего положенія. Быть принуждену жить въ Англіи,—вотъ чѣмъ оканчивается сущность всей бѣды для самого меня! Разсудите хладнокровно: есть ли тутъ достаточная причина почитать себя несчастливымъ? Нѣтъ, конечно! И если бъ все ограничивалось этою м о е ю бѣдою, то я истинно не думалъ бы о ней. Итакъ причина моего горя внѣ меня. Вы можете уменьшить это горе, ибо вы главнѣйшею причиною его. За пріятелей, теперь въ несчастіи находящихся, надѣюсь, что оно для нихъ современемъ кончится. Несчастное происшествіе бунтовъ, казней—ужасно; но происшествія свѣта не въ нашей власти! О прошедшемъ только сожалѣть можно. Въ прошедшемъ нѣтъ утѣшенія. Итакъ еще разъ говорю вамъ съ твердою правдою: что касательно самого себя, несчастіе это не есть несчастіе: будьте и вы спокойны, если вѣрите мнѣ... [2])

Прошу также не присылать мнѣ и журналовъ, проектовъ, которые

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.
[2]) Точки въ подлинникѣ.

вы взяли изъ Петербурга. Они мнѣ ни къ чему не нужны. Проектами и законами занимался я въ Россіи, надѣясь, что труды могутъ быть полезны, а не только изъ удовольствія. О какихъ замѣчаніяхъ на мою книгу вы пишете?—Гдѣ было напечатано оправданіе, которое приписывали мнѣ? Я вообще ни мало не расположенъ ни писать, ни печатать ничего въ свое оправданіе. Къ тому же это здѣсь никого и не занимаетъ.

Буду ожидать вашего мнѣнія: какъ мнѣ отвѣчать должно. Но напередъ говорю, что теперь и даже впредь я не вижу ни малѣйшей нужды въ отвѣтѣ. Да если бъ этого и нужно было, то я не могъ бы говорить иначе, какъ я говорилъ въ первомъ своемъ объясненіи. Теперь жалѣю, что послалъ его. Я не вижу въ бывшихъ обществахъ той важности, которую видятъ другіе. Если были преступные замыслы, то они принадлежали лицамъ, индивидуумамъ, а не обществу. Ни отъ одного изъ признавшихся въ сихъ замыслахъ я никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Наконецъ, я почитаю совершенно излишнимъ отвѣчать и потому, что не вижу, къ чему это можетъ вести.

Если бъ вы могли видѣть внутренность души моей, то согласились бы со мной въ томъ, что я теперь нахожусь весьма въ хорошемъ положеніи и не имѣю нужды ничего писать и ничего предпринимать.

7.

21-го августа 1826 г. Лондонъ, № 8.

Я теперь вамъ повторяю и, если можно, съ бо́льшею истиною, что главное мое горе вы. Но, думая о вашемъ положеніи, мнѣ кажется, что вамъ можно и даже должно, размышляя о всемъ хладнокровно, совершенно наконецъ успокоиться. За что я осужденъ? За участіе въ обществахъ, за республиканскіе замыслы.—Подъ тягостію такихъ обвиненій, мнѣ ничто не мѣшаетъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза. Какъ судьи ни были несправедливы въ отношеніи ко мнѣ, они отвратили однакоже отъ меня главное, положительное обвиненіе,—обвиненіе въ замыслахъ убійства; и я не могу не благодарить ихъ за это; ибо такое обвиненіе и даже подозрѣніе въ такомъ преступленіи было бы для меня истинно тягостно. Противъ намѣреній безнравственныхъ нѣтъ оправданія. Совѣсть никогда не можетъ замолкнуть въ такихъ случаяхъ. Спасибо судьямъ за это! потому наиболѣе, что они съ равною вѣроятностію, съ равною справедливостію могли бы прибавить и это обвиненіе къ другимъ. Я сдѣлалъ бы только новое открытіе относительно неизвѣстныхъ доселѣ мнѣ моихъ злодѣяній! Впрочемъ, вы справедливо замѣчаете, что ощутительная несправедливость приговора относительно меня можетъ только, впослѣдствіи,

послужить въ мою пользу, хотя я и не вижу ни возможности, ни вѣроятности пользы предпринять новое оправданіе или изъясненіе, о которомъ вы пишете. Въ первомъ моемъ оправданіи я писалъ, что не почиталъ общества серіознымъ, что желалъ уничтоженія рабства. Это не понравилось и раздражило. Но я писалъ истину и теперь не могу говорить иначе. Все, что могу сказать: что я ошибался въ мнѣніи о неважности общества. Но даже и это сказать для меня трудно, ибо я не увѣренъ, что бунтъ произошелъ отъ общества.—Общество не требовало ни чьей крови. Тѣ, которые желали кровопролитія, желали этого не потому, что принадлежали къ обществу. Кромѣ того есть еще затрудненіе въ представленіи новыхъ изъясненій: это обстоятельство моей неявки. Противъ сего положительнаго обвиненія всѣ оправданія недостаточны. Болѣзнь недостаточна. Я могъ бы сослаться на естественное право, равно и на законы другихъ земель, которые не почитаютъ неявки преступленіемъ. Но все это будетъ недѣйствительно, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, неявка моя усилила строгость приговора.—Вообще же я откровенно скажу вамъ, что только желаніе съ вашей стороны можетъ заставить меня современемъ изложить изъясненія, о какихъ вы пишете. Что до меня индивидуально касается, я не чувствую къ сему никакого расположенія. Я разстался съ Россіею и, судя по предубѣжденію противъ меня, не могу туда возвратиться ни въ какомъ случаѣ. Гдѣ нравственная обязанность возвратиться туда, гдѣ меня почитаютъ злодѣемъ?—Доселѣ я не зналъ истиннаго значенія ежедневно à tort et à travers повторяемыхъ словъ—чистая совѣсть. Но теперь, по опыту, вижу, что съ чистою совѣстію вездѣ жизнь легка.—Не думайте, чтобы я негодовалъ на тѣхъ, которые приговорили меня къ смерти. По ихъ понятіямъ, они могли быть увѣрены, что я заслужилъ эту казнь. Но мнѣ позволено быть другаго мнѣнія, какъ скоро другой судья, совѣсть, не подтверждаетъ ихъ приговора.—Во всемъ этомъ дѣлѣ я только одному надивиться не могу: какъ бездѣлицы иногда могутъ имѣть важныя послѣдствія.—Также удивляюсь иногда и тому—хотя бы удивляться тому и не слѣдовало:—какъ люди съ лучшими намѣреніями могутъ вредить и себѣ и другимъ. Слава Богу, что изъ осужденныхъ я никому не повредилъ, кромѣ себя самого.—И я былъ бы совершенно спокоенъ, еслибъ моя бѣда не касалась до васъ; ибо въ моей бѣдѣ, индивидуально для меня, я большаго несчастія не вижу.

Холодность ли моего характера, или размышленіе, или совѣсть,—не знаю что—но признаюсь, что я самъ не ожидалъ, чтобы всѣ эти бури (въ чемъ до меня касается) проходили мимо меня такъ легко; но это правда. Еслибъ я не боялся грѣшить въ эгоизмѣ, то думалъ бы еще съ бо̀льшимъ утѣшеніемъ о моемъ спасеніи. Изъ полутораста человѣкъ виновныхъ и невиновныхъ я одинъ уцѣлѣлъ! И уцѣлѣлъ съ твердымъ духомъ, съ мыслями не мрачными.—Мысль о вашей дружбѣ и любви

была бы для меня небеснымъ наслажденіемъ, еслибъ вмѣстѣ съ симъ я не видѣлъ вашего горя! Умоляю васъ быть покойными! Смотрите на все какъ я смотрю.—Но, нѣтъ, я вижу, что бѣда моя сдѣлалась вашею. Вотъ мое горе! На Сергѣя я сначала особенно надѣялся. Но вижу, что и его эта бѣда поколебала.—Впрочемъ, я думаю, что я и самъ дѣлалъ бы то же, еслибъ былъ на вашемъ мѣстѣ, и все, что могу еще сказать, есть то, чтобы вы вѣрили истинѣ словъ моихъ, когда я увѣряю васъ въ моемъ,— можетъ быть слишкомъ большомъ—спокойствіи. Прощайте.

8.

31-го августа 1826 г. Чельтенгамъ, № 9.

Я не писалъ втораго оправданія, а только въ письмѣ, котораго вы не получили въ Петербургѣ, узнавъ изъ газетъ о разныхъ показаніяхъ, я просилъ васъ подать отъ меня просьбу: дабы спросили признавшихся въ убійственныхъ замыслахъ, говорили ли они мнѣ что-либо объ этихъ ужасахъ. Также, дабы взяли справку: когда было совѣщаніе у Рылѣева, на которомъ онъ говорилъ, будто былъ и я. Теперь сіе послѣднее обстоятельство болѣе объясняется. Въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи сказано, что Бестужевъ принятъ и причисленъ къ первому классу въ обществѣ, въ апрѣлѣ 1825 г. На этомъ совѣщаніи былъ и этотъ Бестужевъ; а я уѣхалъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1824-го года.

Теперь о моемъ новомъ оправданіи. Я писалъ къ вамъ, что не намѣренъ писать его, но теперь, прочитавъ еще разъ всѣ ваши письма и полный рапортъ слѣдственной коммиссіи, я думаю, что мнѣ должно написать это новое оправданіе. Итакъ я объ этомъ думаю, замѣчаю на бумагѣ нѣкоторыя обстоятельства. Признаюсь, что, читая ужасы, въ рапортѣ изложенные, и видя, что и мое имя тутъ замѣшано, я иногда какъ будто рѣшаюсь не писать ничего. Но потомъ, обдумавъ мое собственное участіе въ дѣлѣ семъ, я опять рѣшаюсь писать, ибо вижу, что ужасы до меня не касаются. Но вотъ два главныя и весьма важныя препятствія для всякаго новаго оправданія съ моей стороны.

1-е. Сильное предубѣжденіе противъ меня относительно тайныхъ обществъ. При всемъ моемъ желаніи успѣть въ оправданіи, я не могу и не долженъ клепать на себя. Но какъ я могу, безъ такого поклепа, сказать, что я участвовалъ въ обществѣ, имѣя въ виду бунтъ или убійство? Я могу только сказать, что и тогда, когда я зналъ общество, оно могло быть опаснымъ, ибо изъ разговоровъ дѣло могло перейти къ заговорамъ и т. д. Вся тайна моего участія состоитъ въ томъ, что я почиталъ долгомъ содѣйствовать улучшеніямъ, распространенію либеральныхъ мыслей и возбуждать къ освобожденію крестьянъ. Вотъ моя вина.

Она можетъ быть почитаема преступленіемъ, но вотъ она въ настоящемъ видѣ. Можетъ быть, всѣ, безъ изъятія, подсудимые признались въ желаніи бунта, но какъ могу я повѣрить когда-либо, чтобы Глинка, Бригенъ, которыхъ мнѣнія мнѣ извѣстны, какъ мои собственныя, говорили правду, говоря, что они желали революціи?—Видя, что надежды мои не исполняются въ обществѣ, я не могъ наконецъ почитать всего иначе, какъ ребячествомъ. Тѣмъ почитали общество и Глинка, и Бригенъ, особливо сей послѣдній. Первый не былъ подъ судомъ, послѣдній осужденъ. Вина ихъ по обществу одинакова. Можетъ быть, Бригенъ осужденъ за то, что зналъ о замыслахъ Якубовича, какъ видно изъ рапорта. Теперь, излагая оправданія въ семъ видѣ, могу ли я имѣть какую-нибудь надежду, что мнѣ повѣрятъ? Нѣтъ! Напротивъ, это раздражитъ еще болѣе. Итакъ благоразумно ли приступать къ новому оправданію?

2-е. На всякое оправданіе мнѣ будутъ говорить: чего онъ хочетъ? Онъ не явился къ суду и тѣмъ добровольно лишилъ себя и средствъ оправданія, и всякаго права на милость. И такъ: qu'on n'en parle plus! На это мнѣ отвѣчать нечего. Я не явился. Болѣзнь, въ столь теперь важномъ дѣлѣ, не можетъ быть достаточною причиною неявки. И какъ мнѣ кажется, что въ семъ отношеніи conditio sine qua non всякаго оправданія есть: предложеніе съ моей стороны явиться немедленно на каторгу.

Сдѣлавъ сіе предложеніе, чего я могу надѣяться? Самое выгодное послѣдствіе такого предложенія и то, если мнѣ будутъ вѣрить, что невѣроятно, можетъ быть: ссылка въ Сибирь, безъ каторги. Я этого долженъ ожидать себѣ и по наказанію, другимъ опредѣленному, и по принятой вездѣ системѣ d' avoir toujours raison. И эта ссылка можетъ быть по крайней мѣрѣ весьма продолжительна. Ожидать, чтобы, видя мою готовность исполнить приговоръ, отвѣчали мнѣ прощеніемъ полнымъ—было бы добровольно себя обманывать. Главная невыгода ссылки не есть самая ссылка, хотя конечно и это не бездѣлица; но то, что эта ссылка будетъ опредѣлена мнѣ, какъ злоумышленнику, каковымъ я никогда не былъ. Главная или даже единственная выгода, въ случаѣ полнаго успѣха, совершенно невѣроятнаго, или въ случаѣ возвращенія изъ Сибири, суть: 1) возможность жить на свободѣ въ чужихъ краяхъ, слѣдственно, болѣе жить съ вами, и 2) мысль, что, сдѣлавъ предложеніе явиться, я исполню данный обѣтъ присягою и что, послѣ сего, никакой упрекъ совѣсти не будетъ меня безпокоить. Жить добровольно въ Россіи я не хотѣлъ бы ни въ какомъ случаѣ. Я теперь уже привыкъ къ мыслямъ другаго рода и, не видя болѣе возможности быть ни на что полезнымъ въ Россіи, я могу спокойно и пріятно жить въ чужихъ краяхъ. Освободясь отъ обвиненій, можно будетъ иногда жить и съ вами. Ничто

не зоветъ меня въ Россію.—Вотъ затрудненія для оправданія. Но я на свободѣ и могу весьма хладнокровно заниматься симъ оправданіемъ.

9.

14-го сентября 1826 г. Чельтенгамъ, № 10.

Могли почитать меня злоумышленникомъ, видя, что я такъ близокъ былъ къ злоумышленникамъ. Но не думаю, чтобы это предубѣжденіе могло привести ихъ къ мысли схватить меня тайно въ Англіи и привезти въ Россію. Я продолжаю писать оправданіе и посвящаю на это часа два ежедневно. Въ одномъ обвиненіи, а именно въ возстановленіи общества, мнѣ оправдываться всего затруднительнѣе, ибо въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи помѣщены не всѣ показанія о семъ. Я нахожу о семъ только показаніе Семенова о принятіи трехъ членовъ мною. Но показанія самихъ сихъ членовъ въ рапортѣ нѣтъ. Они могли показывать, что я ихъ принялъ. Я могу изъяснить, что я не почиталъ сего принятіемъ, но для сего нужно мнѣ знать ихъ показанія. Въ рапортѣ я также не нахожу довольно объясненій о возстановленіи общества. Показаніе Никиты Муравьева, что я съ нимъ участвовалъ въ возстановленіи, ложно. Скорѣе другіе могли бы сіе показывать, ибо я съ ними по крайней мѣрѣ говорилъ объ этомъ. Показаніе Семенова также не вполнѣ справедливо. Вѣроятно, онъ показаніями своими избавилъ себя отъ суда. Тѣ, которые будутъ читать мое новое оправданіе, вѣроятно, будутъ спрашивать Семенова и другихъ, избавленныхъ отъ суда. Они, конечно, будутъ опровергать меня, защищая себя. Но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что я никакъ не могу, не нарушая истины, сказать, что я почиталъ общество серьезною вещью или надѣялся, что оно приведетъ къ конституціямъ или чему-либо подобному. Все, что могу сказать, есть, что я теперь вижу опасность общества, но, право, и теперь я думаю, что не общество, а лично нѣкоторые члены произвели бунтъ. Они сдѣлали бы то же и безъ общества. Въ письмѣ моемъ, № 9, я излагалъ вамъ еще одно затрудненіе, и именно, что всякое оправданіе съ моей стороны должно быть безсильно, если я вмѣстѣ не предложу явиться въ Россію. Чѣмъ болѣе я о семъ думаю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что я не долженъ дѣлать сего предложенія. Все это мнѣ доказываетъ, что я навсегда разстался съ Россіею, ибо не вижу никакой возможности возвратиться туда совершенно свободнымъ. Другимъ, я думаю, простятъ и заблужденія и даже преступленія. Мнѣ никогда не простятъ неявки. Впрочемъ, чѣмъ болѣе я думаю, что навсегда разстался съ Россіею, тѣмъ болѣе нахожу удобности и пріятности жить въ Англіи. Думаю даже, что наконецъ я, кромѣ Англіи, нигдѣ и жить не

буду въ состояніи. Возвратиться въ Россію я даже и не желаю. Что я тамъ могу дѣлать? Хотѣлъ бы имѣть полную свободу только для того, чтобы жить болѣе съ вами и ѣздить изъ одного мѣста въ другое. Болѣе я ничего не желаю.

Какою частію занимается Жуковскій? Воспитаніемъ ли? Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я зналъ, я не видалъ другой души, столь чистой и невинной. Я бывало негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства. Но до чего довела и меня эта идея, такъ исключительно наполнявшая всю мою душу! Она привела меня въ настоящее положеніе, въ которомъ я ничего не могу для нея сдѣлать. По крайней мѣрѣ теперешняя эпоха моей жизни представляется мнѣ отдыхомъ; и il dolce far niente теперь не въ тягость моей совѣсти, ибо я не самъ поставилъ себя въ это состояніе. Другія занятія не могутъ такъ сильно владѣть мною. Я слишкомъ много жилъ для одной идеи, чтобы начать заниматься чѣмъ-либо другимъ съ такимъ же рвеніемъ. Признаюсь, что и физическая жизнь имѣетъ теперь для меня болѣе пріятности. Прогулка въ полѣ, хорошій обѣдъ, покойная постель—все это теперь для меня важнѣе, нежели было прежде. Это не хорошо. Но такъ это въ самомъ дѣлѣ! Желанія, направленныя всегда къ одному предмету, точно истощали меня. Теперь я гораздо покойнѣе, ибо не вижу цѣли въ желаніяхъ. Но Бога ради не думайте, чтобы мое положеніе было какою помѣхою для...[1])

Довольно и того, что я разстроилъ публичную вашу жизнь.

10.

25-го сентября 1826 г. Чельтенгамъ, № 11.

Я теперь гораздо спокойнѣе за васъ, вслѣдствіе послѣднихъ вашихъ писемъ. Продолжайте привыкать къ моему положенію и не думайте нимало, чтобы оно было чрезвычайно непріятно, особливо теперь.

Теперь о моей запискѣ или оправданіи: начерно я ее вчера кончилъ; вышла слишкомъ огромна. Надобно многое перемѣнить, исключить повторенія. Юридически весьма о немногомъ говорить можно, ибо обвиненій мало юридическихъ. Отъ умысла какъ юридически оправдываться? Но я, ссылаясь на рапортъ, показываю, что и общество не имѣло цѣлію бунтовъ, пока я принадлежалъ къ нему. Но какъ могу я представить доказательство, что я не основывалъ новаго общества? Это показываетъ на меня Никита Муравьевъ. Другихъ доказательствъ нѣтъ. Ибо Семеновъ говоритъ, что я начиналъ составлять. Я только могу сказать,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

что это ложь и что такое показаніе предъ закономъ недостаточно. Излагая мое участіе въ обществѣ, мнѣ часто кажется, что самое сильное предубѣжденіе должно наконецъ согласиться, что я никогда не имѣлъ ни умысла, ни признавалъ средствъ, кои судъ приписываетъ обществу вообще. Но, излагая сіе, я только съ бо́льшими подробностями повторяю первое мое оправданіе. Это первое болѣе мнѣ повредило. Могу ли я ожидать успѣха отъ теперешняго? Могу ли, когда вижу, что многіе, не болѣе меня виновные, были осуждены хотя и не къ тому, къ чему я, но осуждены. Это впрочемъ только доказываетъ мнѣ, что я не долженъ ожидать успѣха, но не мѣшаетъ мнѣ писать оправданіе и не мѣшаетъ жить въ Англіи и смотрѣть на Россію, какъ на страну, въ которую я никогда не могу возвратиться выгодно для себя самого. Если кончу записку и вамъ сообщу, то какъ ее отправить въ Петербургъ? Просто нельзя. Надо, чтобы кто-либо, знающій меня, ее представилъ съ письмомъ къ государю.

11.

9-го октября 1826 г. Чельтенгамъ, № 12.

Я писалъ къ вамъ, что всякія оправданія мои не могутъ имѣть силы, если вмѣстѣ не предложу добровольно явиться въ Россію. Я и теперь также думаю, но болѣе, нежели когда-нибудь, нахожусь въ рѣшимости и не предлагать явиться и не возвращаться въ Россію. Я довольно испыталъ и непріятностей, и незаслуженныхъ бѣдствій, и не могу ничего предвидѣть въ будущемъ, что́бы могло меня звать въ Россію. Я вижу съ каждымъ днемъ болѣе, что я могу жить и въ Англіи.

Въ вашемъ письмѣ вы пишете о моемъ оправданіи. Я его передѣлалъ, но вышло еще огромнѣе. Я не знаю, ошибкою или нѣтъ напечатано въ одномъ мѣстѣ рапорта 1825 г. апрѣля. Но не только числомъ года и мѣсяца, но и другими обстоятельствами ясно доказать можно по рапорту, что совѣщаніе, на которомъ я будто бы согласился на предложеніе Рылѣева о вывозѣ императорской фамиліи, было послѣ моего отъѣзда за границу.—Всего труднѣе оправдываться мнѣ отъ возстановленія, ибо, хотя я и не возстановлялъ, но говорилъ въ это время объ обществѣ. Показаніе Никиты Муравьева, что я возстановилъ съ нимъ общество, совершенно неосновательно; но иначе оправдать меня нельзя, какъ спросивъ его самого: какъ возстановилъ я съ нимъ общество? И не ошибся ли онъ? Трудно также опровергнуть, что я принималъ членовъ. Я не вижу по рапорту, что они сами объ этомъ показывали. Я думалъ, что я принялъ только Митькова, а теперь являются и другіе. О сихъ другихъ я говорю въ запискѣ, что я только видалъ и говорилъ

съ ними объ обществѣ, но не принималъ. Возвратясь въ Лондонъ, примусь переписывать записку мою и вамъ перешлю. Я думаю, кромѣ записки, которая слишкомъ пространна, надобно написать письмо къ государю. Но кто можетъ ему его представить? Не Блудовъ ли писалъ рапортъ слѣдственной коммиссіи? видя, что вы въ письмахъ вашихъ о немъ не упоминаете, я заключаю, что вы не были съ нимъ въ сношеніяхъ. Иначе не худо было бы мою записку сообщить ему и спросить, можно ли ожидать отъ нея успѣха. Онъ все дѣло долженъ знать и можетъ сказать, что въ запискѣ неполно или что недостаточно доказывается. Вообще надобно прежде sonder le terrain, а потомъ уже представить записку. Иначе опять только повредить она можетъ; ибо я и въ ней не могу говорить иначе объ общемъ моемъ участіи въ обществѣ, какъ говорилъ въ первой. Впрочемъ, видя, какъ далеко собственное мое мнѣніе объ участіи моемъ въ обществѣ и о неучастіи во всемъ преступномъ, отъ мнѣнія тѣхъ, которые приговорили меня къ смерти и каторгѣ, я не могу никакъ ожидать ничего ни отъ моей записки и ни отъ чего. И самъ даже не знаю, къ чему всѣ эти хлопоты! Пусть думаютъ что хотятъ! Отъ сего мнѣнія совѣсть моя не отяготится ничѣмъ. Я спокоенъ и могу жить по крайней мѣрѣ не хуже прежняго въ Англіи, могу путешествовать, читать, бродить и думать. И вамъ совѣтую менѣе о мнѣ думать. Все это, право, не стоитъ большихъ хлопотъ. Признаюсь вамъ, что если бъ я не видѣлъ, что разстроиваю ваше существованіе, я еще менѣе заботился бы о томъ, что со мною произошло.

Я повторяю, что индивидуально я не могу жаловаться на мою судьбу. Все, что меня безпокоитъ,—это вы. Я разстроилъ вашу судьбу. Я самъ былъ бы очень доволенъ, если бы, при чувствѣ независимости въ странствіяхъ и въ жизни вообще, мысль о васъ меня не тревожила. И такъ все, что вы сдѣлаете для себя, вы сдѣлаете и для меня. Для васъ обоихъ хорошо было бы можетъ быть заняться опять службою. Конечно, для васъ трудно будетъ думать, что я продолжаю быть подъ приговоромъ каторги! Но этому помочь нельзя. По крайней мѣрѣ относительно меня, моей участи теперешней, вы можете быть покойны. Самое тягостное въ моей участи для меня—то, что я причиняю горе вамъ. Безъ этого я вообще не имѣлъ бы горя.

12.

25-го октября 1826 г. Лондонъ, № 13.

Эпиграфомъ моего оправданія можно бы поставить: «безъ вины виноватъ». Я писалъ его подъ вліяніемъ вашихъ писемъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и унизительно виниться тамъ, гдѣ я не виноватъ. Но и я ду-

маю, что иначе нельзя было и писать никакого оправданія. Впрочемъ, это самообвиненіе позволяетъ мнѣ намекать и на ничѣмъ неоправдываемую несправедливость въ обвиненіяхъ. On recule pour mieux sauter. Одно юридическое изложеніе показалось бы сатирою. Такъ тутъ мало юрисъ—и простой—пруденціи. Желаю только скорѣе кончить все это дѣло и не думать болѣе о немъ. Нравственное положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось лучше и лучше. Я такъ теперь доволенъ своимъ бытіемъ, какъ не былъ никогда. Только мысль о васъ меня огорчаетъ.

Неужели всѣ ваши пріятели петербургскіе васъ забыли или не хотятъ переписываться съ братомъ осужденнаго на смерть и каторгу заговорщика? Я читалъ въ газетахъ объ уменьшеніи времени для осужденныхъ. Между ними есть не болѣе меня виновные. Напр., Бригенъ. Я не видалъ въ газетахъ, къ чему онъ былъ приговоренъ. Не знаете ли вы? Онъ меня всѣхъ болѣе интересуетъ, какъ по пріязни, такъ и по его отзыву о показаніи о моей фразѣ. Этотъ отзывъ меня тронулъ до души. Я вижу тутъ доказательство дружбы. Глупая болтовня Муравьева и Орлова, особливо сего послѣдняго, жалка и презрительна. Къ чему былъ осужденъ добрый Глинка? И гдѣ онъ? Также Граббе? Они не были подъ судомъ. О Толстомъ, котораго будто бы я принялъ, нигдѣ не упоминается. Онъ былъ въ Италіи прошлаго года. За симъ прощайте. Да сдѣлайте милость не безпокойтесь и даже не грустите обо мнѣ. Право, нѣтъ причины. Есть ли съ вами первое мое оправданіе? Я писалъ второе въ Чельтенгамѣ, не имѣвъ тамъ перваго. Здѣсь опять его прочелъ и нахожу, что второе не только вообще не противорѣчитъ, но подтверждаетъ первое. Я ничего во второмъ, послѣ Чельтенгама, не перемѣнилъ. Могутъ придраться къ противорѣчіямъ въ подробностяхъ, но я пишу не для крючкотворцевъ. Оправданіе мое—во всей моей жизни, въ моихъ занятіяхъ. Для кого я писалъ Банкротскій Уставъ, объ уголовномъ судопроизводствѣ? Для правительства Россійскаго или для Вашингтона—Рылѣева и Бонапарте—Пестеля? Quelle pitié que tout cela! говоритъ гдѣ-то Шатобріанъ въ заключеніе изложенія чего-то очень невѣроятнаго и мелкаго.

13.

9-го ноября 1826 г. Лондонъ, № 14.

Я только по послѣднему вашему письму понялъ ошибку 1824, вмѣсто 1825 въ рапортѣ. Это конечно отстранитъ мои доказательства alibi; но обстоятельство, до коего сіе касается, не принято противъ меня обвиненіемъ ни судомъ, ни коммиссіею. Такъ какъ я уже объясненіе мое переписалъ, то не намѣренъ перемѣнять. Къ объясненію я приложилъ

краткую таблицу, означающую обвиненія и доказательства. Я думаю, для оффиціальнаго представленія лучше дать одну таблицу. Ожидаю вашего отвѣта, къ кому я долженъ адресовать этотъ пакетъ въ Гамбургъ, чтобы немедленно послать его. Все готово. Я доволенъ тѣмъ, что написалъ эту записку вскорѣ послѣ извѣстій о мнѣ. Теперь бы я не рѣшился писать ее или бы написалъ совершенно иначе. Ибо теперь я, кромѣ негодованія, ничего не чувствую. Къ тому же вижу, что я могу жить хорошо и пріятно, даже пріятнѣе прежняго въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ Послѣднее ваше письмо за васъ болѣе меня успокоило. И это для меня главное. О прочемъ я, право, не забочусь очень. Если ихъ забавляетъ приговоръ о мнѣ, то пусть забавляются. Я едва-ли даже желаю м и л о с т и. Справедливости не ожидаю. Условій никакихъ не приму. Всякій безпристрастный человѣкъ, взглянувъ на мою таблицу, увидитъ, что не было никакого законнаго основанія къ осужденію. Впрочемъ, я не могу сказать, чтобы и негодованіе мое было сильно. Въ и х ъ понятіяхъ, они могли почитать меня виновнымъ, хотя я увѣренъ, что и они не почитали меня такъ виновнымъ, какъ сказано въ приговорѣ.

Я не избѣжалъ повтореній въ моей запискѣ. Но отъ сего каждая изъ трехъ частей, на кои она раздѣляется, можетъ составлять цѣлое, отдѣльное.

10-го ноября. Я думаю, мою записку и таблицу лучше вручить кому-либо, даже и въ Петербургѣ, а не посылать прямо. Такъ какъ не повѣрили первой, то не повѣрятъ и второй. Слѣдственно, она только еще болѣе усилитъ противъ меня предубѣжденіе. Впрочемъ, что хотятъ то пусть и думаютъ о мнѣ. Я радъ, что кончилъ записку и освободился отъ занятія непріятнаго. Я не могу по сію пору вѣрить, чтобы кто-либо серіозно думалъ, чтобы глупыя тайныя общества произвели глупое, но дерзкое возмущеніе. Не постигаю, какъ многіе изъ подсудимыхъ не представляли общества такъ, какъ я, ибо многіе о немъ думали такъ, какъ я.

14.

23-го ноября 1826 г. Лондонъ, № 15.

Передъ отправленіемъ я еще прочелъ мое оправданіе. Кажется, оно достаточно. Я писалъ уже вамъ, что я къ вамъ въ Петербургъ не посылалъ втораго оправданія, а только въ письмѣ, котораго вы не получали, писалъ, чтобы взяли справку о томъ, что я не былъ при совѣщаніи, какъ показывалъ Рылѣевъ. По новому моему оправданію одна справка могла бы быть мнѣ полезна: это относительно показанія Муравьева, что я съ нимъ возстановилъ общество. Это сущій вздоръ, и я

*

увѣренъ, что Муравьевъ, увидѣвъ мое изъясненіе, согласится въ своей ошибкѣ. Я ни мало не удивляюсь, что Глинка увѣрялъ, что я невиненъ. Я, право, самъ по сіе время не могу понять, какъ этотъ вздоръ, давно вышедшій изъ памяти моей, могъ подвергнуть меня отвѣтственности.

Мнѣ кажется, что редакція рапорта много причиною въ томъ, что дѣло кажется теперь болѣе важнымъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ. Редактору слѣдовало бы говорить только о томъ, что онъ находилъ въ признаніяхъ и показаніяхъ. Но тогда, скажутъ, не было бы свѣта въ дѣлѣ! Да! Но тогда рапортъ былъ бы истиннымъ представленіемъ дѣла. Вмѣсто того редакторъ сдѣлалъ изъ рапорта литературную піесу, съ связію, съ ясностію, но надобно было сдѣлать юридическую піесу. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ такое-то время не видно, что дѣлалось въ обществѣ, но по крайней мѣрѣ видно, что были пренія и т. п. «Не видно что дѣлалось»!—Напротивъ, тутъ видно, что ничего не дѣлалось! Другой порокъ рапорта въ томъ, что не довольно отдѣлены дѣла общества отъ дѣлъ членовъ индивидуально, такъ, что всѣ замыслы индивидуумовъ приписываются обществу. Но истина замѣтна и между недостаткомъ рапорта.

Иногда коммиссія какъ будто бы невольно отстраняетъ преступные замыслы отъ общества, какъ общества. Сіе послѣдніе я изъяснилъ въ своей запискѣ. Впрочемъ, всякій безпристрастный человѣкъ убѣдится изъ моей записки, что я не заслужилъ никакого взысканія, а еще меньше смерти и каторги за мои дѣйствія. Этого для меня довольно. Одно главное чувство теперь владѣетъ мною: это благодарность Промыслу за мое, непонятное для меня, сохраненіе. Чѣмъ могъ я заслужить такое благополучіе? Многіе изъ осужденныхъ, Глинка, Бригенъ, не болѣе меня виновны. Уже одно это чувство отстраняетъ отъ меня всякое горе, котораго впрочемъ я и иначе не имѣлъ бы. Я доволенъ моимъ положеніемъ болѣе, нежели когда-либо прежде. Теперь покойнѣе и за васъ.

Ко многимъ, вслѣдствіе происшествій со мною, я невольно почувствовалъ какое-то отвращеніе, но за то болѣе привязанъ къ тѣмъ, которыхъ не переставалъ любить и уважать. Доказательство дружбы со стороны Бригена замѣняетъ мнѣ Орлова, котораго вранье заставляетъ меня даже презирать его. Вранье прочихъ не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Я не могъ отъ нихъ ожидать ничего похожаго на благородство въ отношеніи ко мнѣ.

15.

12-го декабря 1826 г. Лондонъ, № 16.

Изъ Риги вы мнѣ писали: «чистъ какъ стекло» о Глинкѣ. По дѣлу я вижу, что не князь Трубецкой, а двое Муравьевыхъ подтверждаютъ показаніе П—ля (Пестеля) о фразѣ.

Я вижу, что N. N. не перемѣнился ко мнѣ съ перемѣною моихъ обстоятельствъ. Да впрочемъ я думаю, что и другіе не могли убѣдиться, что я заговорщикъ, и что даже судьи серіозно этого никогда не думали. Право, иногда я смѣюсь всему этому, не постигая, какъ я попалъ подъ смертный приговоръ. И если бъ все ограничивалось однимъ мною, то, кромѣ смѣха, все это дѣло никогда бы во мнѣ инаго не произвело.

Хорошо ли это или дурно, но я долженъ сказать, что, думая о нѣкоторыхъ весьма немногихъ въ Россіи, о самой Россіи я весьма мало думаю. Только бѣдные мужики часто наводятъ на меня грусть. Но и это чувство теперь для меня несравненно легче, нежели прежде было. Прежде мнѣ всегда казалось, что я не дѣлаю всего того, что̀ бы я могъ дѣлать въ святомъ дѣлѣ освобожденія. Теперь я ничего не могу дѣлать. Слѣдовательно, не могу ни въ чемъ упрекать себя. Конечно, отъ сего самаго происходитъ и теперешнее мое спокойствіе духа, коего я никогда прежде не имѣлъ, и которое есть истинное наслажденіе, доселѣ мнѣ вовсе неизвѣстное. Я не зналъ, что судьямъ моимъ я буду обязанъ симъ счастливымъ положеніемъ. Кто не скажетъ послѣ сего, что «все къ лучшему». Они негодуютъ за то, что я представлялъ тайныя общества ребячествомъ, вздоромъ. Я съ своей стороны нахожу только затрудненія въ томъ, чтобы соотвѣтственно всегдашнему моему убѣжденію достаточно изобразить всю ничтожность сихъ обществъ. Они думаютъ, что я говорю не то, что думаю! А дѣло въ томъ, что мнѣ кажется, что я недостаточно, недовольно ясно, сильно представляю мое мнѣніе о ничтожности обществъ. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, что̀ бы я ни говорилъ, я не могу достаточно выразить убѣжденія моего о ничтожности обществъ и не потому самому, что я долженъ говорить о такомъ дѣлѣ, которое не стоитъ слова или строки. Какъ же могу я ожидать, чтобы когда-либо мое мнѣніе встрѣтилось съ мнѣніемъ этихъ людей? Итакъ лучше каждому оставаться при своемъ.

16.

2-го января 1827 г. Лондонъ, № 17.

Я живу здѣсь весьма покойно и нимало теперь не забочусь о ходѣ какой возьметъ мое оправданіе. При теперешнемъ моемъ образѣ мы-

слей я написалъ бы его иначе. Но и то, что я написалъ, я писалъ для удовлетворенія вашего желанія. Если бъ иногда состояніе бѣдныхъ русскихъ мужиковъ не наводило на меня грусти, то я вовсе и не думалъ бы о Россіи. Да и о чемъ или о комъ мнѣ тамъ думать? Я знаю, что гражданская моя жизнь въ Россіи была жизнь честнаго человѣка. Сколь бы частная моя жизнь ни была грѣшна, жизнь моя, какъ гражданина, чиста, и дураки и алтынники не могутъ лишить меня сего утѣшенія. Дѣйствуя, какъ я дѣйствовалъ, я слѣдовалъ простому чувству. Теперь вижу, что это чувство меня не обманывало и что я исполнялъ долгъ честнаго человѣка, пренебрегая личными выгодами, жертвуя наслажденіями жизни и здоровьемъ исполненію долга. Теперь я свободенъ и хочу жить для себя, и совѣсть позволяетъ мнѣ жить для себя самого. Право, Шекспиръ для меня теперь гораздо пріятнѣе, нежели протоколы совѣтскіе. Надобно вамъ сказать, что я теперь весь въ Шекспирѣ: читаю его трагедіи, смотрю на театрѣ его трагедіи, читаю Джонсона, Попе о семъ гигантѣ. Прежде я не могъ наслаждаться такимъ чтеніемъ. Теперь наслаждаюсь въ полной мѣрѣ.... въ чемъ могъ в.... остерегать меня, касательно Митькова. Я съ Митьковымъ едва-ли не однажды говорилъ объ обществѣ, въ которое онъ желалъ вступить, будучи въ Петербургѣ. Да и не о чемъ было говорить. А что Митьковъ говорилъ о мнѣ при допросахъ, я ни мало за сіе не негодую. Развѣ Орловъ не говорилъ также противъ меня? а о семъ послѣднемъ я имѣлъ не такое мнѣніе, какъ о Митьковѣ. Во всѣхъ этихъ допросахъ я только вижу одно: это слова Бригена. Эти слова меня радуютъ. На прочее я смотрю, не скажу, съ презрѣніемъ—ибо это было бы слишкомъ много, но весьма равнодушно или, лучше сказать, совсѣмъ не смотрю. Свѣтъ широкъ. Благодарю судьбу за возможность быть свободнымъ и особенно за чувство свободы. Это чувство было во мнѣ подавлено прежде безпрестаннымъ вниманіемъ на участь русскихъ крестьянъ. Идея рабства заглушала во мнѣ другія идеи и другія чувства. Теперь, освобожденный отъ сей идеи, прежнее, природное воскресло. Я вижу, что я не рожденъ быть рабомъ и пресмыкаться, ибо вижу, что, съ отстраненіемъ препятствій, духъ свободы развился въ душѣ моей!

17.

22-го января 1827 г. Лондонъ, № 18.

Мнѣ кажется, вы напрасно ожидаете успѣха отъ сей записки. Я и не ожидаю и не думаю о семъ успѣхѣ: нахожу его и невозможнымъ, и для меня безполезнымъ. Я бы и при возможности возвратиться въ Россію не поѣхалъ бы туда. А предлагать явиться или дѣлать то, вслѣд-

ствіе чего могутъ требовать моего возвращенія, я и не могу и не хочу. Мнѣ и здѣсь хорошо. Мнѣ кажется, что особыя объясненія съ вашей стороны, особенно о лицахъ, не нужны. А о Постелѣ, я думаю, никакъ нельзя вамъ дѣлать такихъ объясненій. Это было бы очень нехорошо. Какъ искать причинъ ненависти въ однѣхъ догадкахъ? И къ чему это? Впрочемъ, объясненія сіи никого не убѣдятъ. Я не знаю, есть ли у меня отношеніе графа Нессельроде? Поищу. Но на что оно? Если захотятъ, то справятся и найдутъ, что Нессельроде предписалъ Потемкину объявить мнѣ, что меня объявятъ предъ англинскимъ правительствомъ измѣнникомъ, если я не явлюсь. Всѣ эти подробности, право, излишни.

Писать къ государю письмо? Но это очень трудно въ моемъ положеніи. Я не имѣю, во-первыхъ, права писать къ нему. Во-вторыхъ: что я могу сказать ему? Не понимаю. Мнѣ кажется, что я могу только писать въ такомъ смыслѣ: меня судили, приговорили, я не явился—и навсегда разстался съ Россіею, что прошедшее не въ нашей власти, что я не жалуюсь, не прошу, но желаю представить ему, какъ брату и преемнику того, противъ коего меня обвиняютъ въ замыслахъ, что я не преступалъ никогда обязанностей честнаго человѣка. Вотъ все. Я долженъ буду въ такомъ письмѣ настоять, что я и не могу и не хочу возвратиться въ Россію, ибо не могу быть ни на что тамъ полезенъ, послѣ оглашенія меня государственнымъ преступникомъ. Симъ только средствомъ я могу предупредить требованіе возвратиться въ Россію.

Я теперь совсѣмъ не въ томъ расположеніи духа, въ какомъ былъ, когда писалъ записку, и даже тогда я вчиталъ себя въ то расположеніе вашими письмами. Радуясь вашему участію въ письмахъ вашихъ, я вмѣстѣ не безъ горя вижу, что васъ все это слишкомъ много ажитируетъ, а я начинаю какъ-то не понимать сей ажитаціи, хотя и думаю, что ваше положеніе гораздо непріятнѣе, нежели мое собственное.

Касательно общаго характера моей записки, главнаго я конечно не выразилъ и выразить не могъ, и сіе главное состоитъ въ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ объ обществѣ; никогда ни на одну минуту во все бытіе мое въ Россіи, я не почиталъ общество не только важнымъ, значительнымъ, но даже серіознымъ. Ни на одну минуту не ожидалъ, чтобы общество могло что-нибудь произвести. Если же я видался съ членами, то это потому, что почиталъ обязанностію не эгоиста дѣлать все, что представлялъ случай для распространенія здравыхъ, человѣческихъ понятій. И мнѣ казалось, что въ семъ отношеніи разговоры мои были не безъ успѣха. Люди, съ которыми я говорилъ, никогда прежде не думали о рабствѣ. Я въ нѣкоторыхъ возбудилъ мысли о всей гнусности рабства. Они меня слушали охотно, ибо видѣли, что я говорилъ прямо, отъ души. По сему-то въ обществѣ многіе имѣли ко мнѣ болѣе

довѣренности, нежели къ другимъ, въ коихъ видѣли только замашки модной либеральности. Моими мнѣніями я останавливалъ мнѣнія другихъ, указывая имъ на необходимое, о коемъ надлежитъ заботиться прежде предметовъ роскоши. Многіе изъ членовъ общества были простые, чистые, благонамѣренные люди. Они не могли не соглашаться со мною. Но мало-по-малу я отъ всего отсталъ, не видя успѣха и убѣдившись, что я сдѣлалъ все, что могъ, и что совѣсть не будетъ упрекать меня въ холодности, въ эгоизмѣ. Смотря на нашихъ либераловъ (не членовъ общества), я часто думалъ: какая польза въ болтовнѣ? въ шуткахъ? Хорошо имъ изъ пустаго въ порожнее пересыпать! Но попробовали бы они потолковать съ моими Ликургами и видѣть ихъ удивленіе, когда я, простыми доводами, низводя ихъ съ возвышенной трибуны въ избу крестьянина или на конюшню деревенскаго помѣщика, убѣждалъ ихъ, что не о палатахъ представительныхъ м е ч т а т ь, но о палкахъ и плетяхъ д у м а т ь должно. И это доказывалъ я и молодымъ членамъ общества и старымъ членамъ Государственнаго Совѣта. Разница была въ томъ, что первые удобнѣе меня понимали. Можетъ быть, въ числѣ судей моихъ были люди, которые мнѣ говаривали, что лѣстницу метутъ сверху, и которымъ я отвѣчалъ, что честный человѣкъ долженъ прежде всего дѣлать то, что онъ дѣлать можетъ, и не откладывать сего потому, что другіе не дѣлаютъ того, что сіи другіе только дѣлать могутъ. Я и по сію пору вѣрить не могу, чтобы общество было значительно или опасно, и мнѣ кажется, что общее мнѣніе о немъ ошибочно. Иначе какъ же можно сообразить это съ безпрестанными насмѣшками, которыми сами члены осыпали и общество, и членовъ? Если бъ я почиталъ общество серіознымъ, то дѣйствія мои были бы совсѣмъ инаго рода. Я не могу быть холоденъ въ вещи, которая у меня на сердцѣ. Тогда не то бы при слѣдствіи противъ меня открылось. Если бъ я могъ говорить противное правдѣ, то для самолюбія моего было бы лучше придать еще болѣе важности обществу и моимъ дѣяніямъ. Я не рисковалъ бы тогда ничего, ибо не былъ въ Россіи. Писавъ записку, я ни мало не думалъ посредствомъ ея проложить путь къ возвращенію въ Россію.

Я ни въ какомъ случаѣ туда не возвращусь. Жизнь моя тамъ была и прежде цѣпію непріятностей: не могъ взглянуть на улицу безъ того, чтобы сердце не содрогалось при видѣ мужиковъ, бутошниковъ, Есиповыхъ, Албрехтовыхъ и пр. и пр. Я жилъ тамъ только потому, что думалъ, что я долженъ тамъ жить для возможности быть полезнымъ для рабства. Меня теперь лишили сей возможности. Не я отказался отъ исполненія своего долга. Безъ зазрѣнія совѣсти могу быть теперь въ покоѣ и въ свободѣ, и въ праздности. Не о чинѣ же дѣйствительнаго статскаго совѣтника сожалѣть!

Адресовать записку къ государю нельзя. Какъ предполагать, чтобы

государь могъ читать такія записки? Онъ можетъ ихъ читать, и конечно покойный государь прочелъ бы; но предполагать сего не должно. Это даже и не прилично. Письмо удобнѣе. Но я точно не имѣю права писать письма. Могу найти сіе право только въ моей неявкѣ, въ которой состоитъ вся вина моя передъ государемъ. И такъ какъ нѣтъ закона на неявку, то я не могу ни къ кому, кромѣ государя, обратиться съ письмомъ о неявкѣ. Но и для сего почти нужно, чтобы и государь уже зналъ, что я только въ неявкѣ виновенъ. Но могутъ отвѣчать: явись. А я, если бъ и хотѣлъ, то не долженъ являться. Это противно нравственному достоинству человѣка. Покоряться добровольно несправедливости по крайней мѣрѣ такъ же противно нравственности, какъ и быть самому несправедливымъ. Будетъ того, что и терпимъ несправедливости недобровольно.

18.

6-го февраля 1827 г., Лондонъ, № 19.

Прежде всего почитаю нужнымъ отвѣчать на замѣчанія: на 1-е: Выраженіе: «измѣненіе государственныхъ постановленій» употребилъ я въ своей запискѣ, потому что нашелъ его въ рапортѣ. Я могъ бы теперь опредѣлить, что̀ мы разумѣли подъ сими словами, если бъ я когда-либо слышалъ отъ членовъ общества или самъ говорилъ что-либо серіозно о какомъ бы то ни было устройствѣ государственномъ. Въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и состоятъ всѣ мои объясненія, *что объяснять нечего*. По рапорту—благодаря литературнымъ способностямъ редактора—всякому покажется, что что-то было устроенное, что члены тайнаго общества имѣли планъ, правильныя совѣщанія и пр. и пр. Но истина въ томъ, что ничего подобнаго не было; а были съ одной стороны разговоры вздорные, но конечно не преступные, съ другой—вранье грубыхъ, непросвѣщенныхъ людей, русскихъ либераловъ, кои, по примѣру отцевъ и дѣдовъ, въ рѣзаньѣ, въ убійствѣ, видѣли подвиги славные. Но и тутъ я увѣренъ, что они только болтали, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ. Я въ сихъ разговорахъ послѣдняго рода участвовать не могъ, ибо почти не видывалъ сихъ людей, а если кого и видѣлъ, то никто, зная меня, не могъ имѣть никакого повода и побужденія сообщить мнѣ такія вещи.—Итакъ я на сей пунктъ вообще могу сказать, что я никогда не слыхалъ, чтобы *разсуждали*, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, о какихъ-либо измѣненіяхъ государственныхъ установленій. Говорили въ засѣданіяхъ общества, за чаемъ, о конституціяхъ, такъ точно говорили объ этомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Англинскомъ клубѣ, на улицахъ. Если бъ въ обществѣ было что-либо

разсуждаемо регулярно, то нѣтъ сомнѣнія, что сіе открылось бы при слѣдствіи. Но нигдѣ по рапорту нѣтъ слѣдовъ ни правильныхъ разсужденій, ни принятыхъ мнѣній, правилъ. Объяснять, что происходило въ обществѣ, для меня теперь такъ же трудно, какъ было бы объяснять, что я слышалъ и говорилъ въ Англинскомъ клубѣ, въ Совѣтѣ, въ частныхъ домахъ. А я никогда въ умѣ своемъ не дѣлалъ различія между разговорами въ обществѣ и разговорами въ другихъ мѣстахъ. Для опредѣленія истины, для обвиненія, надобно имѣть факты, а не разговоры. Да и какъ возможно помнить то, что мы говоримъ?

На 2-е замѣчаніе: Я помню, что я слыхалъ и самъ говорилъ, что цѣль не оправдываетъ средствъ. Но я это равно слыхалъ и въ обществѣ и въ свѣтѣ. Какъ могу я припомнить, при какомъ случаѣ я это или слышалъ или говорилъ? Одно только помню хорошо, что это часто мнѣ встрѣчалось: въ разговорахъ говорили иногда, что надобно сносить непріятности по службѣ, дабы удержать мѣсто, что надобно добиваться чиновъ, мѣстъ, чтобы имѣть вліяніе. Я на это замѣчалъ, что всякой бездѣльникъ и взяточникъ будетъ въ равной категоріи съ честнымъ человѣкомъ, коль скоро честный будетъ дѣйствовать, какъ нечестный, что внутреннія побужденія извѣстны только Богу, что надлежитъ и въ наружности быть безъ пятна, безъ упрека и т. д. Иногда я говорилъ, что уничтоженіе рабства есть святое дѣло, но что я не желаю, чтобы эта святая цѣль была достигнута убійствами, рѣзаньемъ, пугачовщиною. Говорили о поселеніяхъ: я неоднократно замѣчалъ, что сколь бы окончательная цѣль оныхъ ни была полезна для государства, но что средство—принужденіе и нарушеніе самыхъ простыхъ правъ и гражданскихъ и человѣческихъ,—не хорошо, что добро дѣлается добромъ. Вотъ истинное мое правило. Я всегда говорилъ, что добро дѣлается только добромъ, и что отъ зла добра никогда быть не можетъ.—Если бы я зналъ, что между нѣкоторыми членами общества были разсужденія объ убійствахъ, то тогда я конечно не удовольствовался бы изъясненіемъ простыхъ правилъ, а говорилъ бы прямо противъ такихъ замысловъ. Но о сихъ замыслахъ я ничего не зналъ. А потому не зналъ и теперь не знаю, разумѣли ли другіе, что-либо особенное, говоря, что цѣль не оправдываетъ средствъ. Но что бы они ни разумѣли, сіе правило, которое они излагали, ограждаетъ ихъ отъ отвѣтственности въ злыхъ замыслахъ.

На 3-е замѣчаніе. Я сказалъ въ запискѣ, что я былъ разъ пять въ засѣданіяхъ, во все время, что поводомъ сихъ засѣданій были жалобы членовъ на недѣятельность общества, и одного на другаго. Вообще на сихъ засѣданіяхъ не говорили ни о чемъ другомъ, какъ о лучшемъ устройствѣ общества, что сіи разговоры, наводя скуку, не продолжались болѣе $^1/_4$ часа, и что послѣ болтали, какъ болтаютъ обыкновенно.

Ни мнѣ и никому никакихъ занятій поручаемо никогда не было. Я же съ моей стороны иногда совѣтовалъ заниматься чтеніемъ книгъ. Я ничего не дѣлалъ въ качествѣ члена общества. Другіе, какъ я вижу, писали конституціи, но мнѣ ихъ не показывали, и конечно, они писали ихъ не по порученію общества, а по собственному произволу, чувствуя, можетъ быть, нужду въ занятіи и не умѣя удовлетворить сей нуждѣ инымъ болѣе полезнымъ образомъ.

На послѣднее замѣчаніе повторяю, что я не имѣю ни права, ни охоты обращать записку къ государю. Съ какой стати? Онъ утвердилъ приговоръ суда, и если я осужденъ несправедливо, то сему причиною конечно судъ, а не государь.—Но если государь можетъ быть расположенъ обратить на меня вниманіе справедливое, то для убѣжденія въ полной моей невинности нужно только бросить вглядъ на таблицу. Для безпристрастнаго этого довольно. Но я не явился. Я былъ виновенъ въ неявкѣ прежде произнесенія о мнѣ приговора. Но сей приговоръ меня оправдалъ. Никакой безпристрастный человѣкъ не можетъ не согласиться, что я сдѣлалъ дѣло(?), не исполнивъ предписанія явиться. По моему мнѣнію, для государя и для всякаго человѣка вообще достаточно видѣть, что была несправедливость, дабы желать отстранить несправедливость, отъ чего бы она ни происходила. Я честію увѣряю, что и на судей моихъ я не негодовалъ и теперь не негодую. Извѣстно, что часто инквизиторы жгли еретиковъ, будучи въ душѣ увѣрены, что они дѣлаютъ угодное Богу. Я знаю понятія нашихъ судей. Какъ могу я, безъ сумасшествія, ожидать, чтобы кн. Петръ Васильевичъ (Лопухинъ?) судилъ такъ, какъ судилъ лордъ Масфильдъ? Можно ли сердиться на Глинку, что онъ не написалъ русскую исторію такъ, какъ Карамзинъ? Можетъ ли медвѣдь танцовать такъ, какъ танцовалъ Вестрисъ?—Меня почитаютъ несчастливымъ. Я таковымъ себя не почитаю. Почему? Потому, что я привыкъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Тамъ, гдѣ 13 милл. въ рабствѣ—кто можетъ ожидать справедливости? Я презиралъ бы самъ себя, если бъ несправедливость, мнѣ оказанная, меня удивила. Я не фразами жилъ по сію пору. То, что я говорилъ, я всегда чувствовалъ. Я не могу ясно изобразить всего, что я чувствую и думаю о семъ предметѣ. Но вотъ результатъ моихъ мыслей: я не негодую на судей?! Они могли дѣйствовать по собственному ихъ убѣжденію, по ихъ понятіямъ, сообразно ихъ просвѣщенію. Но вмѣстѣ съ симъ я думаю, что приговоръ ихъ о мнѣ несправедливъ.—Могу ли я желать п р о с и т ь о пересмотрѣ сего приговора?—Нѣтъ! Безъ униженія собственнаго я этого сдѣлать не могу, даже и въ ожиданіи вѣрнаго успѣха. Я уже сдѣлалъ, вѣроятно, б о л ѣ е, нежели сколько могъ себѣ позволить, написавъ записку въ томъ видѣ, какъ я ее написалъ. Я въ ней обвиняю себя, не чувствуя себя виновнымъ. Это не совсѣмъ хорошо. Въ семъ я нахожу первое разно-

гласіе между моею совѣстію и моими поступками. Но я это сдѣлалъ для исполненія желанія брата Александра. Слова, въ его письмахъ содержащіяся, я перенесъ въ мою записку. Болѣе я теперь сдѣлать не могу. Не могу идти далѣе. Сего и братья отъ меня требовать не будутъ, даже если я самъ заграждаю себѣ путь къ возможности возвратиться въ прежнее мое положеніе. Чего я могъ просить даже и отъ государя? Какой милости? Повторяю, что приговоръ оправдалъ мой поступокъ. Гдѣ несправедливость? Въ неявкѣ или въ приговорѣ? Съ чьей стороны le tort? Конечно, не съ моей. Кто долженъ поправлять прошедшее? Вознаграждать за несправедливость? Конечно, не я.—Если истина, если правда имѣетъ цѣну въ глазахъ тѣхъ, отъ кого зависитъ дѣло, то они обязаны поправить дѣло не для меня, но для справедливости. Если же ихъ понятія о справедливости или о мнѣ особенно не позволятъ имъ признать моей невинности, признать, что со мною поступлено несправедливо, тѣмъ хуже для нихъ. Я не долженъ, униженіями самого себя, стараться достичь того, что должно быть произведено чистымъ признаніемъ правды съ ихъ стороны. Если правда не сильна для убѣжденія ихъ въ моей невинности, то униженіе съ моей стороны не можетъ или по крайней мѣрѣ не должно произвести сего дѣйствія. Я долженъ сохранить не только чистую совѣсть, но и нравственное мое достоинство. По сію пору я сдѣлалъ уже много уступокъ (consessions); но не могу дѣлать болѣе. Чувство чистой совѣсти достаточно для смерти. Чувство нравственнаго достоинства необходимо для жизни. Съ нимъ я теперь живу покойно, дышу вольно, смотрю на людей прямо. Оно сохранитъ мнѣ спокойствіе и ясность души вездѣ, гдѣ бы я ни былъ.—Просить прощенія въ винѣ дѣйствительной есть искать уклониться отъ закона. Это значитъ искать, желать, просить несправедливости.—Если бъ я когда-либо былъ осужденъ по закону, я не сталъ бы просить помилованія. Законъ долженъ быть исполненъ. Все, что я почитаю позволительнымъ для меня въ моемъ положеніи, есть уклониться отъ сего закона и продолжать не являться. Меня могутъ, передъ закономъ, осудить за неявку. Я могу избавить себя отъ сего осужденія, оставаясь въ Англіи, могу, ибо чувствую, что я, не явившись, избавилъ себя отъ приговора несправедливаго. Въ теперешнемъ моемъ положеніи не я въ долгу другихъ. Если, чего я впрочемъ не ожидаю и не могу благоразумно ожидать, государь захочетъ отвратить сдѣланную мнѣ несправедливость, несмотря на мою неявку, и такимъ образомъ сдѣлать болѣе, нежели сколько требуетъ строгая справедливость, тогда я буду въ долгу и въ обязанности расплатиться всѣми возможными средствами. Я могу принять такое благодѣяніе, но не могу просить его.—Но я по всему вижу, что я не буду обремененъ бреме-

немъ признательности. Вижу это, ибо вижу, что другіе, не болѣе меня виновные, не избѣгли Сибири или другихъ наказаній.

При семъ случаѣ скажу окровенно: я съ горестію вижу вашу anxiété, безпокойство духа. Другія части письма вашего могли бы ручаться за ваше спокойствіе. Но тутъ и вообще во всемъ томъ, что вы лично о мнѣ говорите, я съ печалію вижу, что вовлекъ васъ въ сильное безпокойство, раздраженіе, горе. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы успокоить васъ. Знаю, что положеніе очень трудно. Но думаю, что вы можете хотя нѣсколько успокоиться, видя, что я, причина и предметъ вашего безпокойства, ни мало не печалюсь о себѣ собственно. Но я желаю невозможнаго. Вы не можете дѣйствовать вопреки вашему характеру. Такъ и быть!

19.

23-го февраля 1827 г. Лондонъ, № 20.

Въ моемъ № 19 я продолжалъ излагать мои причины противъ вашего мнѣнія о необходимости съ моей стороны письма къ государю. Ссылаюсь на сіи причины. Но если письмо необходимо, то оно должно быть очень коротко, и я долженъ буду въ немъ сказать, что и не желаю, и не могу, ни въ какомъ случаѣ, возвращаться въ Россію, что не забочусь о мнѣніи, которое публика можетъ имѣть о мнѣ вслѣдствіе рапорта, но что пишу къ его величеству потому, что не хочу, чтобы братъ и преемникъ покойнаго императора могъ думать, что благоволеніе и милости его были обращены къ человѣку недостойному сихъ милостей и сего благоволенія, и что наконецъ я не негодую ни на судей, ни на подсудимыхъ за ихъ показанія и что между подсудимыми тѣхъ, кого я уважалъ, я и теперь уважаю.

Съ того времени, какъ я написалъ записку, мнѣнія мои о многомъ, въ ней содержащемся, измѣнились. Слѣдуя вашимъ письмамъ, я называлъ въ запискѣ подсудимыхъ злодѣями, злоумышленниками, и т. п. Это никуда не годится и должно быть исправлено. Впрочемъ, можно избѣгнуть выраженій относительно лицъ, говоря только о томъ, въ чемъ они признавались, какъ о намѣреніяхъ преступныхъ, злодѣйскихъ.— Читая рапортъ, при составленіи моей записки, я сему рапорту вѣрилъ совершенно. Послѣ мнѣ представилось на умъ, что въ рапортѣ могли не помѣстить всего, что другіе подсудимые могли говорить о мнѣ. И подлинно! Вѣроятно ли, что никто не говорилъ о моихъ мнѣніяхъ о рабствѣ? Напротивъ, не отъ сихъ ли мнѣній моихъ о рабствѣ произошло сіе недоброжелательство ко мнѣ въ судьяхъ? Далѣе: все ли было помѣщено въ рапортѣ аккуратно? Далѣе: не видя противъ меня достаточныхъ

обстоятельствъ къ осужденію, судьи не старались ли вынудить отъ подсудимыхъ чего-либо противъ меня? Это вѣроятно, судя по формѣ вопроса, сдѣланнаго Бестужеву, о коемъ я упоминаю въ запискѣ. Такіе вопросы ясно намекали на отвѣты.—Далѣе вслѣдствіе сихъ стараній открыть что-нибудь противъ меня, не былъ ли Муравьевъ вынужденъ показать, что я былъ однимъ изъ основателей новаго общества? Я не вижу никакой иной причины для Муравьева показывать сіе на меня, ибо онъ зналъ или долженъ былъ знать, что сіе показаніе ни мало не справедливо. Можетъ быть и показаніе Пестеля о фразѣ искажено въ рапортѣ. Все сіе убѣждаетъ меня, что я не долженъ говорить лично о подсудимыхъ такъ, какъ я говорилъ о нихъ. И вы меня чувствительно обяжете, вымаравъ выраженіе: злодѣй и т. п. изъ записки. Я могу оправдывать себя, но не долженъ говорить такъ о людяхъ, кои несравненно несчастнѣе меня, и въ истинѣ показаній коихъ я не могу быть увѣренъ.

Что касается до моего мнѣнія о невозможности возвратиться въ Россію, то я ежедневно болѣе и болѣе удостовѣряюсь въ семъ мнѣніи. Кромѣ того, что я не вижу никакого вѣроятія, ни даже тѣни вѣроятія въ оправданіи—а все иное будетъ недостаточно,—я нахожу, что я дѣлаюсь болѣе и болѣе неспособнымъ жить въ Россіи. Одна идея удерживала меня въ Россіи, влекла меня въ Россію. Эта идея исчезла. Я теперь чуждъ Россіи. Если бы меня оправдали, то это сдѣлало бы честь тѣмъ, кто меня оправдаетъ. Но для меня, лично, я не нашелъ бы въ этомъ большаго благополучія, и если бы могъ предвидѣть возможность такого оправданія, то желалъ бы его только для васъ. Не я въ долгу другихъ. И, слѣдовательно, не на мнѣ лежитъ бремя несправедливаго дѣянія.

Я имѣю надежду на покровительство, которое сильнѣе покровительства всѣхъ земныхъ владыкъ. Я боюсь питать слишкомъ много présomption; но не могу не видѣть покровительства свыше въ моемъ спасеніи, когда я о семъ спасеніи такъ же мало думалъ, какъ и о моихъ преступленіяхъ. Имѣя покровителя въ небѣ и чистую совѣсть на землѣ, я могу быть очень покоенъ и думаю даже, что я сдѣлался бы недостойнымъ сего покровительства, если бы искалъ инаго. Бремя признательности къ людямъ не лежитъ на мнѣ, и я могу обойтись безъ сего бремени.

P. S. Я отыскалъ теперь копію съ одного отношенія на русскомъ гр. Нессельроде къ повѣренному въ дѣлахъ, въ коей только велѣно мнѣ объявить, что если я откажусь явиться, то буду судимъ, какъ не явившійся государственный преступникъ. Любопытно въ семъ отношеніи то, что «участвовавшіе въ возмущеніи 14-го декабря показали, что я былъ ихъ сообщникомъ». Изъ Парижа сію копію

велѣно было мнѣ дать. Но съ того отношенія, въ которомъ велѣно было объявить меня измѣнникомъ предъ англинскомъ правительствомъ, въ случаѣ моего отказа, и которое, сколько помню, было на французскомъ, мнѣ копіи тогда не сообщили.

20.

6-го марта, 1827 г. Лондонъ, № 21.

О томъ, что общества запрещены въ 1822 году, я не знаю, могу ли я говорить самъ въ запискѣ. Я не потому вступилъ въ общество, что общества не были запрещены, равно какъ не потому и вышелъ, что общество было опасно или преступно. Я почиталъ общество вздоромъ и никогда не думалъ ни объ опасности, ни о преступности. Какъ думать о томъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ? Я же никогда не думалъ, чтобы было что-нибудь похожее на настоящій тайный союзъ.

Что касается до изложенія съ моей стороны беззаконностей суда и судей, то это невозможно. Толковать такимъ судьямъ о законѣ было бы доказывать слѣпому прелести цвѣтовъ, глухому—прелести Моцарта. Барановъ! Хитровъ!! Какъ съ сими именами соединить слово законъ? Вы напрасно слишкомъ много негодуете на Сперанскаго. Между такими судіями и то хорошо, если иные по крайней мѣрѣ п р о б у ю т ъ быть порядочными людьми. Вообще всѣ они не стоютъ опроверженія. Да и кому оно поможетъ? Не возвратитъ никого изъ Сибири. А для себя я конечно отъ такихъ людей не могъ ничего ожидать инаго. Спасенный Провидѣніемъ, я могу о нихъ не думать, жить спокойно, пріятно, ѣздить по свѣту и заниматься только пріятными предметами, не будучи подъ упреками совѣсти, что живу только для себя.

Относительно главнаго замѣчанія, что цѣль не оправдываетъ средства, дѣйствительно о семъ правилѣ я всего болѣе говорилъ, говоря о рабствѣ и о поселеніяхъ. Толковавъ, что рабство должно быть уничтожено свыше учрежденіями, а не самими рабами бунтомъ, что, несмотря на право неотчуждаемое сопротивляться несправедливости, бунтъ даже и рабовъ несправедливъ и вреденъ, даже и для нихъ; что бунтъ есть средство вредное, злое, и т. п. О поселеніяхъ: что, несмотря ни на какую пользу государственную, нельзя людей силою тащить къ благоденствію. Въ семъ же смыслѣ я говорилъ о Петрѣ I. Я не люблю бородъ, но не хорошо кнутомъ и каторгою уничтожать бороды и русское платье.

21.

16-го марта 1827 г. Лондонъ. № 22

..... Я счастливъ, что судьба позволяетъ мнѣ смотрѣть на все это, то-есть на несправедливости, мнѣ оказанныя, со стороны. Онѣ прошли мимо меня, не коснулись меня. Я свободенъ. Я былъ бы виновенъ въ малодушіи непростительномъ, въ неблагодарности къ Промыслу, еслибъ позволилъ себѣ сокрушаться, печалиться, огорчаться отъ этихъ мелочей. Что ихъ безсильная злоба, когда я и со мною правда имѣемъ защитника въ небѣ? Я презиралъ бы себя, еслибъ почиталъ себя несчастливымъ. Это ли несчастіе? Были сначала минуты слабости, когда я печалился. Но онѣ миновались скоро и безвозвратно. Мы несчастливы! Но гдѣ же найти выраженіе для положенія женщины, которая лишилась мужа, любимой дочери, круга пріятелей и подъ старость должна жить въ boarding-house? Это моя пріятельница, Mss Hagues. Смотря на нее, всякой подумаетъ, что она веселая, добрая женщина. Недавно она водила меня на свою бывшую квартиру показать портреты ея мужа и дочерей. Съ чувствомъ доброй матери и жены она говорила о качествахъ, дарованіяхъ мужа, дочери. Не могла насмотрѣться на портреты, наговориться объ оригиналахъ. Я съ чувствомъ смотрѣлъ на все. Но она не сѣтуетъ, не почитаетъ себя несчастливою, и, насладившись горькими воспоминаніями, только одно чувство было въ ней замѣтно чувство признательности ко мнѣ за участіе.—Вотъ несчастія жизни и вотъ урокъ, какъ должно смотрѣть на жизнь!

Знаете ли вы книгу Босвеля (Bosswell) о Джонсонѣ? Это весьма извѣстная книга и конечно самая лучшая изъ всѣхъ біографій. Bosswell, бывъ нѣсколько лѣтъ пріятелемъ Джонсона, записывалъ все, что онъ говорилъ о различныхъ предметахъ, такъ что книга представляетъ теперь просто множество весьма умныхъ, замѣчательныхъ разсужденій, разговоровъ, кромѣ полнаго изображенія характера Джонсона, также и характеръ времени, въ которое они жили.—Эту книгу желалъ бы я дать теперь въ руки всѣмъ пріятелямъ Карамзина. Едва-ли кто-либо велъ постоянный журналъ разговоровъ Карамзина. Но многое можетъ быть сохранено: одинъ вспомнитъ одно, другой другое. Память Блудова будетъ тутъ очень полезна. Я не вижу инаго средства передать потомству что-либо о Карамзинѣ, достойное Карамзина. Біографіи порядочной никто у насъ написать не въ состояніи. Да и что лучше такой Босвеневской, живой біографіи? Не знаю почему Вяз.... (Вяземскій) называетъ его представителемъ нашего времени въ Россіи. Шишковъ скорѣе годится въ сіи представители. Карамзинъ, къ несчастію, былъ

представителемъ русскаго въ одномъ отношеніи, и именно въ мнѣніяхъ своихъ о рабствѣ. Благородная душа его конечно не могла любить рабства. Но я душевно жалѣю, что онъ не заклеймилъ перомъ исторіи сей величайшей изъ всѣхъ и чудовищной гнусности, abomination.

22.

26-го марта 1827 г. № 23.

Мои собственныя мысли о смыслѣ, въ какомъ слѣдовало бы мнѣ писать письмо, конечно не согласны съ вашими. Но вмѣстѣ я вижу, что по моимъ мыслямъ нельзя составить такого письма, которое должно быть читано самодержцемъ. Для меня весьма трудно написать письмо такого рода, ибо чувствую, что, обвиняя себя и говоря о пропускѣ, я не только унижаю себя, но и дѣйствую противно убѣжденію совѣсти, ибо ни въ чемъ, совершенно ни въ чемъ не нахожу самого себя виновнымъ. Но—il n'y a que le premier pas qui coute—я написалъ записку. Могу идти далѣе—и написать письмо. Рѣшившись однажды на сіе, я не вижу надобности сочинять новый проектъ.

Ваши разсужденія о возможномъ результатѣ письма мнѣ очень понравились. Я люблю дѣльныя разсужденія и еще болѣе привыкъ къ нимъ, живя въ Англіи, гдѣ люди гораздо дѣльнѣе, нежели въ другихъ земляхъ. Самое вѣроятное изъ вашихъ предположеній есть: «явись». Этотъ отвѣтъ необходимо предупредить, ибо я не могу и точно не долженъ являться ни въ какомъ случаѣ. Я и безъ того много уступилъ обстоятельствамъ. Не могу сдать на капитуляцію послѣдняго укрѣпленія твердости и достоинства характера. Меня удивляютъ ваши слова о необходимости юридическихъ доказательствъ для убѣжденія государя.

Тѣ, кои могутъ быть убѣждены доводами юриспруденціи, должны знать, что доказательства лежатъ не на обязанности обвиняемаго. Противъ меня ничего не доказано, но представляются только обстоятельства обвинительныя. На сіи обстоятельства я отвѣчаю, изъясняю все дѣло. Если мои объясненія покажутся недостаточными, то никакіе доводы не помогутъ. Вообще, въ моемъ дѣлѣ, я думаю лучше употреблять доводы логики, простаго, здраваго смысла, нежели доводы юриспруденціи, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія.

27-го марта. У меня не было никакой другой копіи съ отношенія гр. Нессельроде, кромѣ русской, въ которой, какъ я писалъ къ вамъ, ничего не сказано, кромѣ предписанія явиться. Другое отношеніе гр. Нессельроде, на французскомъ, было къ Потемкину, и въ немъ предписывалось ему, въ случаѣ моего отказа явиться, огласить меня (signaler) предъ англинскимъ министерствомъ, какъ измѣнника, и изъяснить: какому человѣку, то-есть какому преступнику, правитель-

ство даетъ покровъ въ своей землѣ. По сему отношенію я тогда судилъ, что графъ Нессельродъ желалъ убѣдить Каннинга, что англинское правительство даетъ покровъ преступнику, измѣннику и т. п., какъ бы желая подвигнуть сіе правительство отказать мнѣ въ семъ покровѣ, чего однакоже министры не могли тогда сдѣлать, ибо уже прежде объявили въ парламентѣ, что намѣрены измѣнить allies-bill, которая и была впослѣдствіи измѣнена.

Если государь,—чего я не ожидаю—найдетъ, что я имѣлъ хотя слабый предлогъ отказать явиться, видя отношеніе графа Нессельроде, то я увѣренъ, что, взглянувъ на сіе отношеніе, они увидятъ, что я не ошибаюсь ни въ смыслѣ, ни въ выраженіяхъ онаго.

Но сего я не ожидаю. Скажутъ: несмотря ни на что, я долженъ былъ явиться. И для сего-то надобно—какъ-нибудь, но надобно, сказать, или дать почувствовать, что я ни въ какомъ случаѣ возвращаться не намѣренъ.

Я думаю прибавить только слѣдующія строки въ началѣ письма:—послѣ словъ: «не былъ причастенъ». «Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіе меня въ оной лишило меня навсегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что-либо годнымъ землѣ своей, и самаго необходимаго благополучія: — жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ несчастія незаслуженныя. Съ помощію Бога всемогущаго и всевѣдущаго я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неявка—сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня; и, несмотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи вашего императорскаго величества—предъ императорскимъ величествомъ я виновенъ неявкою. Къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственною моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ жить и умереть съ чувствомъ ненарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи».

Лондонъ. Апрѣль. (Написано на пакетѣ при посылкѣ письма на имя государя).

Вотъ письмо. Я хотѣлъ только дать почувствовать, что я ни въ какомъ случаѣ не возвращусь въ Россію. Ежедневно болѣе и болѣе нахожу, что я и не могу и не хочу возвращаться.—Теперь скажу о письмѣ и запискѣ: представлять ихъ, не бывъ увѣрену въ успѣхѣ, никакъ нельзя. Безуспѣшное представленіе повредитъ мнѣ въ различныхъ отношеніяхъ. Теперь всякій можетъ видѣть и знать, почему я не явился. Всякому ясно, что я не могъ ожидать суда безпристрастнаго. Я буду продолжать жить здѣсь или въ Америкѣ, и все это ясно и просто. Но

когда мнѣ теперь скажутъ: явись для оправданія—и когда я не явлюсь послѣ сего (а являться и не должно и нельзя; это былъ бы только презрительный поступокъ съ моей стороны), тогда положеніе мое будетъ не такъ просто и ясно. И такъ всѣ chances'ы представленія записки и письма противъ меня. Я рискую почти все (всѣмъ?)—а не выигрываю почти ничего. Не представлять иначе, какъ бывъ увѣрену въ успѣхѣ: вотъ послѣднее мое мнѣніе.

Сообщилъ **А. А. Ѳоминъ.**

Который Капнистъ?

Графиня И. П. Капнистъ издала въ Москвѣ два тома «Сочиненій графа П. И. Капниста», своего отца. Составленныя издательницею обширныя воспоминанія о графѣ П. И. Капнистѣ написаны живо, увлекательно и сообщаютъ много интересныхъ подробностей о предкахъ автора. Обращаемъ вниманіе на одну подробность, требующую разъясненія.

Дѣдъ графа П. И. Капниста, извѣстный авторъ «Ябеды», В. В. Капнистъ имѣлъ нѣсколько сыновей; о второмъ, Иванѣ Васильевичѣ, отцѣ графа П. И. Капниста, издательница говоритъ: «Второй сынъ родился въ 1795 году, въ Кіевѣ, въ бытность поэта кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Императрица Екатерина II, проѣзжавшая тогда черезъ Кіевъ, крестила новорожденнаго, при чемъ подарила ему брильянтовую табакерку» (стр. XXV).

1795-й годъ—очевидная опечатка: въ 1795 г. кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства былъ С. Л. Тарновскій и въ 1795 г. Екатерина II не покидала Петербургъ. Подарокъ табакерки новорожденному—неловкое выраженіе: Екатерина II много раздарила «воспріемныхъ» табакерокъ, но всегда отцамъ, никогда не новорожденнымъ.

Тѣмъ не менѣе, фактъ, отмѣченный графинею И. П. Капнистъ, не подлежитъ сомнѣнію. Въ «Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ» 1787 г. записано, что 12-го марта, утромъ, до 12 часа, въ столовой комнатѣ, императрица «была воспріемницею младенца урожденнаго отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста». Изъ приходорасходной же книги кабинета ея величества видно, что «табакерка съ брильянтами», подаренная В. В. Капнисту въ день крестинъ сына, стоила 900 рублей.

Котораго же Капниста крестила Екатерина?

Издательница говоритъ, что В. В. Капнистъ имѣлъ трехъ сыновей; князь Лобановъ-Ростовскій называетъ четверыхъ — Семена, Владиміра, Ивана и Алексѣя, при чемъ старшій, Семенъ Васильевичъ, родился въ 1791 г., четыре года спустя послѣ таврическаго путешествія Екатерины II, во время котораго императрица окрестила въ Кіевѣ младенца «урожденнаго отъ Капниста», бывшаго съ 1786 года кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Разъясненіе поставленнаго выше вопроса можетъ быть сдѣлано графинею И. П. Капнистъ по ея фамильному архиву.

В. Бильбасовъ.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

VI [1]).

Переводъ І. І. Базаровымъ на нѣмецкій языкъ исторіи русской церкви А. Н. Муравьева.—И. В. Рождественскій.—Г. П. Павскій.—К. И. Делекторскій.—С. К. Сабининъ.—М. И. Богословскій.—Переводъ Библіи Павскаго.—Отправленіе духовной миссіи въ Іерусалимъ.—Положеніе нашего духовенства.—Попытки Базарова къ изданію новаго духовнаго журнала.—Лѣто въ Баденъ-Баденѣ.—Устройство тамъ постоянной церкви.—Особенность отношенія иностранцевъ къ покойникамъ.—Сила женщинъ.—

Увлекшись разсказомъ о Вяземскихъ, я забѣжалъ далеко впередъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Возвращаюсь опять къ зимѣ 1857—58 года, столь обильной для меня по письменнымъ работамъ. Вотъ между прочимъ у меня сохранилось одно письмо А. Н. Муравьева въ отвѣтъ на посланную ему мною книгу перевода его исторіи русской церкви вмѣстѣ съ отзывомъ о ней нѣмецкой литературы. Книга эта была переведена подъ моимъ руководствомъ собственно для моей августѣйшей ученицы, великой княгини Ольги Ѳеодоровны, однимъ стутгартскимъ нѣмцемъ, докторомъ Кёнигомъ, который выучился по-русски, не бывавъ въ Россіи, но зато послѣ получившій мѣсто преподавателя классическихъ языковъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій.

«Приношу вамъ, писалъ мнѣ Муравьевъ, искреннюю благодарность за вашъ переводъ и за письмо со статьею, хотя она и не совсѣмъ утѣшительна для автора. Можно сказать съ Грибоѣдовымъ: не поздоровится отъ этакихъ похвалъ! Но я спокойно смотрю на литературныя брани

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901.

и похвалы; жаль только, что нѣмцы не раскусили самаго главнаго въ моей книгѣ: это великое лицо Никона, о коемъ еще нигдѣ не было столь подробныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ подлинныхъ его дѣлъ. Это бы можно имъ замѣтить. Все прочее одна лишь обстановка, и книга моя, какъ бѣглый очеркъ нашей церковной исторіи до временъ патріаршихъ, хотя бы въ живыхъ описаніяхъ въ лѣтописномъ вкусѣ, также необходима. Но кажется, на свободѣ я займусь однимъ лишь Никономъ. Теперь я хотѣлъ бы прежде окончить труды: житія святыхъ русскихъ; мнѣ достаточно посидѣть мѣсяца три. Сношенія нашей церкви съ Востокомъ отъ паденія Цареграда до Екатерины I извлечены мною изъ архива московскаго. Осенью думаю приступить къ печатанію, а лѣто думаю провести въ Москвѣ и Кіевѣ, отложивъ поѣздку за границу. На-дняхъ выйдетъ изъ печати и вторая часть моей книги: «Question religieuse d' Orient», которую вамъ пришлю».

Но ревность къ родному дому Божію, снѣдавшая меня въ это время, не ограничивалась только писаніемъ проектовъ по начальству. Я старался частною перепискою вовлечь въ свои думы и другихъ, по моему убѣжденію, болѣе или менѣе способныхъ и пригодныхъ для плодотворной дѣятельности на поприщѣ церковно-общественной жизни. Съ особенною настойчивостью въ этомъ отношеніи напалъ я на своего дядюшку по женѣ, въ то время бывшаго законоучителемъ при дѣтяхъ великой княгини Маріи Николаевны, протоіерея И. В. Рождественскаго. Иванъ Васильевичъ принадлежалъ къ плеядѣ пяти свояковъ, бывшихъ въ свое время выдающимися личностями въ духовномъ мірѣ. Старшій изъ нихъ, мой тесть, протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ, былъ извѣстенъ, какъ заслуженный профессоръ церковной исторіи въ Петербургской академіи и долголѣтній законоучитель въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ онъ замѣстилъ перваго законоучителя, Г. П. Павскаго. Какъ первокурсникъ С. Петербургской академіи, онъ былъ товарищемъ моего отца, тоже магистра I-го курса, что̀ и подало поводъ къ тому, что я, поступивъ въ Академію въ 1839 году на XV-ый курсъ, былъ принятъ, какъ родной въ семьѣ Кочетова и затѣмъ породнился съ ними. На томъ же основаніи я бывалъ часто и въ семьѣ Герасима Петровича Павскаго. Какъ теперь помню замѣчательно умную голову этого тогда уже старца съ его всегда привѣтливою улыбкою и наивно-дѣтскимъ обращеніемъ со всѣми. Вторымъ изъ свояковъ былъ протоіерей К. И. Делекторскій, служившій при церкви министерства иностранныхъ дѣлъ и славившійся своими проповѣдями, которыя отличались необыкновенною для того времени живостью слова и литературною отдѣлкою. Третьимъ въ этой плеядѣ былъ протоіерей С. К. Сабининъ, служившій за границею сперва въ Копенгагенѣ, а потомъ въ Веймарѣ при великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ свое время филологическими и экзегитическими

работами. Многія изъ его работъ по части истолкованія пророческихъ книгъ помѣщались въ «Христіанскомъ Чтеніи», еще большія остались въ рукописяхъ, какъ не выдержавшія чистилищнаго огня тогдашней цензуры. Онъ былъ членомъ копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ и издалъ на русскомъ языкѣ грамматику санскритскаго языка. Четвертымъ изъ нихъ былъ извѣстный въ свое время протоіерей Михаилъ Измаиловичъ Богословскій. Сперва профессоръ литургики въ С.-Петербургской академіи, потомъ законоучитель въ училищѣ Правовѣдѣнія, затѣмъ сдѣланный главнымъ священникомъ арміи и флотовъ на мѣсто Кутневича, онъ окончилъ свою жизнь въ изгнаніи, сосланный въ Москву, гдѣ онъ занималъ мѣсто протоіерея при Архангельскомъ соборѣ. Ученый и умный, но крутой нравомъ, онъ имѣлъ у себя столько же почитателей, какъ и враговъ. О немъ столько извѣстно анекдотовъ и разсказовъ, что я не считаю лишнимъ вспомнить о нѣкоторыхъ изъ нихъ, характеризующихъ эту во всякомъ случаѣ незаурядную личность. Помню еще изъ академической жизни, какъ онъ аттестовалъ одно изъ моихъ сочиненій на заданную имъ тему: «почему семь таинствъ?» Главный смыслъ моего отвѣта былъ тотъ, что вопросъ этотъ былъ произвольный, такъ какъ если бы таинствъ было 6 или 8, опять было бы тоже «почему?» На этомъ сочиненіи онъ поставилъ такую отмѣтку: «Спасибо за послушаніе, хотя писано подъ ножемъ». Но послѣдствіемъ этого было только то, что онъ сталъ относиться ко мнѣ съ видимымъ уваженіемъ. Люди съ рѣзкимъ характеромъ часто любятъ рѣзкіе отвѣты. Но упрямство свое или лучше стойкость выказалъ Михаилъ Измаиловичъ въ извѣстной исторіи изданія Павскаго перевода Библіи. Изданіе это было сдѣлано въ нашъ курсъ въ Петербургской академіи. Одинъ изъ моихъ земляковъ, студентъ Органовъ, бывшій вмѣстѣ со мною вхожъ въ семейство Павскаго, черезъ его дочерей доставшій по секрету отъ ихъ отца переводъ Библіи, принесъ эту драгоцѣнность въ Академію, и тутъ же составился заговоръ отлитографировать этотъ переводъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для этого образовался комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ нашихъ товарищей Горизонтова, бывшаго потомъ священникомъ при такъ называемой Надворотной церкви подъ Александро-Невскою лаврою. Снеслись съ академіями въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, собрали подписки и приступили къ печатанію. Чтобы обмануть начальство, вкладывали по нѣсколько страницъ этого перевода въ литографировавшіяся для студентовъ лекціи, которыя напередъ представлялись инспектору для разрѣшенія къ литографированію. Просматривалъ ли инспекторъ эти листы, считалъ ли ихъ дополненіемъ лекцій, не догадываясь, что изъ этихъ отрывочныхъ листовъ должна была выйти цѣлая книга перевода значительной части Библіи, только эта студенческая затѣя, подавшая потомъ поводъ къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ, прошла незамѣтно

академическую цензуру и явилась въ свѣтъ въ видѣ довольно объемистой книги, которую стали разсылать подписчикамъ по академіямъ. Экземпляръ ея обходился намъ, студентамъ, рубля по два. Но когда въ городѣ узнали объ этомъ изданіи, явились охотники пріобрѣсти эту рѣдкость за большія деньги. Я самъ продалъ одинъ экземпляръ І. С. Кочетову, какъ я послѣ узналъ, для графини А. А. Орловой за 50 рублей. Но когда настала расправа за это подпольное изданіе и насъ всѣхъ притянули къ отвѣту, то стали отбирать у всѣхъ эти экземпляры. По несчастію, захватили у Горизонтова подписной листъ, и потому у каждаго допрашивали, куда дѣвалъ или кому передалъ экземпляры, если за кѣмъ числилось по подпискѣ по нѣскольку экземпляровъ. Не сказать было нельзя. Поэтому у всѣхъ отбирались распроданные экземпляры: у духовныхъ по совѣсти, а у свѣтскихъ даже черезъ полицію. И всѣ отдавали съ покорностью; одинъ только Михаилъ Измаиловичъ заупрямился и предъ сыскною коммиссіею, въ которой предсѣдалъ суровый викарій Венедиктъ, объявилъ, что онъ своего экземпляра не отдастъ. Напрасно ему грозили всѣмъ, даже лишеніемъ священнаго сана, онъ стоялъ на своемъ, что не отдастъ и не отдалъ. А что угроза была не пустая, доказывается опредѣленіемъ, къ счастію не состоявшимся, этой коммиссіи, которая рѣшила было Павскаго за неправославный переводъ лишить священнаго сана и сослать на покаяніе въ монастырь, всѣхъ пріобрѣвшихъ этотъ переводъ подвергнуть дисциплинарному наказанію, насъ же, зачинщиковъ, по предложенію Венедикта, всѣхъ высѣчь; но по опредѣленію коммиссіи рѣшили всѣхъ исключить изъ академіи съ запрещеніемъ вступить въ какое-либо заведеніе. Отъ этой страшной кары всѣхъ избавилъ одинъ В. Б. Бажановъ, представивъ въ Синодѣ то соображеніе, какой соблазнъ произойдетъ въ народѣ, когда узнаютъ, что бывшій законоучитель наслѣдника, протоіерей Павскій, лишенъ сана за ересь, и потому посовѣтовалъ не дѣлать шума изъ этой исторіи, тѣмъ болѣе, что сами студенты въ основаніи имѣли только намѣреніе пріобрѣсти въ этомъ переводѣ пособіе для классическихъ занятій по еврейскому языку.

Вся эта исторія припомнилась мнѣ по поводу воспоминаній о моемъ дядюшкѣ Богословскомъ. Но какъ эта личность весьма незаурядная, то я продолжу его исторію до конца. Стойкость его неустрашимаго характера часто граничила съ упрямствомъ. Случилось разъ такое обстоятельство, что въ одномъ семействѣ нужно было опредѣлить въ Пажескій корпусъ мальчика, по имени Николая. Когда же потребовалось для этого метрическое свидѣтельство изъ церкви училища Правовѣдѣнія, гдѣ былъ этотъ мальчикъ крещенъ, онъ оказался записаннымъ Александромъ. Напрасно родители старались убѣдить, что это была ошибка, такъ какъ родители хорошо помнятъ, что его

крестили Николаемъ, Михаилъ Измайловичъ стоялъ на своемъ, что онъ крестилъ его Александромъ. Бѣдный мальчикъ не былъ поэтому принятъ въ Пажескій корпусъ, вѣроятно потому, что онъ былъ записанъ при рожденіи въ оный подъ именемъ Николая, а Михаилъ Измаиловичъ заупрямился, увѣряя, что онъ помнитъ лучше, чѣмъ сами родители, что сынъ ихъ былъ крещенъ съ именемъ Александра.

Другой случай съ нимъ подалъ поводъ къ толкамъ даже въ заграничной печати. Случилось, что онъ разсердился на своихъ воспитанниковъ, сколько мнѣ помнится, по такому поводу. Разъ воспитанники просили Михаила Измаиловича отслужить въ одно воскресенье обѣдню пораньше и поскорѣе, такъ какъ они спѣшили попасть на какой-то парадъ или праздникъ. О. Богословскій не только не исполнилъ ихъ желанія, но даже намѣренно затянулъ службу. Тогда воспитанники рѣшились отомстить ему за это, къ чему скоро представился случай. Въ этотъ разъ самому Михаилу Измаиловичу понадобилось поспѣшить послѣ обѣдни на какую-то церемонію, и онъ приказываетъ пѣвчимъ, которые были изъ воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, пѣть поскорѣе. Молодежь только того и ждала, чтобы привести задуманную отместку въ исполненіе, и вотъ они начали тянуть обѣдню, вставляя нотныя пьесы, что̀ не всегда дѣлалось. Напрасно Михаилъ Измаиловичъ сердился и кричалъ на нихъ изъ алтаря, пѣвчіе продолжали тянуть. По окончаніи обѣдни онъ ихъ обругалъ, какъ только могъ ругать Михаилъ Измаиловичъ, когда онъ былъ разсерженъ, не употребляя впрочемъ никакихъ ругательныхъ словъ,—на это онъ былъ слишкомъ уменъ; но зато онъ умѣлъ подбирать такія колкія слова и выраженія, которыя пробирали не одну только молодежь, но и семейныхъ людей изъ его подчиненныхъ, имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ его гнѣвъ. Немудрено, что воспитанники въ этотъ разъ не только обидѣлись, но и разсердились за такую ругань, и потому рѣшились выказать ему свое неудовольствіе публичнымъ образомъ. Въ училищѣ Правовѣдѣнія было въ обычаѣ, когда законоучитель приходилъ въ классъ, подходить къ нему подъ благословеніе. На слѣдующій день послѣ разсказаннаго столкновенія, Михаилъ Измаиловичъ приходитъ на урокъ, и ни одинъ изъ воспитанниковъ не подходитъ къ нему подъ благословеніе. Разсерженный этимъ, онъ спрашиваетъ: «что это значитъ, что никто не подходитъ подъ благословеніе?» Всѣ молчатъ. Замолчалъ и онъ, и началъ свою лекцію. Все это произошло незадолго до великаго поста, и вотъ, когда на первой недѣлѣ воспитанники стали говѣть, о. Богословскій, ихъ духовникъ, отлучилъ цѣлый старшій классъ отъ причастія. Можно себѣ вообразить, какой переполохъ произвело это небывалое событіе не только въ самомъ заведеніи между воспитанниками и начальствомъ, но даже среди общества, тѣмъ болѣе, что въ училищѣ Правовѣдѣнія

воспитывались дѣти лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ. Напрасно директоръ училища упрашивалъ Михаила Измаиловича не дѣлать этого скандала, напрасно самъ принцъ П. Г. Ольденбургскій пріѣзжалъ просить его простить виновныхъ воспитанниковъ, ничто не помогало. Наконецъ, это дошло до государя, а тогда государемъ былъ Николай Павловичъ. И несмотря на все это, Михаилъ Измаиловичъ выдержалъ воспитанниковъ подъ эпитиміею въ продолженіе цѣлаго великаго поста, разрѣшивъ имъ причастіе на страстной недѣлѣ. Иностранныя газеты, въ которыя попало это событіе, разсказывали объ этомъ, какъ о необычайномъ даже въ строгомъ католическомъ режимѣ, комментируя по-своему эту строгую мѣру «отлученія отъ церкви» цѣлаго воспитательнаго заведенія абсолютизмомъ политическимъ, проникшимъ даже въ церковную жизнь.

Но, несмотря на все это, а можетъ быть именно поэтому, Михаилъ Измаиловичъ пользовался если не любовію, то всеобщимъ уваженіемъ, какъ въ обществѣ, такъ и между своими воспитанниками. Къ несчастію, твердость его характера не умѣла положить должныхъ границъ его упрямству, и это погубило его и испортило его карьеру. Когда, по смерти Кутневича, онъ былъ назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флота, его вступленіе въ эту должность ознаменовалось уже ненужнымъ столкновеніемъ съ Бажановымъ. Мнѣ разсказывалъ объ этомъ самъ Василій Борисовичъ.

«Послѣ смерти Кутневича, говорилъ онъ, я временно завѣдывалъ управленіемъ его, и когда на это мѣсто назначенъ былъ Богословскій, то я разъ, встрѣтившись во дворцѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Рождественскимъ, говорю ему: «скажите вашему свояку, чтобы онъ заѣхалъ какъ-нибудь ко мнѣ принять дѣла по управленію его вѣдомствомъ». Что же, вы думаете, мнѣ отвѣчалъ на это Михаилъ Измаиловичъ? «Не мнѣ идти за дѣлами къ Бажанову, а пусть онъ придетъ ко мнѣ сдать дѣла по принадлежности!» Этого Бажановъ никогда не хотѣлъ простить ему. Вскорѣ представился случай, подавшій поводъ къ лишенію М. И. Богословскаго мѣста, и удаленію въ ссылку въ Москву. Въ вѣдомствѣ главнаго священника арміи и флота находился одинъ священникъ, который вѣнчалъ безъ всякихъ затрудненій всякія сомнительныя и даже незаконныя свадьбы. Это практиковалось имъ почти гласно, пока не сдѣлано было доноса въ консисторію, которая поспѣшила отнестись о томъ указомъ къ главному священнику того вѣдомства, въ которомъ состоялъ обвиняемый. Здѣсь и началось столкновеніе и препирательство двухъ вѣдомствъ изъ-за компетенціи власти. М. И. Богословскій, не умѣвшій умѣрять негодованія при видѣ нарушенія права, началъ писать консисторіи такія рѣзкія отповѣди, что та нашлась вынужденною перенести это дѣло на разсмотрѣніе Св. Синода.

Тамъ предубѣжденные уже противъ Богословскаго (случай столкновенія съ Бажановымъ) взяли сторону консисторіи противъ главнаго священника и отнеслись строго къ рѣзкому тону его отписокъ. Но Михаилъ Измаиловичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы можно было запугать его даже строгостію власти, когда онъ чувствовалъ себя въ правѣ, поэтому онъ отвѣчалъ и Синоду въ выраженіяхъ, не довольно скромныхъ и подчиненныхъ. Тогда по гласу: «да онъ властей не признаетъ» рѣшили отставить его отъ занимаемой имъ должности, сославъ его въ Москву, гдѣ ему дали мѣсто протоіерея Архангельскаго собора, к а ж е т с я, даже съ запрещеніемъ въѣзда въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, когда вслѣдъ за этой ссылкой нѣкоторыя изъ высокопоставленныхъ дамъ выписали его изъ Москвы для исповѣди въ великому посту, то Бажановъ на мой разсказъ объ этомъ пришелъ въ такое негодованіе, что чуть не грозилъ запереть его въ монастырь за такое своевольство. По счастію, Богословскій какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ обратно incognito, не показавшись въ Петербургѣ никому, кромѣ своихъ духовныхъ чадъ, для исповѣди которыхъ онъ и пріѣзжалъ. Мнѣ случилось посѣтить Михаила Измаиловича въ Москвѣ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его ссылки туда, и я нашелъ его бодрымъ и даже веселымъ. Это былъ человѣкъ неспособный предаваться унынію ни въ какихъ случаяхъ жизни, гордый сознаніемъ своей правоты и непреклонный въ исполненіи своего долга.

Но, увлекшись воспоминаніемъ объ этомъ дядюшкѣ, я долженъ наконецъ возвратиться къ И. В. Рождественскому, по поводу котораго я и перечислилъ всю плеяду свояковъ. Итакъ Рождественскій былъ одинъ изъ тѣхъ, котораго я старался вызвать на обмѣнъ мыслей по поводу занимавшихъ тогда всѣхъ вопросовъ. Надо сказать, что Иванъ Васильевичъ принадлежалъ къ числу лицъ, особенно уважаемыхъ за свой свѣтлый умъ и отсутствіе той формальности жизни, которая въ ту эпоху опутывала болѣе или менѣе всѣхъ и каждаго въ общественной дѣятельности. Но онъ былъ не столько публичнаго, сколько семейнаго характера. Судьба воспитала его къ тому суровымъ опытомъ жизни. Поступивъ скоро по окончаніи курса Петербургской академіи законоучителемъ въ Дворянскій полкъ, онъ въ короткое время потерялъ нѣсколько человѣкъ дѣтей и затѣмъ жену. Овдовѣвъ и оставшись совсѣмъ одинокимъ, онъ всецѣло предался своему долгу не только законоучителя, но и воспитателя своихъ кадетъ, раздѣляя съ ними ихъ занятія и даже игры и забавы. Скоро воспитанники такъ полюбили его, что дѣлились съ нимъ и радостями и горемъ жизни. Многіе, если не всѣ, продолжали переписываться съ нимъ и по выходѣ изъ корпуса. Помню, какъ прославившійся въ севастопольскую войну Щеголевъ сообщалъ Ивану Васильевичу о своихъ геройскихъ подвигахъ, и какъ

онъ отечески радовался успѣхамъ бывшаго своего воспитанника. Покойный государь Николай Павловичъ скоро замѣтилъ эту неоцѣнимую педагогическую способность Рождественскаго и назначилъ его законоучителемъ дѣтей великой княгини Маріи Николаевны. Здѣсь также точно онъ въ скорое время такъ привязался къ дѣтямъ и внушилъ такое довѣріе и привязанность къ себѣ всей семьи, что его считали почти своимъ и роднымъ, а онъ называлъ дѣтей великой княгини не иначе, какъ «мой» и всю фамилію «своимъ семействомъ». Когда затѣмъ онъ перешелъ къ дѣтямъ императора Александра II, то и здѣсь онъ пріобрѣлъ такую дружбу всѣхъ воспитателей и уваженіе августѣйшихъ воспитанниковъ, что сталъ домашнимъ человѣкомъ. Помню, какъ онъ разъ потѣшался тѣмъ, что, выѣзжая кататься съ великими князьями въ экипажѣ, принималъ вмѣстѣ съ ними воинскія почести отъ карауловъ.

— Знаю,—говорилъ онъ,—что отдаютъ почесть не мнѣ, но за то ряса священническая рядомъ съ высочайшими особами! А это много значитъ въ наше время!

Но, занимая такое высокое положеніе при дворѣ, а впослѣдствіи и въ Синодѣ, гдѣ онъ былъ присутствующимъ членомъ, Иванъ Васильевичъ, по моему тогдашнему взгляду, мало пользовался своимъ вліяніемъ на пользу церкви. Вотъ къ этому-то мнѣ и хотѣлось пробудить и привлечь его моими настойчивыми письмами. Очень интересны отвѣты, которые онъ давалъ мнѣ на мои часто увлекающіяся мечты и благія желанія. Вотъ рядъ его писемъ ко мнѣ, хорошо характеризующихъ какъ его личность, такъ и самую эпоху тогдашняго времени.

5-го декабря 1857 г. С.-Петербургъ. № 1.

«Письмо ваше, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, я получилъ вчера, и при немъ двѣ книжки, нѣмецкую и русскую. Усердно благодарю за вашу любовь. Отчего такъ долго шло письмо ваше, не знаю, а если всегда такъ будетъ,—досадно. Черезъ мѣсяцъ письмо много теряетъ свѣжести.

«Повидимому, отъ переписки со мною вы ожидаете гораздо больше, чѣмъ сколько могу я выполнить. Вамъ кажется, что мои письма иногда могутъ интересовать даже великую княгиню; а я увѣренъ, что они рѣдко будутъ удовлетворять и васъ, предполагая родственную съ вашей стороны снисходительность. Для писемъ серьезныхъ и обдуманныхъ у меня не достанетъ ни времени, ни матеріаловъ. Отчасти вы знакомы уже съ моимъ образомъ жизни. Я всегда въ упряжи, везу иногда дорогую кладь, иногда мусоръ. Шерсть валится клочьями, ноги давно разбиты. Въ минуты отдыха могу только бродить по своему жилью понуря голову. Для писемъ приходится употреблять такіе часы, когда глаза невольно смыкаются.—Да и что я могу писать вамъ интереснаго? Проводя большую часть времени съ дѣтьми, или съ подобными себѣ тружени-

ками,—я мало вижу, и даже мало слышу, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ. Вамъ покажется страннымъ, но это совершенно справедливо, что нѣкоторыя петербургскія новости доходятъ до меня изъ провинціи, черезъ письма какого-нибудь любопытнаго знакомаго. Чего же вы можете ожидать отъ такого корреспондента? Лучше всего было бы, если бы вы, для удовлетворенія своего любопытства, задавали мнѣ вопросы. Тогда я не дѣлалъ бы пропусковъ по забывчивости, и на что самъ не въ силахъ отвѣтить, о томъ могъ бы наводить справки.

«На первый разъ угощу васъ тѣмъ, что первое попадетъ подъ руку. На востокъ поѣхалъ Кириллъ, которому и прилично прославиться подъ именемъ Іерусалимскаго (хоть назвали его почему-то Мелитопольскимъ, по имени ничтожнаго городка, населеннаго иностранными колонистами). Сначала это назначеніе возбудило много надеждъ въ публикѣ, потому что Кириллъ широко раскинулъ свои планы и широко разглагольствовалъ о нихъ; но подъ конецъ, говорятъ, рѣшили, что онъ будетъ молиться за святую Русь и—только. Левтону, котораго К. предполагалъ сдѣлать чѣмъ-то вродѣ начальника тайной полиціи, позволено только съѣздить на востокъ въ качествѣ паломника. Учрежденіе ученаго братства, изданіе газеты, назидательныя путешествія и прочія затѣи велѣно отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ... Въ здѣшнюю академію переселился изъ Константинополя Ѳеофанъ и усиливается, говорятъ, осуществить свои аскетическія правила, но успѣху пока мало. Совѣтуетъ психологію читать по Исааку Сиріанину, эстетику и физику по другимъ какимъ-то отцамъ, но профессора отстаиваютъ свои «языческія» идеи.— При семинаріи, съ новаго года, будетъ издаваться новая газета, подъ именемъ «Духовной Бесѣды», съ цѣлію поучать преимущественно простой народъ. Для составленія статей, кромѣ семинарскихъ наставниковъ, приглашали большую часть здѣшнихъ ученыхъ священниковъ, а старецъ Петръ самъ рѣшается пересматривать всѣ матеріалы. Но и тутъ дѣло начинается, говорятъ, туго. Изготовленныя для первыхъ нумеровъ статьи митрополитъ всѣ забраковалъ, потому что не нашелъ въ нихъ «жизни языка». А что такое жизнь языка, никто не понимаетъ. Видятъ только, что мѣстоименіе «этотъ» вездѣ замѣняется «сими и оными».— Успѣхъ, очевидно, и тутъ сомнителенъ. Въ «Христіанскомъ Чтеніи» предположено ввести новый отдѣлъ—переводы византійскихъ лѣтописцевъ, съ цѣлью очистить матеріалы церковной исторіи отъ искаженій, сдѣланныхъ латинянами. На сколько лѣтъ растянется это предпріятіе въ тощихъ книжкахъ журнала и на сколько соберутъ жемчугу въ кучахъ разнаго хлама—опредѣлить пока трудно. Между тѣмъ, этими нововведеніями мы, кажется, заняты сильно, такъ что и текущія дѣла административныя, которыя безъ того никогда не отличались быстротою, отъ этого еще замедляются... Даже раскольники чуть-ли не становятся

на второй планъ.—Свѣжихъ новостей никакихъ не знаю. На счетъ крестьянъ есть темный слухъ, что на этихъ дняхъ дѣлается что-то въ большомъ секретѣ. Говорятъ, будто освобожденіе хотятъ начать съ трехъ литовскихъ губерній. За основаніе взято: землю оставить за помѣщиками и имъ же предоставить (на время) полицейскій надзоръ за крестьянами. Въ журналахъ дѣятельно и дѣльно разрабатываютъ вопросы—объ устройствѣ общинъ, о гласности судопроизводства, о свободной торговлѣ, о распространеніи грамотности, объ уничтоженіи взяточничества и пр. Можетъ быть, и выйдетъ что-нибудь изъ этого, только не скоро. А вѣроятнѣе, не привелось бы опять усилить строгость цензуры. Нововведенія обсуживаются большею частію комитетами, а тамъ засѣдаютъ люди не только не новаго поколѣнія, но иногда—чуть ли не изъ другаго міра. Хотѣлось бы сказать вамъ что-нибудь о Влад. Пав. Т. (Титовъ), но со времени отъѣзда вашего изъ Петербурга, я не видалъ его ни разу. Слышно только, что у него доселѣ продолжаются столкновенія, затрудненія, недоумѣнія и прочія примѣты неустойчивости положенія. Можетъ быть, вамъ отъ него самого лучше извѣстны его дѣла. Обѣщали спросить и моего мнѣнія о чемъ-то касающемся воспитанія В. К—й (Великихъ Князей), но доселѣ жду вызова. А въ нашей семьѣ [1]) опять раздѣленіе. Двое старшихъ питомцевъ моихъ на-дняхъ проѣдутъ мимо васъ въ Римъ, куда отправили ихъ доктора на зиму. Весною они возвратятся сюда, а осенью опять уѣдутъ, вѣроятно, со всею семьею. Что будетъ со мною, не знаю.

«Родные наши, кажется, всѣ здравствуютъ. Вижусь съ ними рѣдко. Мих. Из. [2]) доселѣ не получилъ докторскаго креста. За поклонъ вашъ усердно благодаритъ.

«Зима у насъ начинается очень дурно. Больныхъ безчисленное множество. И я пролежалъ двѣ недѣли. Желаю вамъ добраго здравія.

«Душевно васъ почитающій І. Рожд.».

Въ письмѣ этомъ упоминается о преосвященномъ Кириллѣ, отправившемся въ Іерусалимъ во главѣ духовной миссіи, образованной на новыхъ началахъ. Насъ съ Иваномъ Васильевичемъ особенно интересовала эта посылка или посланничество пр. Кирилла, такъ какъ эта, впослѣдствіи оказавшаяся горькою, чаша прошла мимо насъ, хотя одно время насъ сильно приглашали испить ее. Дѣло было такъ. Послѣ того, какъ наши политическія претензіи на Святыя мѣста были разбиты подъ стѣнами Севастополя, князю Горчакову пришло на умъ завоевать Россіи прочное положеніе на востокѣ путемъ церковнаго вліянія въ

---

[1]) Разумѣется семья великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ И. В. Рождественскій былъ дѣйствительно почти своимъ семьяниномъ.

[2]) Богословскій, бывшій законоучитель училища Правовѣдѣнія.

Іерусалимѣ. Для этого была составлена обширная программа дѣятельности новой духовной миссіи, немного смахивавшая на іезуитизмъ, но совершенно непрозрачно прикрытая пользами православія въ колыбели христіанства. Главною заботою князя Горчакова было найти подходящаго человѣка, который бы, ставъ во главѣ этой миссіи, понялъ настоящую цѣль ея и съумѣлъ провести намѣренія правительства, не компрометтируя ни его, ни себя въ глазахъ еще недавнихъ враговъ нашего политическаго вліянія на востокѣ. Однимъ словомъ, лицо это должно было совмѣстить въ себѣ съ высшимъ духовнымъ саномъ и дипломатическій характеръ. Не знаю, почему особенно князь Горчаковъ обратилъ на меня свое вниманіе, находя во мнѣ подходящаго кандидата на это мѣсто. Я былъ тогда въ Петербургѣ и имѣлъ случай подолгу бесѣдовать объ этомъ съ княземъ. Я не могъ не сочувствовать этой патріотической и вмѣстѣ живой задачѣ православія, и мы почти сговорились на столько, что я готовъ былъ промѣнять свое безмятежное и выгодное положеніе при дворѣ на многотрудную, полную заботъ и опасностей дѣятельность въ странѣ, хотя и полной святыхъ впечатлѣній, тѣмъ не менѣе лишенной всѣхъ тѣхъ удобствъ жизни, которыми я былъ уже и тогда избалованъ долговременнымъ пребываніемъ въ цивилизованныхъ краяхъ. Оставалось только рѣшить одинъ важный вопросъ. Для того, чтобы стать во главѣ этой миссіи, нужно было быть облеченнымъ саномъ епископства, а для этого требовалось предварительно принять монашество. Отъ этого послѣдняго условія я рѣшительно отказался — и при томъ по тремъ, въ моихъ глазахъ, важнымъ причинамъ: во 1-хъ, я никогда не чувствовалъ въ себѣ ни призванія, ни расположенія къ монашеству; во 2-хъ, я не могъ согласовать съ своею совѣстью принять обѣты монашества, какъ мнѣ внушали тогда, только для формы безъ обязанности строгаго ихъ исполненія, и въ 3-хъ, я не находилъ ни въ каноническихъ, ни въ церковноисторическихъ данныхъ, чтобы епископскій санъ поставленъ былъ въ необходимую зависимость отъ монашескаго званія. Поэтому согласившись со всѣмъ и на все въ предложеніяхъ князя Горчакова по этому дѣлу, я предоставилъ ему хлопотать о томъ, чтобы возвели меня въ епископскій санъ безъ монашества, и тогда я принялъ бы предлагаемый мнѣ постъ. Но всѣ усилія князя Горчакова въ этомъ отношеніи разбились, и эта чаша прошла помимо меня. Тогда, по моему указанію, князь Горчаковъ обратился съ такими же предложеніями къ И. В. Рождественскому, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не только вдовъ, какъ и я, но и бездѣтенъ, чего не было со мною. Но здѣсь князь Горчаковъ встрѣтилъ мало сочувствія къ самому проекту и наконецъ ту же оговорку на счетъ монашества, какъ непремѣнное условіе для полученія епископскаго сана. Тогда князю указали на молодаго архимандрита Кирилла, бывшаго тогда ректоромъ С.-Петербургской

духовной академіи и славившагося своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ. Кириллъ лично понравился князю Горчакову, и его выборъ остановился на немъ. Но здѣсь встрѣтилось опять препятствіе. Духовное начальство не соглашалось разстаться съ Кирилломъ, желая удержать его для себя при академіи. Тогда кн. Горчаковъ, разсерженный такими неудачами, въ моемъ присутствіи объявилъ оберъ-прокурору, что если ему не уступятъ Кирилла, то онъ доложитъ государю, что іерусалимская миссія не можетъ состояться за неимѣніемъ въ духовномъ вѣдомствѣ подходящаго кандидата, котораго можно бы было поставить во главѣ этой миссіи. Это помогло, Кириллъ былъ поставленъ во главѣ новой миссіи въ санѣ епископа и со своею свитою отправился въ Іерусалимъ. Извѣстно, какъ неудачно кончилась эта затѣя и какая печальная участь постигла самого преосвященнаго Кирилла. Изъ слѣдующаго письма И. В. Рождественскаго видно, что мы въ то время далеко еще не созрѣли для того, чтобы брать на себя роль просвѣтителей и цивилизаторовъ на востокѣ. Вотъ это письмо:

8-го марта 1858 г. № 2. С.-Петербургъ.

Любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ.

«Давно не читалъ я писемъ, подобныхъ вашему. Обширная корреспонденція моя въ настоящемъ году вращается большею частію въ кругу родныхъ или бывшихъ моихъ учениковъ и ученицъ. Первые, какъ вамъ извѣстно, любятъ распространяться только о своихъ матеріальныхъ нуждахъ; послѣдніе—поэтизируютъ свои воспоминанія о годахъ дѣтства, или также спускаются въ житейскую прозу,—просятъ ходатайства о мѣстахъ, чинахъ и т. п. Вы уже пытались снять плѣсень, которою начинаетъ покрываться мой мозгъ, и хотите пробудить въ немъ помыслы, которые долго и сильно шевелились, пока явная безнадежность въ успѣхѣ не оставила ихъ на точкѣ замерзанія. Впрочемъ, не думайте, что я отчаиваюсь въ возможности улучшенія настоящаго порядка вещей, нѣтъ, я прогрессистъ по убѣжденію, а осуждаю на неподвижность только себя, и то не потому, чтобы не хотѣлъ или совсѣмъ не могъ двигаться впередъ, а потому, что, по пословицѣ, умыкали бурку крутыя горки. Разбитому скакуну минута отдыха пріятнѣе самаго дорогаго приза, о какомъ онъ мечталъ бы (если бы могъ мечтать) при ощущеніи своего безсилія. Вы правы, что когда посмотришь на теперешнее состояніе нашей церкви,—невольно задумаешься о многомъ, но къ чему поведутъ эти думы въ положеніи такого рода, каково, напримѣръ, мое и отчасти ваше? За себя рѣшительно и по опыту отвѣчаю: онѣ производятъ во мнѣ приливы крови къ головѣ и глубокую грусть въ сердцѣ; тѣмъ, всегда почти, и оканчивается. Но для дружескаго развлеченія съ вами, отчего не сдѣлать пробу? Вотъ мы съ вами крѣпко задумались и кое-что придумали. Положимъ, что близъ

насъ есть двѣ-три добрыя особы, которымъ мы можемъ сообщить наши думы. Онѣ выслушали насъ съ искреннимъ участіемъ, отъ себя придумали кое-что, погрустили и порадовались вмѣстѣ съ нами, и рѣшились дальше повести наши думы. Положимъ, что и это сбылось,—что наши задушевныя мысли и чувства дошли до самой высшей инстанціи, гдѣ слово и дѣло почти съ одинаковою легкостью приводятся въ исполненіе. Что же затѣмъ? Предполагаю самое лучшее: наши планы передадутъ на судъ тѣхъ, кому вѣдать это подлежитъ по регламенту. И вотъ наши думы, чистыя и безкорыстныя, перешли въ канцелярію... Не остановиться ли съ ними у порога? Или лучше—не воротиться ли въ свой уголъ? Не отправить ли ихъ опять подъ черепъ, полуобнаженный отъ безплодныхъ заботъ и утратъ тяжелыхъ? Какъ вы полагаете?... Но я рѣшился дѣлать съ вами пробы. Предположимъ, что наши планы, сверхъ всякаго чаянія, пущены въ ходъ. Могутъ ли принести они ожидаемую пользу? Вы полагаете, напримѣръ, что намъ надобно дѣятельнѣе озаботиться судьбою іерусалимской миссіи; но время ли теперь домогаться сомнительнаго вліянія на востокѣ, когда у насъ, какъ говорится, своя изба горитъ, и—хлопотать объ обращеніи арабовъ, когда мы доселѣ милліоны своихъ крестьянъ не умѣли научить молитвѣ Господней? Греки, такъ называемые братья наши, 400-лѣтнимъ рабствомъ до такой степени исказили свой національный характеръ, что мудрено намъ ожидать отъ нихъ искренняго сочувствія, а скорѣе можно опасаться, что всѣ права православія они, какъ Исавъ первенство, продадутъ за чечевичную похлебку. Между тѣмъ противодѣйствіе со стороны латинянъ и протестантовъ растетъ съ каждымъ днемъ. Пожалуй, среди развалинъ Палестины много найдется мѣста для нашихъ денегъ: да есть ли у насъ избытокъ въ нихъ? Здѣсь открыта повсемѣстная подписка, и десятки тысячъ собраны уже. Русскій человѣко размашистъ и, при случаѣ, кармана не жалѣетъ, но на бѣду онъ же и на руку нечистъ и экономію слишкомъ мало разумѣетъ. Хоть бы наши Кириллы въ чемъ практиковались доселѣ? Въ счетѣ грѣховъ смертныхъ да студенческихъ балловъ поведенія. Пусть выберутъ меня или другаго кого, выйдетъ, можетъ быть, еще хуже, потому что растили насъ въ одномъ огородѣ и поливали водою изъ одного болота.

«Перехожу къ другому плану. Вамъ кажется, что настала пора развязать руки нашей учености, издавать серьезные журналы, умножить органы для духовной критики, чтобы вступить въ борьбу съ іезуитами и пр. и пр. Положимъ, что все это возможно въ настоящую минуту, что мы вдругъ сбросили съ себя вѣковые предразсудки, что намъ позволили уже печатно высказывать и такія щекотливыя истины, какъ, напр., что Синодъ собирается въ присутствіе по средамъ и пят-

ницамъ, что цензоръ не станетъ вычеркивать и такихъ неправославныхъ словъ, какъ напр., религія, индифферентизмъ, герменевтика и т. п. Но представляются вопросы: гдѣ наша ученость? Кто дѣятельные сотрудники серьезныхъ журналовъ? Кто опытные борцы съ іезуитами? Вамъ извѣстно, что цвѣты нашей учености созрѣваютъ единственно въ академическихъ теплицахъ и оттуда, волею судебъ, разносятся въ видѣ блѣдныхъ лепестковъ по всему пространству Россіи, чтобы распространять свое благоуханіе въ образахъ наставниковъ академій и семинарій, законоучителей свѣтскихъ заведеній и приходскихъ священниковъ. Первые, со школьной скамьи, поднявшись на каѳедру, обыкновенно начинаютъ ученые подвиги свои компиляціею академическихъ уроковъ по тому предмету, какой жребіемъ указанъ имъ,—и постепеннымъ забвеніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. На первыхъ же шагахъ они сталкиваются съ разными житейскими неудобствами, которыя года черезъ два, часто меньше и рѣдко больше, воспламеняютъ въ нихъ неутолимое желаніе пожить на хлѣбахъ у какого-нибудь кладбищенскаго отца, подъ условіемъ законнаго брака съ его дочкою. Затѣмъ является понятное охлажденіе къ ученымъ занятіямъ (къ которымъ и никогда не было пробуждено особенной горячности). Они начинаютъ посѣщать свои аудиторіи для одной формы, а главнымъ дѣломъ считаютъ—присматривать мѣстечко или въ приходѣ, или въ департаментѣ. И хорошо дѣлаютъ: потому что чѣмъ больше оставались бы при академіи или семинаріи, тѣмъ больше терпѣли бы въ жизни и на службѣ.

«Поступающіе въ законоучители, повидимому, избираютъ, для себя спеціально-ученое поприще; но, увы, и тутъ ученость не можетъ идти далеко. Законоучители обыкновенно надѣляются у насъ не менѣе, какъ 20-ью часами въ недѣлю уроковъ, за вознагражденіе, которое далеко не удовлетворяетъ потребностямъ и вынуждаетъ брать еще часовъ 10 частныхъ уроковъ. При этомъ—церковная служба, внѣклассныя бесѣды съ питомцами и необходимыя развлеченія житейскія. Это, на первыхъ порахъ, поглощаетъ рѣшительно все время, а нерѣдко уноситъ невозвратно и значительную часть здоровья. Когда будетъ пріобрѣтенъ благодѣтельный навыкъ—краснорѣчиво повторять одни и тѣ же наставленія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько увеличатся досуги, тогда является вниманіе начальства къ заслугамъ и возлагаются на законоучителя десятки разныхъ порученій, весьма рѣдко ученыхъ и всегда безмездныхъ. Въ концѣ поприща представляется идеалъ законоучителя въ лицѣ нашего незабвеннаго Акима Семеновича (Кочетовъ)...

«Говорить ли о приходскихъ священникахъ, которымъ, кромѣ обычныхъ вечеренъ, утренъ, обѣденъ, панихидъ и пр., приходится иногда совершать по 10 крестинъ въ день и исповѣдывать по 500 грѣшниковъ? Ихъ ученость испаряется по мѣрѣ того, какъ притупляется языкъ отъ ежеднев-

наго чтенія по извѣстнымъ книжицамъ, и наконецъ едва достаетъ на то, чтобы написать двѣ проповѣди въ годъ для каѳедральнаго собора. Да и къ чему ученость для приходскаго священника? Прихожане не полюбятъ его и потому еще, что онъ не станетъ съ ними бражничать, начальство, чего добраго, почтетъ его вольнодумцемъ, а при счастьѣ—верхъ его карьеры—консисторское кресло, на которомъ немного нужно ума, чтобы подписывать секретаремъ составленные протоколы... Я не упомянулъ объ ученыхъ-монашествующихъ, которые и отъ міра отрекаются, повидимому, не столько для спасенія души, сколько для просвѣщенія себя и другихъ. Да, между ними есть на кого указать не безъ гордости: Филаретъ, Иннокентій, Макарій, Анатолій и еще человѣкъ до десяти, съ пониженіемъ достоинствъ въ сравненіи съ упомянутыми. Но Филаретъ доживаетъ уже послѣдніе дни, Иннокентій и ихъ дожилъ, Макарій перековываетъ ученый мечъ на рало, а остальныхъ, затѣмъ, хоть бы мы увеличили число ихъ вдвое, ужели достаточно для того, чтобы поддержать нашу ученость на такой высотѣ, на какой хотѣли бы видѣть ее мы съ вами? Что же дѣлаетъ большинство ученыхъ монаховъ? спросите вы. Живетъ и дѣятельно стремится горѣ, къ почестямъ высшаго званія, имѣя въ виду покой на мягкомъ сѣдалищѣ,—устрояемомъ среди церкви.

«Для предполагаемыхъ ученыхъ журналовъ вы находите матеріалъ въ какихъ-то сокровищахъ, даромъ пропадающихъ, которыя давно слѣдовало бы выводить на свѣтъ. Если не ошибаюсь, вы разумѣете подъ этимъ курсовыя сочиненія студентовъ, дѣйствительно пропадающія даромъ въ академическихъ архивахъ. Признаюсь, и я долго считалъ ихъ сокровищемъ, пока не сдѣлался присяжнымъ ихъ оцѣнщиковъ. Теперь думаю иначе и готовъ бы предложить проектъ, чтобы академическіе архивы, подобно всякимъ другимъ, подвергать, время отъ времени, огненному очищенію. Вотъ доказательства. Вы знаете, что изъ студентовъ внимательно занимаются курсовыми сочиненіями только тѣ, которые имѣютъ претензію на степень магистра, прочіе увѣрены, что ихъ во всякомъ случаѣ выпустятъ кандидатами, и потому пишутъ кое-что и кое-какъ. Такимъ образомъ сокровища наши сокращаются, по крайней мѣрѣ, на половину. Теперь, если взять магистерскія разсужденія за всѣ курсы,—между ними вы найдете опять, можетъ быть, половину такихъ, которыя писаны на однѣ и тѣ же темы и по однимъ источникамъ. Значитъ, и тутъ окажется мало новаго и много лишняго. Изъ остальныхъ затѣмъ отдѣлите половину такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности взгляда на предметъ, а только старательно собраны выписки изъ печатныхъ книгъ, находящихся въ академическихъ библіотекахъ. Согласитесь, что и это находка не важная, особенно для нынѣшней мужающей литера-

туры нашей. Много ли же останется трудовъ самостоятельныхъ, зрѣлыхъ, заслуживающихъ общаго вниманія? Большая часть изъ нихъ печатались и печатаются или отдѣльно, или въ теперешнихъ журналахъ, и только три изъ нихъ, на моей памяти, оказались капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, это: разсужденіе Руднева «О ересяхъ и расколахъ въ Россіи», не помню, чье сочиненіе «О Св. Дмитріѣ Ростовскомъ» и изслѣдованіе Кудрявцева «О единствѣ происхожденія рода человѣческаго». При такомъ состояніи нашей учености можно ли вступать въ полемику съ іезуитами? Не думаю. Пока молчимъ, могутъ еще подумать (хоть едвали думаетъ кто-нибудь), что мы не хотимъ говорить отъ сознанія своей правоты и силы; но когда заговоримъ не впопадъ,—и правый процессъ будетъ проигранъ. Спорный недугъ является у насъ, и въ комъ же?—Сверхъ чаянія,—въ здѣшнемъ старцѣ митрополитѣ, который, предпринявъ издавать «Духовную Бесѣду» преимущественно для простаго народа, хочетъ помѣщать въ ней опроверженія нескромныхъ выходокъ свѣтскихъ газетъ и даже намѣренъ пустить нѣсколько камней въ упомянутые вами этюды Гагарина. Напечатаны уже два письма Яхонтова къ Гагарину. Когда вы прочитаете ихъ, надѣюсь, согласитесь съ тѣмъ, что я сказалъ выше.—Гагаринъ—не Голіаѳъ, а Яхонтовъ еще менѣе похожъ на Давида. Ужъ если бороться съ іезуитами, такъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы начать не съ печатныхъ разглагольствій ихъ за границею, читаемыхъ только извѣстнаго класса барынями, а съ интригъ секретныхъ внутри Россіи. Лукавый духъ ихъ у насъ гнѣздится вездѣ, отъ канцеляріи Синода до бурятской кибитки, и всюду приноситъ плоды—по роду своему. Удивительное дѣло, какъ вкралась ошибка въ исторію. Всѣ утверждаютъ, что Лойола училъ въ XVI вѣкѣ, между тѣмъ, какъ искуситель въ раю совершенно слѣдовалъ его правиламъ. Впрочемъ, къ чему мнѣ глумиться надъ Лойолою и его компаніею? Не на то ли и «щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ?». Можетъ быть, козни іезуитовъ когда-нибудь разбудятъ насъ отъ крѣпкаго сна, образумятъ и заставятъ исправиться. Я крѣпко вѣрю, что мы никогда, ни въ какой бѣдѣ не бросимся въ объятія папы, какъ гадаетъ объ этомъ о. Гагаринъ;—не такова исторія Россіи, не таково общее настроеніе характера нашего и не такова, наконецъ, иллюзія самаго мнимаго намѣстника Христова въ настоящее время. Но мысль, что при современныхъ преобразованіяхъ, которыя начаты въ Россіи, церковь наша можетъ пасть частію отъ своей отсталости, частію отъ усиленія расколовъ, вслѣдствіе свободы исповѣданія,—эта мысль страшна по вѣроятности ея осуществленія и не разъ уже приходила мнѣ въ голову въ послѣднее трехлѣтіе. На основаніи ея-то созрѣваетъ во мнѣ убѣжденіе, что всѣ частныя мѣры, какія можно придумать ко благу нашей церкви, не принесутъ существенной пользы, пока не будетъ сдѣлано радикальное преобра-

зованіе духовной администраціи, пока въ наше сословіе не будутъ введены свѣжіе элементы. Великій преобразователь, въ своемъ регламентѣ, щедро надѣлилъ насъ лестными названіями: «сволочи, саранчи, пьяницъ» и др., щедро жаловалъ разными приговорами, вродѣ слѣдующаго: «а ослушника попа бить батожьемъ нещадно», но ужели и доселѣ намъ одно спасеніе—въ регламентѣ?.. Мнѣ хотѣлось бы, для объясненія своей мысли, привести вамъ и еще кое-какія соображенія историческія, но письмо мое становится чудовищно-длинно, (такихъ не писалъ я чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть женихомъ), и я боюсь во зло употребить если не ваше снисходительно-дружеское терпѣніе, то свой юношескій энтузіазмъ, который теперь уже не подъ лѣта и не по моему здоровью. Изъ послѣднихъ строкъ для васъ ясно будетъ, по крайней мѣрѣ, почему я, въ продолженіе всего письма, какъ будто оспаривалъ васъ. Мнѣ хотѣлось доказать безполезность частныхъ мѣръ, хотя, конечно, во всякомъ случаѣ, лучше было бы предпринимать что-нибудь для улучшенія, чѣмъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи. Самыя неудачи въ попыткахъ къ частнымъ улучшеніямъ могли бы скорѣе навести на мысль о необходимости капитальной перестройки.

«Вы интересуетесь знать, кто назначенъ въ Кіевъ. Меня увѣряли, что Исидоръ, экзархъ Грузіи, но оффиціально еще не извѣстно. Вотъ и тутъ можете видѣть нашу распорядительность. Въ Кіевѣ третій мѣсяцъ уже нѣтъ ни митрополита, ни викарія и, кажется, никакого заштатнаго архіерея, а назначеніе сдѣлать, конечно, можно бы и въ одну недѣлю.

«О В. П. Титовѣ новаго ничего не могу сказать. Былъ у него всего однажды и то вмѣстѣ съ посторонними гостями. Собственно о дѣлахъ его потолковать не удалось. Кажется, шероховатости его обточились, понемногу сглаживаются. Дѣла идутъ покойно, безъ рѣзкихъ перемѣнъ, но и не безъ вліянія В. П—ча. Пріятель его и общій нашъ, де-Ронъ, готовится къ рѣшительному выѣзду въ Швецію (хоть я окончательно повѣрю этому тогда только, когда увижу его на палубѣ парохода). Планы его о преобразованіи Россіи посредствомъ гимнастики измучили, наконецъ, и его, и другихъ. А все-таки жаль, что уѣзжаетъ этотъ неугомонный человѣкъ.

«Дѣло наше на счетъ крестьянъ подвигается туго. Большинство губерній не отзываются на манифестъ, а тамъ, гдѣ открыты уже комитеты, кажется, не сдѣлано еще ровно ничего. Работаютъ только пока журналы надъ разъясненіемъ вопроса на основаніи опытовъ въ государствахъ западной Европы. Но разумѣется, журнальныхъ статей народъ не читаетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаетъ по-своему толковать намѣреніе правительства... Къ сожалѣнію, и изъ грамотеевъ нашихъ многіе крѣпки на ухо и до крайности мало упражняютъ свой мозгъ.

Начинается движеніе и въ пользу юстиціи. Тутъ, спасибо, на первомъ планѣ молодежь съ энергіею, знаніемъ и уже съ нѣкоторымъ авторитетомъ. Есть причины надѣяться, что эта часть выдвинется на дорогу раньше другихъ, хотя въ приложеніи и не меньше встрѣтилось преградъ. Въ военномъ вѣдомствѣ хлопочутъ, кажется, преимущественно и хозяйственной части, чтобы подкрѣпить значительно разслабленные финансы. А финансы, вопреки давнишнимъ и безчисленнымъ толкамъ, находятся все въ тѣхъ же рукахъ. Частные капиталы, послѣ уменьшенія банковыхъ процентовъ, быстро расходятся по акціонернымъ обществамъ, которыхъ въ послѣднее время прибавилось очень много, но нельзя не бояться за судьбу ихъ, зная, какъ мало у насъ опытности и честности въ промышленныхъ предпріятіяхъ широкаго размѣра и какъ много оплошности отъ невѣжества. А все-таки нельзя и не радоваться, что мы выходимъ изъ застоя и, по крайней мѣрѣ, желаемъ начать жизнь нѣсколько лучшую.

«Исторія Мих. Изм. не запрещена; но докторства доселѣ онъ еще не получилъ и, по обычаю, нисколько не хлопочетъ объ этомъ.

«Право, усталъ до-нельзя; простите, если не все разберете. За одинъ присѣстъ исписать столько бумаги не легко, а откладывать я не люблю, да и некогда.

«Да хранитъ васъ Богъ съ вашими малютками. Искренно и вполнѣ вамъ преданный І. Рождественскій».

Но, несмотря на пессимистическій взглядъ на вещи моего родственнаго корреспондента, я не унимался преслѣдовать его въ своихъ письмахъ разными планами и предположеніями, стараясь пробудить въ немъ энергичное содѣйствіе къ осуществленію ихъ. Въ это время появилась въ Лейпцигѣ книга на русскомъ языкѣ о сельскомъ духовенствѣ—горькая эпопея быта и строя всего нашего духовнаго сословія. Зная, что эта книга никогда не проникнетъ въ Россію, я старался при всякомъ у д о б н о м ъ случаѣ пересылать экземпляры оной къ болѣе вліятельнымъ лицамъ въ нашей духовной сферѣ, въ надеждѣ пробудить въ нихъ сознаніе нужды возстать и исправиться. Но и здѣсь я долженъ былъ разочароваться. Изъ слѣдующаго письма Ивана Васильевича видно, что одни закрыли эту книжку на второй страницѣ, не желая читать далѣе, другіе нашли въ ней все преувеличеннымъ и п о т о м у не захотѣли обратить вниманія на тѣ ужасы, которые изложены были въ ней въ ихъ настоящей величинѣ. Однимъ словомъ, судя по письму Рождественскаго, тогдашняя сфера церковной жизни была еще слишкомъ тяжела и удушлива, чтобы не задохнуться въ ней свѣжему человѣку. Кто прочитаетъ слѣдующее письмо, тотъ пойметъ, какъ тяжело было въ то время самому энергическому борцу выступать противу общей спячки, апатіи и застарѣлой жизни.

19-го августа 1858 г., № 3. С.-Петербургъ.

«Письмо ваше, любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ, опять шло до меня почти полтора мѣсяца (отъ 29-го апрѣля до 7-го іюля), поэтому вините не меня, что рѣдко будете получать мои письма. А писать къ вамъ много побужденій. Довольно упомянуть объ одномъ: великая княгиня ваша два раза только удостоила меня разговора, и оба раза убѣждала, чтобы я не лѣнился бесѣдовать съ вами; выразила даже увѣренность, что каковы бы ни были письма мои,—они всегда будутъ доставлять вамъ удовольствіе. Я не завидую такой заботливости о васъ потому только, что и самъ отчасти пользуюсь такимъ же утѣшеніемъ. При всемъ томъ лѣность моя не перестаетъ желать, чтобы поскорѣе настало время, когда мы съ вами могли бы бесѣдовать не на бумагѣ. Ваши усилія убѣдить меня—двинуться за границу—опять остались безуспѣшными. Вы уже знаете, конечно, что наша семья отправилась безъ меня. На этотъ разъ, въ защиту моей неподвижности, поднялся сильный голосъ императрицы-матери. Она нашла, что при княжнахъ нашихъ мнѣ нужнѣе быть, чѣмъ при князьяхъ. Послѣдніе навсегда останутся въ Россіи и слѣдственно будутъ имѣть время пользоваться моимъ руководствомъ; а судьба первыхъ не такъ ясна. И вотъ я въ свитѣ княженъ,—одинъ среди дамъ, какъ пестъ въ ложкахъ. До сентября буду жить съ ними на дачѣ, въ Петергофѣ, а потомъ на осень переберусь въ Царское Село. Все лѣто работалъ безъ каникулъ; теперь буду оправдывать на себѣ пословицу: «дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай». Выходитъ, что и здѣсь можно жить, какъ-будто за границею: я не вижу почти никого изъ родныхъ и знакомыхъ. И такое уединеніе будетъ продолжаться болѣе полугода. Впрочемъ, не подумайте, что я службою обреченъ на заточеніе, нѣтъ, это та же лѣнь, отъ которой вы, по добротѣ своей, такъ усердно стараетесь излѣчить меня. Времени свободнаго остается не мало, но оно убивается на ничтожныя мелочи, которыя приклеиваются къ службѣ больше произволомъ, чѣмъ пользою или необходимостью. Нѣсколько лѣтъ такой полупустой жизни образовали привычку, съ которою подъ старость, при моемъ здоровьѣ и обстоятельствахъ, трудно бороться. Вы убѣдительно доказываете, что мнѣ должно писать что-нибудь для печати, право, не могу, любезный другъ. Я вполнѣ сочувствую вашимъ благороднымъ стремленіямъ и мучусь ими тѣмъ болѣе, что ближе васъ вижу потребности общества и въ особенности—язвы нашего сословія, но писать, кажется, прошла уже пора для меня... Говорить еще могу и говорю не зачинаясь передъ всѣми, можетъ быть смѣлѣе многихъ, имѣющихъ голосъ далеко сильнѣе моего, но и на этой дорогѣ спотыкаюсь почти на каждомъ шагу; говорю или слишкомъ рѣзко, во вредъ себѣ, или вдаюсь въ болтливость, безполезную для дѣла. Да и говорить мнѣ, кромѣ тѣснаго кружка, очерченнаго службою, почти негдѣ

и не съ кѣмъ. Съ иными я не схожусь, другіе во мнѣ не находятъ нужды. Послѣ прошлогодняго предложенія намъ съ вами пастырскаго жезла, по временамъ является желаніе послужить обществу на поприщѣ администраціи. Совершенно новый кругъ дѣйствій, можетъ быть, пробудилъ бы прежнюю энергію. Но дѣлать для пробы такой рѣшительный переворотъ въ жизни добровольно я не захочу никогда; а повторять предложеніе, особенно по моимъ желаніямъ, конечно, не станутъ. Какъ ни кинь,—выходитъ клинъ. Такъ пусть же донашивается мое дырявое платье на той тропинкѣ, по которой я бреду съ своею тяжелою ношею уже слишкомъ 20 лѣтъ.

«Поговоримъ лучше о томъ, что могутъ и должны дѣлать другіе по вашимъ благонамѣреннымъ идеямъ. Получили ли вы какой-нибудь отвѣтъ на свой проектъ объ ученомъ журналѣ? Вы полагали, что его препроводятъ въ академическую конференцію. Этого не сдѣлано доселѣ. Я слышалъ отъ кого-то, что гр. Толстой передалъ проектъ митрополиту здѣшнему, а у него онъ затерялся между многими другими бумагами. Правда ли? По соображенію, это представляется весьма вѣроятнымъ. Такъ затерялся нѣкогда у другаго митрополита еврейскій лексиконъ Г. П. Павскаго; такъ теряется теперь у кого-то изъ владыкъ новозавѣтная исторія Мих. Изм—ча (Богословскаго), такъ потерялись сотни разныхъ сочиненій, преимущественно дѣльныхъ, у разныхъ владыкъ, цензоровъ, гг. овичей и евичей, и прочихъ блюстителей благовѣрія. Отчего же не затеряться и вашему проекту? Положимъ, впрочемъ, что вы терпѣливо повторите его и счастливо проведете черезъ всѣ мытарства: увѣрены ли вы, что новый журналъ не принесетъ намъ больше сраму, чѣмъ славы? Я скептикъ не безъ основанія. Въ нынѣшнемъ году у насъ есть уже одинъ новый журналъ,—чахоточное чадо похвальнаго усердія идти въ уровень съ вѣкомъ. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ редакція стала получать анонимныя письма съ выраженіемъ самаго горькаго сожалѣнія о томъ, что церковное слово унижается до такой пошлости... Можетъ быть, анонимы не совсѣмъ правы,—не такъ понимаютъ издателей, однако же фактъ многозначительный. Вы задаете вопросъ: дожидаться ли намъ, чтобы свѣтская литература обогнала насъ? Позвольте васъ увѣрить, что тутъ и соперничество невозможно,—мы давно назади и годъ отъ году отстаемъ дальше. Иногда мнѣ приходитъ на мысль, что свѣтская литература (а за нею, конечно, и всѣ читатели ея, т. е. большинство образованныхъ людей) презираетъ насъ, потому что нѣсколько лѣтъ уже журналы почти перестали и упоминать о выходѣ въ свѣтъ духовныхъ сочиненій. Отъ презрѣнія къ нашему образованію естественъ переходъ къ презрѣнію самаго сословія. И на это, повидимому, есть уже не мало печальныхъ признаковъ, даже въ сферахъ высшихъ. Отъ нѣсколькихъ чиновниковъ изъ нашей братіи я

слышалъ, что въ послѣднее время семинаристу, при опредѣленіи на гражданское мѣсто, довольно заикнуться передъ начальствомъ о своемъ происхожденіи, чтобы получить отказъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. А что было бы, если бы открыто пустить въ ходъ извѣстную вамъ книжку «О положеніи сельскаго духовенства»?

«Кстати объ этой книжкѣ. Она надѣлала у насъ много шуму, хотя—доселѣ—безплоднаго. При всей односторонности взгляда и желчности положенія, въ ней много горькой правды, много горькаго сочувствія и дѣльныхъ предположеній. Изъ читателей, извѣстныхъ мнѣ, дамы ближе всего приняли къ сердцу печальную повѣсть о нашемъ положеніи и, на первый разъ, оказали хоть ту услугу, что убѣдили прочитать книгу нѣкоторыхъ мужчинъ, которые, безъ этого, никогда не удосужились бы. Изъ нашей братіи молодежь (впрочемъ не приходская) съ жадностью бросалась на книгу, но рѣдко находила ее. Тѣ же, кому болѣе всего надлежало бы принять къ свѣдѣнію горькую правду, съ презрѣніемъ отринули книгу, какъ пасквиль. Говорятъ, митрополитъ прекратилъ чтеніе на второй страницѣ... Послѣ этого разсуждайте, до какой степени возможенъ прогрессъ при настоящемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ. Мнѣ кажется, что безъ радикальныхъ перемѣнъ въ нашемъ сословіи вообще, и въ администраціи въ особенности, трудно сдѣлать что-нибудь. Предразсудки наши такъ сильны, взглядъ такъ узокъ, эгоизмъ и своекорыстіе такъ глубоко укоренились, что только богатырскою рукою можно повернуть насъ лицомъ къ свѣту. Еще легче было бы, если бы мы съ другими сословіями имѣли органическую связь, при общемъ движеніи, которое теперь съ каждымъ днемъ становится замѣтнѣе, и мы, волею или неволею, потянулись бы впередъ. Но мы составляемъ касту, сближающуюся съ низшимъ и среднимъ классами только по грошамъ и чаркамъ, а къ высшему—не имѣющую доступа дальше передней. Интересъ религіозный, которымъ болѣе всего должны бы мы быть пропитаны, слабо возбуждается при грязномъ воспитаніи, и нерѣдко совсѣмъ подавляется при фальшивомъ устройствѣ нашего житейскаго быта; интересъ ученый нисколько не пробуждается при безсмысленномъ образованіи нашей массы; интересъ національный чуждъ намъ по нашей уединенности. Таково ли положеніе пасторовъ и патеровъ, не говоря уже объ епископахъ иновѣрческихъ, которые засѣдаютъ и въ парламентахъ, и въ палатахъ, и въ академіяхъ, и на сеймахъ, и во всѣхъ возможныхъ комитетахъ?... Съ горя мы привыкли называть все это суетностью и укрываемся подъ рубище христіанскаго смиренія. О, если бы хоть въ этомъ мы были искренно убѣждены и не обманывали ни себя, ни другихъ. Вы счастливы, что не теряете надеждъ и бодрости, и—дай Богъ, чтобы побольше было у насъ такихъ людей. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вамъ удастся бросить нѣкоторыя благотворныя сѣмена для будущаго. Но о

соединеніи церквей погодите думать. Пока мы не доросли до взрослыхъ,—товарищество съ ними во всякомъ случаѣ будетъ невыгодно для насъ; а поступать подъ опеку тѣхъ, чья благонамѣренность сомнительна, было бы неблагоразумно. Если г. Гакстгаузенъ столь же ошибочно знаетъ нашу церковь, сколько ошибокъ надѣлалъ въ описаніи своего путешествія по Россіи, то онъ ненадежный посредникъ. Соединеніе—дѣло преимущественно Божіе; намъ надо еще поближе присматриваться къ себѣ и свою домашнюю неурядицу стараться прежде исправить. Тогда истина сама собой всплыветъ наверхъ, и отстаивать ее намъ не будетъ нужды.

«Съ Владиміромъ Павловичемъ (Титовымъ), вѣроятно, вы уже видѣлись и объяснились. Говорятъ, что дѣла идутъ пока не хуже прежняго. Съ своей стороны, при удобныхъ случаяхъ, я настаиваю, чтобы поскорѣе взяли другаго законоучителя въ помощь В. Б—чу. Есть молва, что выборъ останавливается на васъ. Отъ души желаю. Отъ великой княгини вы узнаете объ этомъ дѣлѣ вѣрнѣе. Съ поклономъ отъ васъ былъ у меня свящ. Петровъ. Онъ понравился нашей семьѣ въ Женевѣ; умѣетъ, кажется, нравиться нѣкоторымъ и здѣсь. Но, по-моему, молодъ еще,—не устоялся. Съ Янышевымъ познакомился я поближе—только при его отъѣздѣ. Этого жаль, что уѣхалъ отсюда. Видѣлъ мимоходомъ Васильева, боецъ на взглядъ и составилъ себѣ громкую извѣстность. Полисадовъ на-дняхъ вступитъ на университетскую каѳедру. Дорога скользкая. Стокгольмскій Соколовъ, говорятъ, пріѣхалъ сюда искать мѣста. Лишившись жены, не хочетъ оставаться за границею.

«Не мнѣ ли теперь говорить вамъ: до свиданія. Сердечно васъ любящій І. Рождественскій».

Такъ проходило мое время въ Стутгартѣ бездѣятельно и только исполненно тревожныхъ думъ и порывовъ. Къ веснѣ 1858 года мнѣ предстояло еще большее уединеніе за отъѣздомъ великой княгини Ольги Николаевны въ Россію на цѣлое лѣто. Всѣ бывшіе въ Стутгартѣ русскіе разъѣхались по водамъ; русское посольство все тогда состояло изъ нѣмцевъ неправославныхъ: графъ Бенкендорфъ, Штофрегенъ, баронъ Мейендорфъ. По счастію, въ Баденъ-Баденѣ родилась счастливая мысль пригласить насъ съ церковью и всѣмъ причтомъ для служенія тамъ на все время отсутствія изъ Стутгарта великой княгини. За эту мысль я схватился какъ за манну небесную, предчувствуя въ осуществленіи ея обильное удовлетвореніе снѣдавшей меня жажды дѣятельности, и потому я сдѣлалъ все возможное съ своей стороны, чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ. Такъ какъ у насъ была походная церковь, бывшая посольская и остававшаяся безъ употребленія послѣ того, какъ великая княгиня привезла съ собою новую со всѣми принадлежностями бого-

служенія, то намъ легко было перевезти въ Баденъ и поставить тамъ въ нанятомъ для этой цѣли помѣщеніи нашу церковь. И вотъ, переселившись туда всѣмъ причтомъ даже съ семействами, мы открыли въ Баденѣ богослуженія 1-го іюля торжественною литургіею. Мои ожиданія на счетъ дѣятельности, теперь совсѣмъ приходской, осуществились вполнѣ. Кромѣ службъ почти ежедневныхъ, встрѣча съ родными людьми, сношенія съ разнообразными потребностями духовными,—все это было ново для меня, и я находилъ въ этомъ пищу для развитія въ себѣ пастырской дѣятельности. Русскихъ было въ Баденѣ множество и при существовавшей тогда азартной игрѣ былъ постоянный приливъ и отливъ наѣзжающихъ, такъ что наша церковь бывала полна молящихся. У насъ былъ учрежденъ и денежный сборъ на содержаніе церкви и для этого заведена сборная книжка, съ которою одинъ изъ псаломщиковъ являлся для подписки къ каждому пріѣзжавшему русскому. Онъ же, какъ оказалось впослѣдствіи, практиковалъ этотъ сборъ самымъ удачнымъ, по его мнѣнію, способомъ, ловя подписчиковъ на рулеткѣ, особенно когда онъ замѣчалъ, что игравшій былъ въ выигрышѣ. Разъ такимъ образомъ онъ попалъ даже на австрійскаго офицера, соблазненный его славянскою фамиліей и принявъ его за русскаго, который только-что сорвалъ банкъ, выигравъ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Тотъ на радости, не зная даже хорошенько, на какую потребность предлагаютъ подписаться, отпустилъ значительную сумму въ сборъ на нашу церковь. Такими правыми и неправыми путями была собрана въ Баденѣ за одно лѣто такая значительная сумма, что не только покрылись всѣ издержки содержанія церкви и причта за это лѣто, но даже положено было начало капитала для устройства постоянной церкви. Для этого образовался комитетъ, во главѣ котораго стали—страннымъ образомъ—два неправославныхъ лица: княгиня Гагарина, рожденная Потоцкая, католичка, и баронъ Мюленсъ, женатый на Похвисневой, протестантъ. Но усердіе этихъ лицъ, жившихъ по родственнымъ связямъ въ православной сферѣ, увѣнчалось вскорѣ полнымъ успѣхомъ. Сначала они устроили очень скромную домовую церковь въ нанятомъ домѣ, приглашая для совершенія богослуженія въ одинъ изъ недѣльныхъ дней священника изъ Карлсруэ, а потомъ выстроили небольшой храмъ, въ которомъ пока совершается богослуженіе тѣмъ же карлсруэскимъ священникомъ, когда онъ свободенъ отъ службы при своей церкви, но уже теперь (1887 г.) собираемый съ жертвователей капиталъ возросъ до такой цифры (около 100.000 марокъ), что скоро можно будетъ имѣть собственный причтъ при этой церкви. Такимъ образомъ, мы можемъ имѣть утѣшеніе сказать, что наше временное служеніе въ Баденѣ въ 1858 году положило начало постоянной церкви въ этомъ городѣ, куда такъ много собирается русскихъ на лѣтнее время и гдѣ нѣкоторые изъ

нашихъ соотечественниковъ поселились, купивъ тамъ себѣ дома. Другое, подобное этому, покушеніе устроить постоянную церковь прошло чрезъ мои руки этимъ же лѣтомъ въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. Меня позвали туда изъ Бадена къ умирающему русскому. Я отправился, взявъ съ собою псаломщика и захвативъ на всякій случай и траурную ризницу, какъ это всегда практиковалось мною, когда меня требовали, особенно изъ Висбадена, къ умирающему въ какое-нибудь отдаленное мѣсто. Случалось почти всегда такъ, что или застанешь больнаго при послѣднемъ издыханіи, или же пріѣдешь, когда онъ уже скончался. Эту практику я потомъ передалъ и моему преемнику въ Висбаденѣ, о. Янышеву, разъ даже наглядным образомъ. Ѣхалъ я по порученію великой княгини Ольги Николаевны въ Боннъ провѣдать находившагося тамъ въ домѣ душевнобольныхъ князя П. А. Вяземскаго. Ѣхалъ я по Рейну, и вотъ въ Бибрихѣ на тотъ же пароходъ садится о. Янышевъ.

— Куда вы?—спрашиваю его.

— Да вотъ, позвали въ Боннъ причастить тамъ больнаго соотечественника.

— И одни, безъ псаломщика и безъ ризницы?

— Но вѣдь только причастить больнаго. А брать съ собою и ризницу, да еще траурную—испугаешь родныхъ!

— Ну, смотрите, говорю, чтобы не быть вамъ въ затрудненіи, если больной вашъ умретъ при васъ же!

Такъ и случилось. Когда мы пріѣхали въ Боннъ, больной уже скончался, и надо было служить панихиду. Посылать въ Висбаденъ за псаломщиковъ и ризницею—значило прождать дня три, а тѣло покойника назначалось къ отправкѣ въ Россію для погребенія тамъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, чтобы не оставить родныхъ безъ утѣшенія заупокойныхъ молитвъ о новопреставившемся, мы рѣшили отслужить вдвоемъ панихиду, онъ въ одной свѣтлой эпитрахили, я за псаломщика. Такъ же точно случилось и въ Интерлакенѣ, съ тою разностью, что я пріѣхалъ туда приготовленнымъ на всякій случай. Больнаго я уже не засталъ въ живыхъ, и намъ пришлось отпѣвать его. Такъ какъ это былъ одинъ изъ богатыхъ московскихъ купцовъ, то семейство его было въ отчаяніи какъ отъ невозможности имѣть всю православную обстановку погребенія, такъ еще болѣе отъ того, что покойникъ долженъ былъ скончаться безъ напутствія св. тайнами. Оказалось, что долго искали священника повсюду. Телеграфировали сперва въ Женеву, никакого отвѣта. Послѣ объяснилось, что тамошній священникъ былъ въ отсутствіи. Обратились въ Стутгартъ, опять никакого отвѣта, такъ какъ я находился въ Баденѣ со всѣмъ семействомъ, и квартира моя была заперта. Пока отыскали меня, пока я туда пріѣхалъ, больной скончался, Это такъ огорчило всю семью и даже самого хозяина «Hôtel Obеr», гдѣ

помѣщалось это семейство, что тутъ же предложилъ мнѣ на свой счетъ, конечно не безъ корыстныхъ цѣлей, надѣясь тѣмъ привлекать русскихъ въ свою гостиницу, устроить походную русскую церковь и показывалъ мнѣ очень подходящій для этой цѣли павильонъ въ саду, прося только меня походатайствовать, чтобы ему присылали изъ Россіи на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ священника для совершенія службы. Я было обѣщалъ ему все это устроить съ полною надеждою на успѣхъ, но вспомнилъ во-время, что я взялся распоряжаться въ чужомъ приходѣ, такъ какъ Интерлакенъ лежитъ въ Швейцаріи, а въ главномъ городѣ этой страны имѣется наша церковь, настоятелемъ которой былъ въ то время о. Петровъ. Поэтому все это дѣло я передалъ ему. Но, къ сожалѣнію, онъ не только не поспособствовалъ осуществленію этого плана, а, напротивъ, постарался совсѣмъ разрушить его, находя, что это совсѣмъ лишняя затѣя, при томъ своекорыстная, содержателя «Hôtel Ober», и что для рѣдкихъ отдѣльныхъ случаевъ священникъ женевской церкви всегда можетъ пріѣзжать въ Интерлакенъ. Такъ это и не состоялось. Но не дай Богъ русскимъ умирать за границею! Какимъ лишеніямъ, какимъ часто обиднымъ формальностямъ подвергаются члены семейства, лишившіеся любимаго и близкаго существа! Не говоря уже о томъ, что ни у одного изъ западныхъ народовъ не существуетъ и понятія о томъ нѣжномъ уходѣ за покойникомъ, къ какому способны одни только русскіе, здѣсь во всѣхъ гостиницахъ, гдѣ случится кому-нибудь умереть, не потерпятъ одного дня, чтобы не удалить тѣло покойника изъ занимаемаго помѣщенія. Особенно на водахъ, куда стекаются иностранцы для пріятнаго препровожденія времени среди лѣченія, если случится умереть кому въ гостиницѣ, сейчасъ же, иногда едва нѣсколько часовъ спустя послѣ кончины, тѣло покойника спроваживаютъ, по возможности тайкомъ въ сумерки или ночью, на кладбище въ имѣющуюся тамъ часовню, гдѣ оно и остается до погребенія или отправленія на вѣчный покой на родину. При этомъ вокругъ тѣла никакой православной обстановки, ни свѣчей вокругъ гроба, ни чтенія псалтири, ни даже присутствія кого-либо близкихъ при гробѣ, такъ какъ часовня на ночь запирается. А если бы кто захотѣлъ воспротивиться этому заведенному порядку, чтобы по русскому обычаю удержать тѣло покойника въ квартирѣ до погребенія, тому пришлось бы очень дорого поплатиться за это.

На моихъ глазахъ былъ одинъ такой случай. Одна богатая русская фамилія, отправляясь изъ Эмса, гдѣ находилась на лѣченіи больная мать семейства, въ Италію, остановилась въ Кобленцѣ въ одномъ изъ лучшихъ отелей. Здѣсь въ ту же ночь больная скончалась, и оставшіеся члены семейства на представленіе хозяина гостиницы удалить немедленно тѣло покойницы отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, объявивъ, что до отправленія тѣла въ Россію, на что потребовалось не менѣе трехъ

дней, они не позволятъ удалять покойницу изъ ихъ квартиры. Хозяинъ замолчалъ, но когда все было кончено и семейство собиралось вслѣдъ за тѣломъ отправляться въ Россію, онъ подалъ имъ за эти три дня счетъ въ 30.000 гульденовъ, основывая свое требованіе на томъ, что по поводу пребыванія покойника въ его гостиницѣ не только никто не хотѣлъ останавливаться у него въ это время, но и большая часть жившихъ у него гостей выѣхала изъ отеля, а это вмѣстѣ съ другими расходами, какъ истребленіе кровати и мебели въ комнатѣ умершей, а равно необходимость замѣнить обои новыми, причинило ему убытокъ на показанную сумму. Изъ-за этого возникъ процессъ, поддержанный нашимъ посольствомъ во Франкфуртѣ, доходившій до верховной власти въ Берлинѣ, кончившійся тѣмъ, что хотя и уменьшили сумму, требуемую хозяиномъ, но все-таки принудили заплатить значительную часть по счету.—Вотъ также и въ Интерлакенѣ, когда мы туда пріѣхали, мы уже не застали не только въ живыхъ умиравшаго, но даже и тѣла его въ роскошной квартирѣ, занимаемой семействомъ тоже въ роскошномъ отелѣ. Онъ былъ вынесенъ ночью, чтобы не смущать этимъ печальнымъ видомъ веселыхъ гостей Интерлакена, въ маленькую и убогую часовню на кладбищѣ, гдѣ было трудно повернуться при совершеніи панихиды. И когда подумаешь, съ какимъ торжествомъ и съ какою роскошью православной обстановки совершилось бы погребеніе этого московскаго богача, если бы Богъ судилъ ему умереть на родинѣ, то невольно возмущалась душа при видѣ этого, болѣе чѣмъ скромнаго гроба, поставленнаго на двухъ скамейкахъ въ какой-то небѣленной сторожкѣ, не окруженнаго даже самыми необходимыми принадлежностями погребенія. Но этимъ еще не кончились мытарства, сквозь которыя суждено было пройти этому покойнику, имѣвшему несчастіе умереть на чужой сторонѣ. Такъ какъ тѣло предназначалось къ отправленію въ Россію для погребенія, то необходимо было набальзамировать его, и какъ въ Интерлакенѣ не нашлось врача, который могъ бы исполнить эту операцію, пришлось посылать въ Бернъ за однимъ изъ профессоровъ тамошняго университета. Предвидя, что это возьметъ много времени, и такъ какъ меня просили остаться, чтобы совершить послѣднюю панихиду передъ отправленіемъ тѣла въ Россію, то я воспользовался этимъ короткимъ промежуткомъ времени, чтобы сдѣлать маленькую прогулку въ живописныя окресности Интерлакена.

Интерлакенъ лежитъ между двумя озерами (откуда онъ и ведетъ свое названіе), Тунскимъ и Бріенцскимъ, у подножія самыхъ высокихъ горъ такъ называемаго Oberland, въ виду Jungfrau, смотрящей свсею бѣлою снѣжною вершиною въ долину. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ раннимъ утромъ выйти или выѣхать, какъ это я сдѣлалъ въ этотъ разъ, въ маленькой колясочкѣ, такъ называемой Bernerwägelchen въ горы,

гдѣ со всѣхъ сторонъ обнимаетъ васъ здоровая утренняя прохлада воздуха, насыщенная запахомъ сочныхъ луговъ и сосноваго лѣса, покрывающаго отроги снѣжныхъ горъ, окружающихъ васъ со всѣхъ сторонъ. Цѣлью моей однодневной поѣздки было съ одной стороны посмотрѣть вблизи на ледники въ Мейрингенѣ, гдѣ они спускаются къ самому селенію, а съ другой полюбоваться въ Лаутербрунненѣ на водопадъ, извѣстный подъ именемъ Staubbach'a, потому, что, падая съ высокой отвѣсной скалы широкою струею, онъ долетаетъ внизъ въ видѣ водяной пыли, разбиваясь въ воздухѣ на мелкій дождь. И то, и другое мнѣ удалось видѣть при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Наслажденіе красотами природы обусловливается не столько необычайностью самой картины, сколько внутреннею воспріимчивостью самого наблюдателя. Есть люди, которые положительно не понимаютъ, что хорошаго въ томъ, что васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ горы, которыя давятъ и тѣснятъ васъ, отнимая просторъ у взора, ищущаго дали, или въ этой глупой струѣ воды, которая падаетъ дождемъ, точно стокъ съ высокой крыши! Растолковывать и объяснять не только такимъ прозаическимъ людямъ, но даже и себѣ самому, въ чемъ состоитъ тутъ красота, приводящая васъ въ восторгъ, значило бы то же самое, какъ если бы для объясненія прелести какой-нибудь картины вы стали бы скоблить съ нея краски и путемъ химическаго анализа разбирать ихъ составъ, производящій такой эффектъ на полотнѣ. Тутъ дѣйствуетъ на насъ общее впечатлѣніе, вызывающее въ душѣ прирожденный намъ идеалъ изящнаго, настраивающее наше воображеніе на образы лучшей обстановки, чѣмъ наша обыденная жизнь, и пробуждающее иногда желаніе лучшаго счастія жизни. Никогда я не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ эту же поѣздку въ Интерлакенъ картиною идилліи, поразившей меня на Тунскомъ озерѣ. При самомъ выѣздѣ изъ Туна на пароходѣ на выдающемся въ озеро мысѣ лежитъ чудесная вилла, передъ нею паркъ съ цвѣтниками и газономъ, спускающимся къ самому озеру. Этотъ восхитительный ландшафтъ былъ оживленъ группами дамъ и мужчинъ, сидѣвшими въ тѣни красивыхъ боскетовъ, дѣтьми, игравшими на лужкѣ. Смотря на эту картину, я въ первый—и надѣюсь—въ послѣдній—разъ въ жизни понялъ, что значитъ з а в и с т ь. Почему, думалось мнѣ, только нѣкоторымъ избраннымъ достается такое счастіе—и богатство, и роскошь, и довольство—все заразъ. Но было ли за этою роскошною обстановкою дѣйствительно и сердечное счастіе, этотъ вопросъ тогда не приходилъ на умъ, я любовался только картиною счастія въ живописной обстановкѣ—и завидовалъ.

Но какое разочарованіе, когда при этой поэзіи природы возвратишься къ прозѣ жизни. Вернувшись вечеромъ изъ моей живописной прогулки въ опечаленную семью въ Интерлакенъ, я узнаю отъ оставшагося тамъ

моего псаломщика ужасы, постигшіе несчастное тѣло нашего покойника. Нарочный, посланный въ Бернъ за докторами для бальзамированія, воротился съ извѣстіемъ, что, по случаю университетскихъ каникулъ, всѣ профессора разъѣхались. Такимъ образомъ бальзамированіе тѣла сдѣлалось невозможнымъ, а безъ этого невозможно было отправить его въ Россію, для транспортированія котораго на другой день были уже сдѣланы всѣ приготовленія и заказы. Тогда кому-то пришла несчастная мысль просто залить тѣло въ свинцовомъ гробу саломъ и такъ отправить, какъ пересылаютъ ощипанныхъ гусей. И вотъ принялись за эту ужасную операцію, конечно, за глазами родственниковъ покойнаго, иначе они не потерпѣли бы такого поруганія. Одинъ только мой псаломщикъ присутствовалъ при этой отвратительной картинѣ, да и тотъ не могъ вынести этого зрѣлища до конца. «Прежде всего,—разсказывалъ онъ,—вытащили гробъ съ покойникомъ изъ капеллы на дворъ гробовщика; здѣсь развели костеръ, на который поставили чугунъ съ саломъ; тѣло вынули изъ гроба, раздѣли до-гола и начали поливать его въ свинцовомъ гробу растопленнымъ саломъ. Смотря на то, какъ при каждой выбрасываемой на тѣло кастрюлѣ съ растопленнымъ саломъ, кожа вздувалась пузырями и лопалась,—разсказывалъ псаломщикъ,—я думалъ про себя: видно, этотъ несчастный много нагрѣшилъ въ жизни, что попалъ въ такое адское пекло уже на землѣ!» Когда на другой день мы совершали послѣднюю передъ отправленіемъ тѣла панихиду передъ закрытымъ уже и заколоченнымъ въ ящикъ гробомъ, отъ котораго распространялся запахъ топленаго сала, я твердилъ себѣ невольно: нѣтъ, не дай Богъ русскому умирать на чужбинѣ!

Воротившись изъ этой поѣздки въ Баденъ, я нашелъ тамъ моихъ временныхъ прихожанъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ моего возвращенія. Частію церковныя требы, а частію личныя отношенія съ нѣкоторыми изъ соотечественниковъ, съ которыми я успѣлъ подружиться, требовали моего присутствія тамъ. Такъ, между прочимъ, одно изъ дружественныхъ мнѣ семействъ собиралось отправиться въ Парижъ и оттуда на морскія купанья и только ожидали моего возвращенія, чтобы пуститься въ путь. Это семейство, состоявшее изъ матери, двухъ взрослыхъ дочерей и маленькаго сынка, въ возрастѣ моихъ сыновей, очень соблазняло меня проводить ихъ до Парижа, котораго я еще не видалъ, несмотря на близкое разстояніе, въ которомъ я столько лѣтъ жилъ отъ этой блистательной столицы европейскаго просвѣщенія и вкуса. Меня очень соблазняла эта поѣздка, особенно въ такомъ пріятномъ для меня обществѣ. Но чувство долга, привязывавшаго меня къ службѣ хотя и во временномъ моемъ приходѣ, пересилило представившійся мнѣ соблазнъ, если не совсѣмъ, по крайней мѣрѣ на половину, такъ какъ я рѣшился проводить своихъ знакомыхъ только до половины пути въ Парижъ,

чтобы не продлить своего отсутствія изъ Бадена больше двухъ дней. И вотъ, забравъ съ собою своихъ дѣтей, я переѣхалъ въ первый разъ границу Франціи, находившуюся тогда въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Бадена. Мнѣ ужасно интересно было взглянуть на иной бытъ, иной образъ жизни, чѣмъ германскій. Но первая наша остановка въ Страсбургѣ не принесла мнѣ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Этотъ городъ, несмотря на свою вѣковую принадлежность галльскому племени, и тогда оставался нѣмецкимъ городомъ и по внѣшней физіономіи, и по образу жизни, и даже по языку—по крайней мѣрѣ, въ простомъ народѣ. Поэтому осмотрѣвъ здѣсь соборъ съ знаменитыми астрономическими часами съ ихъ подвижными куклами апостоловъ, двигающимися въ каждый полдень передъ фигурою Іисуса Христа, съ ихъ знаменитымъ деревяннымъ пѣтухомъ на карнизѣ часовъ, который въ полдень начинаетъ махать своими деревянными крыльями и кричать не своимъ голосомъ на всю церковь свое кукареку, мы отправились дальше и остановились въ Нанси,—послѣдній предѣлъ задуманной мною прогулки во Францію. Здѣсь я уже встрѣтилъ настоящую Францію. Тутъ и народъ былъ не тотъ, и самыя зданія другія и даже окрестности какъ будто представляли другую природу. Нанси—очень красивый городъ, полный воспоминаній о Станиславѣ Лещинскомъ, бывшемъ нѣкогда королемъ польскимъ, а потомъ управлявшемъ Лотарингіею съ званіемъ короля и имѣвшемъ свою резиденцію въ Нанси, который онъ украсилъ многими великолѣпными зданіями, за что ему самому поставили памятникъ на одной изъ городскихъ площадей.

Изъ моего пребыванія лѣтомъ 1858-го года въ Баденѣ у меня сохранилось еще одно характерное воспоминаніе. Говорятъ вообще, что женщины имѣютъ большое вліяніе на дѣла, а особенно же на карьеру служащихъ людей. Я этому вѣрилъ и не вѣрилъ, но вотъ чему я былъ самъ свидѣтелемъ въ Баденѣ. Тамъ жила этимъ лѣтомъ извѣстная своимъ огромнымъ богатствомъ княгиня Бутера, рожденная княжна Шаховская, бывшая въ первый разъ замужемъ за графомъ Шуваловымъ, во второй за графомъ Полье и въ третій за итальянскимъ княземъ Бутера и, наконецъ, вдова. Ее всѣ уважали и любили за ея доброту, широкое гостепріимство и радушіе. Я очень часто бывалъ въ ея домѣ и былъ знакомъ со всѣми окружавшими ее постоянно личностями.

Разъ сидимъ мы вокругъ нея на променадѣ и я разсказываю, что получилъ отъ о. Янышева письмо изъ Берлина, куда онъ только-что переведенъ былъ изъ Петербурга послѣ того, какъ принужденъ былъ оставить мѣсто профессора богословія въ Петербургскомъ университетѣ, куда теперь вызванъ былъ изъ Берлина своякъ о. Янышева, В. П. Полисадовъ.

— Скучаетъ, говорю, бѣдный о. Янышевъ по своемъ Висбаденѣ, который онъ такъ любилъ и гдѣ его такъ всѣ любили.

Этого было довольно, чтобы всѣ присутствовавшія здѣсь дамы начали охать и жаловаться на то, что теперешній священникъ въ Висбаденѣ, смѣнившій тамъ о. Янышева, тоже своякъ его, о. Матвѣевскій, никому не нравится и не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ русскихъ, проживающихъ на водахъ. Тогда княгиня Бутера обращается къ сидѣвшей здѣсь г. Свистуновой, которой мужъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, съ предложеніемъ, нельзя ли похлопотать, чтобы о. Янышева опять перевести въ Висбаденъ? Я хотя и зналъ, что всѣ окружавшіе княгиню Бутера готовы были исполнить малѣйшее ея желаніе, но на этотъ разъ усумнился въ успѣхѣ этихъ хлопотъ. Мѣсто въ Висбаденѣ было занято; самъ о. Янышевъ только-что переведенъ былъ въ Берлинъ. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого разговора на променадѣ въ Баденъ-Баденѣ, какъ о. Матвѣевскій былъ вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ священникомъ на Смоленское кладбище, а о. Янышевъ переведенъ въ Висбаденъ на свое прежнее мѣсто, которое онъ такъ любилъ. И вышло по французской пословицѣ: ce que femme veut, Dieu le veut.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Присяга императору Николаю I въ Тулѣ.

12-го декабря 1825 года состоялся манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая I. По полученіи его въ Тулѣ были, 19-го декабря, собраны въ соборной церкви гражданскіе чиновники, все дворянство, которое было въ городѣ по случаю выборовъ, отставные чиновники и горожане и приведены къ присягѣ на вѣрность подданства какъ императору, такъ и его наслѣднику великому князю Александру Николаевичу. Присяга была произведена публично по присяжнымъ листамъ, присланнымъ при указѣ Правительствующаго Сената. Листовъ этихъ, при безпорядочной раздачѣ, оказалось недостаточно для разсылки по уѣздамъ, и потому пришлось напечатать ихъ въ губернской типографіи и разослать. Перепечатанные и разосланные листы были подписаны присягнувшими и возвращены въ Тулу. Просматривая ихъ, тульскій губернскій прокуроръ Григорьевъ къ ужасу своему замѣтилъ, что въ перепечатанныхъ экземплярахъ клятвеннаго обѣщанія было пропущено: «Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ его императорскаго величества...».

Прокуроръ Григорьевъ сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе о вторичной перепечаткѣ листовъ и разсылкѣ ихъ вновь для подписанія, назначилъ слѣдствіе для открытія виновныхъ въ такой ошибкѣ и донесъ министру юстиціи князю Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому [1]) и генералъ-губернатору А. Д. Балашову.

Министръ юстиціи тотчасъ же доложилъ императору о такомъ происшествіи, и государь поручилъ генералу Храповицкому «особенно узнать

[1]) Рапортъ прокурора Григорьева отъ 4-го января 1826 г. № 3.

ближайшимъ и достовѣрнѣйшимъ образомъ, по ошибкѣ ли сдѣлано столь важное упущеніе въ перепечатанныхъ присяжныхъ листахъ или съ умысломъ и на какой конецъ? Кто именно состоитъ въ томъ виновнымъ?» [1]).

Между тѣмъ объ этомъ происшествіи не было получено донесеній ни отъ генералъ-губернатора, ни отъ губернатора. Князь Лобановъ-Ростовскій, опасаясь, что онъ поторопился сдѣлать всеподданнѣйшій докладъ, писалъ И. И. Дибичу [2]):

«Возвращаясь изъ дворца, пришло мнѣ въ каретѣ на мысль, что какъ отъ генералъ-губернатора, ни отъ губернатора изъ Тулы о пропускѣ, сдѣланномъ въ присяжныхъ листахъ, нѣтъ къ государю донесенія, то коль скоро генералъ-адъютантъ Храповицкій приступитъ къ обнаруженію виновныхъ въ томъ,—губернаторъ и генералъ-губернаторъ, по просту сказать, съѣдятъ тульскаго прокурора, то не излишнимъ бы было поручить его охраненію того же г-на Храповицкаго».

Князь Лобановъ-Ростовскій успокоился, когда было получено донесеніе отъ генералъ-губернатора Балашова. Онъ доносилъ [3]) весьма кратко, что «изслѣдывая на мѣстѣ съ большимъ вниманіемъ и подробностью поступокъ тульской типографіи въ ошибкахъ при перепечатаніи присяжныхъ листовъ, не нашелъ ничего кромѣ необдуманной и непростительной поспѣшности въ семъ исполненіи. Оказавшіеся виновными въ ономъ отсылаются къ суду уголовному».

Генералъ Храповицкій по первому впечатлѣнію и разспросамъ пришелъ также къ заключенію, что это не преднамѣренная ошибка. Какъ полагать можно,—писалъ Храповицкій [4]),—«чтобъ губернаторъ (Тухачевскій), не пользующійся ни отмѣннымъ уваженіемъ, а еще менѣе довѣренностію дворянства и почти можно сказать всѣхъ сословій, могъ сдѣлать сіе съ намѣреніемъ? По безпечности его скорѣе полагать должно, что и подвѣдомственные ему чиновники не обратили должнаго вниманія на столь важное обстоятельство, какова присяга».

Губернаторъ сваливалъ всю вину на совѣтника губернскаго правленія Трофимова. «Чиновникъ сей,—доносилъ Храповицкій,—при начальномъ вступленіи теперешняго губернатора въ управленіе губерніею, пользовался особымъ его расположеніемъ, но теперь совсѣмъ противное. Перемѣна сія могла произойти отъ связи его съ предсѣдателемъ онаго правленія Хрулевымъ; ибо перемѣну сію я замѣтилъ съ того времени, когда по новому образованію для губерній, подъ управленіемъ генералъ-адъютанта Балашова, сей послѣдній назначенъ въ званіе предсѣдателя.

---

[1]) Письмо барона И. И. Дибича М. Е. Храповицкому 12-го января 1826 г. № 81.

[2]) Отъ 11-го января 1826 г.

[3]) Всеподданнѣйшее донесеніе Балашова 15-го января 1826 г.

[4]) Въ письмѣ барону И. И. Дибичу отъ 20-го января 1826 г. № 1.

Совѣтникъ Трофимовъ человѣкъ умный, знаетъ дѣло, но какъ оное исправляетъ, рѣшительно сказать не могу».

Дальнѣйшее слѣдствіе обнаружило: 1) Что по полученіи въ тульскомъ губернскомъ правленіи указа Сената съ высочайшимъ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Николая I, губернское правленіе приступило къ ихъ разсылкѣ, при чемъ послѣдняя производилась крайне небрежно и безъ разсчета: разсылали въ учрежденія и давали частнымъ лицамъ. Скоро оказалось, что присяжныхъ листовъ недостаетъ для отсылки во многія мѣста, и тогда приступили къ ихъ перепечатыванію. Совѣтникъ губернскаго правленія Трофимовъ, которому была поручена разсылка указовъ, послѣ обѣда отправился въ правленіе и просидѣлъ тамъ до 11 часовъ вечера, поручивъ все это дѣло начальнику отдѣленія Жданову. Наборщики сами распорядились, кому что набирать, и въ числѣ ихъ былъ коллежскій секретарь Гасиловъ, который, по словамъ Храповицкаго, «трехъ словъ безошибочно прочесть не можетъ». Когда оттиснутъ былъ первый экземпляръ присяги, Ждановъ приказалъ Гасилову перемѣнить нѣкоторыя «вложенныя ошибкою» буквы и тотчасъ отдалъ тередорщику. По отпечатаніи же листовъ всѣ они были отнесены въ губернское правленіе, гдѣ канцелярскими служителями вкладывались въ указы, которые отправлялъ Ждановъ, скрѣпляли секретари, а подписывалъ Трофимовъ. Впослѣдствіи въ клятвенныхъ обѣщаніяхъ, уже подписанныхъ присягавшими, кромѣ пропуска было найдено 29 буквенныхъ ошибокъ.

«За неимѣніемъ суммъ содержать корректора,—писало губернское правленіе Храповицкому,—въ случаяхъ, терпящихъ время, гдѣ не могло быть подобной настоящему экстренной поспѣшности, повѣряютъ корректурные листы столоначальники, каждый по своей части». Въ данномъ же случаѣ никто ихъ не повѣрялъ потому, что начальникъ отдѣленія Ждановъ торопилъ наборомъ и самъ не провѣривъ подписывалъ и разсылалъ.

«Гасиловъ,—доносилъ Храповицкій,—весьма дурно знаетъ читать и, бывъ какъ онъ показываетъ, весьма побуждаемъ Ждановымъ къ поспѣшнѣйшему набору, въ чемъ и сей сознается, онъ, не замѣтя, что пропускаетъ четыре строки между двумя титулами его императорскаго величества, находящимися на 9 и 13 строкахъ экземпляровъ, изъ Правительствующаго Сената присланныхъ, сталъ набирать отъ втораго титула».

Въ заключеніе Храповицкій обвинялъ во всемъ губернатора. «Изъ произведеннаго мною слѣдствія,—писалъ онъ [1]),—открывается главнѣй-

---

[1]) Начальнику главнаго штаба барону И. И. Дибичу отъ 22-го февраля 1826 г. № 24.

шимъ поводомъ къ происшедшей ошибкѣ отступленіе отъ порядка производства дѣлъ и не наблюденіе за онымъ правителя губерніи, который, бывъ поставленъ высочайшею властію надзирать за соблюденіемъ онаго, вмѣсто того допустилъ нарушить оный, чѣмъ и вовлекъ въ отвѣтственность своихъ подчиненныхъ».

Губернаторъ не признавалъ себя виновнымъ и говорилъ, что онъ управляетъ губерніею черезъ губернское правленіе и что имѣетъ помощниковъ, которые должны раздѣлять съ нимъ отвѣтственность,—тѣмъ болѣе, что его въ то время не было въ Тулѣ, такъ какъ онъ отправился на границу губерніи, для сопровожденія тѣла императора Александра I.

Дѣло это было перенесено въ Комитетъ министровъ, гдѣ и обсуждалось 2-го и 16-го марта 1826 года. Комитету было доложено, что листы исправлены, вновь перепечатаны, разосланы по губерніи и вторично подписаны присягавшими, при чемъ нигдѣ и никакого не произошло замѣшательства или происшествія.

Тѣмъ не менѣе, въ виду непростительной небрежности въ столь важномъ дѣлѣ, Правительствующій Сенатъ полагалъ сдѣлать строгій выговоръ губернатору и подтвердить ему быть впредь осмотрительнѣе; совѣтника губернскаго правленія Трофимова, секретарей и прочихъ лицъ, открытыхъ по слѣдствію виновными, арестовать на недѣлю. Комитетъ министровъ согласился съ опредѣленіемъ Сената, но предсѣдатель департамента законовъ В. Пашковъ подалъ отдѣльное мнѣніе.

«Предосудительная неосмотрительность,—писалъ онъ,—тульскаго гражданскаго губернатора въ государственномъ дѣлѣ толикой важности, найденная Правительствующимъ Сенатомъ и министромъ юстиціи, по моему мнѣнію, есть въ той степени, которая ведетъ къ заключенію, что губернаторъ сей не имѣетъ качествъ, нужныхъ для правителя губерніи, отъ распорядительности коего, разсудительности и къ службѣ рвенія зависитъ спокойствіе, тишина и благоденствіе всѣхъ сословій, въ составѣ губерніи состоящихъ, и самое благоустройство въ производствѣ дѣлъ, и который собственнымъ наблюденіемъ за порядкомъ долженъ служить примѣромъ по всѣмъ частямъ управленія. Изъ рапортовъ же по настоящему обстоятельству видно, что онъ, губернаторъ Тухачевскій, не обратилъ къ оному дѣлу должнаго вниманія и такимъ своимъ нерадѣніемъ безъ сомнѣнія допустилъ всѣхъ въ представленіяхъ поименованныхъ губернскихъ чиновниковъ оказать нерадѣніе же и чрезмѣрный безпорядокъ при распредѣленіи полученныхъ отъ Правительствующаго Сената трехъ сотъ листовъ присяги, при разсылкѣ оныхъ въ подвѣдомственныя губернскому правленію мѣста и при напечатаніи въ тульской типографіи новыхъ экземпляровъ присяги. По симъ причинамъ я полагаю, что онъ, губернаторъ Тухачевскій, столь явно оказав-

шій въ себѣ недостатокъ въ свойствахъ и способностяхъ, необходимыхъ для правителя губерніи, не долженъ болѣе оставаться въ семъ званіи».

Прочитавъ журналъ Комитета министровъ и мнѣніе Пашкова, императоръ Николай написалъ:

«Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи, есть самый виновный. Прочихъ всѣхъ освободить отъ всякаго взысканія, а губернатору сдѣлать за нерадѣніе строгій выговоръ и объявить, что если мнѣ судить должно по сему обращику объ усердіи его, то не могу получить объ ономъ хорошаго мнѣнія—стало, чтобы былъ осторожнѣе».

Н. Д.

Лунное затменіе въ началѣ XVIII вѣка.

(Собственноручная записка Артемія Петровича Волынскаго).

«Сего мѣсяца 6-го числа было здѣсь затменіе въ мѣсяцѣ, зѣло удивительно и необыкновенно.

«Началось въ 7-мъ часу пополудни. Сначала тмится началъ отъ сѣверной стороны, такъ какъ и обыкновенное бываетъ. Но потомъ, когда весь кругъ затмился, то сталъ такъ красенъ, какъ самый огонь и такъ временемъ являлось, въ кругу какъ бы горѣло. Потомъ отъ середины круга стало кроваво отъ верхняго края шире, а къ нижнему уже; притомъ являлась по краямъ свѣтлость [однакожъ ненатуральная] временемъ отъ сѣвера, а временемъ съ низу, которая казалась такъ, какъ бываетъ первая четверть мѣсяца, а иногда мало не до самого верха оба конца сходились [что такъ больше случалось, когда та свѣтлость покажется снизу, нежели отъ стороны], а между тѣмъ паки зѣло красенъ становился, кромѣ самой середины, однакожъ и та временемъ больше, а временемъ меньше являлась. И такъ стояло съ полтора часа безъ мала, потомъ началъ свѣтлѣть снизу натуральнымъ свѣтомъ, только такъ равно, какъ бы было отрѣзано и что больше стало прибав(л)ятся свѣта, то та темность становилась кровавѣе и гуще и такъ равно дошла до самого верха, что и кончилось въ 10-мъ часу.

«Случалось мнѣ предъ симъ видать и сколько разъ, какъ и здѣсь видѣли мы въ бытность свою въ кава . . . . . [1]), однакожъ никогда не только я, и другіе такого (которое было нынѣ) не видали».

Такая собственноручная записка безъ помѣты года сохранилась въ бумагахъ подканцлера барона Петра Павловича Шафирова въ Императорской Академіи наукъ. А. П. Волынскій родился, по словамъ его біографовъ, въ 1689 году, воспитывался въ семьѣ С. А. Салтыкова и принадлежалъ, какъ свидѣтельствуетъ отчасти вышеприведенная записка, по складу ума и характера къ передовымъ, образованнѣйшимъ людямъ своего времени.

Въ 1704 году Волынскій былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ; но уже черезъ семь лѣтъ, въ 1711 году, мы встрѣчаемъ въ документахъ подпись: «Ротмістръ Артемей Волыской доносилъ и подпісалъся».

Состоя при Шафировѣ во время Прутскаго похода, онъ въ 1712 году раздѣляетъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ, ведетъ дневникъ о пребываніи въ «едикулѣ» и въ слѣдующемъ году отправленъ былъ курьеромъ къ царю съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адріанополѣ.

М. К. Марченко.

---

[1]) Это слово не разобрано.

Россія и папскій престолъ.

II [1]).

Самборъ.—Семейство Мнишекъ.—„Соколы“ и Gijanka.—Грабежъ по смерти Сигизмунда II.—Обвиненіе братьевъ Мнишекъ на сеймѣ.—Юрій Мнишекъ.—Его расточительность. — Мнѣніе Рангони. — Доминиканцы и бернардины. — Обученіе народа.—Щедрость Мнишека по отношенію къ бернардинамъ.—Ихъ восторженныя похвалы.—Финансы Мнишека—Секвестръ имущества.—Князь Константинъ Вишневецкій.—Появленіе Димитрія въ Самборѣ.—Окружающая атмосфера.—Самсонъ и Далила.—Димитрій влюбляется въ Марину и проситъ ея руки.—Планъ Мнишека.—Роль Помасскаго.—Атака, веденная о. Ансеринусомъ. — Мнишекъ оказываетъ имъ свое содѣйствіе. — Похвала папы Павла V Помасскому.—Новая программа въ связи съ общей политикой.—Желаніе Замойскаго.—Отъѣздъ Димитрія въ Краковъ.

Самборъ представляетъ собою въ настоящее время самый заурядный, скорѣе еврейскій, нежели польскій, городокъ. Онъ утратилъ свое военное значеніе и тотъ ореолъ поэзіи, который его окружалъ. Построенный среди непроходимыхъ лѣсовъ, изобиловавшихъ дичью, онъ служилъ нѣкогда передовымъ постомъ противъ татаръ, и его замокъ возвышался горделиво на лѣвомъ берегу Днѣстра. Это было старинное, массивное зданіе феодальной архитектуры, внушительнаго вида, съ башнями и бастіонами, окруженное рвами съ подъемными мостами, и обнесенное толстой каменной стѣною, внутри которой находилась церковь, сады и обширныя службы [2]).

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

[2]) Turkawski, Dymitr, стр. 16, описаніе Самбора по оффиціальнымъ документамъ 1596 года.

Сигизмундъ III никогда не жилъ въ Самборѣ; королевскія комнаты были заняты обыкновенно Юріемъ Мнишекъ, воеводою Сендомірскимъ, старостой Самборскимъ и Львовскимъ, самымъ знатнымъ сановникомъ этой мѣстности. Онъ принадлежалъ къ семейству чешскаго происхожденія, которое водворилось въ Польшѣ и породнилось съ самыми знатными фамиліями страны.

Имена братьевъ Мнишекъ, Юрія и Николая, украшаютъ скандальную хронику самой печальной эпохи царствованія Сигизмунда-Августа. Это была эпоха «соколовъ», какъ король называлъ своихъ фаворитокъ. Состарившійся преждевременно, разслабленный и пресыщенный, сынъ Бона Сфорцы пережилъ самого себя и глубокую привязанность, которую онъ питалъ къ Варварѣ Радзивиллъ; удрученный горемъ, онъ искалъ новыхъ развлеченій. Про братьевъ Мнишекъ говорили, будто они исполняли гнусную обязанность посредниковъ, играя при Сигизмундѣ ту же роль, какую игралъ Лебель при Людовикѣ XV, и что никто иной, какъ они, доставили ему ту «Gijank'y», которая озаряла своимъ сомнительнымъ блескомъ послѣдніе томительные дни жизни Сигизмунда-Августа.

Когда король скончался, всѣми оставленный, и всѣ его сокровища, серебро, посуда, драгоцѣнныя вещи исчезли изъ замка, то опять-таки братьевъ Мнишекъ обвиняли въ этомъ грабежѣ и говорили, будто бы имъ досталась при этомъ львиная доля. Въ 1572 г. Оржельскій заявилъ объ ихъ безчестныхъ поступкахъ на сеймѣ и вызвалъ тѣмъ всеобщее противъ нихъ негодованіе. Справедливость требуетъ сказать, что у братьевъ Мнишекъ нашлись въ томъ же собраніи свои сторонники; и хотя нѣкоторые защищали ихъ лишь на томъ основаніи, что не они одни попользовались добычею, но были и такіе люди, которые стали рѣшительно на ихъ сторону. Мало-по-малу, партія, благоволившая къ Мнишекамъ, увеличилась и сдѣлалась настолько сильной, что инфанта Анна Ягеллонъ, сестра покойнаго короля и наслѣдница его состоянія, отказалась отъ дальнѣйшей тяжбы съ ними, послѣ того какъ судъ произнесъ свой приговоръ. Для разслѣдованія дѣйствій братьевъ Мнишекъ не было назначено оффиціальнаго слѣдствія, и эта польская панама такъ и осталась невыясненною. Разумѣется, отъ этого далеко до полнаго оправданія, и для семейства Мнишекъ было бы несомнѣнно пріятнѣе, если бы ихъ дѣло разсматривалось въ судѣ и они были оправданы. Подробности этого темнаго дѣла совершенно ускользаютъ отъ насъ [1]).

Владѣлецъ Самбора, каковы бы ни были его вины въ прошломъ, ничѣмъ не напоминалъ собою въ то время бывшаго царедворца Сигизмунда II.

---

[1]) Orzelski, т. I, стр. 65—87, 99 и сл.

Онъ жилъ одно время всѣми забытый, но затѣмъ, благодаря своимъ семейнымъ связямъ, получилъ нѣсколько староствъ. Женатый на Гедвигѣ Тарло, онъ былъ отцомъ многочисленной семьи. Избравъ себѣ мѣстомъ жительства Червонную Русь, онъ рѣдко появлялся при дворѣ, былъ занятъ управленіемъ казенными землями, заботился о своемъ пошатнувшемся здоровьи и предавался набожности.

Въ это время назрѣлъ окончательно вопросъ о Брестской уніи. Союзъ съ Римомъ былъ заключенъ на бумагѣ и подписанъ епископами; но эта перемѣна не проникла въ сознаніе народа и встрѣчала при своемъ осуществленіи не мало препятствій.

По словамъ Рангони, Мнишекъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ уніи; стараясь распространить ее, онъ дѣйствовалъ весьма искусно и съ большимъ усердіемъ. Въ Самборѣ онъ заботился о народномъ образованіи и старался, при содѣйствіи доминиканцевъ и бернардиновъ, поднять нравственный уровень населенія. Въ архивахъ города Самбора сохранились слѣды его дѣятельности. Вообще, онъ любилъ водить знакомство съ духовенствомъ и монахами; его лучшими друзьями были бернардины. Въ лѣтописяхъ этого духовнаго ордена ему посвящено не мало страницъ, дышащихъ глубокою признательностью; но сквозь расточаемыя ему высокопарныя похвалы чувствуется истинная причина, коей эти похвалы были вызваны. Это человѣкъ высоко нравственный,—говорится въ этихъ лѣтописяхъ про Юрія Мнишека,—его украшаютъ всѣ добродѣтели, его память всегда будетъ дорога потомству; онъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ, а его быть можетъ не превзойдетъ никто.

Въ церкви св. Андрея во Львовѣ, на мраморной доскѣ, темнокраснаго цвѣта, на которой помѣщались имена самыхъ знатныхъ благодѣтелей церкви, начертано золотыми буквами имя Юрія Мнишека. Въ церковной ризницѣ виситъ его портретъ, писанный на холстѣ неизвѣстнымъ художникомъ, напоминающій гравюру Луки Киліана. Что же касается Самборскаго монастыря, старинной развалины пятнадцатаго вѣка, то Мнишекъ былъ, такъ сказать, его вторымъ основателемъ; онъ сдѣлалъ крупный вкладъ, реставрировалъ его и обнесъ стѣною. На этотъ предметъ употреблялись въ теченіе многихъ лѣтъ доходы съ его имѣнія «Поляна»; даже крайне стѣсненныя впослѣдствіи денежныя обстоятельства не помѣшали воеводѣ поддерживать этотъ монастырь. Когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи бернардиновъ, поселившихся въ Польшѣ, то Мнишекъ явился ихъ адвокатомъ въ Римѣ и защищалъ такъ усердно, что ихъ дѣло было выиграно.

Въ церкви бернардиновъ, въ Самборѣ, совершилось, 13-го января 1603 г., бракосочетаніе его дочери Урсулы съ княземъ Константиномъ

Вишневецкимъ; въ этой же церкви онъ завѣщалъ положить свои бренные остатки [1]).

Щедрость Мнишека заслуживала еще болѣе похвалъ, потому что его денежныя средства къ тому времени сильно пошатнулись. Вообще, бюджетъ польскаго сенатора всегда обремененъ чрезвычайными расходами. Мнишекъ долженъ былъ жить широко, держать открытый столъ, содержать маленькое войско, устраивать дорого стоющія охоты и празднества, не усчитывая грошей. Супруга воеводы также должна была поддерживать свое достоинство; она любила жить на большую ногу, любила, чтобы ее сопровождала цѣлая свита слугъ. На нее громко жаловались горожане, когда имъ приходилось давать помѣщеніе многочисленнымъ казакамъ и гайдукамъ, которые не находили себѣ мѣста въ за́мкѣ.

Какъ ни старался Мнишекъ увеличить свои доходы, развить торговлю и поощрять мѣстную промышленность, ему не удавалось выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Нѣсколько писемъ его къ королю, хранящихся въ Москвѣ и Краковѣ, даютъ понятіе объ его чрезвычайно затруднительномъ денежномъ положеніи: онъ всегда желалъ быть исправнымъ, но съ другой стороны всегда задерживалъ платежи, не будучи въ состояніи своевременно вносить слѣдующихъ королю поземельныхъ податей, ему приходилось постоянно просить, краснѣя, объ отсрочкахъ и снисхожденіяхъ. 1603 годъ былъ для него особенно тяжелъ. Цифра недоимокъ возрасла свыше всякихъ ожиданій; король потерялъ терпѣніе, и, къ ужасу воеводы, въ Самборъ явились представители суда съ угрозою наложить секвестръ на его имущество. Это было бы позоромъ и разоренiемъ. Во избѣжаніе этого, Мнишекъ написалъ королю, 29-го іюня, письмо, преисполненное выраженій величайшей покорности, но въ то же время онъ поспѣшно продалъ одно изъ своихъ имѣній. Дѣло кое-какъ уладилось; запрещеніе съ его имущества было снято, но 18-го сентября, неисправимый и несостоятельный Мнишекъ просилъ снова объ отсрочкѣ платежей на годъ [2]). Словомъ, Мнишекъ былъ впавшій въ ханжество, разорившійся вельможа, которому было необходимо какъ-нибудь поправить свои дѣла.

Димитрій, какъ увидимъ далѣе, совершенно неожиданно, далъ ему къ тому возможность. Иные говорятъ, будто появленіе претендента въ

---

[1]) Краковъ, музей Чарторыйскихъ; Teka Naruszewicza, 108, ср. 155 и сл.—Самборъ, Архивъ бернардиновъ, Acta ср. 267;—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 13.—Rome et Démétrius, стр. 212, № 8. — Turkawski, Dymitr, стр. 17.—Golichowski, Pamiontka, стр. 6.—Тургеневъ, т. II, стр. 72, № LV.

[2]) Москва, Архивъ министерства юстиціи, Лит. метр., Нов. кн., 53, ср. 321; 54, ср. 14; 55, ср. 135, 238.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ. 320, ср. 69, 87, 139.

Самборѣ было дѣломъ простаго случая, вызваннаго его остановкою по пути въ Краковъ. Трудно допустить, чтобы это могло быть чистою случайностью; заднія мысли, которыми руководился при этомъ Димитрій, слишкомъ очевидны и обнаруживаются сами собою.

Въ это время выступаетъ на сцену новая личность: князь Константинъ Вишневецкій, двоюродный братъ князя Адама. Этому послѣднему Сигизмундъ приказалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1603 г. привезти Димитрія въ Краковъ; совершенно необъяснимо, почему князь Адамъ медлилъ исполненіемъ этого королевскаго приказанія; но онъ за это поплатился. Претендентъ, чувствуя себя уже довольно сильнымъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно, оставилъ Брагимъ, къ крайнему сожалѣнію его владѣльца, и примкнулъ къ князю Константину Вишневецкому. Это былъ шагъ весьма важный, который можно сравнить скорѣе всего съ рѣшительной перемѣною фронта. Первоначальная мысль Димитрія, которую король назвалъ безумною, изобличала фантазію русскаго человѣка; навербовать казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву было совершенно въ русскомъ духѣ. Мало-по-малу претендентъ убѣдился въ томъ, что для осуществленія своихъ плановъ ему нужны поляки, и онъ постарался сблизиться съ ними. Его ввелъ въ эту сферу князь Константинъ Вишневецкій, которому сдѣлать это было нетрудно, благодаря его общественному положенію. Онъ былъ католикъ, его жена была полька, у него была невѣстка, которую пора было выдать за мужъ, а въ сенатѣ у него былъ тесть, котораго не трудно было подкупить.

Димитрій былъ принятъ въ Самборѣ, какъ настоящій царевичъ, со всѣми почестями, подобавшими тому сану, который онъ себѣ присвоивалъ [1]). Его неоднократно старались сбить съ этой позиціи, онъ понесъ пораженіе по всей линіи, но доблестно отстаивалъ занятую имъ позицію. Нельзя точно опредѣлить время его пріѣзда въ Самборъ, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать, что Юрій Мнишекъ принялъ какія-либо мѣры для того, чтобы выяснить вопросъ о дѣйствительномъ происхожденіи претендента. Припомнимъ, однако, что одинъ изъ слугъ Мнишека, взятый въ плѣнъ подъ Псковомъ, далъ благопріятное для Димитрія показаніе.

Окружающая атмосфера вскорѣ оказала свое дѣйствіе на новаго посѣтителя замка. Это былъ человѣкъ пылкій, страстный, впечатлительный; не будучи особеннымъ отгадчикомъ, можно было предсказать, что русскій Самсонъ найдетъ свою Далилу. Послѣ московскихъ дород-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 13; III, 7, с, f. 194 и 200.—Львовъ, Архивъ бернардиновъ, донес. Дармирскаго и Калисскаго. Kroniка Miasta Sambora, стр. 24.—Golichowski, Upominek, 1-я часть, стр. 15; 2-я часть, стр. 6.—Велевицкій, т. II, стр. 51.—Нѣмоевскій, стр. 56.

ныхъ, тяжеловѣсныхъ красавицъ, изящныя и стройныя польки должны были показаться ему какимъ-то чудеснымъ явленіемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, онъ уже былъ страстно влюбленъ въ одну изъ дочерей воеводы, Марину. Быть можетъ, его выборъ старались направить именно въ эту сторону, и хотя это неизвѣстно, но любовь несомнѣнно играла при этомъ главную роль. Припомнимъ наружность обольстительной польки, которую запечатлѣлъ на холстѣ неизвѣстный намъ художникъ, припомнимъ выраженіе ея лица: тонкія черты, прелестный овалъ и очаровательный взоръ, и намъ станетъ вполнѣ понятно, что она внушила юному и пылкому царевичу глубокую страсть [1]). Чувствовала ли она, въ свою очередь, къ нему ту таинственную симпатію, которая составляетъ залогъ счастья, или же ее прельстилъ только блескъ короны? Марина ни передъ кѣмъ не открыла тайны своего дѣвичьяго сердца; на этотъ счетъ дѣлались всевозможныя предположенія. Маринѣ предстояла вначалѣ менѣе блестящая, но болѣе спокойная судьба. Все даетъ поводъ думать, что Мнишекъ, живя вдали отъ суеты придворной жизни, воспитывалъ своихъ дочерей въ строго христіанскомъ, религіозномъ духѣ; одна изъ нихъ поступила въ монастырь кармелитокъ: изъ этого можно заключить, что она прошла дома хорошую школу. Марина еще не выѣзжала въ свѣтъ. Ея дѣтскіе дни протекли въ тиши Самборскихъ лѣсовъ; ее часто видѣли колѣнопреклоненною въ Самборскомъ храмѣ; друзья ея отца, бернардинскіе монахи, были и ея друзьями. Она выросла на ихъ глазахъ, они пеклись о спасеніи ея души, и связь, возникшая между ними, продолжалась до самой ея смерти. Участь молодой дѣвушки была рѣшена въ тотъ день, когда Димитрій просилъ ея руки; а это случилось въ первую же поѣздку въ Самборъ. Марина въ душѣ простилась на вѣки съ родительскимъ домомъ и вступила на порогъ новой жизни, полной для нея неизвѣстности. Въ этой скромной дѣвушкѣ скрывалась женщина полная энергіи, въ ея груди билось мужское сердце, и ея стройный станъ былъ какъ бы созданъ для военныхъ доспѣховъ. Но Юрій Мнишекъ дорожилъ внѣшними правилами приличія и не хотѣлъ отъ нихъ отступать; услыхавъ о любви Димитрія къ своей дочери, онъ прикинулся удивленнымъ и предоставилъ себѣ право дать отвѣтъ, послѣ поѣздки Димитрія въ Краковъ и его аудіенціи у короля. Прося руки Марины, Димитрій былъ увѣренъ, что воевода никогда не отдастъ свою дочь за православнаго, и если онъ не отказался отъ своего намѣренія, то это означаетъ, что онъ считалъ это препятствіе устранимымъ.

Дѣйствительно, вопросъ о религіи былъ затронутъ одновременно съ

---

[1]) Лучшій портретъ Марины взятъ изъ замка Вишневецкаго и находится нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. См. Ровинскій, т. II, столб. 1223.

вопросомъ о бракѣ. Мнишекъ любилъ впослѣдствіи вспоминать объ этомъ обстоятельствѣ; онъ говоритъ о немъ съ полною откровенностью въ письмѣ къ папѣ Павлу V, отъ 12-го ноября 1605 г. Душевное состояніе Димитрія возбуждало въ немъ сожалѣніе; онъ видѣлъ, что этотъ православный юноша былъ пропитанъ заблужденіями, былъ преданъ своимъ ложнымъ взглядамъ, и онъ рѣшилъ просвѣтить его. Противъ Димитрія былъ организованъ настоящій походъ или, лучше сказать, благочестивый заговоръ. Мнишекъ прибѣгнулъ къ помощи аббата Помасскаго и о. Ансеринуса [1]). Они обсудили сообща это дѣло, распредѣлили роли и смѣло начали дѣйствовать. Первый приступъ долженъ былъ сдѣлать Помасскій. Какъ настоятель Самборской церкви, каноникъ и королевскій секретарь, онъ пользовался особымъ почетомъ и посѣщалъ замокъ ежедневно. Это былъ человѣкъ свѣтскій, краснорѣчивый, какъ говорили, большой мастеръ обольщать. Быть можетъ, онъ злоупотребилъ этимъ искусствомъ по отношенію къ Димитрію, такъ какъ послѣдній насмѣхался надъ нимъ. Совершенно инымъ человѣкомъ былъ о. Ансеринусъ, прозванный у бернардиновъ Замойскимъ. Пребываніе за границей сдѣлало его развязнымъ; его считали ученымъ богословомъ и искуснымъ администраторомъ. Онъ преподавалъ богословскія науки, преобразовалъ систему преподаванія въ своемъ орденѣ и основалъ нѣсколько новыхъ монастырей. Онъ шелъ на приступъ Димитрія и давалъ ему генеральныя сраженія. Воевода помогалъ своимъ сотоварищамъ, но ограничивался по большей части одними практическими совѣтами. Излюбленной его темой было восхваленіе бернардиновъ.

— Что это за люди,—говорилъ онъ,—какъ они скромны, какая у нихъ дисциплина, какія строгія правила! Если люди обладаютъ такими добродѣтелями, то это означаетъ, что исповѣдуемыя ими правила суть истинныя.

Димитрій долженъ былъ спасовать передъ коалиціей этихъ трехъ лицъ. Такъ какъ запасъ его богословскихъ познаній былъ не особенно великъ, то онъ никогда не пускался въ богословскія пренія, тѣмъ болѣе, что монахи оставили въ немъ вообще не особенно пріятныя воспоминанія. Поставленный въ столь затруднительное положеніе, Димитрій старался выйти изъ него съ честью и какъ можно менѣе связать себя: онъ никого не обезкураживалъ, но и не торопился мѣнять вѣру, хотя давалъ понять, что развязка можетъ быть благопріятная. Впослѣдствіи, папа Павелъ V, на основаніи донесеній нунція, привѣтствовалъ Помасскаго съ успѣхомъ, одержаннымъ надъ Димитріемъ, и Мнишекъ утверждалъ, что отцы бернардины повліяли на Димитрія своимъ примѣромъ и подготовили его обращеніе въ католическую вѣру [2]).

[1]) Ансеринусъ есть латинская форма имени Gonsior или Gonsiorek.
[2]) Ватиканскій архивъ, Arm. 45, т. I. ср. 138 V, № CCLXXVI, 1605. Рукоп. Боргезе, II. 13.—Rome et Démétrius, стр. 212, № 8.

Но пока все это было еще въ проектѣ. Перемѣнить вѣру зависѣло только отъ царевича, а его бракъ съ Мариной зависѣлъ отъ обстоятельствъ. Слѣдовательно, съ той и другой стороны сохранялась полная свобода дѣйствій. Но въ Краковѣ воевода рѣшилъ уже взять на себя роль настоящаго покровителя Димитрія, представить его сенаторамъ и королю и быть его поддержкою. Все это было имъ обдумано и рѣшено заранѣе, и, по всей вѣроятности, Димитрій во многихъ отношеніяхъ руководствовался совѣтами Мнишека и несомнѣнно измѣнилъ въ значительной степени свою первоначальную программу дѣйствій, именно подъ вліяніемъ совѣтовъ Мнишека.

Въ самомъ дѣлѣ, какая поразительная разница существуетъ между смѣлыми планами, составленными Димитріемъ въ Брагимѣ, и мудрыми комбинаціями, придуманными имъ въ Самборѣ. Невольно чувствуется, что за дѣло взялся человѣкъ опытный, которому хорошо было извѣстно положеніе дѣлъ и коего планы отличались извѣстной широтою. Теперь дѣло шло уже не объ обыкновенномъ наѣздѣ на Москву съ шайками казаковъ и татаръ, но претендентъ задумалъ вести съ Москвою настоящую войну при содѣйствіи польскаго войска, сформированнаго изъ добровольцевъ, и при безмолвномъ одобреніи королевской власти. Его предпріятіе уже не имѣло характера грубой мести, или чего-то случайнаго; оно было тщательно мотивировано и согласовано съ общей политикой. Указывались преимущества, которыя могли проистечь изъ этого для Польши и для всего христіанскаго міра. «Возрожденная Московія,—говорили,—въ союзѣ съ Западомъ будетъ служить неприступнымъ оплотомъ противъ турокъ»; было, чѣмъ заинтересовать королей и папу, на содѣйствіе коихъ разсчитывали. Въ этой программѣ все было стройно и тѣсно связано одно съ другимъ: всякій зналъ, чего онъ хочетъ, и всѣ шли къ намѣченной цѣли настоящимъ путемъ. Пріѣхавъ въ Краковъ, Димитрій долженъ былъ повторить урокъ, заученный имъ въ Самборскомъ замкѣ.

Отъѣздъ въ столицу былъ рѣшенъ безповоротно. Эта поѣздка безъ того затянулась довольно долго. Великій канцлеръ и гетманъ Замойскій очень желали видѣть Димитрія до его появленія при дворѣ. Дѣйствія «господарчика», какъ канцлеръ называлъ его, казались ему подозрительны, странный претендентъ не внушалъ ему ни малѣйшаго довѣрія. Тонкій знатокъ человѣческаго сердца, Замойскій хотѣлъ проникнуть своимъ орлинымъ взоромъ тайники его души, изслѣдовать самые сокровенные ея изгибы, но любезность канцлера была отклонена, и ему пришлось отказаться отъ своего намѣренія [1]). Въ первыхъ числахъ марта 1604 г. Димитрій, сопровождаемый воеводою Мнишекомъ и княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, отправился въ Краковъ.

---

[1]) Listy Volkiewskiego, стр. 129, № 96.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отреченіе. 1604 г.

Двойственность правительства въ Польшѣ. — Письмо Сигизмунда по поводу Димитрія.—Дѣло политика и вопросъ совѣсти.—Выгоды и опасности.—Мнѣнія сенаторовъ.—Причины ихъ оппозиціи.—Замойскій и Сапѣга.—Епископъ плоцкій Барановскій.—Збржидовскій, сторонникъ Димитрія. — Фантастическіе планы кампаній.—Умѣренные.—Янъ Остророгъ.—Желаніе сенаторовъ предоставить рѣшеніе вопроса сейму.—Димитрій въ Краковѣ. — Банкетъ у Мнишека.— Характеристика Димитрія, сдѣланная нунціемъ. — Аудіенція у короля.—Рѣчь Димитрія.—Двуличная политика Сигизмунда. — Тайный договоръ, заключенный съ Димитріемъ.

I.

Польша имѣла своеобразное двойственное правительство: во главѣ республики стоялъ король; никто изъ представителей власти, за исключеніемъ развѣ Венеціанскаго дожа, не былъ подчиненъ болѣе, чѣмъ онъ, строгому контролю, не былъ обязанъ соблюдать болѣе стѣснительныхъ формальностей. Какъ только возникало какое-нибудь важное дѣло, король долженъ былъ тотчасъ извѣщать о немъ сенаторовъ, находившихся въ столицѣ и даже отсутствовавшихъ изъ нея; они высказывали свое мнѣніе словесно или письменно, и королю приходилось сообразоваться съ этими мнѣніями, чтобы не вызвать цѣлой бури на сеймѣ.

Появленіе Димитрія въ Польшѣ подало поводъ къ безчисленнымъ переговорамъ, къ оживленной перепискѣ, слѣды которой дошли до насъ, и къ цѣлому ряду мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Въ глазахъ короля это событіе имѣло двоякое значеніе: событія политическаго и вопроса религіознаго. Въ циркулярномъ письмѣ короля къ сенаторамъ, писанномъ въ февралѣ 1604 г., какъ нельзя лучше отразилось его душевное состояніе и овладѣвшее имъ крайнее смущеніе [1]).

Во-первыхъ, тайна происхожденія Димитрія еще не была выяснена. Докладъ Вишневецкаго, свидѣтельство лифляндца, московскихъ людей и нѣсколькихъ подосланныхъ шпіоновъ повліяли на нѣкоторыхъ сенаторовъ, но король, и это дѣлаетъ честь его здравому смыслу, далеко не былъ этимъ убѣжденъ. Слѣдовательно, надобно было ограничиваться однѣми догадками и на основаніи ихъ строить предположенія. Возвра-

[1]) Польскій оригиналъ письма Сигизмунда къ Зеновичу, отъ 18-го февраля 1604 г., находится въ Петербургѣ, Публ. библ., автографы, 63, т. II, ср. 22.—Напечатанъ по-русски Пташицкимъ, Деспоты, стр. 135; по-польски Pismo, стр. 40.—То же письмо, на польскомъ языкѣ къ Замойскому, Listy Volk., стр. 127, № 95.

тить престолъ московскому царевичу было бы равносильно заключенію сказочнаго союза между двумя славянскими народами. Но Сигизмундъ не останавливался на этомъ вопросѣ, его умъ былъ занятъ иной мечтою. Его взоры не могли оторваться отъ сѣверной Венеціи, а за ея волнами сіяла корона его отца, которую ему хотѣлось возложить какъ можно скорѣе на свою голову. Онъ мечталъ также о Ливоніи, завоеванной Баторіемъ и орошенной польской кровью. Имѣть операціонный базисъ въ Кремлѣ было для него лучшимъ залогомъ военныхъ успѣховъ въ Швеціи и на берегу Балтійскаго моря. Можно было предполагать, что Димитрію не удастся вступить въ Москву безъ сопротивленія; въ такомъ случаѣ пришлось бы вести войну со всѣми жертвами, какія она влечетъ за собою; по всей вѣроятности, эту войну пришлось бы начать противъ согласія сейма, всегда несговорчиваго въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о тратѣ денегъ и крови.

Взвѣшивая всѣ шансы, за и противъ, Сигизмундъ содрогнулся при мысли о клятвопреступленіи, которая возстала предъ нимъ, какъ грозный призракъ, сулившій ему въ будущемъ укоры совѣсти. Съ Борисомъ Годуновымъ было заключено перемиріе на двадцать лѣтъ. Договаривающіяся стороны подписали его и поклялись соблюдать свято и ненарушимо. Оказать содѣйствіе Димитрію значило нарушить этотъ договоръ и осквернить священную клятву. Чтобы успокоить свою взволнованную совѣсть, король думалъ одно время созвать нѣсколько іезуитовъ подъ предсѣдательствомъ нунція, которые объявили бы о томъ, что договоръ не имѣетъ законной силы, коль скоро претендентъ есть дѣйствительный сынъ Іоанна IV. Но Рангони отклонилъ отъ себя эту честь и не совѣтовалъ дѣлать этого шага [1]). Предоставленный самому себѣ, Сигизмундъ очутился лицомъ къ лицу со своими совѣтниками.

Ихъ мнѣнія раздѣлились [2]). Нѣкоторые были противъ предпріятія, затѣваемаго Димитріемъ. Они находили нежелательнымъ вмѣшивать республику въ его похожденія и имѣли на это весьма вѣскія причины. Исторія претендента, въ томъ видѣ, какъ онъ ее передавалъ, казалась имъ неправдоподобной. Они настаивали на необходимости соблюдать перемиріе, заключенное съ Годуновымъ, и клятву, данную отъ имени всего польскаго народа, ссылались на права людей и на долгъ совѣсти.

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 в., ср. IIIV.—Rome et Démétrius, стр. 185, № 11.

[2]) Москва, архивъ министерства юстиціи, Лит. метр., Нов. кн., 53. ф. 115, V, 214; 54, ср. 73, V, 75; 55, ср. 34, 36, 38, V, 40, 87: письма Дзіалынскаго, Чарнковскаго, Лещинскаго, Петроконскаго, Влодека, Ласки, Потумецкаго, Гольскаго, Константина Острожскаго, Барановскаго. Краковъ. Музей Чарторыйскихъ, 320, ср. 147, 149, 151, 153, 155, 161: письма Ивана Тарновскаго (къ Конецпольскому и Быковскому), Красинскаго (къ Станиславу Тарновскому), Замойскаго, Януша Острожскаго, Ивана Остророга.

Но и помимо этихъ соображеній, они полагали моментъ неудачнымъ для того, чтобы начинать подобное предпріятіе, ибо Польшѣ и безъ того могла предстоять какая-нибудь неизбѣжная война, состояніе ея финансовъ ухудшалось и оппозиція королевской власти возрастала.

Польскій и литовскій канцлеры, Замойскій и Сапѣга, присоединились къ этому взгляду, хотя, какъ увидимъ далѣе, по различнымъ побужденіямъ. Это мнѣніе раздѣляли также лучшіе полководцы, какъ-то: Жолкѣевскій и Ходкевичъ и нѣкоторые государственные люди, какъ, напр., Гослицкій епископъ Познанскій. То же самое высказалъ откровенно въ своемъ письмѣ Потулицкій. Епископъ Плоцкій Барановскій, прочитавъ докладъ Вишневецкаго, изложилъ откровенно вызванныя имъ сомнѣнія.

«Этотъ московскій «князикъ» кажется мнѣ подозрительнымъ,—писалъ онъ королю 6-го марта 1604 г.—Въ его жизни есть нѣкоторыя обстоятельства, не заслуживающія довѣрія. Могла ли мать не узнать трупа своего собственнаго сына? Возможно ли, чтобы безъ вѣдома царя было убито тридцать человѣкъ дѣтей? Наконецъ, какимъ образомъ какой-то монахъ, никогда не видавшій Димитрія, призналъ его сыномъ Іоанна, единственно по его манерамъ?» Епископъ не придавалъ никакого значенія показаніямъ шпіоновъ и лифляндца; онъ ссылался на примѣръ тѣхъ искателей приключеній, которые появлялись въ Валахіи, и на лже-Себастіана португальскаго, и вооружаясь латинскимъ текстомъ священнаго писанія, серьезно предостерегалъ короля: Qui cito credit, говорилъ онъ, levis est corde. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы Димитрій былъ «тщательно и искусно допрошенъ сенаторами, извѣстными своей осторожностью и преданностью королю; съ этою цѣлью онъ прилагалъ даже къ своему письму подробный списокъ вопросныхъ пунктовъ. Его подозрительность шла еще дальше: за Димитріемъ, говорилъ онъ, слѣдовало бы учредить бдительный надзоръ, чтобы онъ не могъ убѣжать и отправиться къ казакамъ. Рѣшительный сторонникъ мира, Барановскій оканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «если бы даже исторія претендента была сама истина, все же лучше было бы не принимать въ немъ участія и не подвергать себя риску дорого стоющей войны, такъ какъ финансы республики не велики и у нея слишкомъ много текущихъ дѣлъ, которыя требуютъ настоятельнаго рѣшенія въ Швеціи и Пруссіи».

Впрочемъ, не всѣ сенаторы отличались такою широтою взгляда и добросовѣстностью. Успѣхъ, который они считали легко достижимымъ и надежнымъ, ослѣплялъ ихъ, и они толковали по-своему святость договоровъ. Самымъ ярымъ защитникомъ противоположнаго мнѣнія былъ Николай Зебржидовскій, воевода Краковскій. По его мнѣнію, претендентъ былъ дѣйствительно сыномъ Іоанна IV, но, допустивъ даже, что это было невѣрно, во всякомъ случаѣ, имѣлся законный поводъ считать его тако-

вымъ. Къ тому же, говорилъ воевода, случай этотъ слишкомъ хорошъ, чтобы не воспользоваться имъ. Перемиріе, заключенное съ Борисомъ Годуновымъ, не должно было, по его мнѣнію, стѣснять короля и въ его глазахъ оно не имѣло никакого значенія, такъ какъ Димитрій былъ единственнымъ законнымъ царемъ; съ другой стороны, перемиріе даже не было бы нарушено, такъ какъ король не послалъ бы своего войска, а только позволилъ бы воевать другимъ. Устраняя такимъ образомъ оффиціальное препятствіе, воевода создавалъ въ своей головѣ планъ кампаніи, мечталъ принять начальство въ походѣ, предлагалъ королю свои услуги, чтобы произвести въ Ливоніи диверсію съ трехтысячнымъ отрядомъ кавалеріи, изъ коихъ тысячу онъ предлагалъ снарядить на свой счетъ, соглашаясь даже въ случаѣ надобности увеличить это число. Какъ видно, онъ не любилъ терять времени.

Насколько намъ извѣстно, никто не превзошелъ воеводу Краковскаго по части макіавелизма; быть можетъ, никто даже не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Хотя нѣкоторые сенаторы съ Іоанномъ Тарновскимъ, архіепископомъ Гнезенскимъ во главѣ, не отнеслись враждебно къ этому предпріятію, но они становились на иную точку зрѣнія и давали болѣе умѣренные совѣты. Претендентъ, по ихъ словамъ, былъ ниспосланъ Польшѣ самимъ Провидѣніемъ. Они смутно предчувствовали, что изъ этого событія можно будетъ извлечь большую пользу. Поэтому они предлагали оказать ему должный почетъ и воспользоваться имъ для того, чтобы устрашить Годунова, но настаивали на необходимости навести болѣе тщательныя справки о его происхожденіи. Иные предлагали двѣ категоріи мѣръ, совершенно различныхъ смотря по тому, будетъ ли Димитрій признанъ истиннымъ царевичемъ или самозванцемъ. Янъ Остророгъ, остававшійся при особомъ мнѣніи, выдумалъ, между прочимъ, дать ему пенсію и послать его въ Римъ къ папѣ.

Но надобно замѣтить, что большинство сенаторовъ, высказывая свое мнѣніе, дѣлали оговорку, которую надлежало принять самымъ серьезнымъ образомъ къ свѣдѣнію. Соглашаясь обсуждать этотъ вопросъ, они не находили возможнымъ высказать окончательнаго рѣшенія, предоставляя это народному представительству, т. е. сейму. Состояніе умовъ прекрасно отразилось въ письменныхъ отвѣтахъ сенаторовъ, въ которыхъ они излагали свои взгляды. Дѣло это слѣдуетъ рѣшить обыкновеннымъ порядкомъ, говорили одни. Другіе, относясь къ королю съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, настаивали на томъ, чтобы дѣйствовать на законномъ основаніи и, за невозможностью созвать сеймъ, требовали, чтобы всѣ польскіе и литовскіе сенаторы были немедленно созваны въ чрезвычайное засѣданіе: они имѣли какое-то тайное предчувствіе, что въ скоромъ времени возникнутъ серьезныя осложненія.

Письма сенаторовъ были получены въ Вавельскомъ замкѣ въ первой

половинѣ марта. Написанныя въ рѣшительномъ или въ уклончивомъ духѣ, они не рѣшали вопроса по существу, но дѣло претендента много выиграло отъ этой корреспонденціи. Его имя облетѣло всю Польшу, его исторію разсказывали вездѣ, вопросъ объ его притязаніи на престолъ обсуждался всѣми самымъ серьезнымъ образомъ. Когда Димитрій прибылъ въ столицу со своими товарищами, любопытство публики, и безъ того сильно возбужденное, достигло крайняго предѣла. Димитрій удовлетворилъ всеобщія ожиданія самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ наружные признаки говорили въ его пользу; въ немъ было какое-то обаяніе и самоувѣренность; покровители окружили его всевозможнымъ блескомъ; онъ былъ помѣщенъ въ домѣ Мнишека, какъ особа царскаго сана; его постоянно сопровождала свита изъ тридцати особъ; окружавшіе его москвитяне клялись, что онъ ихъ царь; изъ Москвы были получены ободряющія письма. Иванъ Порошинъ привелъ изъ внутреннихъ губерній Россіи новыхъ рекрутъ, донскіе казаки прислали царевичу двухъ атамановъ, предлагая ему свои услуги, польскіе магнаты принимали его у себя въ домѣ, и когда онъ появлялся на улицѣ, то народъ сбѣгался, чтобы посмотрѣть на него.

Когда Димитрій завоевалъ себѣ такимъ образомъ извѣстное положеніе въ общественномъ мнѣніи г. Кракова, то Мнишекъ счелъ возможнымъ познакомить его съ обществомъ. Около 13-го марта онъ далъ парадный обѣдъ, пригласивъ на него своихъ коллегъ сенаторовъ и самыхъ знатныхъ придворныхъ лицъ; онъ настаивалъ на томъ, чтобы въ числѣ его гостей былъ также и нунцій. Героемъ праздника былъ Димитрій, но онъ соблюдалъ инкогнито вѣроятно изъ уваженія къ сенаторамъ, которые относились къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Рангони сидѣлъ въ одной залѣ съ Димитріемъ, но за другимъ столомъ. Такимъ образомъ италіанскій дипломатъ могъ хорошо разсмотрѣть таинственнаго претендента, и вотъ какъ онъ передаетъ свои первыя впечатлѣнія:

«Димитрій,—пишетъ онъ,—молодой человѣкъ съ хорошими манерами, смуглымъ лицомъ, съ очень большой бородавкой на носу, на высотѣ праваго глаза; онъ говоритъ смѣло; въ его походкѣ и манерахъ есть въ самомъ дѣлѣ что-то величественное». Впослѣдствіи, узнавъ его ближе, онъ прибавилъ къ этому описанію слѣдующія подробности: Димитрію на видъ двадцать четыре года, у него нѣтъ бороды, онъ одаренъ чрезвычайно живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, держится безупречно, склоненъ къ занятію науками, необычайно скроменъ и сдержанъ. Большая часть современниковъ описываютъ его внѣшность въ тѣхъ выраженіяхъ [1]).

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 в., ф. 62 V, 73, 87.—Rome et Démétrius, стр. 178, № 6; стр. 180, № 7.—Тургеневъ, прилож., стр. 411.—Ровинскій, т. I, столб. 679.

Вскорѣ послѣ банкета, 15-го марта, Димитрій былъ принятъ королемъ въ частной аудіенціи, на которой присутствовали четыре высшихъ сановника. Въ Вавельскомъ замкѣ впервые происходила столь оригинальная сцена: сомнительный потомокъ Рюрика просилъ поддержки у потомка Вазы; король польскій могъ возвратить Москвѣ ея истиннаго непризнаннаго царя. Димитрій явился съ приготовленной заранѣе рѣчью; въ видѣ вступленія онъ привелъ легенду, разсказанную Геродотомъ. Въ древности, онѣмѣвшій сынъ Креза получилъ способность говорить, увидавъ, во время осады Сардъ, что его отцу угрожалъ какой-то персъ. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, юноша могъ произнести: «солдатъ, не убивай царя лидійскаго». Претендентъ не нашелъ ничего остроумнѣе какъ сравнить себя съ этимъ принцемъ, который получилъ столь чуднымъ образомъ способность говорить. И онъ, наложивъ на себя добровольно обѣтъ молчанія, безмолвствовалъ долгое время, но, видя бѣдствіе своей страны и страданіе народа, видя оскверненный престолъ и узурпатора, смѣло захватившаго корону, онъ заговорилъ, чтобы просить о помощи, и рѣшилъ обратиться къ королю польскому. Онъ просилъ оказать ему великодушную помощь, какую другіе принцы получали въ Краковѣ и которая согласуется съ традиціями польской націи. Затѣмъ полились звучныя и елейныя слова о вѣчной благодарности, о надеждѣ на Бога, о выгодѣ для республики и о пользѣ для всего христіанскаго міра. Эти намеки были прекрасно поняты; но еще не настало время выяснить ихъ смыслъ. Поэтому вице-канцлеръ Тылицкій, отвѣчая Димитрію отъ имени короля, ограничился общепринятымъ привѣтствіемъ и обычными формулами вѣжливости.

Несмотря однако же на скромность, съ какою была обставлена аудіенція 15-го марта, она имѣла рѣшающее значеніе для дальнѣйшей карьеры Димитрія. Ею опредѣлился образъ дѣйствій короля по отношенію къ претенденту. Политика Сигизмунда въ этомъ случаѣ была двуличная, колеблющаяся, до нѣкоторой степени коварная и далеко не рыцарская. Оффиціально, передъ лицомъ народа, онъ разыгрывалъ роль строгаго блюстителя интересовъ республики, рѣшившаго честно соблюдать перемиріе съ Москвою. Точно также онъ держалъ себя по отношенію къ Борису Годунову и то же говорилъ ему; всѣ пункты договора, заключеннаго Львомъ Сапѣгою, должны были, по его словамъ, быть строго соблюдены до послѣдней іоты. Но за кулисами творилось иное. Король лично благоволилъ къ Димитрію, заклятому врагу Годунова, только и помышлявшему о войнѣ съ нимъ. Подъ конецъ аудіенціи, король одарилъ царевича драгоцѣнными матеріями и звонкой монетою; Димитрій получилъ золотую цѣпь съ медалью, на которой былъ изображенъ портретъ царя, ему была назначена пенсія въ четыре тысячи флориновъ изъ доходовъ Самборскаго имѣнія, и Сигизмундъ принялъ

на себя часть расходовъ по его пребыванію въ Краковѣ. Въ депешахъ Рангони неоднократно упоминается о благоволеніи короля къ Димитрію, и самъ король началъ вскорѣ ссылаться на это благоволеніе и на любезность, съ какою онъ относился къ претенденту.

Дѣйствуя столь двойственно, Сигизмундъ льстилъ, быть можетъ, себя надеждою, что ему удастся избѣжать упрековъ и удовлетворить всѣхъ и каждаго. Сомнѣнія, существовавшія на счетъ происхожденія Димитрія, оправдывали, повидимому, всѣ эти компромиссы и полумѣры. Но въ сущности король принялъ такимъ образомъ на себя большую отвѣтственность передъ народомъ и потомствомъ. Онъ не только не спѣшилъ созвать сеймъ, но даже вступилъ съ Димитріемъ въ секретные переговоры. Они шли какъ по маслу, не встрѣчая никакихъ препятствій, такъ какъ обѣщанія, данныя Димитріемъ, далеко превосходили предъявленныя ему требованія. Несмотря на тайну, которой окружали себя король и Димитрій, Рангони удалось разузнать, на какихъ условіяхъ было заключено ихъ взаимное соглашеніе. Условія эти были довольно тяжелы для претендента. Онъ обязался, тотчасъ по вступленіи на престолъ, доставить королю войско для войны со Швеціей; въ случаѣ надобности, онъ готовъ былъ самъ стать во главѣ арміи и учинить расправу въ Стокгольмѣ. Сверхъ того, онъ обѣщалъ не уступить, но возвратить литовцамъ Сѣверскую область, какъ собственность литовскаго народа. Это совершилось бы безъ всякихъ треволненій, дружественно, такъ какъ между Польшей и Москвою былъ бы заключенъ вѣчный миръ. Сигизмундъ пріобрѣталъ такимъ образомъ союзника и цѣлую провинцію, не израсходовъ ни гроша и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Какія же требованія предъявлялъ Димитрій? Онъ просилъ, чтобы на одного изъ сенаторовъ была возложена обязанность оказывать ему содѣйствіе, чтобы ему не препятствовали въ выполненіи его плановъ и смотрѣли бы сквозь пальцы на дѣлаемыя имъ приготовленія; онъ самъ намѣревался поднять казаковъ; польскіе добровольцы конечно также откликнулись бы на его зовъ. Этотъ курьезный договоръ былъ бы до нѣкоторой степени приведенъ въ исполненіе, такъ какъ претенденту старались всячески помочь въ организаціи похода, и мы увидимъ далѣе, что его безразсудныя обѣщанія были положены въ основу дипломатическихъ инструкцій [1]).

Итакъ политика короля исходила изъ утилитарнаго принципа; этого отрицать нельзя. Для того чтобы не отступать отъ этого принципа, онъ сталъ въ оппозицію съ большинствомъ своихъ совѣтниковъ. Даетъ ли

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в., ф. 62 V и сл. —Rome et Démétrius, стр. 178—186, № 6—12.—Прилож. № 1.—Валевицкій, т. II, стр. 54—60.—Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 165, № 79.

это право предполагать, что король дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ какого-нибудь лица, которое придавало ему смѣлость дѣйствовать такимъ образомъ? Безъ сомнѣнія, при дворѣ нѣкоторыя лица имѣли на него тайное вліяніе. Такъ, обвиняли іезуитовъ въ томъ, что они подчинили себѣ Сигизмунда; одинъ изъ нихъ, отецъ Фредерикъ Барчъ, его духовникъ, былъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ и преданный королю; онъ скончался въ 1609 г., ухаживая за больными во время осады Смоленска. Но мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что король подчинялся въ данномъ случаѣ какому-нибудь постороннему вліянію, поэтому приходится взвѣсить руководившія имъ нравственныя побужденія. Было еще одно обстоятельство, которое Сигизмундъ не упускалъ изъ вида и которое близко касалось московскихъ дѣлъ; это обстоятельство также необходимо принять во вниманіе. Димитрій не скрывалъ своего влеченія къ католической вѣрѣ и держалъ себя въ этомъ отношеніи такъ, что можно было на все надѣяться. Царь-католикъ на престолѣ Іоанна Грознаго—какое многообѣщающее будущее!

Бывшій послѣдователь аріанскаго ученія вступилъ въ лоно римско-католической церкви во время своего пребыванія въ Краковѣ.

II.

Дѣйствія Зебржидовскаго. — Безучастное отношеніе Рангони. — Свиданіе съ Димитріемъ. — Посѣщеніе Димитріемъ часовни «Страстей Христовыхъ». — Бичующіеся. — Свиданіе съ о. Савицкимъ. — Обсужденіе католическихъ догматовъ. — Собранія у бернардиновъ. — Димитрій въ монашеской одеждѣ. — Въ церкви св. Варвары. — Испытаніе. — Отреченіе и исповѣдь. — Праздникъ Пасхи. — Письмо къ Клименту VIII. — Религіозные планы Димитрія. — Споръ съ католиками. — Сохраненіе патріаршаго престола въ Москвѣ. — Пріобщеніе св. тайнъ. — Обѣщанія, данныя Димитріемъ. — Рангони доказываетъ ему свое расположеніе. — Желаніе Димитрія имѣть милостыннаго священника, получить разрѣшеніе отъ поста и списокъ разрѣшенныхъ книгъ. — Вопросъ о пріобщеніи св. тайнъ во время коронаціи. — Душевное состояніе Димитрія. — Отъѣздъ изъ Кракова. — Переписка съ Рангони. — Перемѣна взгляда въ Римѣ. — Грамота Климента VIII.

Предчувствіе того, что Димитрій долженъ былъ вскорѣ отречься отъ своей ереси, носилось въ воздухѣ. Православный не могъ чувствовать себя хорошо среди поляковъ. Ему чего-то не доставало для того, чтобы вполнѣ слиться съ окружающей средой, и хотя бы онъ могъ дѣйствовать совмѣстно съ поляками, но, во всякомъ случаѣ, это было сопряжено съ большими затрудненіями. Покровители Димитрія, конечно, не упустили изъ вида эту сторону вопроса и сознавали всю его важность.

Тотчасъ по пріѣздѣ Димитрія въ Краковъ, тамошній епископъ Мацѣевскій, двоюродный братъ Мнишека, личность весьма вліятельная,

прислалъ претенденту книгу о соединеніи церквей. Этотъ робкій шагъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Николаю Зебржидовскому было суждено, какъ говоритъ Рангони, принять на себя обязанности проповѣдника католицизма и повести дѣло быстро и на чистоту. Воевода краковскій, ставшій въ скоромъ времени во главѣ «движенія», былъ нрава безпокойнаго, крутаго, но онъ былъ храбръ, имѣлъ вѣрный и совершенно опредѣленный взглядъ на вещи. Не задаваясь обсужденіемъ вопроса о происхожденіи Димитрія, онъ хотѣлъ сдѣлать его политическимъ орудіемъ Польши и находилъ поэтому, что слѣдовало установить между нимъ и поляками тѣсную связь. Мнишекъ смотрѣлъ на дѣло точно такъ же, и оба воеводы рѣшили дѣйствовать сообща.

Димитрій, съ своей стороны, подавалъ надежды на свое обращеніе и, повидимому, желалъ, чтобы ими воспользовались. Онъ не измѣнилъ образа дѣйствій, который такъ хорошо удался ему въ Самборѣ, и держалъ себя то смиренно, то вызывающе. Въ порывѣ благочестія онъ далъ обѣтъ отправиться пѣшкомъ, какъ настоящій паломникъ, въ Ченстоховъ, знаменитый польскій монастырь, и пришлось употребить чуть не силу, чтобы заставить его отказаться отъ этого намѣренія, которое могло компрометтировать его. Но онъ продолжалъ держать себя какъ преданный другъ и поклонникъ католиковъ, готовый воздвигать въ Москвѣ костелы, благоговѣющій передъ папою, почтительный къ нунцію, съ которымъ онъ желалъ видѣться. Все это не ускользало отъ вниманія воеводы краковскаго, который зорко слѣдилъ за своимъ новообращеннымъ, и, видя его благопріятное настроеніе, счелъ долгомъ наставить и просвѣтить его, и завязать сношенія между нимъ и папскимъ нунціемъ. Не теряя времени, первое свиданіе было назначено на 19-е марта.

До тѣхъ поръ Рангони ни во что не вмѣшивался, не поощрялъ друзей Димитрія и не обезкураживалъ его противниковъ. Все, что онъ говорилъ при дворѣ, было такъ строго взвѣшено и обдумано, что ни тѣ, ни другіе не могли высказать противъ него какого-либо неудовольствія или въ чемъ-либо заподозрѣть его. Но въ депешахъ, посылаемыхъ въ Римъ, онъ давалъ волю своему оптимизму, который еще болѣе усилился послѣ аудіенціи 19-го марта. Это объясняется тѣмъ, что Димитрій велъ свои дѣла весьма искусно, кстати упоминалъ великія имена и давалъ понять, что онъ готовъ сдѣлать болѣе того, что онъ обѣщаетъ на словахъ.

Съ точки зрѣнія отмѣнной вѣжливости, онъ былъ безупреченъ. Даже такой строгій судья, какимъ былъ римскій дипломатъ, заявлялъ, что онъ имъ доволенъ. Говоря о папѣ, претендентъ выражался, что онъ «великій отецъ, всесвѣтный пастырь, защитникъ угнетенныхъ». Называя себя несчастнымъ изгнанникомъ, человѣкомъ непризнаннымъ, преслѣдуемымъ, Димитрій еще разъ разсказалъ нунцію свою исторію и просилъ,

чтобы папа помолился и заступился за него передъ королемъ. «Польша,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—ничего не потеряетъ, посадивъ меня на престолъ моихъ предковъ; мое вступленіе на престолъ будетъ сигналомъ крестоваго похода противъ турокъ». Намекъ былъ невинный, но пущенная Димитріемъ стрѣла попала въ цѣль. Рангони былъ живо задѣтъ ею; эти слова показались ему цѣлой программой. Онъ охотно принялъ бы ее, но пока онъ предпочелъ дать уклончивый отвѣтъ.

Въ тотъ же день,—это было въ Страстную пятницу, Димитрій,—очень довольный своимъ разговоромъ съ нунціемъ, подвергся другаго рода испытанію. По случаю великаго поста, церкви были переполнены молящимися; ксендцы говорили проповѣди о покаяніи. Царевичъ посѣщалъ церкви, слушалъ проповѣди у бернардиновъ и въ другихъ церквахъ. Въ часовнѣ «Страстей Христовыхъ» онъ увидѣлъ потрясающее зрѣлище. Его привели въ эту часовню въ тотъ моментъ, когда братья предавались покаянію. Одинъ монахъ, съ лицомъ аскета, взошелъ на каѳедру и обратился къ собравшимся съ пламенной рѣчью. По данному сигналу, свѣчи были потушены, присутствующіе вооружились плетьми, обнажили плечи и стали бичевать себя подъ мрачные звуки «Miserere». За этой сценой страшнаго суда слѣдовалъ символъ побѣды: радостный гимнъ, ликующіе звуки музыки, множество зажженныхъ свѣчей и процессія со св. дарами. Стеченіе народа было огромное: всѣ знали, что въ церковь пріѣдетъ Димитрій. Всѣ хотѣли его видѣть. Серьезный, сосредоточенный, онъ держался безупречно среди бичевавшей себя толпы. Онъ шелъ за процессіей со свѣчою въ рукахъ и преклонилъ голову до земли въ тотъ моментъ, когда были подняты дары для благословенія народа. Присутствующіе были тронуты его благочестіемъ.

Теперь уже смѣло можно было приступить къ обсужденію вопроса о вѣроисповѣданіи. Къ этому, очевидно, только и стремились Мнишекъ и Зебржидовскій: зерно было посѣяно, оставалось собрать жатву. Съ этой цѣлью къ Димитрію были приближены іезуиты. Разумѣется, они знали о появленіи Димитрія; оба воеводы, дружившіе съ іезуитами, навѣрно, сообщили имъ болѣе обстоятельныя о немъ свѣдѣнія, нежели другимъ; но они не принимали пока никакого участія въ его дѣлѣ.

Нунцій Рангони приписываетъ себѣ иниціативу ихъ сближенія. По словамъ Велевицкаго, посредникомъ при этомъ служилъ самборскій священникъ, который представилъ Димитрію іезуитовъ. Краковъ кишѣлъ въ то время бернардинами. Почему же они были устранены отъ претендента? Почему въ этомъ случаѣ обратились къ іезуитамъ? Быть можетъ, ихъ имя хотѣли пріобщить къ этому дѣлу потому, что они пользовались уваженіемъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ.

Какъ бы то ни было, до 31-го марта 1604 г. Димитрій не видѣлъ іезуитовъ, но въ тотъ день къ нему явился отецъ Гаспаръ Савицкій,

ученый богословъ, извѣстный проповѣдникъ и духовникъ, принятый въ лучшемъ обществѣ и занимавшій въ то время мѣсто настоятеля церкви св. Варвары. Димитрій понималъ, что іезуитъ явился къ нему съ намѣреніемъ склонить его къ принятію католической вѣры, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, но они оба были крайне смущены, и ихъ бесѣда ограничилась обмѣномъ взаимныхъ любезностей. При вторичномъ свиданіи, Савицкій промолвилъ нѣсколько словъ о разъединеніи церквей. Претендентъ только этого и ожидалъ; терзаемый сомнѣніями, неспокойный духомъ, онъ хотѣлъ подвергнуть эти важные вопросы основательному обсужденію. Съ согласія воеводы краковскаго, было рѣшено устроить съ этой цѣлью духовную бесѣду. Чтобы не возбудить подозрѣній москвитянъ, окружавшихъ Димитрія и слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ, было рѣшено устроить эту бесѣду въ величайшей тайнѣ. Зебржидовскому не трудно было уладить это дѣло. 7-го апрѣля Димитрій отправился къ нему и, оставивъ, по мѣстному обычаю, свою свиту у дверей его дома, онъ вошелъ одинъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ его уже ожидали два іезуита, Савицкій и Гродзицкій, введенные черезъ потайную дверь. Воевода, вѣрный принятой имъ на себя роли руководителя царевича, далъ ему совѣтъ: говорить смѣло, строго взвѣсивъ и обдумавъ свои отвѣты. Это не отниметъ у него свободы дѣйствій, говорилъ воевода, но тѣмъ лучше, ежели его сомнѣнія разсѣятся.

Димитрій поблагодарилъ въ короткихъ словахъ и, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу. Въ Краковѣ онъ высказалъ свои взгляды, повидимому, откровеннѣе, нежели въ Самборѣ, и лучше воспользовался умѣніемъ держать себя. Его умъ давно уже былъ занятъ религіозными вопросами, онъ обладалъ нѣкоторыми догматическими познаніями и, къ удивленію іезуитовъ, оказалось, что ему не были чужды заблужденія аріанъ. Но въ глубинѣ души—это былъ человѣкъ вполнѣ русскій и православный, онъ почерпнулъ свои убѣжденія въ монастыряхъ, ихъ могли имѣть только начетчики, ученые, а внѣ монастырскихъ стѣнъ не было ученыхъ людей. Димитрій выказалъ замѣчательное умѣніе въ выборѣ тѣхъ доводовъ, коими онъ возражалъ іезуитамъ. Противъ ненавистныхъ католиковъ взводили, обыкновенно, обвиненія безъ всякаго разбора, имъ вмѣняли въ преступленіе то, что они брили себѣ бороду или соблюдали постъ по пятницамъ; каждый ихъ обычай, не согласовавшійся съ правилами православной церкви, клеймили названіемъ страшнѣйшей ереси. Самъ Іоаннъ IV, человѣкъ несомнѣнно большаго ума, поддался на эту удочку, и желая озадачить своего противника Антонія Поссевина, приводилъ въ доказательство своихъ разсужденій величайшія нелѣпости. Димитрій не сдѣлалъ этой ошибки; не вдаваясь въ мелочи, онъ коснулся самой существенной стороны вопроса. Прежде всего подвергся обсужденію Filioque, и Димитрій просилъ объяснить ему

ученіе римско-католической церкви о происхожденіи Святаго Духа. Затѣмъ перешли къ вопросу о причастіи подъ *однимъ видомъ*, который вызывалъ всегда живѣйшія нареканія послѣдователей восточной церкви, хотя онъ былъ простою предохранительною мѣрою, введенною въ латинское богослуженіе. Подъ конецъ бесѣды долго обсуждался главный вопросъ о непогрѣшимости папы, какъ единственнаго главы церкви. Къ сожалѣнію, никто не записалъ того, что говорилось на этой бесѣдѣ, а это могло бы пролить яркій свѣтъ на степень умственнаго развитія претендента. Впрочемъ, оба іезуита отдаютъ ему справедливость въ томъ, что онъ говорилъ очень умно и держалъ себя безупречно. Онъ излагалъ свои мысли ясно, отстаивалъ ихъ энергично и, заявляя себя побѣжденнымъ, не выказывалъ при этомъ ложнаго стыда, или же умолкалъ и впадалъ въ глубокую задумчивость. Въ заключеніе іезуиты дали ему двѣ книги: «Разсужденіе о папской власти» (Traité sur le pape) и «Толкователь спорныхъ пунктовъ восточной вѣры» (Manuel de controverses orientales). Димитрій выразилъ желаніе возобновить бесѣду съ іезуитами и не скрылъ своего предпочтенія къ отцу Савицкому. Опредѣленные отвѣты и ясное рѣшеніе вопросовъ, какое давалъ бывшій преподаватель богословія, нравились ему лучше ученыхъ разсужденій Гродзицкаго.

Исходъ этихъ богословскихъ преній можно было предсказать заранѣе. Было очевидно, что Димитрій будетъ побѣжденъ, онъ самъ говорилъ это въ минуту откровенности. Каждое воскресенье онъ отправлялся инкогнито въ дворцовую церковь, гдѣ встрѣчались послѣ обѣдни дипломаты и великосвѣтскіе люди. Это былъ прекрасный случай побесѣдовать съ нунціемъ, не обративъ этимъ вниманія москвитянъ. Димитрій искалъ его общества и бесѣдовалъ съ нимъ откровенно; онъ умѣлъ заставить его слушать себя, умѣлъ затронуть самыя чувствительныя струны его сердца и дать понять, что онъ можетъ быть сговорчивъ. Уже 4-го апрѣля, т. е. за три дня до первой бесѣды своей съ іезуитами, онъ совѣтовался съ Рангони относительно пасхальной исповѣди. Эта чрезмѣрная ревность къ религіи могла показаться подозрительной, тѣмъ болѣе, что вопросы политики всегда примѣшивались къ разговору о религіи, и что соединеніе церквей шло рука объ руку съ государственными дѣлами; но нунцій былъ снисходителенъ и, ловко уклоняясь отъ отвѣтовъ, совѣтовалъ Димитрію обратиться за разъясненіемъ вопросовъ религіи къ іезуитамъ. Все шло какъ по-писаному.

Пренія, начавшіяся 7-го апрѣля, возобновились 15-го числа въ монастырѣ Бернардиновъ и скоро привели къ желаемому результату. Димитрій вѣжливо сложилъ орудіе и, въ виду приближавшагося высоторжественнаго праздника Пасхи, выразилъ желаніе пріобщиться св. тайнъ въ католической церкви. Въ принципѣ отреченіе его, слѣдо-

вательно, было рѣшено. Подробности этого событія обсуждались 16-го апрѣля въ собраніи, на которомъ присутствовали отецъ Скарга, Бурдалу изъ Польши и о. Барчъ, духовникъ короля. Эти два имени свидѣтельствуютъ о томъ, какое значеніе придавали этому дѣлу. Въ сущности, тутъ представлялось только одно затрудненіе: надобно были найти средство, чтобы претендентъ, собиравшійся принять католичество, могъ окружить себя непроницаемою тайною. Онъ чувствовалъ и высказывалъ неоднократно, что москвитяне сдѣлаются послѣ этого шага его смертельными врагами, поэтому было весьма важно, чтобы никто не узналъ объ его отреченіи преждевременно. Изобрѣтательный умъ воеводы краковскаго и тутъ нашелся. Вотъ что онъ придумалъ.

По случаю Страстной недѣли городъ былъ погруженъ въ молитву и добрыя дѣла. Братья духовнаго ордена «Милосердія» (de la Mizéricorde) ходили по улицамъ отъ двери къ двери, какъ привидѣнія, закутанные въ черныя рясы со спущенными на лицо капюшонами, и собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ. Это братство, основанное Петромъ Скаргой по образцу такого же италіанскаго духовнаго ордена, пополнялось лицами изъ высшаго общества. Къ нему принадлежалъ и воевода и, отправляясь собирать деньги въ пользу бѣдныхъ, онъ предложилъ царевичу сопровождать его. Монашеская одежда, говорилъ онъ, скроетъ ихъ обоихъ отъ любопытныхъ взоровъ, и ничто не стѣснитъ свободы ихъ дѣйствій. Эта оригинальная мысль была приведена въ исполненіе 17-го апрѣля, въ Страстную субботу.

Воевода и царевичъ протягивали руки прохожимъ, собирали милостыню въ замкѣ, у нунція и въ частныхъ домахъ, вошли въ церковь св. Варвары и отправились къ отцу Савицкому [1]). Димитрій избралъ его своимъ духовникомъ. Отецъ Савицкій былъ предупрежденъ и ожидалъ кающагося во всеоружіи. Роль воеводы была окончена,—онъ удалился на церковные хоры, и претендентъ остался съ ксендзомъ съ глаза на глазъ. Приближалась минута страшнаго испытанія. Сцена, происшедшая въ кельѣ іезуита, заслуживаетъ того, чтобы исторія пролила на нее свѣтъ. Димитрій собирался открыть о. Савицкому сокровенные свои помыслы, предать забвенію прошлое, обновившись причащеніемъ св. тайнъ, но онъ долженъ былъ отвѣчать за свои поступки; если онъ присвоивалъ себѣ ложное званіе, то онъ былъ самый преступный искатель приключеній, незаслуживающій сожалѣнія и недоступный раскаянію. Савицкому было извѣстно все то, что говорилось о немъ въ городѣ, и онъ хотѣлъ выяснить этотъ вопросъ прежде, нежели приступить къ исповѣди. Когда таинственный грѣшникъ заявилъ о своемъ желаніи испо-

[1]) Церковь св. Варвары принадлежала къ старинному іезуитскому монастырю, который стоитъ на Маріацкой площади (Mariacki), подъ № 7.

вѣдаться, то Савицкій попросилъ его собраться съ мыслями и терпѣливо выслушать слова духовнаго пастыря. Сказавъ нѣсколько словъ въ его похвалу, онъ пошелъ прямо къ цѣли и сказалъ повелительнымъ тономъ, что долгъ повелѣваетъ Димитрію быть вполнѣ чистосердечнымъ и откровеннымъ; лишь въ такомъ случаѣ онъ можетъ разсчитывать на помощь Божію, говорилъ о. Савицкій, а безъ нея человѣкъ идетъ къ погибели. Димитрій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять тайнаго смысла сказаннаго іезуитомъ. Суровыя, неумолимыя слова духовника проникли до глубины его души, видимо, онъ былъ ими глубоко смущенъ,—suspensus animo aliquantum mansit, писалъ Велевицкій, но скоро овладѣлъ собою и, сказавъ, что онъ уповаетъ на чудесную помощь Провидѣнія, заявилъ передъ Богомъ и передъ людьми, что все сказанное имъ есть истинная правда. Это было равносильно клятвѣ. Савицкій былъ обезоруженъ, онъ выслушалъ отреченіе Димитрія и его исповѣдь, тайна которой извѣстна одному Богу.

На слѣдующій день, въ Свѣтло-Христово Воскресенье, когда церкви были переполнены молящимися, вновь обращенный католикъ не могъ показаться въ храмѣ. Онъ охотно присутствовалъ бы на богослуженіи, но осторожность повелѣвала ему дѣйствовать осмотрительно. Вынужденный остаться дома, онъ употребилъ это время на составленіе, при помощи отца Савицкаго, письма къ папѣ Клименту VIII [1]).

Это письмо помѣчено 24-мъ апрѣля 1604 г., но въ сущности оно было написано шесть дней ранѣе. Этотъ драгоцѣнный листокъ бумаги, полный для насъ воспоминаній и заключающій свѣдѣнія первостепенной важности, лежалъ долгое время забытый въ архивахъ Ватикана и появился на свѣтъ только въ послѣднее время.

Припомнимъ, какъ недовѣрчиво отнесся папа къ первому извѣстію о появленіи московскаго царевича; лже-Себастіаны, появлявшіеся въ Португаліи, заставляли относиться не особенно довѣрчиво къ сомнительнымъ претендентамъ на царскіе престолы; хотя оптимистическія депеши Рангони ослабили это впечатлѣніе и недовѣріе папы, но онъ предпочиталъ не высказываться, предоставляя Димитрію дѣйствовать самостоятельно. Иниціативу корреспонденціи въ Римъ взяла на себя «ничтожнѣйшая овечка», «нижайшій слуга» его святѣйшества, съумѣвшій искусно соединить порывъ благочестія съ политическими цѣлями. «Заботясь о душѣ своей», писалъ Димитрій папѣ, онъ прозрѣлъ, сознаЛъ схизму греческую и свое опасное отщепенство, величіе истинной церкви, чистоту ея догматовъ,—онъ все взвѣсилъ и рѣшилъ окончательно, что ему дѣлать. Познавъ католическое богослуженіе св. рим-

---

[1]) Воспроизведено фототипіей: Lettre de Dmitri dit le Fiaux à Climent VIII, см. также «Рус. Стар.», изд. 1898 г., май.

ской церкви и укрѣпленный церковными таинствами, онъ нашелъ вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у него похитили. Никакая жертва, говорилъ онъ, не будетъ для него слишкомъ велика, онъ преклоняется Божьей волѣ, онъ готовъ, если понадобится, отказаться отъ престола своихъ предковъ. Но все это было только ловкимъ ходомъ: онъ выпрямляется неожиданно во весь ростъ, его дѣло не проиграно, оно можетъ еще быть спасено, и тогда ему нужна будетъ помощь папы, и эта помощь будетъ оказана ему не даромъ. «Отецъ всѣхъ овецъ Христовыхъ»,—заключаетъ свое посланіе Димитрій,—«Господь Богъ черезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ и присоединеніемъ къ церкви своей великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги вашего святѣйшества, какъ бы самого Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу вашему святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность».

Разумѣется, трудно было подыскать болѣе деликатныя выраженія и болѣе заслужить покровительство папы. Димитрій зналъ, что Климентъ VIII не оттолкнетъ новообращеннаго и что онъ не будетъ равнодушенъ къ судьбѣ «великихъ народовъ».

Что касается Рангони, то онъ былъ какъ рыба въ водѣ. Когда новообращенный выразилъ желаніе пріобщиться на Пасхѣ св. тайнъ въ церкви нунція, то онъ съ радостью изъявилъ на это свое согласіе и писалъ папѣ, что онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто «утѣшительное».

Нунцій находился подъ впечатлѣніемъ разговоровъ, веденныхъ въ Вавельскомъ замкѣ, гдѣ было произнесено столь ненавистное въ Россіи и столь высоко цѣнимое въ Римѣ слово: «унія церквей». Димитрій, искусный ораторъ, набросалъ передъ нунціемъ плѣнительную картину будущаго. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, твердо знающій, что предстоитъ ему въ будущемъ, который обдумалъ положеніе вещей, предусмотрѣлъ всѣ препятствія и изучилъ практическія мѣры, какія слѣдовало принять. Греки не заслуживали, по его мнѣнію, никакого вниманія; онъ называлъ ихъ невѣжественными и считалъ безвредными. Иное дѣло русскіе! но ихъ можно подчинить, дѣйствуя ловко и умѣло. Онъ льститъ себя надеждою, что съумѣетъ сдержать ихъ сильною рукою, и сравниваетъ ихъ со скаковою лошадью, съ которой хорошій наѣздникъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Переходя отъ образныхъ сравненій къ дѣйствительности, онъ высказалъ намѣреніе устроить богословскій споръ между русскимъ и католическимъ духовенствомъ; опытные борцы Западной церкви конечно одержатъ верхъ въ этомъ спорѣ, а онъ, какъ безпристрастный судья, удостовѣритъ ихъ побѣду и склонитъ такимъ образомъ побѣжденныхъ къ уніи. Онъ ставилъ для соединенія церквей только

одно условіе: сохраненіе патріаршей власти въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока турки будутъ владѣть Константинополемъ и пока не состоится крестовый походъ противъ Ислама. Этотъ вопросъ церковной іерархіи былъ вопросомъ чести, относительно котораго онъ не могъ сдѣлать уступки.

Слушая Димитрія, пылкій италіанецъ Рангони разгорячался, мечты рисовали ему царя, павшаго ницъ передъ папою, великій народъ, обращенный въ римско-католическую вѣру, покорное посольство, прибывшее изъ Кремля въ Ватиканъ; быть можетъ, онъ видѣлъ себя среди кардиналовъ, разсказывающаго своимъ изумленнымъ коллегамъ о московскомъ героѣ. А между тѣмъ онъ всѣми силами поощрялъ Димитрія: безсмертное имя въ исторіи, неувядаемая слава и всеобщее поклоненіе выпадутъ,—говорилъ онъ,—на долю московскаго царя, принявшаго католическую вѣру. И онъ припоминалъ ему великолѣпныя фрески, украшающія папскій дворецъ, и подвиги Константина и Карла Великаго, изображенные кистью великихъ художниковъ. Почему бы Димитрію не подражать этимъ славнымъ монархамъ? Почему бы ему не стремиться къ такимъ же почестямъ?

24-го апрѣля былъ день, избранный заранѣе для пріобщенія Димитрія св. тайнъ. Онъ явился къ нунцію подъ предлогомъ проститься съ нимъ. Москвитяне и не подозрѣвали объ истинной цѣли его посѣщенія. Въ глубинѣ квартиры, былъ воздвигнутъ престолъ, скрытый отъ любопытныхъ взоровъ. Тутъ собрались только самые близкіе люди: хозяинъ дома со своими двумя капелланами, воевода Мнишекъ и отецъ Савицкій. Царевичъ пожелалъ еще разъ исповѣдаться, отслушалъ обѣдню и пріобщился. Чтобы утвердить его въ вѣрѣ и сдѣлать истиннымъ воиномъ Христа, Рангони помазалъ его священнымъ елеемъ, слегка ударилъ его по щекѣ и рукоположилъ его [1]).

Церемонія была трогательная. Нунцій былъ въ восхищеніи: новообращенный имѣлъ видъ набожный, сосредоточенный, походилъ на бѣдную заблудшую овечку, возвратившуюся въ нѣдра церкви. Рангони радовался, что ему удалось «завоевать» эту душу, хотя бы завоеваніе Москвы и не удалось. Бесѣда, происходившая послѣ обѣдни, довершила всеобщее удовольствіе. Димитрій былъ счастливъ: онъ позналъ истину всесвѣтнаго пастыря, онъ жаждалъ излить свою благодарность Богу и, павъ на колѣни передъ Рангони, клялся ему въ преданности къ папѣ, въ покорности святому престолу и добровольно далъ обѣщаніе ввести унію среди диссидентовъ и окрестить всѣхъ язычниковъ и магометанъ, если

---

[1]) Въ православной церкви при крещеніи совершается и муропомазаніе. Удивительно, почему въ данномъ случаѣ Димитрій былъ вторично помазанъ елеемъ.

ему удастся когда-нибудь возсѣть на престолъ. Эти слова заключали въ себѣ обѣщаніе, но оно было дано добровольно, оно обязывало только одну сторону и не предоставляло другой сторонѣ никакихъ положительныхъ правъ. Относительно вопроса о вѣроисповѣданіи между Римомъ и Димитріемъ никогда не было, да и не могло быть заключено никакого договора. Все дѣло ограничилось обѣщаніями, которыя были даны вполнѣ добровольно, приняты другой стороною съ признательностью, и на которыхъ настаивали впослѣдствіи очень деликатно. Въ то время Димитрій пылалъ рвеніемъ и доходилъ до пафоса: онъ призывалъ небо въ свидѣтели своей искренности, отрицалъ въ своихъ поступкахъ малѣйшій разсчетъ и хитрость и, не имѣя возможности поцѣловать ногу папѣ, хотѣлъ оказать эту честь его представителю: онъ уже преклонилъ колѣна; Рангони едва успѣлъ удержать его. Наконецъ царевичъ вручилъ нунцію письмо къ Клименту VIII, написанное въ первый день Пасхи; при письмѣ находился его латинскій переводъ, сдѣланный Савицкимъ. Оно было написано царевичемъ, съ начала до конца собственноручно, на польскомъ языкѣ; къ письму была приложена печать съ изображеніемъ русскаго орла и Георгія побѣдоносца. Вокругъ этого герба была сдѣлана надпись на русскомъ языкѣ: «Димитрій Ивановичъ, милостью Божіею царевичъ». Авторъ письма любезно извинялся, говоря, что въ письмѣ встрѣчаются погрѣшности противъ слога, и скромно отозвался о своемъ почеркѣ, что онъ «не особенно красивъ».

Рангони, какъ читаемъ въ его депешѣ, оказалъ новообращенному всевозможные знаки своего расположенія и подарилъ ему на память Agnus Dei, оправленный въ золото, и двадцать пять венгерскихъ экю. Димитрій подтвердилъ хорошее мнѣніе, составленное о немъ нунціемъ. Онъ проявилъ замѣчательную чуткость: не только выразилъ желаніе имѣть при себѣ милостиннаго священника, но хотѣлъ получить разрѣшеніе отъ поста и списокъ (Index) книгъ, запрещенныхъ католическою церковью. Изумительная покорность! Всѣ его просьбы были тотчасъ исполнены. Болѣе затруднительно и даже странно на первый взглядъ было другое желаніе, выраженное претендентомъ. Онъ переносился мысленно въ Москву, думалъ о своемъ коронованіи въ Кремлѣ, изучалъ его церемоніалъ, и при этомъ въ его умѣ возникъ страшный вопросъ: во время коронованія царь долженъ пріобщиться св. тайнъ изъ рукъ православнаго патріарха. Димитрій не хотѣлъ уклониться отъ этого исконнаго обычая и показать народу, что онъ отрекся отъ своей вѣры. Дабы избѣжать этого двоякаго затрудненія, онъ просилъ на это разрѣшеніе папы. Такимъ образомъ возникъ щекотливый принципіальный вопросъ. Рангони благоразумно уклонился отъ отвѣта, обѣщая снестись по этому поводу съ Римомъ; но, съ этой минуты, онъ уже не сомнѣвался въ искренности Димитрія.

Что же происходило на самомъ дѣлѣ въ душѣ этого человѣка? Въ немъ происходила вѣроятно гораздо болѣе сложная и мучительная борьба, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Стоя колѣнопреклоненнымъ передъ нунціемъ, онъ пріобщился къ новой вѣрѣ, это была вѣра Марины, которую онъ нѣжно любилъ, вѣра поляковъ, его друзей и покровителей, вѣра папы, которая могла послужить связью между нимъ и Европою: подобная мечта могла очаровать кого угодно. Оглянувшись назадъ, онъ видѣлъ свои прежнія вѣрованія, ниспровергнутыя іезуитами, видѣлъ православныхъ монаховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ: тутъ не было ничего великаго, ничего утѣшительнаго, ничего такого, что могло бы прельстить его. Обуреваемый этими разнообразными чувствами, ослѣпленный этимъ свѣтомъ, почувствовавъ трепетаніе истины, онъ могъ инстинктивно вступить на тотъ путь, который открывался передъ нимъ. По своей пылкой, увлекающейся натурѣ, онъ былъ способенъ на большое усиліе, но оно не могло быть продолжительнымъ, настойчивость и упорство не были въ его характерѣ. Его угодливость передъ нунціемъ, его просьбы о поддержкѣ въ политическомъ отношеніи, съ коими онъ обратился къ нему тотчасъ по принятіи католической вѣры, придали его поступкамъ, въ глазахъ исторіи, несвойственный имъ характеръ гнусной комедіи, но въ то время онѣ производили совершенно иное впечатлѣніе.

Въ тотъ же день, 24-го апрѣля, вечеромъ, претендентъ выѣхалъ изъ Кракова, куда ему не суждено было возвратиться; но его сношенія съ нунціемъ отъ этого не пострадали. Новообращенный всегда былъ готовъ бесѣдовать о вопросахъ религіи; на эту тему начинались всѣ его письма; затѣмъ онъ приступалъ къ инаго рода просьбамъ. Ему надобно было побѣдить противодѣйствіе Замойскаго и Януша Острогожскаго и вызвать къ себѣ сочувствіе со стороны короля, его дѣла затягивались, а между тѣмъ быстрота составляла главное условіе успѣха. Это ставило Димитрія въ самое затруднительное положеніе. Его московскіе сторонники теряли терпѣніе, не хотѣли болѣе ожидать и могли быть обнаружены. Онъ самъ боялся, чтобы не распустили слухъ объ его смерти: тогда все было бы потеряно. Онъ боялся также смерти Годунова, появленія какого-нибудь соперника, борьбы, которая могла завязаться около престола и всѣхъ ужасовъ междоусобной войны. По мнѣнію претендента, было только одно средство покончить съ этимъ, а именно идти на границу и начать дѣйствовать самому. Но для этого надобно было прежде всего быть увѣреннымъ въ сочувствіи короля и что тѣ, кто былъ противъ него, не окажутъ ему противодѣйствія: все это давало поводъ обратиться къ нунцію и просить его ходатайства.

Въ Краковѣ достигнуть этого было не трудно. Сигизмундъ въ глубинѣ души былъ не прочь помочь Димитрію. Въ Вавельскомъ замкѣ многіе относились къ нему сочувственно, слѣдовало только воспользо-

ваться этимъ и не особенно спѣшить. Гораздо важнѣе было произвести переворотъ при папскомъ дворѣ; Рангони это удалось довольно легко. Письмо Димитрія отъ 24-го апрѣля, полученное съ его депешами, въ которыхъ онъ успокоивалъ папу и расточалъ претенденту похвалы, произвело рѣшительный поворотъ во мнѣніи римскаго двора. Оно было передано въ инквизицію, подверглось обсужденію богослововъ и было признано заслуживающимъ поощренія. Климентъ VIII, изъ скептика сдѣлавшійся легковѣрнымъ, приказалъ отвѣтить уже не «новому Себастіану», а «дорогому сыну и noble seigneur» сердечной грамматой [1]).

Письмо папы, помѣченное 22-го мая 1604 г., было преисполнено доброты и отеческаго благоволенія; вслѣдствіе того, что въ немъ умышленно замалчиваются нѣкоторые вопросы, оно становится для насъ важнымъ дипломатическимъ документомъ. Дѣйствительно, въ этомъ письмѣ не проскользнуло ни одного предательскаго слова о политикѣ, не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на христіанство и его великія задачи. Папа преподавалъ въ немъ только благочестивые совѣты и поощрялъ Димитрія идти по пути добродѣтели. Взаимныя отношенія Димитрія и папы должны были вращаться въ болѣе тѣсной сферѣ, нежели того хотѣлось Димитрію: какъ духовный пастырь, Климентъ VIII открывалъ заблудшей овечкѣ двери въ нѣдра церкви, но далѣе этого онъ не шелъ.

Впрочемъ, ни папа, ни Рангони не могли видѣть того, что бросается въ настоящее время въ глаза историку и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на совокупность фактовъ. Димитрій не всегда былъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Обо всемъ, что касалось его прошлаго, онъ соблюдалъ строжайшее молчаніе.

Диктуя докладъ королю, писавъ собственноручно письмо папѣ, онъ всегда выражался сдержанно, лаконично и не выходилъ изъ общихъ мѣстъ. Но лишь только вопросъ касался будущаго, его языкъ развязывался, перо начинало быстро бѣгать по бумагѣ, онъ рѣшался называть людей по имени. Этотъ бѣглый монахъ, не имѣвшій денежныхъ средствъ и искавшій себѣ покровителей, еще будучи въ Польшѣ, предвидѣлъ возможность исчезновенія Бориса Годунова, выражалъ даже опасеніе, чтобы это не случилось преждевременно, онъ предвидѣлъ свое коронованіе въ Кремлѣ и обсуждалъ подробности церемоніи, предвидѣлъ роль, которую долженъ былъ играть патріархъ, и ставилъ условіемъ сохраненіе патріаршаго сана. Или онъ былъ колдунъ, если онъ могъ такъ ясно предвидѣть будущее? или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ предположить, что это была цѣлая программа, навязанная ему его московскими сторонниками, которую ему приходилось выполнить при ихъ содѣйствіи и къ осуществленію которой только трудно было приступить.

---

[1]) Архивъ инквизиціи, IV, f. 52 V.

*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дипломатія и политика. 1604—1605.

I.

Впечатлѣніе, произведенное въ Кремлѣ успѣхами Димитрія.—Неудачи Годунова.—Семейныя огорченія.—Паника въ Кремлѣ.—Воспрещеніе сношеній съ Польшею.—Посылка въ Украйну Хрущева.—Семенъ Годуновъ отправляется въ Астрахань.—Оффиціальный разсказъ о Димитріи.—Его отождествляютъ съ Гришкой Отрепьевымъ.—Посылка Смирнова-Отрепьева въ Краковъ.—Предметъ его миссіи.—Димитрій отказывается видѣться съ нимъ.—Причины отказа.—Левъ Сапѣга измѣняетъ свое мнѣніе.—Подозрительное показаніе Хрущева.—Проклятіе Димитрія патріархомъ Іовомъ.—Инструкціи, данныя королемъ сеймикамъ.—Недосказанное.—Пожеланія, высказанныя на сеймикахъ.

Успѣхи, одержанные Димитріемъ, нашли отголосокъ и въ Кремлѣ. Прошли счастливые дни царствованія Бориса Годунова: онъ боролся со всевозможными невзгодами, съ возникавшими затрудненіями и испытывалъ однѣ горестныя неудачи.

Казалось, все вооружилось противъ надменнаго выскочки, издавна привыкшаго дерзновенно пытать счастье. Его задѣла въ самое чувствительное мѣсто неудача, постигшая составленный имъ проектъ брачнаго союза. Желая удовлетворить обуревавшую имъ манію величія и заключить блестящій родственный союзъ, онъ хотѣлъ выдать свою дочь Ксенію за одного изъ принцевъ, принадлежавшихъ къ старинному царственному роду. По этому поводу дѣятельно велись переговоры въ Швеціи, Англіи и Австріи. Борисъ Годуновъ былъ готовъ на всякія жертвы. Прежніе цари «святой Руси» назвали бы сдѣланныя имъ уступки преступными. Тому нѣмцу, который пожелалъ бы сдѣлаться его зятемъ, онъ предлагалъ Тверское княжество, право путешествовать за границею и полную свободу религіи для всѣхъ его родныхъ и для священниковъ его вѣры [1]). Несмотря на это великодушіе, предложенія его встрѣтили вѣжливый отказъ вездѣ, въ Стокгольмѣ, Лондонѣ и Прагѣ. Послѣ прискорбнаго случая съ Густавомъ шведскимъ, Борисъ Годуновъ возложилъ надежды на Копенгагенъ. Скромный датскій дворъ оказался болѣе сговорчивымъ, но принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана IV, пріѣхавъ въ 1602 г. въ Москву, чтобы вступить въ бракъ съ Ксеніей, скончался тамъ преждевременно отъ излишествъ.

---

[1]) Вѣна, Государственный архивъ, Russica, 1600, Responsum legati Moscі in negotio secreto matrimoniі.—Дѣло шло о бракѣ съ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ. Борисъ просилъ держать эти переговоры въ тайнѣ отъ папы, Испаніи и Польши.

Къ семейнымъ непріятностямъ присоединилось большое народное бѣдствіе; страшный голодъ, посѣщавшій Россію періодически, похитилъ въ 1601 г. тысячи жертвъ и свирѣпствовалъ въ деревняхъ и селахъ до тѣхъ поръ, пока не была собрана въ 1603 г. обильная жатва. Гнусная спекуляція на хлѣбъ была причиною, что это бѣдствіе достигло ужасающихъ размѣровъ; помощь, которую раздавали въ Москвѣ неимущимъ по приказанію Бориса, привлекла въ столицу толпы голодающихъ. Вслѣдъ за ними появились болѣзни и моръ: одни погибали отъ утомленія и истощенія; другіе, больные, распространяли заразныя болѣзни. Въ иныхъ мѣстахъ, голодающіе, потерявъ голову, оглупѣвъ отъ страданія, организовали банды, предались грабежу и вступали въ кровавыя схватки съ общественной стражею. Народъ изнемогалъ подъ бременемъ столькихъ бѣдствій: умирая отъ голода, онъ былъ объятъ паническимъ страхомъ и ожидалъ, что на Россію обрушится какое-нибудь грозное бѣдствіе. Монахи, въ то время единственные ученые люди, видѣли уже предвѣстники этихъ бѣдствій въ небесныхъ явленіяхъ и заносили въ свои лѣтописи зловѣщія предсказанія.

Борисъ Годуновъ велъ борьбу съ анархіей и помогалъ голодающимъ въ то время, какъ до его слуха, подобно громовому удару, донеслось неожиданно имя Димитрія. Какое докучливое воспоминаніе и быть можетъ сколько угрызеній совѣсти было связано съ этимъ именемъ! Неужели же сынъ Іоанна IV, о смерти котораго было заявлено оффиціально, избѣжалъ ея? Или, быть можетъ, кровь, пролитая въ Угличѣ, породила призракъ, и возникъ гнусный заговоръ? Какъ бы то ни было, необходимо было разрушить легенду о воскресшемъ изъ мертвыхъ царевичѣ. Съ этой цѣлью были немедленно приняты мѣры, но ничто не могло утишить бурю, погубившую счастіе Бориса.

Первая вѣсть о появленіи этого замогильнаго призрака произвела въ Кремлѣ потрясающее впечатлѣніе, въ которомъ страхъ смѣшался съ недоумѣніемъ. Годуновъ, истый сынъ своего времени, обратился прежде всего за совѣтомъ къ колдуньѣ и сталъ собирать свѣдѣнія о тревожныхъ предзнаменованіяхъ. Царица Марѳа, проживавшая съ 1591 г. въ монастырѣ, была вызвана въ Москву и подвергнута строжайшему допросу. Затѣмъ подозрѣніе пало на нѣкоторыхъ бояръ, извѣстныхъ своею любовью къ происканъ и которые могли вызвать на свѣтъ грозный призракъ царевича Димитрія. Гнѣвъ Бориса обрушился на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, болѣе всего желалъ его гибели. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ поразительное совпаденіе и быть можетъ даже тайная связь между слухами, распространившимися по поводу Димитрія, и обвиненіемъ, взведеннымъ противъ Романовыхъ и ихъ сторонниковъ: было начато слѣдствіе, виновныхъ судили, наказали, сослали, но истинная причина ихъ преслѣдованія осталась тайною.

Впрочемъ, паническій страхъ продолжался не долго. Борисъ былъ способенъ взглянуть опасности въ лицо и оказать ей энергичное сопротивленіе. У него были шпіоны, и онъ располагалъ секретными суммами [1]); дѣйствія Димитрія были ему извѣстны, и онъ принялъ оборонительное положеніе. Прежде всего прибѣгли къ тайному средству и постарались пресѣчь путь тревожному извѣстію или по крайней мѣрѣ задержать его на границѣ. Всякое сношеніе съ Польшей было строго воспрещено; подъ предлогомъ предохранительныхъ мѣръ противъ внесенія заразы, на всѣхъ большихъ дорогахъ были устроены заставы, которыя строго охранялись, но зловѣщее имя все-таки проникло въ Московское царство тайнымъ путемъ и распространилось въ народѣ. Годуновъ обратилъ также вниманіе на казаковъ и татаръ. Украйна была охвачена волненіемъ. Петру Хрущеву было приказано отправиться туда и противодѣйствовать царевичу. Онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Надъ степью уже повѣяло войной, казаки точили свои сабли и сѣдлали лошадей, когда къ нимъ явился посланный отъ Годунова, чтобы разсѣять опасенія царя. Вмѣсто отвѣта казаки связали его, скрутили ему руки и выдали его Димитрію. Другое порученіе, возложенное на Семена Годунова, также окончилось неудачею. Этому приверженцу Бориса велѣно было, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отправиться къ татарамъ; но, задержавшись на берегахъ Волги, онъ такъ и не доѣхалъ до Астрахани. Весьма возможно, что ему было поручено поссорить татаръ съ Димитріемъ; на это указываютъ многіе факты.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ; вскорѣ пришлось убѣдиться, что для предупрежденія ихъ были приняты весьма недостаточныя мѣры. Очевидно, Польша, несмотря на заключенное перемиріе, поощряла царевича, поэтому въ Краковѣ было необходимо произвести серьезное дипломатическое давленіе. Но, предварительно, было необходимо произвести слѣдствіе и выяснить вопросъ о томъ, какъ отнестись къ этому событію и какъ держать себя.

Откуда появился этотъ таинственный человѣкъ, одно имя котораго воодушевляло народъ? Въ Кремлѣ смерть настоящаго Димитрія, сына Іоанна IV, считалась неопровержимой истиной. Поэтому претендентъ былъ въ глазахъ Бориса лже-царевичемъ. Оставалось выяснить неизвѣстное: обнаружить настоящее имя самозванца, удостовѣрить его личность, сорвать маску съ его лица. Навести всѣ эти справки было дѣломъ не легкимъ. Борисъ прибѣгнулъ къ помощи патріарха Іова. Нашлись очевидцы, которые были допрошены подъ присягою и открыли ужасы. Мнимый царевичъ былъ ни кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, самый послѣдній искатель приключеній, бывшій слуга Романовыхъ. Онъ обла-

[1]) Карамзинъ, т. XI, стр. 77, прим. 229.

чился въ рясу, чтобы избѣгнуть висѣлицы, и бродилъ изъ монастыря въ монастырь. Поселившись въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ былъ посвященъ въ діаконы и состоялъ переписчикомъ при патріархѣ. Но онъ не исправился въ своемъ поведеніи, напротивъ учинялъ новые скандалы, вызывалъ чертей и занимался чернокнижіемъ. Его проступки были доказаны, и онъ былъ присужденъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, какъ вдругъ онъ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ встрѣтилъ поддержку у князя Адама Вишневецкаго, превратился, безъ дальнихъ околичностей, въ царевича Димитрія, отрекся отъ православной вѣры и перешелъ въ католичество. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался орудіемъ въ чужихъ рукахъ: король польскій хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы присоединить къ Польшѣ нѣкоторыя русскія области, поразить православіе и подчинить русскихъ латинской церкви. Таковъ былъ результатъ, добытый слѣдствіемъ, таково же было толкованіе, принятое въ Кремлѣ. Оно повторяется съ разными варіантами во всѣхъ правительственныхъ актахъ и послужило основою дипломатическихъ переговоровъ [1]). Борисъ Годуновъ тотчасъ воспользовался всѣми этими данными. Дядя Гришки, или человѣкъ, кого считали таковымъ, Смирной-Отрепьевъ, находился у него въ услуженіи. Въ половинѣ августа 1604 г. царь послалъ его въ Краковъ съ тайнымъ порученіемъ [2]). Поляки согласились говорить объ этомъ дѣлѣ, только съ глаза на глазъ; во избѣжаніе скандала, были приняты мѣры предосторожности. Смирной назвалъ себя не оффиціальнымъ посланникомъ при Сигизмундѣ, но делегатомъ отъ бояръ къ Литовскому канцлеру, Льву Сапѣгѣ и къ воеводѣ виленскому Христофору Радзивиллу, о недавней кончинѣ котораго въ Москвѣ не было извѣстно. Въ вѣрительныхъ грамотахъ, данныхъ Отрепьеву, не было упомянуто ни слова о Димитріи. На публичной аудіенціи, онъ не коснулся главнаго вопроса, а жаловался на вооруженія, производимыя на границѣ, и упомянулъ о томъ, какія печальныя послѣдствія могло имѣть это явное нарушеніе перемирія.

— Бояре,—говорилъ онъ,—упросили царя сдѣлать этотъ миролюбивый шагъ, прежде чѣмъ принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Истощивъ весь запасъ своихъ доводовъ и выслушавъ такія же общія мѣста, Смирной попросилъ свиданія у литовскаго канцлера. Сапѣга отказалъ ему въ этомъ, выставивъ причиною, что если онъ устранитъ отъ свиданія съ нимъ своихъ коллегъ и депутатовъ короля, то этимъ онъ превыситъ свою власть. Сапѣга не хотѣлъ компрометтировать

---

[1]) Эти подробности заимствованы изъ письма патріарха Іова.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b, f. 206. — Rome et Démétrius, стр. 189. Главный московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ, Polski st. sp., № 30. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 60. Тургеневъ, прилож., стр. 418.

себя. Смирной притворился ничего не понимающимъ, его долго убѣждали. Наконецъ, сжигая корабли въ присутствіи королевскихъ коммиссаровъ, онъ открылъ истинную цѣль своей миссіи, желаніе увидѣть Димитрія и говорить съ нимъ. Пустившись въ откровенность, онъ уже болѣе не стѣснялся. Онъ хвасталъ тѣмъ, что найдетъ средство достигнуть цѣли и что онъ дѣйствуетъ вполнѣ безпристрастно.

— Ежели мнимый царевичъ есть мой племянникъ Гришка, какъ я предполагаю,—говорилъ онъ.—то я отговорю его идти по тому опасному и роковому пути, на который онъ вступаетъ; если же онъ дѣйствительно сынъ Іоанна IV, то я охотно признаю его власть и даже помогу ему вступить на престолъ.

Несообразность этихъ словъ бросалась въ глаза; дипломатъ принималъ на себя роль инквизитора, его хитрость доходила до смѣшнаго; онъ хотѣлъ поймать поляковъ на удочку, чтобы избѣгнуть съ ихъ стороны контроля. Королевскіе коммиссары могли понять изъ его словъ, что въ Кремлѣ не имѣли опредѣленнаго мнѣнія о Димитріи и что они могли разсѣять сомнѣнія Годунова и вывести его изъ затруднительнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, согласиться на просьбу Смирного значило признать его компетентнымъ судьею и придать его приговору, каковъ бы онъ ни былъ, значеніе безапелляціоннаго рѣшенія. Въ Краковѣ избрали болѣе вѣрное средство,—отказались дать очную ставку дяди съ мнимымъ племянникомъ; нѣкоторые сенаторы заявили, что они видятъ въ присылкѣ Смирного только попытку шпіонства.

Впрочемъ, посольство Смирного имѣло совершенно неожиданный результатъ: съ этихъ поръ произошла перемѣна во взглядахъ Льва Сапѣги. Не пользуясь такою популярностью, какъ его знаменитый коллега въ Польшѣ, великій литовскій канцлеръ обладалъ качествами государственнаго дѣятеля. Стефанъ Баторій предсказывалъ ему великую будущность, и онъ былъ ея достоинъ по своему умѣнію вести дѣла, своей преданности королю и своимъ обширнымъ юридическимъ познаніямъ. Онъ руководилъ переговорами со Смирнымъ и долженъ былъ представить объ немъ докладъ Сигизмунду. До тѣхъ поръ, судя по его депешамъ, Рангони былъ настроенъ къ Димитрію благосклонно; онъ допускалъ царственное происхожденіе претендента, говорятъ даже, будто онъ предлагалъ ему помощь войсками и деньгами. Послѣ переговоровъ со Смирнымъ въ его взглядахъ совершилась рѣшительная перемѣна; онъ присоединился къ мнѣнію большинства сенаторовъ, совѣтовалъ королю предоставить этотъ вопросъ рѣшенію сейма и пріостановить воинскія приготовленія Димитрія. Что же такое произошло? Что означаетъ это движеніе на попятный? Что новаго узналъ Сапѣга, почему онъ измѣнилъ свой взглядъ? Мы можемъ сказать одно, что Сапѣга сталъ относиться къ планамъ царевича болѣе и болѣе враждебно, высказалъ на сеймѣ энер-

гическій протестъ противъ дѣйствій Димитрія и присоединился къ мнѣнію Смирного и Годунова. Москвитяне этого не замѣтили, передъ ними Сапѣга долженъ былъ отстаивать политику короля; оффиціальный языкъ помогалъ ему въ этомъ, но въ глазахъ историка постоянныя колебанія Льва Сапѣги придаютъ его поведенію характеръ двойственности.

Димитрій, самъ, быть можетъ, того не подозрѣвая, придалъ особое значеніе посольству Смирного. Онъ находился въ то время вдали отъ Кракова, горѣлъ нетерпѣніемъ выступить въ походъ, съ жадностью прислушивался ко всѣмъ вѣстямъ, доходившимъ до него, и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ столицѣ. Его извѣстили о заявленіи, сдѣланномъ Смирнымъ подъ секретомъ. Какой прекрасный случай представлялся ему появиться неожиданно въ Вавельскомъ замкѣ, пристыдить плохо освѣдомленнаго дядю и торжественно доказать, что онъ дѣйствительно былъ царевичъ. Или же, допустивъ, что Гришка Отрепьевъ, какъ утверждаютъ иные, былъ агентомъ Димитрія, ничего не было легче, какъ дать Смирному очную ставку съ его настоящимъ племянникомъ. Но Димитрій, вмѣсто того чтобы предпринять рѣшительный шагъ, робко принялъ брошенный ему вызовъ. Когда вышеупомянутый Хрущевъ былъ приведенъ къ нему, закованный въ кандалы, готовый во всемъ сознаться, то онъ выслушалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Я не присутствовалъ,—сказалъ Хрущевъ,—при отъѣздѣ Смирного, но онъ въ такомъ уваженіи у Бориса, что имѣетъ доступъ въ покои, куда могутъ входятъ одни лишь высшіе сановники и фавориты. Изъ этого легко заключить можетъ ли существовать какое-нибудь родство между этимъ гонцомъ и царевичемъ; ибо если бы это было такъ, то онъ не имѣлъ бы доступа къ Борису и, по московскому обычаю, его скорѣе искоренили бы со всѣми его домочадцами [1]).

Это показаніе сбивчиво и можетъ быть истолковано двояко; очевидно, оно было сфабриковано для людей легковѣрныхъ; Димитрій игралъ словами. Въ самомъ дѣлѣ, Смирной не выдавалъ себя за дядю истиннаго царевича; его честолюбіе не простиралось такъ далеко, онъ говорилъ, что у него есть племянникъ, по имени Гришка, бѣглый монахъ, бѣжавшій изъ Москвы и выдававшій себя въ Польшѣ за царевича. Его слова были совершенно ясны, отвѣтъ же Димитрія былъ чрезвычайно уклончивъ.

Поэтому Борисъ Годуновъ не счелъ нужнымъ измѣнить своего мнѣнія о претендентѣ. Онъ упорно настаивалъ на томъ, что это былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Въ ноябрѣ 1604 г. въ Польшу былъ отправленъ второй гонецъ, съ коимъ мы встрѣтимся еще на сеймѣ и коему велѣно было сдѣлать то же заявленіе, какъ и Смирному. Въ то же время и въ Москвѣ сочли нужнымъ заявить о самозванствѣ Димитрія.

---

[1]) Собр. Гос. Грам. т. II, стр. 173, № 81.

Когда онъ сдѣлался такъ грозенъ, что Годуновъ счелъ нужнымъ вооружиться противъ него, то патріархъ Іовъ явился истолкователемъ мыслей царя и издалъ посланіе, въ которомъ онъ подробно излагалъ все то, что Смирной высказалъ въ общихъ чертахъ въ Краковѣ [1]). Онъ приводилъ имена очевидцевъ, которые могли подтвердить истину его словъ; это были по большей части чернецы, проживавшіе въ разныхъ монастыряхъ. Патріархъ упиралъ на ихъ показанія и въ величайшемъ негодованіи изрекалъ вѣчное проклятіе противъ отступника отъ вѣры, пособника сатаны, презрѣннаго искателя приключеній, хотѣвшаго завладѣть престоломъ, низвергнуть православную вѣру, воздвигнуть на развалинахъ православныхъ храмовъ синагоги и костелы. Эти слова должны были найти отголосокъ въ самыхъ сокровенныхъ священныхъ убѣжденіяхъ древнихъ москвитянъ, патріархъ не могъ бы произнести болѣе грозныхъ проклятій и въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ видѣлъ «несчастную овечку» у ногъ Рангони.

Но это грозное обвиненіе не дошло до стѣнъ Вавельскаго замка, если бы даже объ немъ узнали въ Краковѣ, то это никого бы не убѣдило. Не такъ горячо доискиваясь до истины, какъ Сапѣга, Сигизмундъ не старался разсѣять своихъ сомнѣній, такъ какъ они оставляли ему полную свободу дѣйствій. Въ исходѣ 1604 г. онъ имѣлъ случай высказаться публично. Въ это время должны были сбираться сеймики. Эти провинціальныя собранія происходили передъ сеймомъ, большимъ національнымъ собраніемъ. Король сообщалъ имъ заранѣе вопросы, подлежавшіе обсужденію на сеймѣ, заявлялъ имъ взглядъ правительства и въ случаѣ надобности оправдывалъ правительственныя дѣйствія. Въ инструкціяхъ, данныхъ 20-го декабря лифляндцамъ, дѣло Димитрія было представлено слѣдующимъ образомъ: Сигизмундъ высказывалъ прежде всего, что это фактъ хорошо всѣмъ извѣстный, и поэтому онъ старается только выяснить бо́льшую или меньшую степень его вѣроятности; въ этой исторіи,—говоритъ онъ въ инструкціи,—нѣтъ ничего опредѣленнаго, несомнѣннаго, тѣмъ не менѣе, такъ какъ она касается вопроса о помощи, которой проситъ претендентъ, то король долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ мнѣнія раздѣлились, и хотя иные считали удобнымъ воспользоваться этимъ, но, не зная ничего положительно, онъ не рѣшался принять сторону Димитрія, а тѣмъ менѣе втянуть въ это дѣло республику. Тогда Димитрій обратился за помощью къ сенаторамъ; поэтому его предпріятіе является уже частнымъ дѣломъ, и король предупреждалъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ о томъ, что никто не долженъ дѣйствовать отъ его имени и отъ имени государства; Польша слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Въ другихъ инструкціяхъ, данныхъ 9-го декабря,

[1]) Акты Арх. Эксп., т. II, стр. 78, № 28.

король высказался еще опредѣленнѣе: онъ разрѣшалъ обсуждать предложенія царевича на сеймикахъ, подъ условіемъ, чтобы они не нарушили клятвы, данной королемъ, и общественной тишины; этимъ ясно намекалось на волненія въ Украйнѣ и на перемиріе, заключенное съ Годуновымъ [1]).

При всей видимой корректности этого заявленія, въ немъ было много недосказаннаго и много лукавства. Король ничего не говорилъ о тѣхъ милостяхъ, которыя были лично пожалованы имъ Димитрію, и о составленномъ ими проектѣ союза, онъ только давалъ понять, что личная иниціатива не будетъ при извѣстныхъ условіяхъ стѣснена. Сеймики отнеслись къ этому событію равнодушно, они не выказали никакого сочувствія царевичу, не поощряли его предпріятія и преобладающею ноткою было неодобреніе его дѣйствій [2]). Поляки жаловались на казаковъ, изъ которыхъ были сформированы полки, разставленные по деревнямъ, жаловались на ихъ распутство и на чинимыя ими насилія, жаловались обиняками на черезъ-чуръ смѣлыя дѣйствія Мнишека, которыя могли послужить для другихъ прискорбнымъ примѣромъ. Вѣрность данной клятвѣ, строгое соблюденіе международныхъ договоровъ, энергичное подавленіе внутреннихъ безпорядковъ — таковы были желанія, высказанныя сеймиками. Здравый смыслъ народа не одобрилъ двуличную политику короля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Архивъ Дом. Сапѣговъ, т. I, стр. 435—438, № 537.

[2]) Краковъ, музей Чарторыйскихъ, № 320, f. 241, 246, 251, 259, 306, 315 и т. д.

Еврейскій самосудъ.

13-го декабря 1838 г. кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ разослалъ гг. губернаторамъ края циркуляръ, въ коемъ, между прочимъ, изображено:

«Въ одной изъ ввѣренныхъ управленію моему губерній нерѣдко возникаютъ случаи, что евреевъ находятъ умерщвленными въ ихъ школахъ и пришколкахъ. Злодѣяніе сіе тѣмъ важнѣе, что произведенное въ мѣстѣ, предназначенномъ для молитвы и изученія догматовъ религіи, имѣетъ видъ казни собственнымъ судомъ еврейскихъ раввиновъ, исполненной на основаніи лжеученія ихъ о истребленіи доносителей, обнаруживающихъ злоупотребленія своихъ единовѣрцевъ». Чѣмъ важнѣе злодѣяніе, тѣмъ сильнѣе ухищренія евреевъ къ закрытію виновниковъ и настоящихъ причинъ, побудившихъ къ оному. При всѣхъ усиліяхъ дѣятельнаго розысканія, они успѣвали затмить слѣдствіе до такой степени, что не только виновные въ умерщвленіи, но и самая личность умерщвленнаго остаются долгое время неизвѣстными.

Дабы воспрепятствовать сему сколь возможно, генералъ-губернаторъ предлагаетъ губернаторамъ, чтобы въ городахъ, мѣстечкахъ и поселеніяхъ, гдѣ только находятся еврейскія школы, вмѣнить въ непремѣнную обязанность раввинамъ и кагаламъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—инымъ старшинамъ еврейскихъ обществъ,—пригласить особыхъ смотрителей для храненія ключей отъ школъ и пришколковъ, а равно завести сторожей. Отъ смотрителей полиціи надлежитъ отбирать подписки, возлагающія на нихъ отвѣтственность за происшествіе.

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ.

(Изъ моихъ воспоминаній) [1]).

Въ декабрѣ 1857 года я выбранъ былъ горбатовскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а затѣмъ, въ январѣ 1858 года, по тому же уѣзду, и членомъ губернскаго комитета для составленія проекта Положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Съ того времени, т. е. собственно съ момента вступленія моего въ должность предводителя, начались мои оффиціальныя отношенія съ А. Н. Муравьевымъ. Знакомства частнаго между нами, можно сказать, почти не было; лежавшіе въ основѣ характера Муравьева деспотизмъ и неискренность не внушали мнѣ желанія искать сближенія съ нимъ, и при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ мѣстныхъ интеллигентныхъ кружкахъ, какъ поборникъ либеральныхъ идей и человѣкъ многосторонне образованный, я ему не сочувствовалъ;

---

[1]) Мы получили настоящую статью при слѣдующемъ письмѣ автора:

„Милостивый государь! За послѣднее время, въ нашей періодической печати, появлялось не мало статей о бывшемъ нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ и о его дѣятельности въ эпоху крестьянской реформы. Бывъ однимъ изъ участниковъ этой реформы и однимъ изъ сослуживцевъ Муравьева, я не безъ интереса читалъ эти статьи, хотя и не раздѣлялъ всѣхъ взглядовъ ихъ авторовъ на дѣятельность Муравьева, которому я во многомъ не сочувствовалъ. Усматриваемая мною въ этихъ статьяхъ ошибочность и односторонность нѣкоторыхъ выводовъ и заключеній побудила меня, собравъ свои воспоминанія о Муравьевѣ, въ связи съ обстоятельствами нашей совмѣстной дѣятельности, сказать, и съ своей стороны, объ этомъ, во всякомъ случаѣ замѣчательномъ человѣкѣ, нѣсколько словъ, которымъ и прошу васъ покорнѣйше не отказать дать мѣсто въ вашемъ уважаемомъ журналѣ“. Ред.

онъ это зналъ, поэтому и отношенія наши, съ самаго начала, были сдержанными, холодными и взаимно недовѣрчивыми. Расходясь во мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу, мы расходились и во взглядахъ по возникавшимъ между помѣщиками и крестьянами дѣламъ, и это несогласіе во взглядахъ, при условіяхъ того времени, весьма скоро привело и къ совершенному между нами разладу. Однимъ изъ крупныхъ поводовъ къ возникшей между нами розни было извѣстное Шереметевское дѣло, о которомъ я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, въ виду появившихся, впослѣдствіи, въ печати, не вполнѣ вѣрныхъ о немъ свѣдѣній.

Крестьяне принадлежавшаго С. В. Шереметеву [1]) большаго тор-

---

[1]) С. В. Шереметевъ владѣлъ значительными помѣстьями въ Нижегородской, Вятской и другихъ губерніяхъ. Старый конногвардеецъ (въ день 14-го декабря 1825 года первый съ своимъ дивизіономъ прибылъ на Дворцовую площадь), флигель-адъютантъ императора Николая I-го, Шереметевъ, глубоко возмущенный привлеченіемъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ ни въ чемъ неповиннаго, брата своего Н. В. Шереметева (служившаго въ Кавалергардскомъ полку), оставилъ службу въ гвардіи и перешелъ въ армію, поступивъ въ войска, находившіяся подъ начальствомъ Витгенштейна, съ блескомъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Турецкую кампанію; по выходѣ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи Горбатовскаго уѣзда с. Лазаревѣ; въ концѣ сороковыхъ годовъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ, много потрудился на пользу дворянства (основаніе Дворянскаго института, Дворянскаго банка и пр.) и оставилъ по себѣ память какъ объ одномъ изъ выдающихся его представителей.

Неоспоримыя достоинства ума и характера Шереметева омрачались крупными недостатками, и между ними не послѣднее мѣсто занимали необычайное упрямство и своеволіе. Къ крестьянской реформѣ онъ относился несочувственно. По поводу ея, въ самомъ началѣ, произошелъ у него съ Муравьевымъ такой эпизодъ: извѣстно, что вскорѣ послѣ отсылки губернаторамъ циркуляровъ съ препровожденіемъ историческаго рескрипта на имя виленскаго генералъ-губернатора и когда уже изъ нѣкоторыхъ губерній, въ томъ числѣ и впереди всѣхъ Нижегородской, получены были адресы дворянства съ выраженіемъ готовности приступить къ дѣлу объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ и даже послѣдовало разрѣшеніе на открытіе мѣстныхъ комитетовъ для составленія проектовъ Положенія,—насталъ было въ Петербургѣ моментъ реакціи, когда консервативная партія надѣялась затормозить реформу; въ это время Шереметевъ былъ въ столицѣ. По возвращеніи оттуда, онъ тотчасъ же отправился къ Муравьеву и отъ имени его брата, Михаила Николаевича Муравьева (тогда—министръ государственныхъ имуществъ, впослѣдствіи — виленскій генералъ-губернаторъ; женатъ былъ на сестрѣ Шереметева) передалъ ему совѣтъ не торопиться распоряженіями по открытію комитета, при чемъ самымъ положительнымъ образомъ завѣрялъ его, что все дѣло откладывается въ дальній ящикъ.– Сообщеніе это сильно смутило А. Н. Муравьева, и онъ было призадумался; но въ слѣдъ затѣмъ либеральное теченіе въ Петербургѣ рѣшительно взяло верхъ и, получивъ объ этомъ свѣдѣніе изъ ближайшаго источника, А. Н. Муравьевъ бодро и энергически

говопромышленнаго села Богородскаго (въ Горбатовскомъ уѣздѣ), до того времени никогда, несмотря на строгость управленія, не жаловавшіеся на своего помѣщика, которому въ значительной степени обязаны были своимъ благосостояніемъ, рѣшились, вслѣдствіе новыхъ, совершенно произвольныхъ его требованій и дошедшаго до нихъ слуха о враждѣ его съ Муравьевымъ,—обратиться непосредственно къ послѣднему съ просьбою о защитѣ ихъ отъ помѣщичьяго произвола. Выслушавъ ихъ и не сообщивъ мнѣ о томъ ни слова,—я жилъ тогда въ Нижнемъ, заканчивая, въ качествѣ одного изъ редакторовъ, свои занятія по составленію Положенія о крестьянахъ,—Муравьевъ послалъ поданное ему прошеніе въ Петербургъ, при особомъ представленіи, въ послѣдствіе котораго, по сему дѣлу, командированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ графъ А. П. Бобринскій (въ началѣ семидесятыхъ годовъ—министръ путей сообщенія). Послѣ совѣщанія съ Муравьевымъ по содержанію порученнаго ему дѣла, гр. Бобринскій вошелъ въ ближайшее со мною по оному объясненіе. Муравьевъ, по словамъ его, желалъ производства надъ дѣйствіями Шереметева формальнаго слѣдствія; я, съ своей стороны, по обстоятельствамъ того времени и въ виду ожидаемаго уже вскорѣ освобожденія крестьянъ, считалъ производство такого слѣдствія нецѣлесообразнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудобнымъ и взглядъ мой вполнѣ раздѣлялъ гр. Бобринскій, успѣвшій, несмотря на встрѣченное имъ первоначально недовѣрчивое къ себѣ отношеніе крестьянъ и начинавшееся было между ними волненіе, достигнуть полнаго ихъ умиротворенія путемъ взятыхъ имъ отъ Шереметева и въ моемъ присутствіи объявленныхъ крестьянамъ, письменныхъ обязательствъ, въ силу которыхъ, какъ мы надѣялись, должны были на будущее время прекратиться всякіе со стороны ихъ поводы къ жалобамъ. Крестьяне были искренне благодарны гр. Бобринскому за сдѣланныя имъ распоряженія; признательно было ему и мѣстное дворянство за тактичность и энергію, проявленныя имъ въ дѣлѣ которое, при тогдашнихъ обстоятельствахъ легко могло бы отозваться неблагопріятнымъ образомъ на спокойствіи въ средѣ мѣстнаго населенія.

Не вполнѣ, повидимому, такимъ исходомъ дѣла остался доволенъ Муравьевъ, и кѣмъ-то изъ его приближенныхъ послано было издававшемуся въ то время въ Лондонѣ «Колоколу» тенденціозное о дѣйствіяхъ гр. Бобринскаго донесеніе, которое конечно дошло и до Петербурга.

приступилъ къ дѣйствіямъ по открытію комитета. Минутнаго своего въ этомъ дѣлѣ колебанія благодаря Шереметеву, Муравьевъ не могъ простить ему и, когда представился случай, радъ былъ ему насолить. У нихъ, впрочемъ, были, кажется, еще и старые счеты, съ 1825 года.

Распоряженія гр. Бобринскаго, однако, насколько мнѣ извѣстно, были одобрены, но за выраженный, въ посланномъ мною гр. Бобринскому адресѣ отъ горбатовскаго дворянства, отзывъ объ образѣ дѣйствій Муравьева въ отношеніи крестьянъ, мнѣ по Высочайшему повелѣнію объявленъ выговоръ.

Установившееся, благодаря распоряженіямъ гр. Бобринскаго, спокойствіе въ имѣніи Шереметева, къ сожалѣнію было не продолжительно. Шереметевъ былъ гордъ; подчинившись по необходимости требованіямъ гр. Бобринскаго, въ виду угрожавшаго ему худшаго исхода, т. е. формальнаго слѣдствія, котораго такъ желалъ Муравьевъ, онъ не могъ перенести нанесеннаго его самолюбію удара громкою огласкою этого дѣла, а духъ сопротивленія, который онъ сталъ встрѣчать въ средѣ своихъ крестьянъ и къ которому онъ не привыкъ, до крайности раздражалъ его. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда гр. Бобринскаго, какъ до меня стали доходить слухи о новыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ Шереметева, а затѣмъ явились ко мнѣ и уполномоченные отъ крестьянъ съ жалобами на всякія своевольныя его распоряженія. Я тотчасъ же обратился къ нему съ настоятельными просьбами о немедленной отмѣнѣ этихъ распоряженій, но встрѣтилъ съ его стороны упорное сопротивленіе. Называя крестьянъ бунтовщиками и обвиняя Муравьева въ прямомъ ихъ подстрекательствѣ, онъ готовъ былъ винить и меня въ оказываемой имъ поблажкѣ [1]); опровергая всѣ мои доводы, онъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было уступкахъ; всѣ мои требованія и просьбы были напрасны.

Убѣдившись окончательно въ невозможности уговорить его, признавая невозможнымъ и дальнѣйшее его управленіе, но, оставаясь при прежнемъ своемъ мнѣніи о неудобствѣ, такъ сказать наканунѣ освобожденія крестьянъ, возбуждать слѣдственныя дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, я рѣшился, предупредивъ о томъ Шереметева, еще въ послѣднюю минуту, войти непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ того времени, высочайшаго соизволенія на предоставленіе этого дѣла обсужденію и рѣшенію собранія предводителей и депутатовъ дворянства, безъ производства формальнаго слѣдствія, на основаніи представленныхъ мною данныхъ. Необычностью своею, какъ по формѣ, такъ и по существу, такое мое представленіе могло поставить меня въ весьма щекотливое положеніе, но оно не встрѣтило возраженія

[1]) Шереметевъ, между прочимъ, сердился на меня за то, что при разъѣздахъ моихъ я, въ селѣ Богородскомъ, останавливался у бывшаго его бурмистра, Маркова, умнаго и почтеннаго старика, отъ котораго, какъ онъ думалъ, я могъ слышать всю правду или всякую неправду объ его дѣйствіяхъ.

ни съ какой стороны, и на мое ходатайство весьма скоро послѣдовало разрѣшеніе въ смыслѣ сдѣланнаго мною представленія. Собраніе предводителей и депутатовъ, обсудивъ всесторонне обстоятельства этого прискорбнаго дѣла, пришло къ единогласному заключенію о необходимости устранить Шереметева отъ управленія имѣніемъ, при чемъ полагало для завѣдыванія таковымъ избрать особаго опекуна. Состоявшееся, на основаніи сего заключенія, постановленіе внесено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Комитетъ министровъ, положеніемъ коего, согласно рѣшенію собранія предводителей и депутатовъ, опредѣлено: устранивъ Шереметева отъ управленія его имѣніями, предоставить означенному собранію, для завѣдыванія таковыми, избрать благонадежнаго опекуна,—при чемъ постановленная мѣра примѣнялась и къ другимъ губерніямъ, въ которыхъ находились имѣнія Шереметева. Опекуномъ надъ нижегородскими его имѣніями избранъ былъ, по собственному желанію Шереметева,—горбатовскій помѣщикъ В. В. Аристовъ, самъ же онъ вскорѣ уѣхалъ совсѣмъ за границу.—Такъ кончилось, уже помимо Муравьева, это, въ свое время громкое, дѣло, которое, при всемъ упрямствѣ и своеволіи Шереметева, быть можетъ, въ самомъ его началѣ, разрѣшилось бы спокойно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ, сопровождавшихъ его, осложненій, если бы Муравьевъ не скрылъ отъ меня поданной ему крестьянами жалобы и тотчасъ же, какъ это и слѣдовало на основаніи установленнаго порядка, препроводилъ бы ее ко мнѣ; но онъ захотѣлъ поступить иначе... Правда, и я, съ своей стороны, нарушилъ установленный порядокъ, войдя, помимо Муравьева, непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вышесказаннымъ моимъ представленіемъ, но я не считалъ полезнымъ какое бы то ни было дальнѣйшее вмѣшательство Муравьева въ это дѣло. Оно породило разладъ, отразившійся и на всѣхъ послѣдующихъ нашихъ отношеніяхъ, которыя, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, болѣе и болѣе обострялись, а со вступленія моего (въ январѣ 1861 года) въ должность губернскаго предводителя—стали прямо враждебными [1]).

А. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ ума незауряднаго, но мечтательнаго. Старый масонъ, съ натурой увлекающейся, но съ характеромъ настойчивымъ и упорнымъ, Муравьевъ, несмотря на свой возрастъ (въ ту пору, къ которой относятся эти воспоминанія, ему было лѣтъ подъ 70), былъ полонъ жизни и энергіи, изумлявшей старыхъ его товарищей-де-

[1]) При представленіи моемъ, по утвержденіи меня въ должности, министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, со свойственнымъ ему прямодушіемъ, откровенно высказалъ мнѣ, что избраніе мое встрѣчено было Муравьевымъ болѣе чѣмъ несочувственно. Что писалъ ему Муравьевъ по этому случаю, мнѣ не извѣстно.

кабристовъ, въ то время возвращавшихся изъ ссылки [1]). Крестьянская реформа имъ встрѣчена была съ восторгомъ, и съ перваго же момента онъ всецѣло посвятилъ ей свою дѣятельность. Мечтою его было: полное освобожденіе крестьянъ, съ землею и съ немедленнымъ прекращеніемъ всякихъ къ помѣщикамъ обязательствъ; отвѣчая дѣйствительнымъ, всеобщимъ ожиданіямъ крестьянъ, такое разрѣшеніе вопроса сразу, по его убѣжденію, создавало и ихъ благоденствіе! Не извѣстно, насколько при этомъ принимаемы имъ были во вниманіе экономическія, финансовыя и другія связанныя съ вопросомъ соображенія; во всякомъ случаѣ, оставаясь неуклонно вѣрнымъ своей идеѣ, онъ не сочувствовалъ, да и не могъ сочувствовать никоторому изъ мнѣній, выражавшихся въ губернскомъ комитетѣ, хотя и былъ на сторонѣ меньшинства его членовъ, представлявшагося ему болѣе широкимъ и либеральнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, и которое онъ энергически поддерживалъ противъ большинства, допускавшаго, въ первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, существенныя уклоненія отъ указанныхъ для реформы основныхъ началъ.

Не буду здѣсь разсказывать исторію дѣятельности Нижегородскаго комитета, не имѣя подъ рукой необходимыхъ для сего документовъ и не считая возможнымъ, въ данномъ случаѣ, руководиться одними воспоминаніями. Отмѣчу лишь, что не столько принципіальное по тѣмъ или другимъ вопросамъ разногласіе, сколько недовѣріе большинства къ Муравьеву, приписываемое ему вліяніе на меньшинство и косвенное его, чрезъ нѣкоторыхъ членовъ, вмѣшательство въ дѣйствія комитета было причиною той крайней раздражительности въ преніяхъ, происходившихъ между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета, въ первой половинѣ его дѣятельности, которая привела къ полному между обѣими сторонами разрыву [2]). Разрывъ этотъ сдѣлалъ невозможными дальнѣйшія совмѣстныя занятія, и о такомъ положеніи дѣла Муравьевымъ доведено было до свѣдѣнія высшаго правительства, распоряженіями котораго всѣ, отдѣльныя отъ меньшинства, дѣйствія большинства признаны были незаконными, при чемъ членамъ послѣдняго, подписавшимъ весьма рѣзкій (въ сущности относившійся къ Муравьеву) отзывъ о направленіи дѣятельности меньшинства, по высочайшему повелѣнію объявлено строгое замѣчаніе.

Послѣ этого, съ прекращеніемъ всякихъ дальнѣйшихъ пререканій, комитетъ приступилъ къ спокойному, по одной общей программѣ, обсуж-

---

[1]) Анненковъ, Трубецкой, Волконскій и др.; почти всѣ они проѣзжали черезъ Нижній.

[2]) Я принадлежалъ къ составу большинства, хотя и не сочувствовалъ многимъ его крайностямъ и увлеченіямъ, и оставался въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами меньшинства, о которыхъ и теперь вспоминаю съ уваженіемъ.

денію подлежащихъ вопросовъ для составленія проекта Положенія. Полнаго между большинствомъ и меньшинствомъ соглашенія, по многимъ вопросамъ, какъ-то относительно срока временно-обязаннаго періода, размѣра надѣловъ и ихъ выкупа, вотчинной полиціи и др., достигнуто не было, и меньшинствомъ составленъ былъ особый проектъ, съ объяснительной къ нему запискою, начертанной въ либеральномъ духѣ. Въ виду значительнаго, въ этомъ проектѣ, сокращенія срока временно-обязаннаго періода, совершеннаго въ немъ устраненія всякой надъ крестьянами помѣщичьей опеки и предоставленнаго крестьянамъ выкупа надѣловъ, Муравьевъ не могъ не отдать ему предпочтенія, но идеаламъ его онъ все-таки не соотвѣтствовалъ, и если проектъ большинства совершенно не укладывался въ его понятіяхъ и подвергался открытому съ его стороны порицанію, то и проектъ меньшинства, во всякомъ случаѣ, далеко не удовлетворялъ его.

«Положеніе 19-го февраля» не оправдало ожиданій Муравьева. Разочарованіе его, по полученіи «Положенія», было глубокое. Прочитавъ его, онъ заплакалъ и только сказалъ: бѣдные крестьяне! [1]).

Вышесказаннымъ о характерѣ и взглядахъ Муравьева объясняется и характеръ его дѣятельности въ наступавшее переходное время въ періодѣ приведенія въ исполненіе реформы.

Въ этой своей дѣятельности Муравьевъ, правда, былъ въ значительной степени стѣсненъ безусловною корректностью личнаго состава губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, члены котораго, не исключая и избранныхъ имъ самимъ [2]), считали необходимымъ, въ примѣненіи статей «Положенія», строго держаться точнаго ихъ смысла, не допуская малѣйшаго произвола въ ихъ толкованіи, а по одному изъ важнѣйшихъ первоначальныхъ распоряженій, несомнѣнно долженствовавшему имѣть существенное вліяніе на весь ходъ дѣла по исполненію реформы,—а именно относительно выбора лицъ на должность мировыхъ посредниковъ, власть его была ограничена обязательствомъ соглашенія съ уѣздными предводителями [3]). За то въ самостоятельныхъ

---

[1]) Это передавалъ мнѣ баронъ Г. О. Розенъ, бывшій въ интимныхъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ. Товарищъ мой по Лицею (XVI курса), баронъ Розенъ былъ въ то время управляющимъ Нижегородскою удѣльною конторою,—впослѣдствіи директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ.

[2]) Членами губернскаго присутствія, отъ дворянства, были: М. Д. Языковъ и А. В. Демидовъ; членами отъ правительства: И. А. Анненковъ (декабристъ) и Н. Н. Жадовскій.

[3]) Назначеніе Муравьевымъ, къ представленію на должность мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыхъ лицъ, помимо и даже вопреки согласію уѣздныхъ предводителей, встрѣтило со стороны послѣднихъ единодушный отпоръ. Вслѣдствіе возникшаго по сему дѣлу столкновенія, мною послана была министру внутреннихъ дѣлъ, Валуеву, за подписью моею и всѣхъ уѣздныхъ пред-

своихъ дѣйствіяхъ, онъ могъ, не стѣсняясь, давать полный просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и чувствамъ.

Еще до обнародованія «Положенія 19-го февраля» происходили, какъ извѣстно, между помѣщичьими крестьянами попытки къ уклоненію отъ исполненія повинностей, сопровождавшіяся нерѣдко и безпорядками. Явленіе это, развивавшееся подъ вліяніемъ толковъ объ ожидаемой вольности, стало во многихъ мѣстностяхъ, въ бо́льшей или меньшей степени, усиливаться вскорѣ послѣ объявленія «Положенія». Уклоненія крестьянъ отъ исполненія повинностей, а равно сопровождавшіе ихъ безпорядки происходили и въ Нижегородской губерніи; но къ первымъ Муравьевъ относился болѣе, чѣмъ равнодушно, а послѣднимъ онъ не придавалъ должнаго значенія, отвергая и необходимость какихъ бы то ни было болѣе или менѣе строгихъ по ихъ поводу мѣръ. Смотря на крестьянъ, какъ на о б и ж е н н ы х ъ, а на помѣщиковъ, вообще, какъ на неисправимыхъ крѣпостниковъ, не желавшихъ и послѣ освобожденія крестьянъ поступиться выгодами, извлекаемыми изъ крѣпостнаго права, или отказаться отъ привычекъ къ произволу, онъ винилъ послѣднихъ во всѣхъ происходившихъ безпорядкахъ. Излишняя, быть можетъ, и несовмѣстимая съ новыми условіями жизни и отношеній съ крестьянами требовательность со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ дѣйствительно иногда могла быть поводомъ къ столкновеніямъ между ними; но и такія, во всякомъ случаѣ, единичныя явленія не давали права огульно обвинять помѣщиковъ и не принимать должныхъ мѣръ къ огражденію законныхъ ихъ интересовъ. Предпринятые наконецъ Муравьевымъ по примѣру другихъ губернаторовъ (и кажется, вслѣдствіе циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ) объѣзды волостей, для разъясненія крестьянамъ правъ и обязанностей, вытекавшихъ изъ «Положенія», и для вразумленія вышедшихъ изъ повиновенія, производили скорѣе, можно сказать, деморализующее дѣйствіе' такъ какъ увѣщанія его обыкновенно ограничивались просьбами, мало убѣдительными, при чемъ происходившіе безпорядки почти всегда оставались безнаказанными. Очевидцы разсказывали, что когда крестьяне, оправдываясь въ своихъ ослушаніяхъ требованіямъ помѣщика или мѣстнымъ властямъ [1]), жалобами на тягость повинностей, становились

водителей, телеграмма, съ выраженіемъ протеста противъ произвольнаго образа дѣйствій Муравьева. Въ отвѣтъ на нее, получено было Муравьевымъ, по телеграфу же, отъ министра внушительное разъясненіе, вслѣдствіе котораго требованія предводителей были уважены.

[1]) Въ промежутокъ времени между обнародованіемъ Положенія 19-го февраля и вступленіемъ въ должность мировыхъ посредниковъ, забота о порядкѣ и спокойствіи въ уѣздахъ фактически лежала на уѣздныхъ предводителяхъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нарушенный порядокъ немедленно ими

передъ нимъ на колѣни, онъ выслушивалъ ихъ съ обнаженною головой и со слезами на глазахъ и послѣ долгихъ переговоровъ объ исполненіи законныхъ требованій, заканчивалъ свои увѣщанія словами: ну,—вы для меня это сдѣлайте!

Послѣдствія такого рода увѣщаній не могли быть благотворными. Отъ нихъ распространялись самые вредные толки. Неисполненіе требованій помѣщиковъ и ослушаніе властямъ не прекращались, скорѣе усиливались тамъ, гдѣ проѣзжалъ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрасталъ и ропотъ въ средѣ помѣщиковъ, не безъ основанія, въ виду образа дѣйствій губернатора, начавшихъ опасаться не только развитія безпорядковъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но и возможности серьезныхъ осложненій въ исполненіи самой реформы.

Въ этихъ обстоятельствахъ я счелъ необходимымъ отправиться въ Петербургъ переговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По прибытіи въ столицу, я тотчасъ же представился П. А. Валуеву, котораго видѣлъ еще въ первый разъ. Недавнее назначеніе на особенно въ то время важный и трудный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, этого выдающагося своими блестящими качествами государственнаго человѣка, считалось, какъ извѣстно, однимъ изъ признаковъ наступившаго, вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19-го февраля, поворота во внутренней нашей политикѣ. Дѣйствительно, преобладавшее дотолѣ, въ правительственныхъ сферахъ, пренебрежительное, такъ сказать, отношеніе къ дворянству и къ его интересамъ, усердно поддерживаемое извѣстною частью нашей прессы, смѣнилось, или, по крайней мѣрѣ, стало смѣняться, бо̀льшимъ къ нему вниманіемъ. П. А. Валуевъ былъ однимъ изъ представителей новаго направленія; но онъ имѣлъ противъ себя сильную своею сплоченностью и еще весьма вліятельную партію, не только недовольную, но и раздраженную его назначеніемъ; поэтому, въ первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не проявлялъ той самостоятельности, съ которою онъ весьма скоро выступилъ въ борьбѣ съ враждебными ему теченіями. Выслушавъ меня со вниманіемъ и не высказавшись категорически, онъ далъ мнѣ совѣтъ представиться государю и при этомъ случаѣ доложить ему объ обстоятельствахъ, вызы-

---

возстановлялся безъ всякаго содѣйствія полиціи; въ другихъ же имъ приходилось прибѣгать къ содѣйствію полицейскихъ властей, не всегда однако успѣшному.

Уѣздными предводителями, съ 1861 года, были: Нижегородскаго уѣзда—Астафьевъ; Горбатовскаго—Турчаниновъ (впослѣдствіи—губернскій предводитель); Балахнинскаго—Гриневичъ; Семеновскаго—Каратаевъ; Макарьевскаго—Бѣлавинъ; Княгининскаго—Ладыженскій; Сергачскаго—Ахматовъ; Арзамасскаго—Хотяинцовъ; Ардатовскаго—графъ Ланской (сынъ министра), Лукояновскаго—Панютинъ и Васильскаго—Нертовскій.

вающихъ неудовольствія дворянства; но вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ мнѣ предварительно повидаться съ графомъ В. Н. Панинымъ и княземъ В. А. Долгорукимъ [1]). Я не имѣлъ въ виду въ этотъ разъ представляться государю, тѣмъ болѣе, что его въ то время не было въ Петербургѣ,—онъ находился въ Москвѣ; но я счелъ долгомъ послѣдовать указаніямъ министра. Прежде всего отправился я къ графу Панину, а затѣмъ, уже въ Москвѣ, и къ находившемуся тамъ съ государемъ, князю Долгорукому [2]). Надо сказать, что какъ графъ Панинъ, такъ и князь Долгорукій были нижегородскими помѣщиками и обо всемъ происходившемъ въ губерніи были уже достаточно освѣдомлены. Оба они одобрили данный мнѣ Валуевымъ совѣтъ представиться государю; но при этомъ я не могъ не замѣтить, насколько, вообще, въ тогдашнихъ правящихъ сферахъ относились сдержанно къ личности Муравьева, въ виду того значенія, какое придавалось его дѣятельности въ періодъ подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, и того особаго вниманія, какимъ онъ пользовался при Ланскомъ [3]).

Въ назначенный мнѣ день, я поѣхалъ въ Александрію (такъ, кажется, назывался дворецъ государя въ Нескучномъ). Я нашелъ пріемную возлѣ кабинета государя переполненною; въ средѣ находившихся тамъ лицъ (преимущественно военныхъ) я замѣтилъ какое-то возбужденное состояніе; сходились группами и о чемъ-то вполголоса оживленно разговаривали; предметомъ разговора, какъ узналъ я, было только-что полученное государемъ,—и кажется, вслѣдъ за извѣстіемъ о

---

[1]) Графъ В. Н. Панинъ — министръ юстиціи; князь В. А. Долгорукій — главноуправляющій III отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи.

[2]) Государь Александръ Николаевичъ въ маѣ и іюнѣ 1861 года имѣлъ пребываніе въ с. Нескучномъ, подъ Москвою.

[3]) Политическое, такъ сказать, значеніе Муравьева при Ланскомъ—достаточно извѣстный фактъ. Извѣстно также и все къ нему личное расположеніе со стороны послѣдняго. Могла ли на взаимныя ихъ отношенія имѣть какое-либо вліяніе старая масонская связь, — вопросъ, который рѣшать не берусь; но Муравьевъ твердо опирался на Ланскаго, а послѣдній относился къ нему съ исключительнымъ довѣріемъ. Разсказывали, между прочимъ, что пріѣзжавшимъ въ Петербургъ губернаторамъ изъ приволжскихъ губерній Ланской, на вопросы, касавшіеся общаго направленія крестьянскаго дѣла, отвѣчалъ совѣтомъ, на обратномъ пути, проѣздомъ черезъ Нижній, повидаться съ Муравьевымъ. Смѣщеніе Ланскаго, съ замѣною его Валуевымъ, было для Муравьева громовымъ ударомъ. Извѣстіе о состоявшейся перемѣнѣ было мною получено во время обѣда, даннаго дворянствомъ въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней; прочитавъ поданную мнѣ телеграмму, я передалъ ее одному изъ сидѣвшихъ противъ меня уѣздныхъ предводителей, а отъ него она пошла по рукамъ; Муравьевъ спросилъ меня, что это за телеграмма? Я сообщилъ ему ея содержаніе; онъ не сказалъ ни слова; обѣдъ близился къ концу, и послѣ обѣда, ни съ кѣмъ не простившись, онъ моментально уѣхалъ.

кончинѣ намѣстника, князя Горчакова, извѣстіе о какихъ-то происходившихъ въ Варшавѣ серьезныхъ безпорядкахъ. Невольно подумалъ я, что представленіе мое, въ такую минуту, можетъ оказаться не совсѣмъ своевременнымъ. Но думать мнѣ пришлось не долго; меня позвали къ государю.

Едва я вошелъ въ кабинетъ, и, притворивъ за собою дверь, успѣлъ поклониться и сдѣлать шагъ, чтобъ ближе подойти къ государю, такъ какъ онъ стоялъ въ самомъ концѣ (довольно длиннаго) кабинета,—какъ онъ остановилъ меня слѣдующими, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ произнесенными, словами:

— Вы пріѣхали жаловаться на губернатора? У васъ тамъ завелись личности? Вы заводите раздоры въ дѣлѣ, въ которомъ я призвалъ дворянство мнѣ содѣйствовать! Я хочу спокойнаго его окончанія, и ваша обязанность—способствовать достиженію моей цѣли, а не наоборотъ! Вы понимаете?.. Я жду отъ васъ содѣйствія моимъ видамъ, а не противодѣйствія!

Послѣднее слово произнесено было государемъ съ особеннымъ удареніемъ.

Нужно ли говорить о томъ состояніи, въ какое меня повергъ гнѣвный пріемъ государя?

— Дозвольте мнѣ, ваше величество,—въ глубокомъ смущеніи промолвилъ я,—сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

— Говорите,—отвѣчалъ государь.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что нижегородское дворянство первое отозвалось на призывъ вашъ приступить къ дѣлу преобразованія быта крестьянъ.

— Знаю и помню это,—прервалъ меня государь.

— По обнародованіи высочайшаго манифеста и Положенія 19-го февраля,—продолжалъ я,—нижегородское дворянство повергло къ стопамъ вашего величества выраженіе своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ[1]). Оно проникнуто сознаніемъ своего долга и обязанностей, на него возложенныхъ священною волею вашего величества. Но оно не встрѣчаетъ должнаго вниманія къ законнымъ своимъ интересамъ со стороны мѣстной административной власти, односторонній образъ дѣйствій которой, въ ущербъ законнымъ правамъ помѣщиковъ и въ противность требованіямъ порядка, а равно и спокойствія въ ихъ имѣ-

---

[1]) По объявленіи манифеста, я, по желанію наличнаго дворянства, послалъ министру внутреннихъ дѣлъ, Ланскому, телеграмму, съ просьбою повергнуть къ стопамъ государя императора выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ дворянства; текста этой телеграммы я не припомню; отвѣта на нее я не получилъ.

ніяхъ, возбуждая справедливый противъ нея ропотъ, подрываетъ и довѣріе къ этой власти со стороны дворянства.

Тутъ, не помню въ какихъ именно словахъ, я доложилъ государю объ отношеніи Муравьева къ дѣламъ по уклоненію крестьянъ отъ исполненія повинностей, не скрывая и возбуждаемаго, вообще, односторонним направленіемъ его дѣйствій, опасенія возможныхъ осложненій въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по исполненію реформы.

Пока я говорилъ, государь подходилъ все ближе, и при послѣднихъ моихъ словахъ онъ стоялъ уже совсѣмъ лицомъ къ лицу со мной. Выраженіе его было строгое, но спокойное и, когда я кончилъ, онъ только сказалъ:

— Но вы меня поняли, вы знаете, чего я хочу, чего я требую и чего отъ васъ жду. Прощайте. Я—надѣюсь на васъ.

Тутъ государь милостиво подалъ мнѣ руку.

Я вышелъ изъ кабинета государя взволнованнымъ пережитыми впечатлѣніями. Ко мнѣ подошелъ князь Долгорукій.

— Ну что?—спросилъ онъ.

Я разсказалъ все, какъ было.

— Что же,—успокоивалъ онъ меня,—вы исполнили свой долгъ; остальное предоставьте государю.

На другой день послѣ моего представленія, пріѣхалъ въ Москву и П. А. Валуевъ. Находившіеся въ то время въ Москвѣ нижегородскіе дворяне, изъ которыхъ нѣкоторые были поставлены въ крайне стѣсненное положеніе неполученіемъ изъ своихъ имѣній слѣдующихъ имъ оброковъ и невозможностью срочной уплаты по долгамъ Опекунскому совѣту, просили меня представить ихъ министру, для личнаго изложенія ему своихъ жалобъ. Во главѣ ихъ былъ баронъ А. И. Дельвигъ (впослѣдствіи—управляющій министерствомъ путей сообщенія), въ краткой, но сильной рѣчи изложившій министру сущность неудовольствій дворянъ. Съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, въ выраженіяхъ успокоительныхъ и лестныхъ для дворянства, но по существу весьма сдержанно отвѣчалъ ему Валуевъ, и самъ тогда еще не чувствовавшій подъ собою достаточно твердой почвы, и представлявшіеся дворяне, очарованные его любезнымъ пріемомъ и краснорѣчіемъ, остались отвѣтомъ его лишь полуудовлетворенными.

Дня черезъ три послѣ этого я выѣхалъ обратно въ Нижній. На полпути я встрѣтился съ Муравьевымъ (желѣзной дороги тогда еще не было), мчавшимся въ Москву, вѣроятно по вызову; думаю, что и онъ меня узналъ, но мы разъѣхались такъ быстро, что не успѣли поклониться другъ другу.

По возвращеніи Муравьева, мы довольно долго не видѣлись. При первомъ свиданіи никакихъ у насъ разговоровъ и объясненій не было.

Никакихъ затѣмъ и столкновеній не происходило; но отношенія стали до крайности тяжелыми.

Мѣсяца два спустя, во время ярмарки, пріѣхалъ въ Нижній наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ. Онъ предпринималъ путешествіе по Волгѣ, въ сопровожденіи своего попечителя графа С. Г. Строганова, флигель-адъютанта полковника О. Б. Рихтера (нынѣ генералъ-адъютантъ, состоящій при особѣ его величества), секретаря своего Ѳ. А. Оома и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Во время трехдневнаго своего пребыванія въ Нижнемъ, цесаревичъ принялъ приглашеніе на обѣдъ къ Муравьеву; къ этому обѣду Муравьевъ счелъ нужнымъ пригласить и меня. Обѣдъ имѣлъ частный, какъ бы семейный характеръ, такъ какъ на немъ находились только члены семьи Муравьева и лица свиты его высочества, и затѣмъ, кромѣ меня, никакихъ другихъ постороннихъ лицъ не было. Обѣдъ прошелъ неоживленно; была какая-то натянутость; мнѣ же въ этотъ день нездоровилось, и я почти не прикасался ни къ одному блюду. Цесаревичъ это замѣтилъ и, зная о моихъ съ Муравьевымъ отношеніяхъ, послѣ обѣда сказалъ, смѣясь, кому-то изъ приближенныхъ, что я, вѣроятно, держусь обычаевъ азіатовъ, которые, какъ извѣстно, у враговъ не ѣдятъ.

Съ соизволенія его высочества, я сопровождалъ его до границы Казанской губерніи. Когда пароходъ сталъ приближаться къ границѣ, гдѣ я долженъ былъ высадиться, о чемъ было доложено цесаревичу, онъ пригласилъ меня въ каюту и, прощаясь со мной, сказалъ:

— Могу васъ успокоить насчетъ Муравьева; онъ у васъ не останется; это—дѣло рѣшеное; мнѣ сказала объ этомъ императрица, передъ отъѣздомъ моимъ въ Нижній; сообщаю объ этомъ вамъ, не какъ губернскому предводителю, а какъ г. Стремоухову [1]).

Вскорѣ послѣ отъѣзда цесаревича, я получилъ частное, а затѣмъ, въ началѣ сентября, получено въ Нижнемъ и оффиціальное извѣстіе объ отозваніи Муравьева, съ назначеніемъ его присутствовать въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

На мѣсто Муравьева назначенъ былъ генералъ Одинцовъ, человѣкъ ума практическаго, характера спокойнаго, съ прямымъ и безпристрастнымъ взглядомъ, при которомъ исполненіе Положенія 19-го февраля и доведено до благополучнаго окончанія [2]).

П. Д. Стремоуховъ.

---

[1]) Объ этомъ уже было мною разсказано въ небольшой, по поводу пребыванія покойнаго цесаревича въ Нижнемъ, замѣткѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1899 г. № 3.

[2]) А. А. Одинцовъ пользовался всеобщею любовью. Я прослужилъ съ нимъ до конца 1862 года, когда я былъ назначенъ губернаторомъ въ Рязань, и не помню, чтобъ когда-нибудь, не только между нимъ и мною, но между нимъ и кѣмъ-либо изъ уѣздныхъ предводителей или мировыхъ посредниковъ возникало хотя бы малѣйшее недоразумѣніе.

Народные подвиги въ 1812 году.

Предложеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду.

С.-Петербургъ, 4-го іюня 1813 г.

Вслѣдствіе опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 3-го апрѣля, я препроводилъ къ управляющему военнымъ министерствомъ французскій знакъ и ландкарту Россіи, отбитыя Сычевскаго уѣзда села Савенокъ, пономаремъ Алексѣемъ Смирягинымъ обще съ крестьянами означеннаго села у французскаго офицера, предводительствовавшаго непріятельскою партіею.

Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ увѣдомляетъ, что онъ доводилъ о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, и что государь императоръ высочайше соизволилъ наградить пономаря Смирягина знакомъ отличія военнаго ордена, а крестьянамъ, участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ, дать похвальный листъ.

Получивъ отъ князя Горчакова грамоту съ упоминаемымъ знакомъ, я препроводилъ оную къ смоленскому епископу для доставленія Смирягину, о чемъ долгомъ считаю во извѣстіе предложить Святѣйшему Синоду. К. Александръ Голицынъ.

О народномъ просвѣщеніи въ Россіи.

(Всеподданнѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета Перовскаго).

20-го апрѣля 1826 г.

Исполняя высочайшую волю вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить мнѣніе мое о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Для лучшаго объясненія мыслей моихъ по сему предмету, почитаю необходимымъ коснуться, хотя слегка, того направленія, какое приняла учебная часть въ началѣ царствованія въ бозѣ почивающаго императора Александра Павловича,—замѣтить ходъ оной въ продолженіе упомянутаго царствованія и наконецъ вкратцѣ изложить средства къ исправленію недостатковъ по сей части.

Восшествіе на престолъ покойнаго императора составляетъ совершенно новую эпоху въ просвѣщеніи нашего отечества. Пламенная душа юнаго монарха восхотѣла, чтобы степень просвѣщенія народовъ, подвластныхъ его скипетру, соотвѣтствовала могуществу онаго и въ короткое время самодержавная воля воздвигла и образовала училища и университеты во всѣхъ концахъ Имперіи. Назначены для сихъ заведеній суммы, призваны иностранные профессоры и наставники, и молодые люди, которыхъ родители спѣшили воспользоваться привилегіями, государемъ дарованными, отвсюду стекались въ сіи училища. Началось производство въ ученыя степени, открылась щедрая раздача дипломовъ: кандидатамъ, магистрамъ и докторамъ, загремѣли похвальныя рѣчи, въ которыхъ прославлялось быстрое возвышеніе просвѣщенія, и наружный блескъ сей подалъ поводъ къ ложному мнѣнію, будто бы въ самомъ дѣлѣ Россія просвѣщается. Но при новомъ образованіи учебной части, упущены были изъ виду два коренныя и ничѣмъ не опровергаемыя правила:

1) Что истинное просвѣщеніе (я разумѣю такое, которое клонилось бы къ благоденствію народа, еще мало образованнаго) не состоитъ въ количествѣ умствователей и полуученыхъ писателей; 2) Что система народнаго просвѣщенія необходимо должна быть примѣнена къ системѣ правительства и что тѣ же самыя правила, которыя могутъ возвысить одно государство, служатъ къ потрясенію другаго, на иныхъ основахъ утвержденнаго.

По мнѣнію моему, цѣль учебныхъ заведеній въ Россіи, относительно просвѣщенія народнаго, главнѣйше должна состоять въ распространеніи познаній, на положительныхъ и точныхъ наукахъ основанныхъ. Мы имѣемъ нужду въ медикахъ, химикахъ, технологахъ; но весьма сомнительно, чтобы появленіе въ отечествѣ нашемъ русскихъ Кантовъ и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвлеченныя науки, какъ напримѣръ: метафизика и другія, принадлежатъ, такъ сказать, къ роскоши ума человѣческаго; а роскошь сія, не ограниченная предѣлами умѣренности и не приспособленная къ нуждамъ народа еще юнаго, не можетъ не быть вредна для онаго. И потому упущеніе изъ виду различія, какое (преимущественно въ Россіи) надлежало бы наблюдать между науками точными и отвлеченными, составляетъ одну изъ ошибокъ, сдѣланныхъ у насъ при образованіи университетовъ. Я не говорю, что надлежитъ запретить преподаваніе наукъ отвлеченныхъ и уничтожить каѳедры оныхъ, при университетѣ учрежденныя; но полагаю, что необходимо нужно бы было заключить преподаваніе сіе въ предѣлы, самимъ правительствомъ назначенные и рѣзкими чертами отдѣленные отъ всякаго самовольнаго лжемудрствованія. Руководствуясь примѣрами другихъ государствъ, мы долженствовали бы принять въ образецъ учебныя заведенія Австріи, въ которыхъ никогда не возникало и тѣни безпорядковъ, справедливо обратившихъ, въ послѣднія времена, вниманіе правительства на прочіе германскіе университеты; но вмѣсто того мы сдѣлались подражателями университетовъ Геттингенскаго, Іенскаго и имъ подобныхъ, не взирая на то, что ни системы тѣхъ государствъ, ни потребности тѣхъ народовъ не имѣютъ сходства съ нашими. Мы даже превзошли недостатками самые образцы наши, ибо въ тѣхъ университетахъ профессоры не имѣютъ иныхъ обязанностей, кромѣ преподаванія наукъ, тогда когда у насъ управленіе учебнымъ округомъ ввѣрено имъ непосредственно и почти независимо отъ высшаго начальства. Посему наши профессоры, находя болѣе выгодъ, болѣе пищи для самолюбія въ занятіи разнообразными предметами по управленію округомъ, пренебрегаютъ упражненіями учеными, которыя долженствовали бы составлять единственную ихъ обязанность.

Нѣкоторыя изъ привилегій, дарованныхъ университетамъ, по мнѣнію моему, также не только безполезны для распространенія отече-

ственнаго просвѣщенія, но могутъ даже нанести существенный вредъ. Въ иностранныхъ государствахъ степени магистра, доктора и тому подобныя суть не что иное, какъ ученыя титла, не дающія особенныхъ правъ и потому никакого вліянія на духъ и характеръ народный не имѣющія; у насъ же съ сими степенями соединяются вмѣстѣ и чины; а что всего важнѣе, нѣкоторымъ изъ нихъ присвоено даже дворянское достоинство. Итакъ дарованіе потомственнаго дворянства,—сіе важное право, которое въ цѣломъ свѣтѣ государи предоставляютъ собственно себѣ, зависитъ у насъ отъ частныхъ лицъ! Въ государствѣ, управляемомъ самодержавною властію, одна особа монарха должна быть для подданныхъ единственнымъ источникомъ столь важныхъ преимуществъ, каковы суть чины и дворянство, и пренебреженіе сей неопровергаемой истины можетъ имѣть самое пагубное вліяніе на нравственность народа.

Не смѣю обременять вниманіе вашего императорскаго величества подробнымъ исчисленіемъ всего, что, по моему мнѣнію, въ устройствѣ учебныхъ заведеній нашихъ находится несообразнаго съ духомъ монархическаго правленія и истинною цѣлію народнаго просвѣщенія. Цѣль сія во всѣхъ земляхъ должна состоять въ воспитаніи настоящаго поколѣнія, соотвѣтственно системѣ того государства, которому, по опредѣленію Провидѣнія, оно принадлежитъ. Въ Россіи же, при образованіи юношества надлежитъ въ особенности избѣгать всего, что только, какимъ бы то ни было образомъ, можетъ ослабить приверженность къ престолу, сему краеугольному камню всего огромнаго зданія. Каждое отступленіе отъ сего правила, рано или поздно, должно произвесть вредныя послѣдствія, и потому-то производство въ чины и возведеніе въ дворянское достоинство, мимо государя, считаю я рѣшительно вреднымъ. Молодой человѣкъ, выпущенный изъ пансіона титулярнымъ совѣтникомъ или получившій въ университетѣ степень доктора, дающую ему чинъ коллежскаго ассесора и съ тѣмъ вмѣстѣ потомственное дворянство, не приписываетъ сей милости щедротамъ государя, но мнимымъ заслугамъ своимъ, а таковая самонадѣянность при самомъ вступленіи на поприще службы, вѣроятно, не споспѣшествуетъ къ содѣланію его ревностнымъ чиновникомъ и подданнымъ, преданнымъ особѣ монарха, мимо котораго онъ достигъ незаслуженнаго достоинства.

Столь же вредное на юношество вліяніе должно имѣть принятое въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ правило, высочайшею волею утвержденное, которое возбраняетъ тѣлесныя наказанія въ училищахъ. Не будучи защитникомъ методы прежнихъ временъ, когда строгія тѣлесныя наказанія считались необходимымъ основаніемъ воспитанія, я не могу однакоже одобрить такое правило, которое отвергнуто даже въ Англіи. Дитя, вѣдающее, что наставникъ ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ

его наказать, пріобыкаетъ къ духу непокорности, съ лѣтами постепенно возрастающему. Оно мечтаетъ о правахъ своихъ, преждевременно почитаетъ себя зрѣлымъ человѣкомъ и такимъ образомъ пріучается судить и рядить о предметахъ, далеко превышающихъ слабыя его понятія. Наконецъ, самонадѣянность сія доводитъ молодаго человѣка до того, что въ 18-ть или 20-ть лѣтъ онъ считаетъ себя въ силахъ помышлять о преобразованіи государства и въ правѣ дѣйствовать сообразно своимъ предположеніямъ.

Въ предпослѣдніе годы царствованія покойнаго императора министерство народнаго просвѣщенія, замѣтивъ, что учебныя заведенія наши не соотвѣтствуютъ цѣли своей, начало принимать мѣры къ исправленію ощутительныхъ ошибокъ, вкравшихся въ образованіе учебной части. Но мѣры сіи, не основанныя на познаніи точнаго положенія, въ которомъ находятся учебныя въ Россіи заведенія, и несообразныя съ потребностями отечества нашего, вступившаго въ первый рядъ государствъ европейскихъ, причинили болѣе вреда, нежели пользы. Онѣ ограничивались большею частію: учрежденіемъ во всѣхъ почти училищахъ библейскихъ и мистическихъ обществъ, утѣсненіемъ наукъ, самихъ по себѣ не вредныхъ и исключеніемъ изъ университетовъ людей, которые, при надлежащемъ за ними надзорѣ, могли бы быть полезны обществу.

Такимъ образомъ университеты наши (я говорю въ особенности о Харьковскомъ, болѣе другихъ мнѣ извѣстномъ) пришли въ совершенный упадокъ. Внутреннее достоинство ихъ не возвысилось и надлежащая цѣль не достигнута, между тѣмъ какъ они лишились и того наружнаго блеска, который имѣли съ самаго начала своего существованія.

Для приведенія отечественныхъ заведеній въ положеніе, соотвѣтственное истинной цѣли оныхъ, въ отношеніи какъ къ самой Россіи, такъ и къ степени просвѣщенія прочихъ европейскихъ государствъ, надлежитъ, мнѣ кажется, отступить отъ направленія, даннаго сей части въ началѣ царствованія покойнаго государя, но не слѣдовать и ходу, принятому министерствомъ просвѣщенія въ предпослѣдніе годы сего царствованія.

Средствами къ тому полагаю я слѣдующія:

1) Для избѣжанія вреднаго лжемудрствованія въ наукахъ отвлеченныхъ, надлежитъ во всей Имперіи ввести единообразное преподаваніе оныхъ, по книгамъ, правительствомъ одобреннымъ, отъ которыхъ отступать профессорамъ ни въ какомъ случаѣ позволять не слѣдуетъ.

2) Усилить и распространить, преимущественно предъ другими, науки положительныя и точныя, какъ-то: медицину, химію, технологію, математику, механику и другія имъ подобныя.

3) Въ университетахъ, сколько можно, отдѣлить отъ занятій профессоровъ все то, что относится къ гражданскому управленію округомъ.

4) Исправить совершенно уставы какъ университетовъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и пріискать способы къ умноженію штатовъ ихъ, безъ излишняго отягощенія казны.

5) Вышеупомянутое право производства въ чины и дворянское достоинство замѣнить другими привилегіями, съ которыми не соединялась бы власть, одной особѣ Монарха принадлежащая.

Нѣкоторыя изъ сихъ предположеній обратили уже вниманіе нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія при самомъ вступленіи его въ сію должность. Впрочемъ, каждое изъ нихъ требуетъ зрѣлаго размышленія и глубокихъ соображеній, и изъясненіе на бумагѣ всего, что только о сихъ предметахъ сказать можно, далеко превосходитъ предѣлы даннаго мнѣ вами, всемилостивѣйшій государь, приказанія. Здѣсь я могъ только сокращенно изложить мнѣніе мое о просвѣщеніи любезнаго отечества нашего, и безмѣрно счастливымъ себя почту, если оное удостоится снисходительнаго вашего императорскаго величества воззрѣнія.

Собственноручное письмо Бориса Петровича Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову.

Январь 1708 г. [1]).

Братецъ, отпиши, какъ тебя Богъ донесъ? а я, ей-ей безъ памяти до стану доѣхалъ и слава Богу, что ничего мнѣ не повередили (и) здоровье мое сего часу (великой куражъ); за твое здоровье отпиваю венгерскаго съ прочими при мнѣ будучими; да благословитъ тя Богъ и съ благочестивыми домочадцами твоими во всякомъ благополучномъ пребываніи на вѣки.

Полковъ смотрѣть не поѣхалъ того ради, чтобы поспѣть въ Минскъ на принятіе премилостивѣйшаго нашего Государя, а какъ получа его очи видѣть, если какого иного указу не получу [2]), то жъ время пишу другіе достальные полки смотрѣть.

Всеусердни братскія поклоненія отдаю

Борисъ Шереметевъ.

Сообщилъ М. К. Марченко.

---

[1]) Послѣ пирушки въ м. Столбцахъ (между Новогрудкомъ и Минскомъ). Письмо набросано на четверти листа, нѣсколько вкось, обыкновенною скорописью XVIII вѣка.

[2]) Въ подлинникѣ слово „у к а з у“ повторено. (Рукописн. Отд. Имп. Акад. Наукъ. Бумаги Меншикова).

Размолвка В. Р. Марченко съ гр. Аракчеевымъ.

Жалуясь на придирки гр. Аракчеева, В. Р. Марченко пишетъ въ своихъ запискахъ: «наконецъ, графу Аракчееву удалось совершить свое предпріятіе: удалить меня отъ лица государя. 26-го августа (1818 г.) подписанъ указъ о переводѣ меня въ Государственный Совѣтъ, по гражданскому департаменту, а объявлено не прежде, какъ черезъ три дня по отбытіи государя изъ столицы. Этого не могъ я перенести хладнокровно. Хотя собственно для меня служба моя не унизилась отъ перевода сего; но таѣна Аракчеева, который передъ тѣмъ много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и неизвѣстность, не уменьшится ли содержаніе мое, невольно приводили въ размышленіе, не оклеветалъ ли онъ меня передъ государемъ, столь много оказавшимъ мнѣ знаковъ своего вниманія и довѣренности. О городской же молвѣ, признаюсь, я нимало не помышлялъ [1])».

Послѣднія слова оказываются не вполнѣ справедливыми. Вотъ, что писалъ В. Р. Марченко 6-го сентября 1818 г. императору Александру:

«Всемилостивѣйшій государь! Вступивъ по волѣ вашего императорскаго величества въ исправленіе новой трудной должности, потщусь я употребить тѣ же: усердіе, дѣятельность и безпристрастіе, кои доселѣ неразлучны были со мною, лишь бы только соотвѣтствовали новому назначенію способности мои, здоровье и терпѣніе, ослабѣвающія съ нѣкотораго времени отъ стеченія обстоятельствъ. Но, всемилостивѣйшій государь! не смѣю скрыть отъ васъ, что мнѣніе публики, судящей по одной лишь наружности и догадкамъ, сильное произвело на меня вліяніе. Ей извѣстно только, что переводъ меня изъ комитета (министровъ) послѣдовалъ неожиданно, что послѣдніе два года съ половиною имѣвъ счастіе находиться при лицѣ вашего величества, не обратилъ я по примѣру прочихъ вниманія на себя и наконецъ, что мнѣ не дано даже повелѣнія теперь о сдачѣ комитета, хотя опредѣленъ я въ оный именнымъ указомъ.

[1]) „Русская Старина“ 1896 г., № 5, стр. 297.

Обыкнувъ къ повиновенію, я немедленно сдалъ должность преемнику моему по ордеру, ему только данному о принятіи оной отъ меня; знаю также, что исправность дѣлъ по комитету извѣстна вашему величеству изъ ежемѣсячныхъ отчетовъ; но тѣмъ больнѣе, государь, оставаться во мнѣніи города лишеннымъ благоволенія вашего, сей драгоцѣнности, безъ коей для подданнаго и самая жизнь въ тягость.

«Безъ подпоры, съ единою надеждою на Бога и Царя и съ чистою совѣстію, изливаю я чувства мои передъ государемъ благодѣтелемъ и повергаю къ стопамъ вашимъ себя, жену и шестеро дѣтей.

«Всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный Василій Марченко».

Не рѣшаясь однако же послать это письмо тотчасъ же, онъ продержалъ его недѣлю, а затѣмъ все-таки отправилъ при слѣдующемъ письмѣ отъ 14-го сентября къ князю Петру Михайловичу Волконскому:

«Не удивитесь, ваше сіятельство, что при всей скромности моей, рѣшился и я наконецъ безпокоить васъ. Вы христіанинъ,—вотъ все мое право!

«Съ самаго отъѣзда государя, ни о чемъ болѣе не говорятъ здѣсь, какъ только обо мнѣ, потому что я переведенъ въ совѣтъ [1]), не знавши о томъ до 28 августа. Секретъ, изъ сего сдѣланный графомъ (Аракчеевымъ), непостижимая перемѣна его ко мнѣ, въ послѣдствіе коей не дано даже мнѣ и повелѣнія о сдачѣ комитета и поѣздки мои въ 1816, 1817 и 1818-мъ годахъ, за которыя не удостоенъ я никакою наградою (хотя и не имѣю причины просить), составляютъ обильное поле къ разнымъ догадкамъ и толкамъ. Благодарю Бога, что состояніе мое и правила всѣмъ извѣстны. Справедливый судъ о нихъ города утѣшаетъ меня, но въ то же время убиваетъ заключеніе публики, что можетъ быть я оклеветанъ предъ государемъ; мысль ужасная для меня, готоваго предстать на всякій судъ,—на судъ Всевышняго,—съ клеветникомъ симъ, ежели онъ есть только.

«Обязанъ будучи служить для семейства моего, я вездѣ оправдаю довѣріе государя, ежели токмо постороннее вліяніе не отниметъ у меня слабой способности и способовъ къ содержанію въ Петербургѣ, коими нынѣ я пользуюсь по милости его величества. Но толки въ публикѣ заставили меня написать всеподданнѣйшее письмо, прилагаемое при семъ. Отправленіемъ его я остановился было, но новые слухи убѣждаютъ послать оное для своего спокойствія, чтобы удостовѣриться: не оклеветанъ ли я въ самомъ дѣлѣ.

«Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, предоставить вашему благоусмотрѣнію письмо сіе. Ежели по извѣстности вамъ мнѣнія государя обо мнѣ,—

---

[1]) Государственный.

изволите счесть излишнимъ представлять оное его величеству, я успокоенъ буду и благосклоннымъ отзывомъ вашимъ, который сохраню для себя собственно. Припомните, ваше сіятельство, предчувствіе мое, когда въ Вертю объявили вы о пожалованіи меня статсъ-секретаремъ? какъ оно чрезъ три года сбывается? и Богъ свидѣтель, не знаю никакой иной причины, кромѣ развѣ Пукаловыхъ [1]), которые не должны любить меня, потому что я ихъ ненавижу.

«Простите, милостивый государь, что я обременилъ васъ. Я былъ свидѣтелемъ расположенія вашего на помощь ближнему и съ сею надеждою рѣшился поговорить о себѣ.

«Съ душевною приверженностію и истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.».

На это письмо князь П. М. Волконскій отвѣчалъ 7-го октября изъ Ахена:

«Такъ какъ ваше превосходительство предоставили мнѣ отдать государю императору письмо, доставленное вами ко мнѣ на имя его величества или возвратить оное къ вамъ, то я предпочелъ сдѣлать послѣднее, побуждаясь къ тому по той наиболѣе причинѣ, что дѣло, въ ономъ излагаемое, совершенно до меня не касается».

Сообщилъ **Н. Д.**

[1]) Семейство, очень близкое графу Аракчееву и имѣвшее на него вліяніе.

Письмо А. Болотова—П. С. Щепкину [1]).

20-го сентября 1827 г., С.-Петербургъ.

Читая ваше письмо, удивляюсь моему дядѣ, что онъ пріѣзжалъ просить васъ о своемъ сынѣ, дабы его приняли въ студенты. Наши помѣщики, а особенно тѣ, до коихъ лучъ просвѣщенія не коснулся, всегда таковы. Когда дѣти ихъ молоды, тогда пускаютъ ихъ расти, какъ дѣтей природы, не прилагая стараній и попеченій доставить имъ коренныхъ и необходимѣйшихъ познаній; а когда они уже выростутъ, тогда начинаютъ кланяться и дарить, чтобъ ихъ сравняли съ имѣющими познанія основательныя. А сами не знаютъ, что, отдавая полуневѣждъ дѣтокъ своихъ въ университетъ, не доставятъ имъ никакой пользы, а только сдѣлаютъ вредъ сему высшему училищу.

Я теперь продолжаю переводить варіаціонное исчисленіе и исподоволь поправляю дифференціальное. Какъ тягостны обязанности службы для желающихъ учиться и работать обществу перомъ и познаніями. Сіе чувствую самъ и думаю, что я не выдержу долго службы. Лиха бѣда издать 2-ю часть, а тамъ и удалюсь въ деревню, посвятя жизнь свою наукамъ; но, разумѣется, что сіе можетъ не исполниться, если захотятъ меня употребить по моимъ способностямъ и познаніямъ. Ежедневно же заниматься до 6 часовъ канцелярскою должностью, согласитесь сами, что вещь несносная!..

---

[1]) Алексѣй Павловичъ Болотовъ, генеральнаго штаба поручикъ, состоялъ тогда при канцеляріи генералъ-квартирмейстера Главнаго штаба, а Павелъ Степановичъ Щепкинъ былъ адъюнктомъ Московскаго университета по математикѣ.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

X [1]).

Библейское общество. — Кн. А. Н. Голицынъ. — Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. — Характеристика М. Л. Магницкаго какъ человѣка и какъ попечителя Казанскаго университета. — Проповѣдники: Линдель и Госнеръ. — Профессоры: Куницынъ, Раупахъ и Германъ. — Министры: гр. Завадовскій и Разумовскій. — Попечитель Уваровъ. — Университетскій уставъ. — Татаринова. — Паденіе князя Голицына. — Министерство А. С. Шишкова. — Гр. Аракчеевъ. — Закрытіе библейскаго общества. — Административные порядки. — Кончина императора Александра I-го.

Вскорѣ послѣ изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи, одинъ англичанинъ, членъ британскаго общества распространеніе Библіи, Петерсонъ, обратился къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю Александру Голицыну съ просьбой разрѣшить ему образовать библейское общество въ Россіи. Князь, бросившій всѣ свои похожденія съ тѣхъ поръ, какъ онъ занималъ вышеозначенное мѣсто, сдѣлавшись религіознымъ по убѣжденію, всегда готовый откликнуться на все то, что носило отпечатокъ набожности и, казалось, способствовало возвеличенію христіанской религіи, изъявилъ на это согласіе, тѣмъ болѣе охотно, что онъ зналъ на дѣлѣ, насколько всѣ слои русскаго общества были чужды чтенію священнаго писанія, непонятнаго даже большинству духовенства, мало знакомаго съ языками греческимъ и латинскимъ, а также съ древнеславянскимъ. Онъ предполагалъ, что Библія сдѣлается доступнѣе всѣмъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

если она будетъ переведена на русскій разговорный языкъ, и разсчитывалъ, что продажа экземпляровъ, напечатанныхъ на средства общества, покроетъ сдѣланныя на этотъ предметъ затраты; наконецъ онъ думалъ, что общество могло получать Библіи и Новые Завѣты на иностранныхъ языкахъ изъ Англіи, гдѣ библейское общество печатаетъ ихъ въ громадномъ количествѣ для четырехъ частей свѣта. Планъ, представленный Петерсономъ, былъ принятъ императоромъ, и нѣкоторое время спустя въ Петербургѣ основался комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Высшее духовенство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было приглашено принять участіе въ такомъ богоугодномъ и милосердномъ дѣлѣ; въ комитетъ были приглашены также многія знатнѣйшія лица. Скоро засѣданія открылись. На нихъ присутствовали митрополитъ новгородскій и петербургскій и нѣкоторые члены Св. Синода; митрополитъ католическій и соединенныхъ грековъ, лютеранскій епископъ, монахи, русскіе священники, протестантскіе, реформатскіе пасторы, англичане, принадлежавшіе къ многочисленнымъ сектамъ неподвластнымъ англиканской церкви,—однимъ словомъ, этотъ комитетъ представлялъ отрадное зрѣлище союза различныхъ мнѣній, воодушевленнаго одною цѣлью, подсказанною христіанскимъ милосердіемъ: облегчить ближнему, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, изученіе Божественнаго слова. Царская фамилія записалась въ списки членовъ, которыхъ набралось значительное количество. Пожертвованія сыпались со всѣхъ сторонъ. Британское и иностранное общество предложило свое самое ревностное содѣйствіе и свои средства; въ скоромъ времени касса общества была въ состояніи покрыть всѣ расходы, которые требовались для печатанія Библій и славянскихъ Новыхъ Завѣтовъ. Библейскіе комитеты учредились въ Москвѣ и во многихъ городахъ внутри Имперіи. Послѣ десятилѣтняго существованія общество располагало громаднымъ капиталомъ, великолѣпною типографіей, магазинами, наполненными экземплярами Библій на всѣхъ языкахъ, даже на татарскомъ, армянскомъ и турецкомъ, и уже успѣло распространить въ Россіи почти два милліона экземпляровъ обоихъ Завѣтовъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ возникновенія библейскихъ обществъ, внутри Имперіи, нѣкоторые члены этихъ обществъ стали домогаться чиновъ и крестовъ за то, что вынули изъ своихъ кармановъ приношенія для библейскаго общества, или за то, что продали или роздали большое количество Библій.

Всякое нравственное или религіозное предпріятіе, въ которое вмѣшиваются деньги или личные интересы, не можетъ долго существовать. Вотъ почему Спаситель міра объявилъ такъ торжественно, что Его царство не отъ міра сего, что много званныхъ, но мало избранныхъ. Существованіе библейскаго общества въ Россіи не могло упрочиться.

Оно слишкомъ явно оскорбляло народные нравы и прерогативы духовенства, чтобы окрѣпнуть и развиваться, несмотря на поддержку императора Александра. Его паденію способствовало еще то обстоятельство, что въ составъ его вошли слишкомъ разнородные элементы, и оно въ концѣ концовъ сдѣлалось ихъ жертвой!

Я сказалъ, что оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Голицынъ принималъ дѣятельное участіе въ проектѣ Петерсона и былъ поддержанъ женщинами, вмѣшивающимися всегда въ дѣла религіи и пропаганды болѣе мущинъ. Князь былъ назначенъ предсѣдателемъ библейскаго общества. Вскорѣ основалось новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Государь назначилъ министромъ того же князя Голицына. Это министерство существовало всего нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ кончинѣ Александра. Министерство духовныхъ дѣлъ въ самодержавномъ государствѣ было новостью, которая сама по себѣ не нравилась какъ духовенству, такъ и святошамъ, которые видѣли смыслъ вещей только во внѣшности и обрядахъ. Епископская власть была ограничена властью, на которую большинство смотрѣло, какъ на некомпетентную. Соединеніе православной администраціи съ администраціей раскольническихъ церквей и съ магометанскими и идолопоклонническими вѣрованіями считалось чудовищностью, оскорбительною для достоинства господствующей церкви. Слѣяніе библейскаго общества, составленнаго изъ римско-католическихъ, лютеранскихъ, кальвинистскихъ и англійскихъ членовъ, съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ могло существовать только до первой вспышки, которую различіе мнѣній и взглядовъ столь разнородныхъ элементовъ должно было неизбѣжно произвести. Въ первое время огонь тлѣлъ только подъ пепломъ, ждали удобной минуты!

Общество собирало много денегъ, печатало Библіи и продавало ихъ крайне дешево и раздавало даромъ всѣмъ тѣмъ, кто ихъ просилъ; милости сыпались на тѣхъ, кто проявлялъ истинное или притворное рвеніе содѣйствовать цѣлямъ общества. Магницкій, возвращенный изъ ссылки и занявшій мѣсто гражданскаго губернатора въ Симбирскѣ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ петербургскаго отдѣленія библейскаго общества.

При открытіи, по его предложенію, засѣданій симбирскаго комитета, коего онъ былъ избранъ или назначенъ предсѣдателемъ, онъ произнесъ рѣчь, доставившую ему впослѣдствіи то вліяніе, коимъ онъ пользовался въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и дружбу князя Голицына; дружба эта въ свою очередь была одною изъ главныхъ причинъ паденія самого князя, министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и библейскаго общества! Магницкій былъ назначенъ членомъ главной дирекціи училищъ и вскорѣ послѣ этого попечителемъ Казанскаго универси-

тета съ правомъ управлять безконтрольно этимъ университетомъ, находящимся въ 1.500 вер. отъ Петербурга. Говорятъ, что когда князь Голицынъ просилъ императора Александра о назначеніи Магницкаго въ его министерство, то государь ему замѣтилъ, что онъ ошибается на счетъ своего новаго протежэ, на что Голицынъ, основывая свою просьбу на исправленіи Магницкаго, утверждалъ, что онъ перешелъ отъ невѣрія и революціонныхъ взглядовъ къ религіи и монархическимъ принципамъ! Магницкій состоялъ при посольствѣ въ Парижѣ при Наполеонѣ и имѣлъ свободный доступъ въ Мальмэзонъ. При его умѣ, краснорѣчіи и тактѣ добиться этого было не трудно.

Въ 1799 г. онъ занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ, 20 лѣтъ спустя, т. е. въ 1819 г., мы засѣдали вмѣстѣ въ главной дирекціи училищъ. Магницкій, сподвижникъ Сперанскаго, былъ человѣкъ слишкомъ выдающійся, чтобы прозябать въ обществѣ или въ дѣлахъ! Онъ былъ характера независимаго и не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, когда его стѣсняла какая-либо власть, державшая его на второмъ планѣ. Онъ зналъ отлично, что съ его способностями можно руководить всякимъ начальникомъ, и такъ ловко умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на дѣла, что, не занимая перваго мѣста, онъ властвовалъ надъ тѣмъ, кто былъ на этомъ мѣстѣ, но съ другой стороны онъ не могъ оставаться безгласнымъ и если видѣлъ, что его вліяніе слабѣло, то онъ тотчасъ бросался въ другую сферу, обѣщавшую ему болѣе обширную дѣятельность. Несмотря на это свойство, не чуждое интриги, я могу сказать по совѣсти, что, увлекшись происками, которые погубили его, онъ не преслѣдовалъ при этомъ никакихъ личныхъ цѣлей; ибо, интригуя, человѣкъ не станетъ жертвовать самыми завѣтными своими интересами только ради удовольствія интриговать. Можно интриговать по увлеченію, но не изъ разсчета, въ особенности, когда ничто не сулитъ навѣрно благопріятныхъ результатовъ.

Магницкій, съ перваго шага, объявилъ себя противникомъ современной философіи и анти-монархическаго принципа. Онъ энергично напалъ на то и другое, не щадя личностей, которыя держались противоположныхъ взглядовъ. Сдѣлавшись попечителемъ Казанскаго университета, онъ ввелъ въ немъ новыя правила, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя соблюдались въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; онъ хотѣлъ, чтобы занятіями и поведеніемъ студентовъ руководила одна православная религія. Онъ запретилъ философскія теоріи, какъ теоріи, допуская преподаваніе ихъ лишь въ качествѣ опасныхъ и предосудительныхъ заблужденій, отвергаемыхъ истинной философіей. Онъ нападалъ также энергично на свободомысліе, наносившее хотя бы самое малѣйшее посягательство на монархическій принципъ, и уволилъ многихъ профессоровъ, въ либерализмѣ или неспособности коихъ онъ ви-

дѣлъ источникъ нравственной распущенности, губившей молодежь и дурно вліявшей на нравы. Его дѣятельность, врожденное краснорѣчіе, его умъ, окрѣпнувшій въ борьбѣ съ пагубными идеями современной философіи, снискали ему полное довѣріе министра и въ то же время возстановили противъ него даже тѣхъ, которымъ нечего было бояться съ его стороны, и создали ему множество тайныхъ враговъ среди состава преподавателей и ихъ покровителей. Магницкій не щадилъ ни протестантства, ни масонства, ни современной литературы; однимъ словомъ, онъ объявилъ войну на смерть неологизму, который, надобно сказать по правдѣ, не оставилъ ни одной религіозной или нравственной истины, не исказивъ ее ложными толкованіями или не осмѣявъ ее, начиная отъ Вольтера и кончая Маратомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ. Всякое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ его пера, всякое слово, вышедшее изъ его устъ, было ядовитою стрѣлою, направленною противъ невѣрія, философіи, противъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей. Каждое его сочиненіе, каждое его слово создавало ему новыхъ враговъ. Я не буду защищать усердія, коимъ не руководитъ осторожность. Но я не могу также согласиться съ тѣми, кои называютъ Магницкаго плутомъ (fourbe), ибо, повторяю, ни одинъ плутъ не станетъ дѣйствовать единственно съ цѣлью нажить себѣ враговъ и сдѣлаться со временемъ ихъ жертвою. Я близко зналъ этого человѣка. Онъ былъ прекрасный мужъ, прекрасный отецъ, прекрасный учитель; онъ былъ добръ, сострадателенъ и пріятенъ въ обращеніи. Если его увлекло самолюбіе, то этого нельзя ставить ему въ вину. Съ его умомъ и способностями позволительно быть самолюбивымъ. Да и у кого нѣтъ самолюбія, хотѣлъ бы я знать?

Эпоха, описываемая мною, хотя и не можетъ быть причислена къ числу тѣхъ, которыя подготовляютъ въ государствахъ большіе перевороты, тѣмъ не менѣе представляетъ весьма важный историческій періодъ и поясняетъ многіе факты, которые исторія, произнося свой приговоръ, напрасно старалась бы истолковать разными натяжками.

Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ самаго возникновенія своего образовалось изъ разнородныхъ элементовъ, безо всякой системы, безъ руководящей силы и поэтому не могло принести хорошихъ плодовъ. Въ Россіи все обновляется съ теченіемъ времени. Ея нравы, вѣрованія, обычаи и даже гражданскіе законы, все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ новую эру политическаго существованія, начавшуюся при Петрѣ I. Самый народъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. Основные принципы общественной жизни, религіозные взгляды и права, коими пользуются граждане, подчинились той непрестанной перемѣнѣ, вслѣдствіе которой Россія съ каждымъ царствованіемъ мѣняла свой обликъ. До царство-

ванія императора Николая, въ Россіи не существовало Свода Законовъ. Привилегіи, дарованныя монархами съ какою-либо извѣстной цѣлью различнымъ сословіямъ русскаго народа, не имѣли силы закона. Управленіе Имперіей измѣнялось сообразно съ руководящими взглядами правительства. Религія, повидимому, не подчинялась свѣтской власти, между тѣмъ церковь, подобно тому, какъ смотритъ на нее протестантство, была помѣщена въ списокъ гражданскихъ учрежденій и, подчиняясь верховной власти, подвергалась весьма естественно преобразованіямъ въ своемъ управленіи, въ своихъ обрядахъ и даже въ догматахъ, наравнѣ со всѣми прочими учрежденіями. Не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ введенъ новый катехизисъ, отличный отъ того, по которому преподавали Законъ Божій въ царствованіе Екатерины II, и который, въ свою очередь, отличался отъ катехизиса, принятаго во времена патріарховъ. Эти преобразованія въ дѣлѣ религіи совершались, такъ сказать, съ каждымъ поколѣніемъ, и если въ настоящее время учатъ еще катехизисъ и то, что извѣстно подъ общимъ названіемъ Закона Божьяго, то это дѣлается единственно для того, чтобы сохранить въ спискахъ преподаваемыхъ предметовъ обученіе правиламъ религіи. Обученіе это кончается въ низшихъ классахъ и забывается учениками въ то время, когда они не достигли еще возраста, въ которомъ умъ и совѣсть наиболѣе нуждаются въ руководствѣ религіи, главную основу которой составляетъ сверхчеловѣческая евангельская мораль. Я не хочу этимъ сказать, что основу христіанскихъ вѣрованій составляетъ схоластическое богословіе. Оно не можетъ породить вѣры, точно такъ же, какъ историческая вѣра и обрядность никогда не дѣлаютъ человѣка истиннымъ христіаниномъ: я хочу только сказать, что въ Россіи, со временъ Петра I, никогда не считали религію душою соціальнаго тѣла, но что на нее смотрѣли всегда какъ на предметъ преподаванія, хотя и божественнаго, но тѣмъ не менѣе подлежащаго измѣненіямъ, которыя время, нравы, взгляды, духъ правительства или сила вещей могутъ ввести въ религію, исповѣдуемую народомъ, въ администрацію церкви и даже въ каноническое право. Синодъ, дѣйствуя отъ имени монарха, какъ главы церкви, произноситъ безапелляціонный приговоръ, которому церковь должна повиноваться. Вновь учрежденное министерство, созданное для того, чтобы управлять всѣмъ, что касается духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, должно было, по самому свойству своему, быть исключительно православнымъ. Подъ православіемъ масса русскаго народа понимаетъ лишь исполненіе безъ разсужденій всѣхъ догматовъ и правилъ, признанныхъ восточной каѳолической церковью, со временъ апостольскихъ и соблюдавшихся до злосчастнаго раскола, раздѣлившаго въ VII вѣкѣ по Р. Х. каѳолическія церкви.

Справедливыя и достойныя похвалы старанія патріарха Никона

очистить русскую церковь отъ злоупотребленій, внесенныхъ въ нее невѣріемъ, вызвали новый расколъ; всѣ позднѣйшія нововведенія еще болѣе ослабили вѣру. Цѣлью вновь учрежденнаго министерства должно было быть наблюденіе за неприкосновенностью догмата, за чистотою правилъ православной церкви; его обязанностью было устранять изъ администраціи церкви всякаго рода злоупотребленія и направлять народное образованіе къ цѣли, указанной Евангеліемъ, т. е. къ тому, чтобы сдѣлать человѣка столь же совершеннымъ, какъ Отецъ Небесный, говоря словами самого Богочеловѣка, чтобы проповѣдывать людямъ не безплодныя теоріи, но вѣчныя Божественныя истины. Такова должна быть обязанность министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Тотъ, кто понялъ намѣреніе, руководившее императоромъ Александромъ, когда онъ создалъ Священный Союзъ, легко пойметъ, что созданіе новаго министерства не могло быть вызвано простыми политическими соображеніями. Но, къ сожалѣнію, не всѣ добрыя намѣренія приводятъ къ ожидаемому результату. Несмотря на самыя лучшія намѣренія, человѣкъ не можетъ сдѣлать того, что не предначертано ему свыше.

Князь Голицынъ, человѣкъ прямой и самыхъ чистыхъ намѣреній приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы направить дѣла министерства, но одного старанія еще мало, какъ сказалъ апостолъ Павелъ. Въ дѣлѣ религіи необходима большая осторожность, основанная на знаніи человѣческаго сердца и исторіи. Религія и вѣра не одно и то же! Вѣра есть самая сущность христіанства, религія есть только внѣшнее выраженіе его. Первая скрыта, вторая явна. О вѣрѣ нельзя судить по религіозности; въ послѣдней обыкновенно играютъ большую роль гордость и самолюбіе.

Окруженный православными монахами, священниками и епископами и англійскими, лютеранскими или протестантскими методистами, проникнутый духомъ библейскихъ и иныхъ иностранныхъ христіанскихъ обществъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія простодушно считалъ возможнымъ помирить всѣ эти несогласія и подчинить вмѣстѣ съ тѣмъ философію религіи, соблюдая въ вопросахъ вѣры полнѣйшую вѣротерпимость, не обращая вниманія на частные взгляды, и въ концѣ концовъ онъ создалъ возможныя столкновенія, породившія самыя роковыя послѣдствія, къ великому ущербу истины.

Изъ Баваріи былъ вызванъ имъ въ Россію католическій священникъ Линдель, нѣмецъ по происхожденію. Краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ высказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ взгляды совершенно различные съ взглядами католической церкви, и хотя на него смотрѣла косо ультрамонтанская община сѣверной столицы, но ему было разрѣшено говорить проповѣди въ католической церкви при Пажескомъ корпусѣ. Я не разъ слышалъ его проповѣди, былъ знакомъ съ нимъ лично и дол-

женъ сказать по совѣсти, что его проповѣди, вполнѣ согласныя съ духомъ христіанства, не могли быть признаны опасными для вѣры. Но религія, какъ я уже сказалъ, не есть вѣра. Догматы одного вѣроисповѣданія не суть догматы другой религіи. Каждая церковь имѣетъ свои догматы, а религія держится именно догматами. Мальтійская церковь посѣщалась лютеранами и православными; католики не появлялись въ ней въ тѣ дни, когда проповѣдь говорилъ Линдель. Это явное нарушеніе религіи возмутило всѣхъ петербургскихъ католиковъ. Линдель оставался въ Петербургѣ не долго. Вскорѣ появился новый проповѣдникъ, ксендзъ Госнеръ. Онъ заставилъ католиковъ кричать еще громче, когда они увидали, что ему позволено проповѣдывать въ большой католической церкви, гдѣ богослуженіе совершалось доминиканскими монахами. Госнеръ проповѣдывалъ въ томъ же духѣ, какъ и Линдель. Оба обладали въ высшей степени даромъ слова, но оба впадали въ протестантство и не нравились послѣдователямъ римско-католической церкви.

Въ то время, какъ дѣятельность библейскаго общества все болѣе и болѣе расширялась, а методисты и англійскіе квакеры дѣйствовали, чтобы пріобрѣсти какъ можно бо̀льшее вліяніе на народное образованіе, и дирекція училищъ запрещала преподаваніе миѳологіи, самыя пагубныя и богохульственныя доктрины преподавались открыто въ Педагогическомъ институтѣ, въ Царскосельскомъ лицеѣ, въ университетахъ и гимназіяхъ. Одинъ изъ учениковъ института, Куницынъ, сдѣлавшись профессоромъ, преподавалъ въ университетѣ и въ лицеѣ естественное право, и путалъ въ умахъ своихъ безбородыхъ слушателей всѣ понятія о нравственности и религіи. Профессора Педагогическаго института нападали открыто съ каѳедръ на Божественное право и на монархическій принципъ.

Исторія и даже статистика, сдѣлавшаяся наукой отдѣльною отъ политической географіи, были полны безбожія. Одинъ профессоръ, бывшій ранѣе наставникомъ въ частныхъ домахъ, по имени Раупахъ, извѣстный впослѣдствіи въ Германіи, какъ авторъ театральныхъ піесъ, былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и подрывалъ авторитетъ св. Писанія, ставя въ одинъ разрядъ Моисея, Санхонатіона и Девкаліона! Онъ изображалъ еврейскій народъ кочующимъ племенемъ, ничтожнымъ среди великихъ народовъ того времени и, не нападая собственно на христіанство, разрушалъ его основы такъ же, какъ и основы монархическаго принципа, опирающагося на одну силу, когда Божественное право не признается его единственнымъ источникомъ.

Германъ, бывшій тоже домашнимъ наставникомъ до своего назначенія въ профессора, говорилъ въ своей теоріи статистики, что индѣйцы приносятъ въ честь или въ воспоминаніе одного изъ своихъ боговъ

въ жертву хлѣбъ и вино такъ же, какъ христіане. Другіе русскіе профессора, воспитанники Педагогическаго института, вдавались въ туманную философію нѣмецкихъ неологовъ, чтобы потрясти всѣ истины откровенія, основывая свои силлогизмы на ученіи Канта, Шеллинга и на другихъ схоластическихъ бредняхъ, коимъ не предвидится конца съ тѣхъ поръ, какъ человѣческая философія хочетъ все подвергнуть на судилище разума! Даже при преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ географіи, статистики и исторіи, приняли за правило порицать всѣ правительства, всѣ основы нравственности и христіанства. Куницынъ, профессоръ естественнаго права, въ курсѣ, который, по его своимъ, былъ сочиненъ имъ самимъ (!!) и разрѣшенъ къ печати, а потомъ запрещенъ, говорилъ, что природа не воспрещаетъ матери выйти замужъ за своего сына, или отцу жениться на дочери, что совершеннолѣтнія дѣти ничѣмъ не обязаны своимъ родителямъ, съ того момента, какъ только они въ состояніи сами зарабатывать свой хлѣбъ и что всякая власть, не основанная на единогласномъ желаніи всего общества, есть тиранство.

Всѣ эти прекрасныя открытія человѣческаго ума преподавались публично въ университетахъ и школахъ въ христіанской и монархической странѣ, въ царствованіе набожнаго монарха и при министерствѣ, созданномъ для того, чтобы поддерживать религію и народное образованіе во всей ихъ чистотѣ [1]).

---

[1]) Чтобы не погрѣшить противъ истины, надобно сказать, что князь Голицынъ, при вступленіи своемъ въ министерство, нашелъ народное образованіе организованнымъ такъ, какъ я только-что описалъ, при его предшественникѣ, графѣ Разумовскомъ. Ни Завадовскій, первый министръ, ни Разумовскій, его преемникъ, ни князь Голицынъ, при которомъ духовныя дѣла были присоединены къ народному просвѣщенію, не были способны управлять министерствомъ, вновь созданнымъ или учрежденнымъ по образцу французскаго министерства, въ странѣ, гдѣ народное образованіе не вышло еще изъ пеленокъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, до этого времени, въ Россіи не существовало другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ Московскаго университета и нѣсколькихъ школъ во внутреннихъ губерніяхъ, завѣдываніе которыми не составляло отдѣльной отрасли администраціи. Всѣ эти министры не получили классическаго образованія, они не были знакомы съ ходомъ образованія въ общественныхъ заведеніяхъ и еще менѣе съ университетскими и гимназическими порядками. Имъ пришлось взять примѣръ изъ-за границы, усвоить иностранный методъ и довѣриться своимъ подчиненнымъ, которые не были болѣе свѣдущи, чѣмъ они. Московскій университетъ долго не былъ преобразованъ; вновь учрежденные университеты были устроены по примѣру нѣмецкихъ; петербургскій учебный округъ, состоявшій изъ гимназій и начальныхъ школъ, не имѣлъ университета. Педагогическій институтъ заступалъ его мѣсто. Каждый округъ находился подъ вѣдомствомъ попечителя. Министръ Разумовскій поручилъ петербургскій округъ своему зятю Уварову, молодому человѣку, состоявшему по матери въ родствѣ съ самыми знатными

Полнѣйшая вѣротерпимость потворствовала самымъ невѣжественнымъ и смѣшнымъ сектамъ. Между прочимъ, одна женщина, по фамиліи Татаринова, окружала себя духовидцами, которые подражали англійскимъ и американскимъ квакерамъ въ ихъ собраніяхъ, состоявшихъ изъ женщинъ и мужчинъ, которые снимали съ себя одежду и надѣвали длинныя холщевыя рубашки. Они считали г-жу Татаринову вдохновленною свыше. Составивъ кругъ, они вертѣлись до изнеможенія силъ, по-

---

фамиліями Имперіи и не занимавшему ранѣе другой должности, кромѣ камеръ-юнкера, что давало ему чинъ статскаго совѣтника,—преимущество, упраздненное впослѣдствіи. Уваровъ, получившій домашнее воспитаніе подъ руководствомъ французскаго аббата, хотя и не прошелъ курса классическихъ наукъ, но получилъ, однако, отличное образованіе, ставившее его выше его сверстниковъ. Въ петербургскихъ салонахъ его считали ученымъ. Тесть—министръ, дядя—министръ, множество родственниковъ, занимавшихъ самыя высокопоставленныя должности, придавали ему вѣсъ въ обществѣ и облегчали ему возможность сдѣлать блестящую карьеру. Онъ захотѣлъ уничтожить все, что существовало до него, и Педагогическій институтъ, принесшій не малую пользу, долженъ быть уступить мѣсто университету, коего планъ зародился въ его обширномъ воображеніи. Мы видѣли выше, каковъ былъ его составъ, и какимъ духомъ руководились профессора этого разсадника наставниковъ, которые должны были составить учительскій персоналъ Имперіи! Въ то же время естественное право Куницына обратило вниманіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и вниманіе самого императора. Чтеніе права было воспрещено, и профессоръ удаленъ. Уваровъ довершилъ свое великое дѣло! Планъ и уставъ Петербургскаго университета, выработанные въ министерствѣ, были представлены на разсмотрѣніе главной дирекціи училищъ прежде утвержденія ихъ высочайшей властью.

Эти правила или уставъ составляли толстую тетрадь разныхъ пунктовъ, раздѣленныхъ на главы и отдѣлы. Уставъ былъ раболѣпнымъ подражаніемъ или точнымъ сколкомъ съ уставовъ и управленія нѣмецкихъ университетовъ. У меня хранится точная копія этого устава, снятая съ оригинала. Университетъ долженъ былъ быть раздѣленъ на факультеты для изученія: 1) исторіи и философіи; 2) физики и математики; 3) юриспруденціи и политическихъ наукъ. Существованіе медико-хирургической академіи независимо отъ министерства и духовной академіи дѣлало каѳедры богословія и медицины излишними въ университетахъ.

Уставъ, пройдя чрезъ руки членовъ дирекціи училищъ, подвергся болѣе или менѣе рѣзкимъ нападкамъ. Члены Разумовскаго министерства приняли сторону его зятя; Магницкій объявилъ себя противъ него; министръ принялъ его сторону. Другіе члены раздѣлились; пренія вывели Уварова изъ себя. Въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку, прося уволить его отъ должности члена дирекціи и попечителя.

Министръ возложилъ на меня исполненіе обязанностей попечителя. Онъ сдѣлалъ даже представленіе объ утвержденіи моемъ въ этой должности, но императоръ, не согласившись на это, не устранилъ меня отъ управленія округомъ, и я исполнялъ эти обязанности и во время кончины Александра.

Безъ сомнѣнія, партія Уварова, сильная при дворѣ, не имѣя возможно-

томъ пророчествовали, произнося отрывочныя фразы, которыя считались вдохновленными и должны были быть истолкованы или отгаданы [1]).

Въ это невозможное и скандальное общество, которое не только было терпимо, но даже покровительствуемо, принимались всякаго рода люди: военные, духовные, православные и раскольники, молодые и старики. Проповѣдникъ Госнеръ, въ свою очередь, нашелъ среди своихъ многочисленныхъ приверженцевъ поклонниковъ его доктринъ; его нѣмецкія проповѣди были напечатаны и пущены въ ходъ. Одна фраза въ одной изъ этихъ проповѣдей произвела взрывъ, положивъ конецъ существованію библейскаго общества, и протестантству католическихъ священниковъ, Линделя и Госнера, усиліямъ и происканъ методистовъ и министерству духовныхъ дѣлъ. Проповѣдникъ Госнеръ былъ высланъ за границу, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, Поповъ, обвиненный въ переводѣ госнеровскихъ проповѣдей, былъ преданъ суду. Князь Голицынъ просилъ уволить его отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и былъ замѣненъ отставнымъ адмираломъ Шишковымъ [2]), который былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Духовныя дѣла поступили по-прежнему подъ вѣдомство оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Адмиралъ Шишковъ, достигшій этого поста послѣ полувѣковой службы и получившій образованіе въ морскомъ корпусѣ, былъ, какъ говорятъ, менѣе Голицына способенъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія. Онъ еле-еле зналъ французскій и нѣмецкій языки настолько, чтобы понимать авторовъ, писавшихъ на этихъ языкахъ. Его

сти обставить свою неудачу болѣе или менѣе лестнымъ для себя образомъ, не упустила случая разгласить, что она была жертвою интриги въ мою пользу, въ которую князь Голицынъ позволилъ вовлечь себя.

По возвращеніи своемъ въ Россію, императоръ пожаловалъ мнѣ столовыя деньги, Владиміра, значительную сумму денегъ и аренду, но держалъ меня въ неизвѣстности относительно моей дальнѣйшей судьбы, утверждая, однако, всѣ мѣры, принимаемыя мною для того, чтобы преобразовать университетъ во всѣхъ его частяхъ. По моему предложенію было ассигновано болѣе милліона рублей на постройку новыхъ зданій для университета. Эта сумма должна была быть внесена въ бюджетъ и распредѣлена на пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ всѣ проектированныя зданія должны были быть окончены.

Семь мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія на престолъ императора Николая, послѣ тридцати лѣтъ безпорочной службы, я сдѣлался, въ свою очередь, жертвою клеветы, которая навлекла на меня въ теченіе четырнадцати лѣтъ самыя тяжкія бѣдствія...

Писано по прошествіи 14-ти лѣтъ, 25-го іюня 1840 г.

[1]) Подробныя свѣдѣнія о сектѣ Татариновой см. „Русскую Старину“ 1895 г. т. 84 и 1896 г. т. 85.

[2]) Все это изложено авторомъ не точно. Ред.

конькомъ былъ русскій языкъ. Онъ хвастался глубокимъ знаніемъ этого языка, а также славянскаго; не получивъ классическаго образованія, онъ сумѣлъ прослыть въ обществѣ знатокомъ классическихъ языковъ, и это доставило ему званіе президента Россійской академіи. Какъ всѣ люди, которые, за неимѣніемъ особыхъ достоинствъ, стараются оригинальничать, онъ выказывалъ глубокое презрѣніе ко всему иностранному, восхваляя выше всего Россію и все русское.

Всякая посредственность, поддержанная приверженцами (а у кого ихъ нѣтъ), заставляетъ говорить о себѣ. На Шишкова указывали, какъ на патріота, достойнаго занимать первую должность въ Имперіи, и такъ какъ онъ нападалъ со своимъ русско-славянскимъ языкомъ на Карамзина, когда тотъ появился на сценѣ со своими галлицизмами, германизмами и преобразованіями русскаго языка, то поклонники Шишкова превозносили его, какъ единственнаго защитника русскаго языка и хранителя его своеобразной прелести.

Въ эпоху соціальныхъ кризисовъ противодѣйствіе новымъ идеямъ, которыя желаютъ низвергнуть, всегда бываетъ очень сильно. Чтобы заглушить литературный и административный неологизмъ Сперанскаго, нужно было замѣнить его системой, коей единственнымъ достоинствомъ была ея истина. Сперанскаго, который съ глубокимъ умомъ, литературными познаніями и образованіемъ, основаннымъ на изученіи классическихъ и современныхъ языковъ, соединялъ гибкость характера и хитрость, какія рѣдко встрѣчаются въ самыхъ ловкихъ царедворцахъ, отличающихся особымъ умѣніемъ заставить событія склоняться въ ихъ пользу, думали стереть, замѣнивъ его Шишковымъ. Насиловавъ любимые взгляды Александра и съ успѣхомъ проведя интригу, сломившую шею Сперанскому, легко было заставить его, когда онъ упалъ духомъ, принять мѣры, самыя противныя его взглядамъ.

На мѣсто Сперанскаго былъ предложенъ Шишковъ; онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, сохранилъ это мѣсто до окончанія войны и впослѣдствіи былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, который послѣ паденія Сперанскаго приравнялся ко всѣмъ совѣтамъ, кои представляютъ лишь безмолвныя засѣданія, выслушивающія высочайшую волю, и служатъ только выраженіемъ этой воли. Этотъ же адмиралъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія на мѣсто князя Голицына. Интрига, пущенная въ ходъ для того, чтобы устранить послѣдняго отъ всякаго вліянія на дѣла министерства, была та же, которая подготовила паденіе Сперанскаго; но главныя пружины, руководившія интригою, были уже не тѣ. Единственная пружина, двигавшая въ то время всѣмъ, былъ всемогущій графъ Аракчеевъ.

Философія обыкновенныхъ людей уподобляется по бо́льшей части философіи той моськи, которая лаетъ на слона, чтобы заставить гово-

рить о себѣ, или философіи мухи, пахавшей на рогахъ вола. Человѣкъ носитъ въ себѣ стремленіе къ превосходству, которое есть источникъ гордости, подобно тому, какъ гордость была причиною паденія перваго ангела.

Императоръ Александръ, утомленный царствованіемъ, не желалъ болѣе непосредственно заниматься дѣлами внутренняго управленія и поставилъ между собою и государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и самими министрами графа Аракчеева. Министры уже не имѣли, какъ прежде, свободнаго доступа къ императору. Только одинъ князь Голицынъ, товарищъ дѣтства Александра, бывшій его камеръ-юнкеръ во время его бракосочетанія, сохранилъ эту привилегію, какъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и какъ главноуправляющій почтовою частью въ Имперіи. Его положеніе и дружеское отношеніе къ государю ставили его въ полную независимость отъ вліянія графа Аракчеева въ подвѣдомственной ему части. Русскій великій визирь не могъ видѣть равнодушнымъ окомъ власти, отъ него не зависящей. Онъ хотѣлъ унизить князя. Для этого надобно было представить монарху факты, могущіе поколебать его довѣріе къ старинному слугѣ, на котораго онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства, какъ на человѣка, преданнаго своей особѣ, не считая его однако непогрѣшимымъ, какъ государственнаго человѣка. Это дѣло было легкое.

Вдовствующая императрица и великій князь были недовольны министромъ народнаго просвѣщенія за слѣдствіе относительно профессоровъ, въ числѣ которыхъ были замѣшаны Германъ, Балугьянскій и Арсеньевъ, которые пользовались достаточнымъ авторитетомъ, чтобы представить себя жертвами клеветы, веденной съ цѣлью бросить нелестную тѣнь какъ на покровительствуемыхъ, такъ и на покровителей.

Семейство Волконскихъ орудовало въ пользу Раупаха, бывшаго наставникомъ у нихъ въ домѣ, и въ пользу Уварова, потерпѣвшаго крушеніе со всею своею ученою извѣстностью. Высшее духовенство, придавленное властью министра, было радо сбросить съ себя иго, умалявшее его достоинство. Составъ преподавателей былъ обличенъ, и всѣ кричали противъ несправедливости власти, цѣлью которой было погасить всякое образованіе въ пользу ханжества и невѣжества. Библейскія общества, секта г-жи Татариновой, проповѣдники Линдель и Госнеръ, ланкастерскія школы, учрежденныя яко бы для выработки методики, переводъ богохульственныхъ проповѣдей Госнера, исправленный рукою директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, были, къ несчастью, истины, отрицать которыя было не легко; на нихъ указывали всѣми силами святоши православнаго и римско-католическаго вѣроисповѣданій, и, наконецъ, Магницкій, сдѣлавшійся любимцемъ и агентомъ Аракчеева, въ цѣляхъ, которыя мнѣ неизвѣстны, и о которыхъ я не берусь поэтому судить; всѣхъ этихъ элементовъ было болѣе, чѣмъ

достаточно, чтобы заставить императора отнять портфель изъ рукъ князя Голицына или, чтобы заставить самого князя отказаться отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Шишковъ получилъ портфель народнаго просвѣщенія только потому, что Аракчеевъ былъ убѣжденъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ его видахъ съ цѣлью окончательно погубить своего предшественника въ глазахъ императора. Онъ не замедлилъ доказать это однимъ изъ первыхъ своихъ поступковъ.

Малороссъ Станевичъ, человѣкъ ничтожный, плохой писатель, затронулъ устарѣлые взгляды въ брошюрѣ, озаглавленной «Плачъ надъ гробомъ младенца», въ которой онъ яко бы оспаривалъ всѣ взгляды на безсмертіе души, не основанные на воззрѣніяхъ православной церкви. Цензура, во время управленія министерствомъ князя Голиница, не дозволила напечатать эту брошюру по той причинѣ, что авторъ уничижалъ всѣ христіанскія вѣрованія въ пользу господствующей церкви.

Аракчеевъ говорилъ, Шишковъ жестикулировалъ. Книга Станевича была дозволена и напечатана. Въ отношеніи, коимъ было разрѣшено ея печатаніе, было сказано, между прочимъ, что ранѣе дурныя книги были разрѣшены, а хорошія запрещались. Такимъ образомъ, нравственныя воззрѣнія министерства Голицына были осуждены публично. Ланкастерскія школы утратили значеніе. Та же сила сокрушила библейское общество. Въ послѣднемъ засѣданіи Главнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Серафима, который замѣнилъ князя Голицына въ должности предсѣдателя этого комитета, тотчасъ по выходѣ его въ отставку, на библейскія общества посыпались нападки, какъ на общества, вредныя для вѣры. Магницкій откопалъ какую-то якобы двусмысленность въ переводѣ Евангелія или грубую опечатку. Ожесточенная записка, поданная имъ по этому поводу, была причиною къ принятію мѣръ для уничтоженія общества и для прекращенія печатанія русскаго перевода Евангелія и славянскихъ Библій. Однако, правительство сохранило продажу Библій и книгъ Новаго Завѣта, напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ съ разрѣшенія Синода и цензуры. Типографія со всѣми ея принадлежностями и напечатанными экземплярами Библіи на славянскомъ и русскомъ языкахъ была предоставлена въ распоряженіе Синода. Продажа и раздача книгъ комитетами была прекращена; они мало-по-малу окончили свое существованіе, и о Библіяхъ не было болѣе слуху.

Хотя народное образованіе не могло подвергнуться столь быстрому натиску, какъ библейское общество, но и оно приняло совсѣмъ иной обликъ. Старикъ Шишковъ боялся прослыть въ мнѣніи либераловъ и безбородыхъ ученыхъ за гасителя просвѣщенія; ему также нужны были приверженцы: всѣ противники проектовъ Голицына перешли на его сторону, и побѣжденныя либеральныя доктрины не смѣли поднять го-

ловы. Либералы довольствовались правомъ осмѣивать министерство Голицына и давать болѣе простора свободомыслію въ дѣлѣ преподаванія. Я также подвергся косвеннымъ нападкамъ людей, окружавшихъ Шишкова, но такъ какъ онъ не былъ въ состояніи меня низвергнуть, то я продолжалъ проводить реформы, намѣченныя и утвержденныя императоромъ. Я не хотѣлъ оставить предпріятія, внушеннаго самымъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ, и сдѣлать все добро, которое я могъ сдѣлать, создавъ образцовый университетъ, основанный на тѣхъ двухъ единственно возможныхъ основахъ его нравственнаго существованія: религіи и монархическомъ принципѣ, которыя не признаны во всѣхъ новѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданныхъ министерствомъ и скопированныхъ съ оригиналовъ, которые тогда еще вовсе не были подходящи для Россіи. Я ждалъ всего отъ времени и отъ чистоты моихъ намѣреній, хотя министерство Шишкова не обѣщало мнѣ добросовѣстной и твердой поддержки. Привыкнувъ къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, я полагалъ, что новый порядокъ вещей могъ явиться на смѣну того, который былъ плодомъ интриги. Ибо, не становясь защитникомъ министерства Голицына, я долженъ сказать по совѣсти, что князь, проникнутый самыми благими намѣреніями, грѣшилъ только тѣмъ, что онъ слишкомъ легко поддавался вліянію людей, не заслуживавшихъ его довѣрія, и которые, пользуясь этой слабостью, вводили его въ заблужденіе и ставили въ фальшивое положеніе, сообразно со своими личными выгодами.

Князь Голицынъ, сложивъ съ себя управленіе министерствомъ, не лишился вмѣстѣ со своимъ портфелемъ благоволенія Александра.

Государственный человѣкъ всесиленъ, когда онъ дѣйствуетъ, опираясь на совѣсть, и поступаетъ осторожно. Онъ можетъ все погубить, когда онъ увлекается насиліемъ, чтобы достигнуть цѣли. Нельзя насиловать ни общественное мнѣніе, ни совѣсть. Великое искусство въ дѣлѣ управленія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть повліять на совѣсть людей и на общественное мнѣніе силою убѣжденія. Народы счастливы только тогда, когда они это чувствуютъ. Клѣтка мѣшаетъ гіенѣ проявлять свою жестокость, но жестокость ея отъ этого не уменьшается.

Шишковъ, поддерживаемый Аракчеевымъ, сохранилъ свой постъ до смерти Александра. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не произошло перемѣнъ.

Князь Голицынъ удержался при дворѣ, какъ держится всякій царедворецъ, говорящій, что идетъ дождь, когда дождя нѣтъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ, касавшихся отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича.

Два самыя главныя для Имперіи министерства, при ея настоящемъ положеніи, созданныя Александромъ: министерства полиціи и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣли кратковременное существованіе и

исчезли такъ же быстро, какъ быстро появились. Эти полезныя министерства сдѣлались жертвою интриги, которая, къ несчастію, всегда вмѣшивается въ Россіи въ управленіе тѣхъ частей, которыя менѣе всего терпятъ ея козни. Балашовъ, первый и послѣдній министръ полиціи, погубилъ министерство, сдѣлавшись орудіемъ интриги, задавшейся цѣлью погубить Сперанскаго. Голицынъ, первый и послѣдній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, погубилъ это министерство, давъ интригѣ могущественное орудіе, для нападенія на него, тѣмъ, что онъ отдалился отъ естественной цѣли министерства, которую онъ смѣшалъ съ роковой наклонностью къ чудесному, въ которомъ онъ думалъ найти настоящую основу религіи и образованія. Грустно встрѣчать на каждомъ шагу въ исторіи человѣчества эту склонность искать всегда истину тамъ, гдѣ ея никогда нѣтъ, въ соображеніяхъ ума, тогда какъ она бываетъ вездѣ, гдѣ умъ руководится совѣстью.

Въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно отдѣлять религію и народное образованіе или смотрѣть на нихъ въ духѣ протестантства. Какъ только въ дѣла церкви вмѣшается философія или политика, она теряетъ всю свою власть на душу: какъ только образованіе отдѣляется отъ вѣры, оно оказывается пагубнымъ для нравовъ и для общества. Власть разума не такъ всесильна, какъ могущество вѣры, а вѣру порождаетъ и поддерживаетъ только одна религія. Когда исчезаетъ вѣра, то религія дѣлается ненужной съ той минуты, какъ умъ начинаетъ видѣть во всѣхъ мѣропріятіяхъ—мѣропріятія чисто человѣческія, которыя безбожіе и раціонализмъ считаютъ только уздою, способною держать народы въ повиновеніи. Вѣра повинуется только внутреннему убѣжденію сердца и ума, который никогда не отказывается вѣрить въ то, что чувствуетъ сердце. Сила правды—въ ея очевидности, въ ея результатахъ, въ сознаніи ея владычества надъ умомъ и сердцемъ, которые не коснѣютъ въ невѣжествѣ и злобѣ.

Солнце одинаково грѣетъ человѣка и червяка; то же самое солнце не вызываетъ чувства тепла въ человѣкѣ и червякѣ въ ледникѣ, куда лучи его не могутъ проникнуть.

При кончинѣ Петра I Россія была страною не цивилизованной на европейскій ладъ, но дикой; но это была страна дѣвственная, которую ея правители легко могли направить въ ту или другую сторону. Петръ первый пренебрегъ общественной нравственностью. Желая развязать себѣ руки, онъ сокрушилъ власть патріарха и только стремился сдѣлать изъ своего народа голландцевъ или нѣмцевъ. Я не хочу этимъ сказать, что патріаршая власть была основою всего нравственнаго зданія, конечно, нѣтъ, но она создавала единство власти, и ея постановленія исполнялись, какъ приговоръ неба, который не можетъ быть отмѣненъ никакою земною властью; эта именно неприкосновенность или непогрѣшимость была, при всеобщемъ невѣжествѣ, тою уздою, которую философія

считаетъ квинтъ-эссенціей всякой религіи. За отсутствіемъ нравственности и религіознаго принципа, такая власть была необходима. Если бы Петръ не уничтожилъ ее, а сохранилъ и встрѣтилъ втораго Никона, то ему не пришлось бы горевать о поведеніи своего отца по отношенію къ патріарху; онъ подготовилъ бы незамѣтно русскій народъ къ принятію нравственнаго принципа, подъ вліяніемъ котораго онъ могъ бы постепенно цивилизовать свою страну въ политическомъ отношеніи.

Но, какъ я уже сказалъ, говоря объ его царствованіи, у него не было Фенелона, который научилъ бы его, что такое религія, и направилъ бы его совѣсть. Онъ имѣлъ въ виду только одну политическую цивилизацію народа и для достиженія этой главной цѣли употребилъ самодержавіе и силу.

Всякій народъ, не имѣющій нравственнаго принципа, который налагаетъ христіанство, деморализуется. Примѣромъ того можетъ служить Франція во время террора. Жестокость выводитъ народъ изъ себя, онъ возстаетъ противъ власти, которая хочетъ сдержать его матеріально въ порядкѣ, и пытается свергнуть иго.

Всѣ преемники Петра увлеклись тѣмъ же принципомъ, и власть религіи все болѣе и болѣе ослабѣвала. По неволѣ приходилось прибѣгать къ насилію и къ силѣ. Что можно сказать, когда видишь, что деморализація идетъ всегда сверху. Дурной примѣръ передается такъ же быстро, какъ электричество; какой человѣкъ не сгораетъ въ огнѣ страстей, этихъ проводниковъ всѣхъ нравственныхъ пороковъ.

Вновь созданныя министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и общей полиціи должны были быть первыми наставниками русской націи при выходѣ ея изъ колыбели. Александръ хотѣлъ сдѣлать для будущихъ поколѣній по крайней мѣрѣ то, что было пренебрегаемо до него. Интрига, повторяю, испортила все и парализовала существованіе трактата Священнаго Союза. Александръ, обезсиленный усиліями и утомленіемъ, хотѣлъ все покинуть: и престолъ, и свѣтъ. Въ этомъ чувствѣ нужно искать настоящую причину его отъѣзда въ Таганрогъ.

Предполагаютъ, что ему было извѣстно о существованіи обширнаго заговора, готовившагося въ Имперіи, и что онъ хотѣлъ даже отречься отъ престола въ пользу своего втораго брата; но мы живемъ еще слишкомъ близко къ этому времени, чтобы знать причины, которыя могли побудить его къ этому. Аракчеевъ, облеченный императоромъ на время его отсутствія властью, какъ его замѣститель, зналъ вѣроятно истинную причину его отъѣзда, но его уже нѣтъ въ живыхъ точно такъ же, какъ и его монарха, и разумъ тщетно будетъ стараться выйти изъ лабиринта, въ которомъ онъ блуждаетъ и будетъ еще долгое время блуждать, не зная всѣхъ совершившихся фактовъ.

Имперія находилась въ ложномъ положеніи. Полное незнаніе того, сколько продолжится отсутствіе императора, держало всѣхъ въ неизвѣст-

ности. Съ удаленіемъ двигательной силы правительственной машины отъ центра ослабли всѣ пружины администраціи. Аракчеевъ былъ тайнымъ могуществомъ, это былъ священный треножникъ, изрекавшій прорицанія. Министры безмолвствовали передъ нимъ, а его молчаніе было краснорѣчиво. Никогда страна, столь громадная, какъ Россія, не представляла такой мрачной картины, какъ та, которую представляла Имперія въ эту роковую эпоху. Иго Аракчеева тяготѣло надъ всѣми частями администраціи. Интрига и недоброжелательство шли рука объ руку, чтобы все извращать и волновать самые твердые умы. Молча, въ тревогѣ, ожидали пріѣзда курьера изъ Таганрога.

Вѣсть о болѣзни Александра, несмотря на всеобщее нравственное смущеніе, овладѣвшая всѣми, погрузила все народонаселеніе столицы въ горестное смятеніе.

Но лучъ надежды еще сіялъ. Курьеры слѣдовали одинъ за другимъ, привозя болѣе или менѣе успокоительныя извѣстія. Служили всенародно молебны. Храмы наполнились молящимися. Доброта и великодушіе Александра, слава, которою его войско покрыло Россію, его безкорыстныя стремленія ко благу страны, всѣ усилія, сдѣланныя имъ, чтобы спасти національную честь отъ ига Наполеона,—все это заставило забыть важныя ошибки, въ которыя вовлекъ его духъ вѣка. Народъ молча молился о его спасеніи. У Источника жизни просили скораго выздоровленія Его помазанника, который былъ возвеличенъ Имъ надъ всѣми властителями земли, какъ вдругъ новый курьеръ изъ Таганрога привезъ потрясающую вѣсть о кончинѣ Александра, постигшей его 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, въ присутствіи императрицы, его супруги.

Sic transit gloria mundi!!!

Едва прошло 25 лѣтъ [1]) со смерти императора Александра и Наполеона и о нихъ говорятъ уже какъ объ историческихъ личностяхъ, какъ о Цезарѣ, о Карлѣ Великомъ! Лѣтъ черезъ сто о нихъ будутъ вспоминать какъ о герояхъ Гомера!

Александръ не достигъ еще 48 лѣтъ, когда смерть похитила его, въ тотъ моментъ, когда онъ научился познавать людей и ходъ событій, когда опытъ показалъ ему, что эти событія не суть простая игра случая, когда онъ почерпнулъ въ этомъ опытѣ урокъ, который могъ научить его искусству управлять обширнѣйшею въ мірѣ монархіей.

Дѣятельный, полный жизни и силъ, Наполеонъ уступилъ мѣсто подагрику Людовику XVIII, едва влачившему ноги!

Человѣческій разумъ, всегда доискивающійся истинной причины событій, совершающихся на нашихъ глазахъ, съ жадностью цѣпляется

---

[1]) Писано въ пятидесятыхъ годахъ.

за всевозможныя догадки и предположенія, чтобы объяснить факты, которые ускользаютъ отъ его пониманія. Въ кончинѣ Александра не хотѣли видѣть естественный конецъ всякаго живаго существа. Возрастъ императора, его здоровое тѣлосложеніе, отсутствіе какой-либо болѣзни, подтачивающей силы, умѣренный и правильный образъ жизни,—все это заставляло думать, что преждевременная смерть, прекратившая его дни, была не естественна. Для того чтобы разъяснить это недоразумѣніе, обратились къ исторіи, столь богатой примѣрами, что монархи становились жертвою меча или яда.

Иначе пришлось бы видѣть въ его кончинѣ только неисповѣдимую судьбу Провидѣнія. Всѣ говорили другъ другу по секрету, что Александръ былъ отравленъ.

Безъ сомнѣнія, императоръ Александръ зналъ о заговорѣ, существовавшемъ въ Имперіи. Можетъ быть, ему были даже извѣстны всѣ пружины, пущенныя въ ходъ, чтобы произвести переворотъ. Александръ былъ утомленъ и разочарованъ властью и, удалившись на югъ Имперіи, намѣревался отказаться отъ престола, лишь только это могло бы совершиться безъ потрясенія для государства.

Бунтъ, вспыхнувшій по смерти Александра въ нѣкоторыхъ полкахъ, доказываетъ, что въ Россіи не существовало въ то время желанія произвести политическій переворотъ.

Трудно сказать, былъ ли у декабристовъ глава, которому подчинялась вся партія. Говорили, правда, о Тургеневѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ, и о выработанномъ ими яко бы проектѣ конституціи, но они доказали, что съ конституціями, составленными на скорую руку въ политическихъ кружкахъ, состоящихъ изъ безбородой молодежи, легче попасть на висѣлицу и на каторгу, нежели привлечь подъ свои знамена народъ, подонки котораго готовы примкнуть къ бунту для того, чтобы свергнуть тяготѣющее надъ ними иго рабства [1]).

Слѣдовательно, не боязнь революціи могла внушить императору Александру мысль отречься отъ престола и передать его своему наслѣднику; причиною этого было угнетенное состояніе его умственныхъ силъ и воли, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе держать въ рукахъ бразды правленія.

Пріявъ скипетръ, Александръ не переставалъ трудиться для блага народа. Онъ не хотѣлъ дать странѣ правильную администрацію, съ этой цѣлью онъ счелъ нужнымъ учредить министерства по европейскому образцу. Онъ хотѣлъ дать странѣ либеральную конституцію. Если эти планы не удались, то виною этому былъ не недостатокъ желанія, а то обстоятельство, что Александръ хотѣлъ идти впередъ слишкомъ быстрыми шагами, тогда какъ подобнымъ преобразованіямъ должно пред-

[1]) Подразумѣвается крѣпостное состояніе.

шествовать возрожденіе страны. Неудачи не ослабили бы самоотверженной энергіи, съ какою онъ предался этому геркулесовому труду, послѣ того какъ онъ доставилъ своей странѣ силою оружія преобладаніе въ Европѣ; но самая торопливость, съ какою онъ дѣйствовалъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Провидѣніе судило иначе! Александру суждено было завѣщать своему преемнику заботу о политическомъ возрожденіи обширной Имперіи, которую онъ оставилъ ему въ наслѣдство.

Заявивъ при вступленіи на престолъ во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ управлять страною «по сердцу» своей бабки, Александръ достигъ того, что большинство народа, недовольное суровымъ царствованіемъ его отца, обожало его. Льстя знати, которой онъ не боялся, видя ея ничтожество, онъ лишалъ ее всякаго вліянія на общественное мнѣніе, противупоставивъ ея спеси новый классъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества, которые своими личными дарованіями должны были сокрушить власть аристократіи, неспособной вліять на государственныя дѣла, которыя мало-по-малу были направлены въ ущербъ ея интересамъ. Всѣми этими мѣрами Александръ сообщилъ своей обширной Имперіи такой толчекъ, который никакая человѣческая сила уже не въ состояніи остановить и который подвинулъ Россію впередъ на цѣлое столѣтіе.

Философское воспитаніе, полученное Александромъ, много способствовало поддержанію тѣхъ пагубныхъ заблужденій, коими онъ руководствовался въ первую половину своего царствованія. Личности, коими онъ окружалъ себя по своему собственному выбору, и тѣ, которыя принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ переворотѣ, возведшемъ его на престолъ, и коихъ ему приходилось щадить, только поддерживали эти заблужденія. Либерализмъ, философскія идеи и религіозный индифферентизмъ были единственными основами, на которыхъ зиждилось общественное зданіе. Страшная распущенность рядомъ съ самыми грубыми злоупотребленіями власти представляли чудовищную смѣсь деспотизма и свободомыслія. Вѣрованія не оскорблялись, потому что никто не обращалъ на нихъ вниманія, самое масонство было терпимо, и къ печати разрѣшались самыя безбожныя книги наравнѣ съ сочиненіями, написанными въ строго христіанскомъ духѣ.

Учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонной формѣ правленія. Вновь назначенные министры, директора департаментовъ и начальники отдѣленій, новички въ своемъ дѣлѣ, тщеславные и самоувѣренные до дерзости, возстановили противъ новаго порядка вещей всѣхъ тѣхъ, кои приходили съ ними въ соприкосновеніе по службѣ или вообще имѣли съ ними какія-либо дѣловыя отношенія. Императоръ, увлекаясь новыми формами, данными имъ администраціи, полагая, что его не могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ поддерживаетъ въ странѣ невѣжество и варварство, дѣйство-

валъ вполнѣ чистосердечно, развивая свой планъ; но однѣ новыя идеи и нововведенія не мѣняютъ людей и хотя его преобразованія измѣнили ходъ дѣла, но они возбудили вмѣстѣ съ тѣмъ оппозицію. Либерализмъ и неологизмъ дѣлали огромные успѣхи; философскія доктрины нападали вездѣ на невѣжество и суевѣріе старинныхъ религіозныхъ вѣрованій и на сущность монархическихъ принциповъ. Даже духовныя училища поддавались на удочку невѣрія. Либеральная правительственная система поощряла тѣхъ, кто подкапывался подъ основы престола и церкви.

Войны, которыя императору Александру пришлось вести въ первую половину своего царствованія, произвели въ его душѣ глубокій нравственный переворотъ.

Возвратясь въ Россію, онъ счелъ необходимымъ дѣятельно заняться нравственнымъ возрожденіемъ своего народа. Онъ видѣлъ, что русская молодежь, проникнутая современной философіей, шла быстрами шагами къ полной распущенности нравовъ и мысли, обуявшихъ Европу; онъ хотѣлъ противупоставить этому новую систему христіанскаго воспитанія, которая спасла бы по крайней мѣрѣ будущее поколѣніе отъ заразы, постигшей общество, которое, по его собственному признанію, онъ считалъ нравственно погибшимъ. Съ этой цѣлью, онъ сосредоточилъ въ однѣхъ рукахъ управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія и назначилъ министромъ друга своего дѣтства, князя Александра Голицына.

Ближайшій сотрудникъ Александра въ эту эпоху, Сперанскій, пользуясь довѣріемъ императора, сдѣлалъ весьма много для того, чтобы упорядочить систему воспитанія въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ и искоренить вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія. Онъ улучшилъ изученіе древнихъ языковъ, упорядочилъ систему преподаванія, ограничилъ власть епархіальныхъ архіереевъ и изыскалъ богатый источникъ денежныхъ средствъ для содержанія духовныхъ училищъ: обративъ на это доходъ со свѣчей, которыя возжигаютъ передъ образами и употребляются при обрядахъ вѣнчанія и погребенія, и отпускныхъ молитвъ и вѣнчиковъ, которые кладутся въ гробъ умершаго. Пользуясь исключительнымъ правомъ печатанія и продажи этихъ предметовъ и продажею свѣчей, духовное вѣдомство выручило въ теченіе 30 лѣтъ огромныя суммы денегъ, дошедшія до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей: часть этихъ денегъ была употреблена на улучшеніе духовныхъ училищъ, которыя подверглись коренному преобразованію. Ихъ примѣръ говорилъ въ пользу преобразованія университетовъ, гимназій и прочихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, во главѣ которыхъ стояли въ то время лица неспособныя къ тѣмъ высшимъ должностямъ, коими они были облечены.

Сліяніе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія

было мѣрою безспорно весьма мудрою, но она требовала, чтобы во главѣ этого новаго учрежденія было поставлено лицо болѣе просвѣщенное и характера болѣе твердаго, нежели какимъ обладалъ князь Голицынъ, одушевленный впрочемъ самыми лучшими намѣреніями и стремленіемъ ко всеобщему благу. Голицынъ изъ человѣка индифферентнаго и невѣрующаго сдѣлался религіознымъ и даже набожнымъ, сталъ покровительствовать всему, что носило отпечатокъ истиннаго благочестія, не обращая вниманія на искренность убѣжденій.

Не получивъ классическаго образованія, онъ полагалъ, что излишнія знанія только поддерживаютъ гордость и суемудріе, уничтожаютъ вѣру и питаютъ честолюбіе. Вступивъ въ управленіе министерствомъ, онъ открыто заявилъ свои набожныя намѣренія и усердно старался поднять церковь на высоту, на которой она должна стоять нравственно.

Духовенство и преподавательскій персоналъ поняли его намѣренія. Они усвоили себѣ всѣ внѣшнія формы благочестія, но не уничтожили однако зла въ корнѣ. Въ одномъ и томъ же заведеніи преподавали катехизисъ, богословіе, раціональную философію и естественное право. Воспитанники и студенты были обязаны посѣщать богослуженіе, соблюдать посты и въ то же время слышали, какъ ихъ профессоры разглагольствовали объ основныхъ правилахъ христіанской вѣры, о правахъ человѣка и о свойствахъ правительствъ. За ихъ поведеніемъ слѣдили только для проформы, но въ училищахъ царствовала величайшая распущенность нравовъ. Министръ поощрялъ набожность, а приказные осуждали ханжество; принимались мѣры для обузданія распущенности нравовъ, а либеральная философія жаловалась на то, что преслѣдовалась свобода совѣсти и убѣжденій. Публика, охотно принимающая сторону интригановъ, обвиняла министра въ обскурантизмѣ, называла его гасильникомъ, покровителемъ квакеровъ и методистовъ, ханжею, человѣкомъ, который готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для того, чтобы возвыситься. Подобнымъ же обвиненіямъ подвергались и всѣ тѣ, кои чистосердечно содѣйствовали министру въ его видахъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлался предметомъ нападковъ со стороны духовенства, всего педагогическаго персонала, либераловъ и большинства публики, составляющей стадо барановъ.

Интрига, пущенная въ ходъ противъ князя Голицына, не только сломила его, но прекратила существованіе библейскихъ обществъ и заставила упразднить министерство духовныхъ дѣлъ. Народное просвѣщеніе стряхнуло тяготѣвшее надъ нимъ иго и вступило на прежній путь подъ управленіемъ другаго министра, не имѣвшаго иныхъ правъ на это званіе кромѣ благоволенія къ нему всемогущаго Аракчеева.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

Письмо Павла Степановича Нахимова, въ отвѣтъ на поздравленіе съ побѣдою при Синопѣ.

Севастопольскій рейдъ. Корабль „12-ть Апостоловъ“, 19-го марта 1854 г.

Любезный и дорогой мой другъ и братъ Андрей Михайловичъ! [1])

Ты, конечно, на меня сердишься и не повѣришь, если я тебѣ скажу, что до сихъ поръ не имѣлъ времени отвѣчать тебѣ и благодарить за твое радушное и пріятное привѣтствіе, въ которомъ ты меня такъ мило поздравляешь съ побѣдой! Послѣ Синопскаго дѣла возвратясь въ Севастополь, я вскорѣ опять поднялъ свой флагъ на кораблѣ «12-ть Апостоловъ», а съ тѣхъ поръ каждый изъ насъ постоянно былъ занятъ—готовились достойно встрѣтить грозныхъ враговъ драгоцѣнной нашей отчизны.

Итакъ вотъ четвертый мѣсяцъ, что я на рейдѣ, и ни разу не былъ на берегу. Къ тому же нынѣшняя крымская зима была ужасная, Повѣришь ли: въ каютѣ доходило иногда до 4° морозу, а вода въ графинѣ замерзала довольно часто, то послѣ служебныхъ занятій, спустясь въ каюту, право, приходилось не до писемъ, и я откладывалъ почту за почтой. Теперь погода поправилась, но я захворалъ лихорадкой. Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра; докторъ предписалъ нѣсколько дней не выходить на верхъ, и я пользуясь свободой, спѣшу отвѣчать тебѣ, дорогой мой другъ, и благодарить за родственное твое расположеніе и вниманіе.

Ты пишешь, что вся Россія привѣтствуетъ меня съ Синопскою побѣдой—я же долженъ сознаться, что бодрымъ состояніемъ духа нашихъ командъ, прекрасной матеріальной частью флота, Россія обязана покойному благодѣтелю Черноморскаго флота, адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мнѣ же остается благодарить Всевышняго, что Онъ даровалъ мнѣ пожать плоды неусыпной заботливости и постоянныхъ трудовъ

---

[1]) Двоюродный братъ адмирала, управлявшій его дѣлами.

бывшаго нашего начальника и друга. Право, всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же, что я.

Теперь вся Европа въ волненіи, надо думать о новыхъ предстоящихъ дѣйствіяхъ. Одинъ Богъ знаетъ, когда мы увидимся съ тобой. Ахъ! если бы года черезъ два или три все успокоилось, и мнѣ дозволили бы годикъ прожить въ деревнѣ въ кругу моихъ добрыхъ родныхъ; право, я поздоровѣлъ и помолодѣлъ бы. Къ тому же вдали отъ всѣхъ васъ я совсѣмъ одичалъ. Былъ при мнѣ одинъ близкій родной Платонъ Воеводскій [1]), да и тотъ теперь почти два года въ отсутствіи, за границей. Здѣсь кстати и мнѣ пріятно тебѣ сказать, что Кернъ молодецъ, прекрасно велъ себя въ сраженіи, получилъ чинъ и фрегатъ, и въ весьма непродолжительномъ времени будетъ командиромъ корабля и экипажа. Прошу тебя, любезный другъ Андрей Михайловичъ, засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе сестрѣ Надеждѣ Яковлевнѣ и перецѣловать за меня милыхъ дочерей. Съ какою бы радостью я познакомился съ ними лично. Прощайте, да благословитъ васъ всѣхъ Господь всѣми благами въ мірѣ! Не забывайте душевно любящаго и преданнаго вамъ друга и брата.

P. S. Если ты видишься или переписываешься съ сестрой Ириной Павловной, то засвидѣтельствуй ей мое душевное почтеніе. Сергѣй Михайловичъ Фигліевъ(?) всегда былъ ко мнѣ внимателенъ; передай ему, что я всегда это помню и цѣню.

Сообщилъ **А. Х. Алкалаевъ.**

---

[1]) Племянникъ П. С. Нахимова, сынъ его сестры Анны.

Изъ перепиеки Н. А. Полевого.

Воспоминанія, дневники, переписка, вообще все литературное наслѣдіе, которое достается потомству отъ болѣе или менѣе выдающихся предковъ, у насъ не пользуется должнымъ вниманіемъ. Разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ рукописи теряются, портятся, и очень часто изъ богатаго собранія только жалкіе и скудные остатки переходятъ въ руки изслѣдователя. Случается и такъ, что самъ владѣлецъ бумагъ, въ порывѣ раздраженія или болѣзненной мнительности, предаетъ уничтоженію даже тѣ изъ нихъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на цѣлый періодъ его дѣятельности. Повидимому, оба эти обстоятельства имѣли мѣсто въ судьбѣ писемъ Н. А. Полевого; только незначительное число ихъ сохранилось, не смотря на его обширныя знакомства и продолжительную литературную дѣятельность.

Первыя письма Полевого, еще при жизни его, напечатаны на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» [1]), издаваемыхъ его пріятелемъ П. П. Свиньинымъ; это было еще до возникновенія «Московскаго Телеграфа». Затѣмъ, въ «Полярной Звѣздѣ» [2]) появилось письмо Полевого къ А. И. Герцену; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [3]) помѣщена переписка А. А. Бестужева съ Николаемъ и Ксенофонтомъ Алексѣевичами; въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» [4]) есть письмо Полевого къ князю Н. Н. Голицыну; въ «Историческомъ

---

[1]) 1824 г., ч. 17, стр. 296.
[2]) 1859 г., книга 5, стр. 196—198.
[3]) 1861 г., №№ 3 и 4.
[4]) 1863 г., т. I, отд. V, стр. 212.

Вѣстникѣ» [1]), изданы отрывки изъ дневника Полевого [2]), и письмо его къ Н. А. Брянцеву; въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки» за 1895 годъ находятся два письма къ нему князя П. А. Вяземскаго, въ «Русскомъ Обозрѣніи»—письма къ нему А. А. Бестужева [3]), а въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» напечатана [4]) переписка Полевого съ И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и А. А. Краевскимъ.

Въ трудѣ А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» обнародована переписка съ Полевымъ Бѣлинскаго [5]); изъ извѣстныхъ писемъ Пушкина три, изъ писемъ А. А. Дельвига — одно адресованы на имя Полевого [6]).

Остальной матеріалъ распредѣляется въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ» слѣдующимъ образомъ. Въ первой встрѣчаются письма Полевого къ женѣ [7]), къ барону А. Бюлеру [8]), къ П. И. Далю [9]) и письма къ нему Греча, Булгарина, отца Іакинѳа (Бичурина) [10]), Д. П. Рунича [11]); во второмъ—письма Полевого къ Пушкину [12]), и письма къ нему графа А. Х. Бенкендорфа [13]), Е. А. Боратынскаго [14]).

Если, наконецъ, къ указанному перечню присоединить письма Н. А. Полевого, приведенныя въ «Запискахъ» брата его, то этотъ перечень будетъ, по всей вѣроятности, полный.

Собирая матеріалы для біографіи Полевого, мы имѣли случай найти часть переписки его съ современными ему литераторами. Напечатанныя ниже письма частію хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, частію находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя любезно не отказали намъ въ ихъ сообщеніи.

Н. К. Козминъ.

---

[1]) 1888 г., №№ 3 и 4; 1896 г., № 3.

[2]) Хотя дневникъ не имѣетъ отношенія къ перепискѣ, но упомянутъ, какъ рукопись самого Полевого.

[3]) 1894, № 10, стр. 815.

[4]) 1900 г., № 9 стр. 168—178.

[5]) Т. I, стр. 144, 213.

[6]) Т. VII, стр. 143, 219, 253 (изд. литер. фонда); сочиненія барона А. А. Дельвига, Спб. 1895, стр. 165.

[7]) 1870, т. I, стр. 572—7. [8]) 1871, № 4. [9]) 1893 г., № 4, стр. 59. [10]) 1871 г., № 4. [11]) 1893 г., № 4, стр. 59. [12]) 1880 г., т. III, стр. 448. [13]) 1866 г., стр. 1753; 1874 г., I, стр. 1050. [14]) 1872, № 2, стр. 351.

1.

Н. А. Полевой—П. П. Свиньину.

22-го января. 1826 г. [1]) Москва.

Послѣ разлуки нашей въ Москвѣ, гдѣ, къ сердечному моему прискорбію, не успѣлъ я даже и проститься съ вами, столь долго не получая обо мнѣ извѣстій, вы могли подумать, что я или переселился уже ко отцемъ нашимъ, или—но я не думаю, что почтете вы, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, молчаніе мое знакомъ забывчивости, или охлажденія того почтенія и дружбы, которыя привыкъ я питать къ вамъ въ сердцѣ моемъ. Нѣтъ! совсѣмъ не то, но безконечныя хлопоты, досады, огорченія и горести, преслѣдовавшія меня съ половины прошедшаго года, вотъ что единственно не допускало меня до пріятности побесѣдовать съ вами. Когда грустно, не хочется ни за что приняться—по крайней мѣрѣ проклятый сплинъ мой, мѣшая многому въ жизни, всегда препятствуетъ и дружескимъ сношеніямъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я ни строчки не написалъ никуда, хотя увѣренъ, что многіе даже сердятся на меня за это. Въ васъ, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что вы снисходите слабостямъ ближняго, особливо когда знаете, что этотъ ближній безъ перемѣны васъ любитъ и уважаетъ.

Со сколькими вещами мнѣ надобно бы васъ поздравить! Съ благополучнымъ пріѣздомъ, съ положеніемъ странническаго посоха у подножія домашняго пената, съ возвращеніемъ въ вашъ прелестный, незабвенный для меня кабинетъ, да наконецъ съ новымъ годомъ.

Не исчисляя подробно, оптомъ поздравляю васъ, желая здоровья и счастія въ новомъ годѣ и прося васъ продолжить ваше дружеское ко мнѣ расположеніе.

Какъ знакъ моего почтенія спѣшу препроводить къ вамъ билетъ на «Телеграфъ», вмѣстѣ съ 1-ою книжкою [2]). Запоздалъ я на-ряду со всѣми, но нѣчего (sic) дѣлать, за то поспѣшу слѣдующими книжками, и а щ е Б о г ъ п о м о ж е т ъ, къ марту надѣюсь управиться, выдавать книжки постоянно въ началѣ и половинѣ каждаго мѣсяца. Прошу васъ увѣдомить, любезнѣйшій Павелъ Петровичъ, понравится ли вамъ новое расположеніе и характеръ «Телеграфа». Я рѣшился раздѣлить ученую часть отъ чисто литературной [3]). Желалъ бы освободить себя отъ послѣдней, ибо много вздору принужденъ помѣщать по неволѣ, но нѣчего, дѣлать:

---

[1]) Изъ собранія рукописей П. Н. Полевого.

[2]) Чрезъ А. Ф. Смирдина.

[3]) Такое расположеніе статей, дѣйствительно, принято въ „Московскомъ Телеграфѣ“ съ 1826 года.

публика хочетъ легкаго. Спасибо ей, она славно награждаетъ меня за стараніе услужить ей, и я никакъ не думалъ заслужить отъ читателей моихъ такого почтенія или чтенія.

Представьте, что по сіе время у меня уже 700 подпищиковъ (sic) и, кажется, до 1.000 доберется. По крайней мѣрѣ, книгопродавцы увѣряютъ, что примѣровъ этому не видали. Вы знаете, что я не употребляю никакихъ постороннихъ средствъ,—просто объявилъ подписку, и кому угодно—бери. Какъ-то у васъ въ Петербургѣ, а здѣсь съ упадкомъ торговли вообще упала и книжная торговля, а журналы особенно. Каченовскій бѣсится, что у него нѣтъ и половины, даже противъ прошлаго года [1]); другихъ журналовъ и 300 экз. не печатается каждаго. Такъ ужъ «Телеграфу» счастье выпало. Увѣдомьте о вашихъ «Отечественныхъ (или, какъ говорятъ французы, отеческихъ) Запискахъ», которымъ искренно желаю тысячей пренумерантовъ, надѣясь, что теперь, будучи на мѣстѣ, вы увеличите ихъ достоинство болѣе и болѣе. Число предметовъ у васъ такъ увеличилось, что теперь, я думаю, вы должны будете умножить и число листовъ. Я ужъ чѣмъ другимъ не отличаюсь, какъ толщиной книжекъ: хочу пустить по 10 листовъ книжку, 36 картинокъ модъ и съ дюжину картинокъ сверхъ того. Дѣло въ томъ, что есть изъ чего, ибо хотя издержки и составятъ почти 20.000 въ годъ, но все за труды останется. Я думаю, что главное хорошо дѣлать, а потомъ уже думать о барышахъ.

Что сказать вамъ о Москвѣ? все по-старому—литература здѣшняя есть существо относительное къ вашему Петербургу и страхъ какъ идетъ тихо. Мы все ждемъ отъ васъ новостей, и вотъ уже здѣсь появились разные петербургскіе гостинцы. Я не начитаюсь Пушкина! Что за прелесть! какой талантъ огромный! Альманахи нынѣшній годъ что-то оплошали. Если «Сѣверные Цвѣты» [2]) не вывезутъ, признаться, не много выиграемъ мы отъ многаго числа ихъ. Не говоря о «Невскомъ Альманахѣ» [3]), какъ не совѣстно Ал. Еф. Измайлову выдавать, подъ своимъ шифромъ, такой вздоръ? [4]). Уранія [5]) наша, разумѣется, лучше покойницы «Калужской Ураніи» [6]), но плоха. Завтра явится сборникъ

---

[1]) Говорится про „Вѣстникъ Европы“, издателемъ котораго М. Т. Каченовскій былъ съ 1803 по 1830 годъ.

[2]) Одинъ изъ лучшихъ русскихъ альманаховъ, издававшійся барономъ А. А. Дельвигомъ (8 кн. 1825—1832 г., съ картинками).

[3]) „Невскій Альманахъ на 1825—1833 г.“—изданіе Е. В. Аладьина.

[4]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ альманахѣ „Календарь музъ“, изданномъ на 1826 и 1827 г.

[5]) „Уранія“—карманная книжка на 1826-й годъ, изд. М. Погодинымъ.

[6]) Мѣсто въ оригиналѣ не понятно.

пресловутаго Писарева [1]), который рѣжетъ водевилями журналистовъ, а самъ ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ, даже порядочнаго—посмотримъ! Но странно мнѣ, что у вашихъ петербургскихъ откупщиковъ достало духу хвалить мерзость, изданную Глинкою, подъ названіемъ Московской [2]), и сравнивать «Календарь Музъ» и «Уранію» съ двумя солнцами. Кажется, что съ новаго года «Пчелка» забыла весь стыдъ и вретъ безъ стыда и безъ совѣсти, льститъ, ползаетъ передъ каждымъ могущимъ снабдить статейкой, и это литераторы!.. И это критика!.. Впрочемъ, все это рѣшило меня рѣшительно не вступать съ ними ни въ какіе споры,—буду иногда щелкать ихъ мимоходомъ—а впрочемъ пусть говорятъ, что имъ угодно и какъ угодно. Я жалѣю, что прошлаго года связывался съ ними. Въ прилагаемомъ письмѣ, которое покорно прошу передать Б. М. Ѳ. [3]), благодарю его за предложеніе участвовать въ литературной битвѣ и отказываюсь отъ всякихъ полемическихъ статеекъ, т. е. битвенныхъ битвъ, по переводу кн. П. И. Шаликова [4]). A propos, видѣли ли вы его въ новомъ желтомъ мундирѣ? Милъ, да и только.

Боюсь, не обременилъ ли я васъ моимъ болтаньемъ; но простите говорливости и вѣрьте, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, что я съ неизмѣннымъ чувствомъ почтенія есмь вашъ усердный и преданный вамъ Н. Полевой.

2.

М. П. Вронченко [5])—Полевому.

13-го ноября 1827 г. Дерптъ [6]).

Неожиданныя обстоятельства воспрепятствовали мнѣ исполнить скорѣе обѣщаніе свое: доставить вамъ отрывокъ изъ «Гамлета». Теперь, окончивъ переводъ, я занимаюсь разсматриваніемъ его и поправками, также сличеніемъ мнѣній различныхъ комментаторовъ. Вся-

[1]) Писаревъ, А. И. (ум. 1828)—водевилистъ, врагъ Полевого, издалъ „Драматическій сборникъ для любителей театра и музыки“ (1826).

[2]) Можетъ быть, „Московскій Альманахъ“, изд. С. Н. Глинкой.

[3]) Вѣроятно Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (род. 1799, ум. 1875)—литераторъ и цензоръ.

[4]) Шаликовъ, Петръ Ивановичъ (род. 1768, ум. 1852 г.), князь изъ грузинцевъ, „слезливый стихотворецъ“, издатель „Дамскаго Журнала“, служилъ въ гусарахъ.

[5]) М. П. Вронченко (род. 1801, ум. 1855), воспитанникъ Могилевской гимназіи, а затѣмъ Московскаго университета, перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ походахъ 1828 г. и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира («Гамлетъ» и «Макбетъ»), Байрона («Манфредъ»), Гете («Фаустъ») и Мицкевича (2 часть «Дзядовъ»).

[6]) Румянцевскій музей.

кій, кто читалъ Шекспира, знаетъ, какія при переводѣ его должны встрѣчаться трудности: должно или отказаться отъ намѣренія выдержать духъ и тонъ автора, или, рѣшительно преодолѣвъ боязнь показаться страннымъ, удержать сколько возможно необыкновенный его способъ выраженія мыслей, часто столько же необыкновенныхъ. Я избралъ послѣднее, и переводилъ, говоря вообще, стихъ въ стихъ, часто даже, гдѣ сходство языковъ то позволяло, слово въ слово, но отступалъ индѣ отъ точности выраженій, умѣряя слишкомъ рѣзкія для нашего вѣка картины. Разумѣется, что, переводя такимъ образомъ, я гладкости стиховъ не щиталъ предмѣтомъ (sic) главнымъ, употреблялъ слова некрасивыя, но вѣрно выражающія мысль автора; несообразности въ мысляхъ поправлять я не почиталъ себя въ правѣ. Посему я долженъ просить васъ, если вы напечатаете прилагаемый отрывокъ, оставить его такимъ, каковъ онъ есть, безъ всякихъ поправокъ. Желательно бы мнѣ также было, чтобы въ немъ не нашлось такихъ опечатокъ, какъ въ отрывкѣ изъ «Манфреда», гдѣ отъ ошибочныхъ знаковъ препинанія, отъ перестановки и пропуска словъ (одно пропущено и одно переставлено) потерпѣли и мѣра, и смыслъ.

О, если бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,—

не то, что

О, если бъ я могъ быть незримымъ духомъ
Сихъ стройныхъ звуковъ, музыкой живой.

Запятая не на мѣстѣ совершенно измѣняетъ мысль, и переводъ дѣлается невѣренъ.

Простите мнѣ сіи замѣчанія: за что жъ доставить кому-либо право говорить, что я не понялъ того, что переводилъ?

Совершенно отдѣлавъ «Гамлета», я намѣренъ переводить «Макбета» или «Отелло»—еще не рѣшилъ, что имянно, и вообще предполагаю употребить на переводы Шекспира время, остающееся у меня отъ занятій по службѣ. Если вы охотно будете принимать въ вашъ журналъ отрывки сихъ переводовъ, то я готовъ вамъ сообщать ихъ отъ времени до времени.

Еще—посмѣйтесь—одно слово: нельзя ли пощадить бѣдныя тире? Они собственность Шекспира и не могутъ быть иногда замѣнены ни запятыми, ни двоеточіями.

3.

Н. Полевой—В. Г. Анастасевичу [1]).

Марта 15-го 1828 г. Москва [2]).

Мицкевичъ становится высоко надъ всѣми современными поэтами, и ему—повторяю, что сказалъ уже въ «Телеграфѣ»—только 30 лѣтъ. Какого сильнаго полета нельзя намъ ждать отъ Мицкевича! Не знаю, какъ вы, а я въ восторгѣ безпримѣрномъ критика. Величіе предмета, превосходное изложеніе, выраженія изумляютъ меня!

Книга барона Г. А. [3]) почти напечатана и, вѣроятно, скоро будетъ издана. Отличное произведеніе! Даруй вамъ Богъ время кончить вашъ трудъ. У меня касательно Несторовой лѣтописи уже приводятся къ концу три диссертаціи, и помнится, что я писалъ къ вамъ объ этомъ. Въ 1-й доказываю я невѣрность положенія, что Несторъ кончилъ 1110 годомъ; во 2-й говорю о послѣдовательности въ его лѣтописи, и какъ должно (по моему мнѣнію) разсматривать начало его исторіи; въ 3-й объясняю его хронологіи по лѣтописцу Никифора патріарха. Приготовилъ матеріалы и для 4-й, гдѣ говорю о Волохахъ и обращаю вниманіе на Валлонскую или Валлійскую землю? Но Богъ знаетъ, когда успѣю все это кончить. Истинно, времени моего часы изочтены, а подобныя сочиненія требуютъ усидки. При этомъ, весьма нуждаюсь въ справкахъ; здѣсь ничего сыскать не возможно. Не могу судить, правильны ли будутъ мои историческіе выводы; но если бы я увѣренъ былъ, что они нехороши и ничего вновь не выяснятъ, то, разумѣется, и не начиналъ бы писать [4]). Вы слышали уже, вѣроятно, о несчастіи К. Ѳ. Калайдовича. Онъ впутался въ дѣло весьма затруднительное, и, кажется, что помѣшался или, по крайней мѣрѣ, находится въ такомъ раздраженіи, что оно походитъ на сумасшествіе. «Зрителя» его напечатано листа съ три. Не повѣрите, какъ горько видѣть этого съ большими достоинствами и семейнаго человѣка въ бѣдственномъ его состояніи [5]).

---

[1]) В. Г. Анастасевичъ (род. 1775, ум. 1845)—цензоръ и литераторъ.

[2]) Рукописи П. Н. Полевого.

[3]) «Обозрѣніе кормчей книги», барона Г. А. Розенкампфа, которое вышло въ Москвѣ въ 1829 г.

[4]) Диссертаціи эти намъ неизвѣстны. Въ „Трудахъ и лѣтописяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“ за 1827 г., ч. III, кн. II есть упоминаніе о предложеніи Полевого издавать лѣтописный сводъ съ варіантами и объясненіями.

[5]) «Русскій Зритель», журналъ, предпринятый извѣстнымъ археологомъ и филологомъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (род. 1792, ум. 1832) въ 1828 г., оконченъ его знакомыми по причинѣ психическаго разстройства издателя.

Вамъ кланяется добрый нашъ Мицкевичъ, а жена моя, благодаря за доставленный поклонъ и память отъ старыхъ ея подругъ, покорно проситъ отъ нея также засвидѣтельствовать, что, несмотря на измѣненіе обстоятельствъ, на то, что она уже мать 4-хъ дѣтей и далеко отъ Спб., подругъ своихъ не забываетъ.

Сдѣлайте одолженіе, засвидѣтельствуйте глубокое мое почтеніе многоуважаемому барону Г. А. и супругѣ его; простите меня за мое молчаніе, повѣрьте, что всегда съ истинно душевнымъ почтеніемъ я есмь вашъ, м. г., покорный слуга Н. Полевой.

4.

Н. Полевой—В. Г. Анастасевичу.

30-го іюля 1828 г. Москва [1]).

Почтеннѣйшій и отъ души уважаемый Василій Григорьевичъ!

Получивъ вчера послѣ обѣда письмо ваше отъ 24-го іюля, немедленно спѣшу отвѣтить...

Мнѣ прискорбно и грустно думать, если я моимъ предпріятіемъ: издать Исторію Наполеона причинилъ вамъ, хотя и неумышленно, какое-нибудь неудовольствіе [2]).

Если цензура должна смотрѣть на духъ и содержаніе книги, то никто не можетъ обвинять ни меня, ни васъ. Духъ сочинителя вышеупомянутой книги самый благонамѣренный—духъ христіанина, друга порядка общественнаго и нравственнаго философа. Въ содержаніи могли встрѣчаться мѣста, гдѣ мнѣнія его, какъ гражданина Британіи, имѣющей свои нравы, обычаи и законы, не могли быть совмѣстны съ нашими мнѣніями, но какая же книга выходила въ Россіи безъ того, чтобы изъ нея чего-нибудь не исключили? Но черезъ это вся книга не должна быть осуждаема на вѣчное изгнаніе. Встрѣчаются еще мѣста, гдѣ авторъ не вѣрно говоритъ о Россіи; ихъ стоило исключить или оговориться примѣчаніями. Послѣ всего этого не понимаю я, за что В. Скоттъ подвергся столь сильному гоненію. Если не полагать различія между запрещенными книгами, то мы впадемъ въ величайшія нелѣпости... Есть книги вредныя, негодныя; есть другія, въ коихъ одна страница можетъ быть негодная, и сіи оба рода книгъ возможно ли подводить подъ одинъ уровень?

Удивляюсь безумію человѣка, который перевелъ и подалъ въ цензуру

---

[1]) Рукописи Н. П. Полевого.

[2]) См. объ этомъ нашу статью въ „Русской Старинѣ“ 1900 г., № 2.

«Les Ruines» Вольнея [1]), и всегда почту себя правымъ, что я рѣшился переводить и представить въ цензуру В. Скоттову Исторію Наполеона. Не знаю, что и какъ будутъ у меня спрашивать по поводу сей книги, но я намѣренъ написать къ министру письмо, въ которомъ объясню ему просто и откровенно свои мысли, надѣясь, что въ немъ найду человѣка, благомыслящаго и неспособнаго къ утѣсненію людей невинныхъ. Но впрочемъ, неуспѣхъ книги для меня малозначителенъ. Единственно жаль о томъ, что мое предпріятіе причинило вамъ неудовольствіе. Никогда еще не былъ я такъ занятъ разными хлопотами, какъ нынѣ. Мнѣ должно благодарить почтенныхъ моихъ согражданъ, что имъ угодно почитать меня гражданиномъ достойнымъ ихъ вниманія. Я не смѣю по долгу совѣсти отказаться отъ трудной должности, какую они на меня возложили, но при изочтенныхъ часахъ досуга отъ занятій журналомъ, другими литературными предпріятіями и разными семейственными обстоятельствами, не считая торговыхъ моихъ дѣлъ, самъ не знаю, какъ могу успѣвать что-нибудь порядочно сдѣлать. Но воля человѣческая сильна, и доброе желаніе сдѣлать, что можно и какъ можно лучше, бываетъ причиною многаго. Это испытываю на себѣ. Спѣша успокоить себя отвѣтомъ на письмо ваше, не распространяюсь ни о чемъ болѣе. Я послалъ къ вамъ брошурку, изданную мною по части политической экономіи [2]). Не знаю, понравилась ли она вамъ и почтенному барону.

5.

Князь В. Ѳ. Одоевскій—Полевому [3]).

Одолжите меня, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, напечатайте прилагаемое объявленіе въ послѣднихъ книжкахъ «Телеграфа» 1828 и въ первыхъ 1829 гг. Это изданіе моего добраго пріятеля Врасскаго [4]) (впрочемъ объ имени его прошу не разсказывать) — но это въ сторону, и вамъ его рекомендую не въ этомъ званіи, но въ качествѣ человѣка, по мнѣнію моему, принимающагося за полезное и въ своей сферѣ могущаго хорошо дѣлать свое дѣло.

На нашу журналистику нашло какое-то бѣснованіе. Вы надъ симъ насмѣхаетесь, ибо мало новые журналы обѣщаютъ хорошаго; но я съ

[1]) Книга Вольнея, „Ruines ou méditations sur les révolutions des empires“ (1791); русскій переводъ этого прозведенія намъ неизвѣстенъ.

[2]) Не разумѣлъ ли здѣсь Полевой брошюру: „Рѣчь о невещественномъ капиталѣ“, вышедшую въ 1828 году.

[3]) Румянцевскій музей.

[4]) Личность мало извѣстная.

тѣхъ поръ какъ отдѣлился отъ литературы и сдѣлался карикатурою на И. И. Дмитріева, я на это все смотрю съ восхищеніемъ. Забываю о томъ, кто пишетъ и что пишутъ, вижу только, что чернилы изводятся, бумага истребляется, станки типографскіе стонутъ, въ лучшихъ обществахъ интересуются русскою литературою и читаютъ, по крайней мѣрѣ, объявленія о русскихъ журналахъ; вижу, что школы умножаются, возникаетъ Педагогическій институтъ [1]) и въ немъ каѳедра философіи, что первая мысль о томъ была самого государя, какъ равно и о выставкѣ произведеній русской промышленности, и съ восторгомъ повторяю себѣ, что все это вмѣстѣ называется дѣятельностію! Въ моей сферѣ, въ которую бросила меня судьба [2]), я часто скучаю и, измученный работою, часто принужденною, почти всегда сухою и нерѣдко безплодною, я съ грустію вспоминаю о томъ времени, когда я душевную дѣятельность посвящалъ искусствамъ.

6

Н. Полевой—П. М. Строеву.

17-го іюля 1828 т. [3])

Чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе оправдать себя въ глазахъ начальства заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіе пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайны исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литературную и домашнюю сплетню, и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ взглядъ своего милостивца не пощадятъ ни друга, ни пріятеля.

Я удивляюсь вашей дерзости, что вы бумагу, мнѣ принадлежащую и взятую вами изъ рукъ посторонняго человѣка, безъ согласія моего, передали въ третьи руки и осмѣливаетесь у меня спрашивать: отъ кого я получилъ ее? Не только не подумаю вамъ и всякому другому давать

---

[1]) Педагогическій институтъ, учрежденный для приготовленія учителей и профессоровъ, былъ преобразованъ въ 1828 году и существовалъ до 1858 г.

[2]) Въ 1826 году Одоевскій поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій.

[3]) Рукописи П. Н. Полевого. Отрывокъ изъ этого письма былъ напечатанъ въ трудѣ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб., 1878 г. (стр. 146). Поводомъ къ ссорѣ Н. А. Полевого съ П. М. Строевымъ послужила рецензія на книгу Ѳ. Аделунга „Баронъ Мейербергъ и его путешествіе по Россіи» (Спб., 1827 г.), напечатанная въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

отчетъ въ этомъ, но требую, чтобы вы немедленно возвратили мнѣ означенную бумагу. Прошу исполнить это безъ всякихъ проволочекъ и отсрочекъ.

Съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, имѣю честь быть.

7.

Н. Полевой—И. М. Снегиреву.

4-го августа 1832 г. Москва [1]).

Почтеннѣйшій сосѣдъ и цензоръ, душевно уважаемый Иванъ Михайловичъ!

Се! Повергаю предъ стопы ваши Клятву [2]),—не въ томъ, что васъ люблю и уважаю, ибо въ этомъ, надѣюсь, вы безъ клятвъ вѣрите—но клятву, за которую Ширяевъ [3]) моетъ мнѣ голову, а Соборъ Недоумокъ и Темиръ Аксаковъ [4]) просто ругаетъ меня. Благоволите возобновить надзоръ за сею клятвою. Я полагаю посылать ее къ вамъ ежедневно по тетрадкѣ, и покорно прошу васъ позволить за тетрадкою каждою посылать по прошествіи сутокъ. Такъ, за сею тетрадкою, надѣясь на дружбу вашу, прислать завтра. Позволите? Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ недѣль, аще Богъ грѣхамъ потерпитъ, обѣ книжки могутъ быть кинуты въ глотку Недоумки, который осипъ кричавши, что я обманываю публику! Дерзкое невѣжество этого мерзавца доказывается новымъ нападеніемъ на васъ за Сандунова [5]). Онъ не знаетъ различія между Коммиссіею и Канцеляріею составленія Законовъ (которая утверждена была 1769 года, мая 16 дня, два года спустя послѣ коммиссіи, отдѣльно см. въ собр. Законовъ, т. XVШ, стр. 889 и т. LXV, стр. 114), не знаетъ и мѣднолобно укоряетъ васъ [6]). Таковъ онъ всюду и во всемъ.

Не стыдно ли было Перевощикову повторить въ отчетѣ, что онъ

---

[1]) Рукописи П. Н. Полевого. И. М. Снегиревъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1868 г.)—извѣстный археологъ, „собиратель обычаевъ и преданій“, служилъ цензоромъ въ Москвѣ съ 1828 года.

[2]) Романъ Н. А. Полевого: „Клятва при гробѣ Господнемъ“; см. нашу статью въ „Журналѣ мин. народ. просвѣщенія“ 1900 г., № 3.

[3]) Книгопродавецъ.

[4]) Н. И. Надеждинъ и С. Т. Аксаковъ—заклятые враги Н. А. Полевого.

[5]) Н. Н. Сандуновъ (ум. въ 1832 г.)—профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Московскомъ университетѣ.

[6]) „Рѣчь идетъ объ Екатерининской Коммиссіи для соглашенія проекта новаго уложенія“.

издаетъ журналъ современнаго Просвѣщенія? Вѣдь надъ этимъ смѣются [1]).

Жаль, что вы не застали меня, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Мы пилигримствовали. Касательно дѣла [2]), я согласенъ, и при первомъ свиданіи можно объ этомъ покончить. Постараюсь видѣться. Теперь говѣю, а ту недѣлю былъ очень нездоровъ—зубы замучали меня.

Съ ист. почт. всегда есть и буду вашъ усердный Н. Полевой.

8.

Н. Полевой—И. М. Снегиреву.

19-го іюня 1834 г. Москва [3]).

Излишне было бы, почтеннѣйшій сосѣдушка, говорить, что я съ истиннымъ удовольствіемъ просмотрѣлъ ваши листочки и тетрадку [4]). Прилагаю при семъ мои придирки... Можетъ быть, иныя вамъ пригодятся. Гдѣ собираете вы такую бездну фактовъ? Трудъ, истинно—достойный уваженія, хоть бы и не освѣщался брильянтовыми перстнями. Опытъ научилъ меня оцѣнять подобные труды. Продолжите, продолжите его! При семъ листокъ и изъ моего неблестящаго труда—Вивліоѳики [5]), который благоволите благословить къ печатанію. Благодарю васъ за ласковое вниманіе ко мнѣ, за сораздѣленіе скорбей и непріятностей. Вы сами отецъ и родственникъ добрый. Но у меня есть, и, пока не потеряю ума, будетъ всегда помощь крѣпкая: вѣра и терпѣніе. Бѣдствія должны устать, наконецъ, если ихъ твердо переносятъ; но сломятъ они человѣка—передъ нимъ небо и свѣтлая вѣра съ жизнью за гробомъ! Въ обоихъ случаяхъ проигрыша нѣтъ. Къ сожалѣнію, мы ослабѣваемъ, забываемся, горюемъ. И всему основаніемъ эгоизмъ: почему же не мнѣ, а другимъ хорошо? Вѣрьте усердному почтенію Н. Полевого.

---

[1]) Секретарь совѣта Московскаго университета, профессоръ астрономіи и математики Д. М. Перевощиковъ въ университетскомъ отчетѣ за 1832 годъ напечаталъ, что Надеждинъ издаетъ журналъ современнаго просвѣщенія, т. е. „Телескопъ“ („Рѣчи Московскаго университета“, 8-го іюля 1832 года, стр. 29).

[2]) Мѣсто въ рукописи непонятно.

[3]) Рукописи П. Н. Полевого.

[4]) Вѣроятно, отрывки изъ труда Снегирева: „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. М. 1837 г. и позже.

[5]) Объ этомъ трудѣ Н. А. Полевого см. нашу статью въ „Русской Старинѣ“ 1900 г., № 2, стр. 428—431.

9.

Н. Полевой—А. Ѳ. Вельтману.

20-го декабря 1837 г. С.-Петербургъ [1]).

Два, три дня пропустилъ я безъ отвѣта на ваше милое письмо, любезнѣйшій Александръ Ѳомичъ, пока переговорилъ съ Смирдинымъ о дѣлѣ, и спѣшу имъ начать мое посланіе. Онъ находитъ цѣну нѣсколько дорогою, но главное въ деньгахъ. Множество печатаемыхъ имъ книгъ (болѣе двадцати), устройство въ большемъ видѣ типографіи, гдѣ печатаетъ теперь онъ «Сынъ Отечества», и новыя журнальныя его предпріятія, коихъ успѣхъ еще въ рукѣ Божіей, и которыя расходовъ влекутъ за собой бездну—вотъ все это заставляетъ его отказаться отъ покупки книги, о которой вы пишете. Мнѣ крайне жаль, что мое посредство тутъ было безуспѣшно, хотя и искренно.

Теперь, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ другою просьбою. Извѣстно уже вамъ, что съ новаго года пускаюсь я опять во вся тяжкая журнальная—широкими листами хочу двигать «Сѣверную Пчелу», и толще «Библіотеки» выдавать «Сынъ Отечества» (первая книжка тридцать листовъ) [2]). Радушно и пріязненно готовы мнѣ помогать многіе—ужели вы откажетесь? Вспомните стараго пріятеля, напишите, что̀ вамъ угодно положить honorarium, а между тѣмъ пришлите мнѣ что-нибудь ваше милое, игривое—мы въ этомъ сочтемся, если и не сойдемся потомъ. Главное, что редакція ужасно теперь обременена расходами—2.400 подписчиковъ только что окупаютъ ее, полагая по 100 рублей за листъ платежа участникамъ, пока maximum; а между тѣмъ «Сынъ Отечества» былъ почти мертвъ. Надобно воскрешать, поднимать его, и я не буду щадить платы, хоть при малой надеждѣ на успѣхъ, а теперь всего потребнѣе намъ, желающимъ добра русской литературѣ, подкрѣпить его, по возможности, безкорыстнѣе. Долго ли властвовать Брамбеусу? Quousque tandem? Онъ сѣлъ и ѣздитъ на насъ, и если «Сынъ Отечества» теперь не подобьетъ глиняныхъ ногъ этого Ватиканскаго кумира, то, пеняйте на себя, русскіе литераторы! Я приложу всѣ силы дѣлать, сколько могу, лучше, берусь за работу руками и ногами. Это будетъ мой послѣдній литературный подвигъ, при чемъ, или сдѣлаю что-нибудь хорошее и спасу Русь православную отъ нашествія ляха, или паду и не возстану! Надѣюсь, что все это останется

---

[1]) Румянцевскій музей.

[2]) Съ 1838 года Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ не только „Сына Отечества“, но и „Сѣверной Пчелы“.

строжайше между нами, о чемъ я покорно васъ прошу, надѣясь, что послѣ моего искренняго объясненія, вы, съ своей стороны, не откажетесь помочь, мой любезнѣйшій поэтъ. О себѣ скажу, что несмотря на то, что переѣздъ мой въ С.-Петербургъ сопровождался тысячью всяческихъ досадъ и неудовольствій, я здоровъ. Работа губитъ и спасаетъ меня въ одно время. А работы у меня теперь—даже смѣшно, какая бездна! Увы—лѣта даютъ при томъ знать себя—жизнь ложится на плечи горбомъ, но—пока живы, будемъ думать о живомъ! Вы, конечно, слышали уже о здѣшнемъ бѣдствіи. Зрѣлище было прискорбное—я не могъ удержать слезъ, видя огонь, пожиравшій эти великолѣпные чертоги русскаго царя, отъ которыхъ теперь стоятъ однѣ обгорѣлыя стѣны. Весь главный корпусъ выгорѣлъ до тла, но огонь не прошелъ къ Эрмитажу и далѣе—все это уцѣлѣло. Пожаръ продолжался почти трое сутокъ, начавшись, какъ говорятъ, съ аптеки [1]).

Простите, и вѣрьте совершенной преданности, съ коей есть и всегда будетъ къ вамъ Н. Полевой.

10.

Н. Полевой—Н. И. Гречу.

5-го марта 1841 г. С.-Петербургъ [2]).

Скажите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будетъ ли у насъ въ пятницу журнальное засѣданіе, и гдѣ: у меня, или у Н. В. Кукольника?

Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою—докончить нашъ маленькій разсчетъ по «Русскому Вѣстнику» отдачею мнѣ остальныхъ 500 рублей, какъ говорено. Вѣдь это бездѣлка, а мнѣ великое пособіе, да уже и конецъ дѣлу. Весьма обяжете. Чувствую, что надоѣдаю вамъ и уподобляюсь Глинкѣ [3]). Что дѣлать! Не думалъ было до того дожить и въ старину не зналъ и не терпѣлъ счета въ деньгахъ. Впрочемъ, надѣюсь скоро разбогатѣть и вѣрю пословицѣ, что денегъ нѣтъ передъ деньгами. Мнѣ надобно при свиданіи сообщить вамъ любопытныя извѣстія о себѣ. Надеждъ впереди гора, да только жаль, не спрашиваютъ у гуся, не зябнутъ ли у него ноги. До тѣхъ поръ, пока надежды перейдутъ въ дѣйствительность, простите моей докукѣ и не сердитесь на того, кто душевно преданъ вамъ, есть и пребудетъ, вашъ усердный Н. Полевой.

При семъ прилагаю счетъ и росписку въ полной суммѣ.

---

[1]) Объ этомъ пожарѣ есть особая брошюра князя П. А. Вяземскаго: „Incendie du Palais d'hiver à Saint Pétersbourg", P. 1838.

[2]) Рукописи П. Я. Дашкова.

[3]) Глинка, Сергѣй Николаевичъ (род. 1775 г., ум. 1847 г.).

11.

Н. Полевой—А. Н. Гречу.

16-го января 1842 г. СПб. [1])

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, пришлите рукопись Елены Глинской [2]), ибо она вамъ теперь не нужна, а ее просятъ для скорѣйшей монтировки на сцену,—пьесу, и еще экземпляръ 2-й книжки Репертуара, для передачи Мауреру; вчера посылалъ я къ Ратькову [3]), но онъ сказалъ, что еще книжка не выходила. Весьма всѣмъ этимъ обяжете.

Прилагаемую записку передайте папенькѣ, при засвидѣтельствованіи моего глубокаго почтенія, коимъ къ нему и къ вамъ преисполненъ. Преданный Н. Полевой.

Что это за злодѣй такой Ѳаддей Венедиктовичъ (Булгаринъ)! Берется защищать Ламбина [4]) и находитъ его гадкую компиляцію написанною умно и съ европейскимъ взглядомъ на событія! Досадно, что сердиться-то на него нельзя: точно кокетка, то прибить, то цѣловать хочется!

12.

Н. Полевой—князю (Н. Н. Голицыну) [5]).

27-го іюля 1842 г. С.-Петербургъ [6]).

Мнѣ надлежало бы начать просьбою простить меня въ долговременномъ молчаніи, даже послѣ вашего обязательнаго письма. Но совѣсть запрещаетъ оправдываться противъ вины непростительной, а исчислять вамъ причины не стану. Судьба и люди тормошатъ меня безъ милосердія—терплю, молюсь, работаю и уповаю, что наконецъ и

---

[1]) Рукописи П. Я. Дашкова.—А. Н. Гречъ—сынъ Николая Ивановича.

[2]) „Елена Глинская“—драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ была напечатана Полевымъ во II книжкѣ „Репертуара и Пантеона театровъ“ за 1842 г.

[3]) Ратьковъ, П. А.—книгопродавецъ, управлявшій конторой „Московскаго Телеграфа“.

[4]) См. „Сѣверную Пчелу“, № 12 за 1842 годъ. Рѣчь идетъ объ „Исторіи Петра Великаго“, написанной Н. П. Ламбинымъ.

[5]) Не къ князю-ли Николаю Николаевичу Голицыну, бывшему предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета (ум. 1860 г.).

[6]) Румянцевскій музей.

люди и судьба утомятся. Тогда оправдаюсь во всемъ. Я надѣялся съ самой Пасхи лично васъ видѣть въ Москвѣ, но не было возможности ѣхать изъ болотъ финскихъ, и вотъ—кладу мою повинную го́лову—рубите, но только простите!

Между тѣмъ необходимость принуждаетъ меня быть безстыднымъ, когда могу опасаться вашего на меня гнѣва; я осмѣливаюсь обременить васъ моею покорнѣйшею просьбою—простите еще разъ и вины мои и просьбу!

Вчера встревожило Смирдина и меня представленное къ намъ обоимъ требованіе. Вексель мой въ тысячу рублей, которыхъ до сихъ поръ я не заплатилъ вамъ, присланъ почтеннымъ родственникомъ вашимъ, на имя коего писалъ, и по оному требуютъ отъ насъ немедленнаго платежа, угрожая подать его ко взысканію. Въ страхѣ прибѣгаю при сей крайности къ великодушію вашему. Довершите обязательность вашу, ваше сіятельство, малымъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ. Ни Смирдинъ, ни я не имѣемъ никакой возможности заплатить. Даю честное слово, что платежъ будетъ вполнѣ учиненъ, и даже не далѣе новаго года, если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ трудахъ моихъ; но теперь подача ко взысканію только угнѣтетъ меня, и я смѣю надѣяться, что вы не захотите обременить меня, полубольного отца семейства, когда я помню мою обязанность, и въ душѣ моей сохраняю чувство всѣхъ вашихъ вниманій, всей вашей пріязни. Можетъ быть, даже и вамъ я на что-нибудь гожусь.

Могу ли надѣяться, что вы не отвергнете моей покорнѣйшей просьбы? Въ такомъ случаѣ благоволите сказать почтенному родственнику вашему, чтобы онъ велѣлъ пріостановить требованіе, а паче взысканіе. Безъ того, коммиссіонеръ его, дѣйствуя, какъ купецъ, не уважитъ моихъ просьбъ. Онъ исполняетъ свою обязанность.

Сегодня день св. Цѣлителя Пантелеймона—исцѣлите меня отрадою снисхожденія, и тѣмъ докажите, сіятельный князь, что вами не забытъ, какъ человѣкъ искренно васъ любящій, преданный вамъ, и пребывающій съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга Н. Полевой.

13.

Н. Полевой—А. Ѳ. Вельтману.

9-го іюля 1845 г. Спб. [1])

Вотъ, любезнѣйшій поэтъ, явленіе любопытное: французскій художникъ, который воспламенился мыслью написать битву Куликовскую,

[1]) Румянцевскій музей.

пріѣхалъ въ Россію, ѣдетъ въ Москву—вглядѣться въ Святую Русь, и хочетъ посѣтить поле Куликовское! Не откажите ему совѣтомъ и руководствомъ, тѣмъ болѣе, что найдете въ немъ любезнаго, образованнаго художника. Вы теперь у источника драгоцѣнностей, которыя И....у надобно изучить; вы при томъ поэтъ, и моя просьба можетъ быть что-нибудь значить въ глазахъ вашихъ, а я, право, не измѣняюсь въ моихъ чувствахъ, люблю васъ, какъ человѣка и поэта. Увы! Моя проза еще жива; но безпрестанно хвораетъ, и только чухонское лѣто поставило меня на ноги. На долго ли, не знаю, но во всякомъ случаѣ знаю за достовѣрное, что живой и мертвый я не перестану любить и уважать васъ, и въ Элизіи буду вашъ преданный Н. Полевой.

Послѣдствія невыученаго урока музыки.

Въ 1847-мъ году отрокъ Евстафій Войцеховскій, по смерти родителей своихъ, взятъ дядей въ Ломжу на воспитаніе. Послѣдній былъ нравомъ крутенекъ и съумѣлъ внушить къ себѣ такой страхъ, что юный Евстафій, не выучивъ какъ-то урокъ на фортепіано, не рѣшился вернуться домой и пошелъ себѣ куда глаза глядятъ.

Шатаясь по разнымъ мѣстамъ, онъ побывалъ за границей въ Кёнигсбергѣ и, наконецъ, въ 1855 г. въ мѣстечкѣ Устилугѣ Волынской губерніи задержанъ полиціею.

Товарищъ по камерѣ, опытный арестантъ, посовѣтовалъ ему назваться уроженцемъ мѣстечка Махновки, Васильевымъ; но, предъявленный мнимому «родителю», отставному солдату, имъ не признанъ и по рѣшенію Бердичевскаго уѣзднаго суда, въ качествѣ бродяги, отданъ на одинъ годъ въ рабочій домъ, а въ февралѣ 1858 года, 18 лѣтъ отъ роду, высланъ въ восточную Сибирь.

Разочаровавшись въ практичности даннаго ему совѣта, Войцеховскій въ Сибири открылъ свое званіе.

Дядя его призналъ, объяснивъ, что юноша, не имѣя склонности къ наукамъ, и ранѣе бродяжничалъ, проживая при костелахъ и монастыряхъ; побѣгъ племянника считаетъ проявленіемъ «потомственной болѣзни ума», что̀ и заставило родственниковъ отказаться отъ болѣе настойчивыхъ розысковъ.

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

Петербургскіе нравы въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

(Изъ хроники Нѣмецкаго клуба).

Въ первой половинѣ августа 1826 года, начальникъ главнаго штаба представилъ императору Николаю безымянную записку слѣдующаго содержанія:

«Старшины малаго танцовальнаго Нѣмецкаго клуба, на лѣтнее время, нанимающіе садъ при домѣ, бывшемъ графа Зубова на Фонтанкѣ, примѣчали, что многіе, и особенно теперь изъ корпусовъ выпущенные офицеры, вмѣсто обыкновеннаго входа съ платежемъ 3 рублей съ посѣтителя, перелѣзали съ переулка чрезъ заборъ и такимъ образомъ пировали въ саду безденежно. Къ отвращенію сего, форштегеръ клуба, столярный мастеръ Гагеманъ выдумалъ: мѣсто забора, гдѣ офицеры лазятъ, вымарать дегтемъ, и въ минувшее воскресенье 9-го сего августа 1826 г., нѣсколько офицеровъ перелѣзши черезъ заборъ, выпачкались и съ замаранными дегтемъ мундирами явились въ клубъ, и, тѣмъ обличенные въ обманномъ входѣ, завели шумъ и ссору съ форштегерами, изъ коихъ одному офицеръ, и кажется военно-сиротскаго корпуса, далъ оплеуху».

Государь поручилъ петербургскому военному генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, произвести разслѣдованіе этого происшествія.

«Изъ личныхъ объясненій моихъ,—писалъ Кутузовъ [1]),—съ форштегеромъ Гагеманомъ и изъ свѣдѣній полиціи явствуетъ слѣдующее:

1) Въ тотъ день, когда въ пользу экономa былъ данъ балъ 8-го числа минувшаго августа, дѣйствительно одинъ молодой человѣкъ, однакожъ не офицеръ, ибо былъ во фракѣ,—вошедшій въ собраніе безъ билета и безъ платежа положенныхъ за входъ 3-хъ рублей, былъ остановленъ въ саду и обращенъ изъ собранія, но безъ всякаго шума и усилій съ одной и другой стороны. Имя сего человѣка не извѣстно. По словамъ Гагемана, онъ самъ его остановилъ, и кромѣ объясненій о невозможности быть ему въ собраніи безъ соблюденія принятыхъ пра-

---

[1]) Дибичу, въ отношеніи отъ 3-го сентября 1826 г. № 299.

вилъ,—ничего другаго при семъ не происходило. Сей неизвѣстный въ садъ вошелъ не черезъ заборъ, но черезъ обыкновенный ходъ, а потому и не могъ вымарать свое платье дегтемъ. Этотъ неизвѣстный былъ пьянъ и когда форштегеръ Гагеманъ сводилъ его съ лѣстницы до дрожекъ, онъ другаго форштегера, помогавшаго сводить, замахнулся ударить по щекѣ, но сей послѣдній уклонился. Тѣмъ все кончилось и старшины оставили сіе безъ вниманія.

2) Происшествіе на счетъ вымазанія забора дегтемъ происходило 4 года тому назадъ въ домѣ барона Раля, который состоитъ въ новой Голландіи по Мойкѣ, близъ запасныхъ магазейновъ и когда тамъ малой танцовальный клубъ имѣлъ на лѣтнее время свои собранія. По словамъ форштегера Гагемана, который нѣсколько уже лѣтъ отправляетъ сію должность, тогда въ домѣ барона Раля замѣчено было, что многіе молодые люди, въ томъ числѣ и офицеры,—не бравъ билетовъ, входили въ собраніе черезъ заборъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ для того удобенъ: отъ чего происходили объясненія, болѣе и менѣе непріятныя, и чтобъ впредь избѣжать сего, равно и заградить входъ въ собраніе чрезъ заборъ, форштегеръ Гагеманъ купилъ бочку дегтю и вымазалъ нѣкоторыя части забора. По словамъ Гагемана, онъ не помнитъ, чтобъ послѣ того кто-либо, а паче офицеры, черезъ заборъ, такимъ образомъ намазанный, перелѣзали и входили въ собраніе.

«Чтобы дать точнѣйшее понятіе о собраніи малаго танцовальнаго клуба, я считаю нужнымъ въ заключеніе изъяснить, что сей клубъ состоитъ большею частію изъ однихъ мастеровыхъ. Въ члены онаго допущены и нѣкоторые чиновники, малая однако же часть, и то изъ меньшихъ классовъ, слѣдственно незначительныхъ. Въ собраніяхъ сего клуба, какъ составленнаго изъ людей мастеровыхъ, нельзя и ожидать той строгости въ соблюденіи общихъ приличій, каковая признана необходимою въ собраніяхъ высшаго сословія. Здѣсь вообще члены въ вечернихъ собраніяхъ послѣ трудовъ позволяютъ себѣ употребленіе напитковъ. Такимъ образомъ и во время, когда бываютъ нарочитыя собранія съ музыкою и танцами, бываетъ то же употребленіе, и сіе послѣднее не почитается никому въ предосужденіе. Со всѣмъ тѣмъ тишина и спокойствіе строго сохраняются. На сей конецъ старшины обязаны доводить до свѣдѣнія полиціи всякое происшествіе болѣе или менѣе значительное. Сверхъ того во время баловъ находятся тутъ и чиновники полиціи».

Забытый подвигъ.

Въ Исторіи Дагестанскаго пѣхотнаго полка, составленной г. Игнатовичемъ подъ скромнымъ именемъ «Боевой лѣтописи», встрѣчается одинъ эпизодъ, который безусловно занялъ бы одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашей кавказской войны,—если бы авторъ передалъ его такъ, какъ онъ происходилъ въ дѣйствительности. Довольно сказать, что десять, а потомъ пять человѣкъ солдатъ, подъ командой храбраго офицера, послѣдовательно отразили одну за другою двѣ сильныя партіи горцевъ,—и не только отразили, но заставили ихъ бросить всю захваченную у насъ добычу. Ничего подобнаго вы не найдете у г. Игнатовича,—и дѣло, по истинѣ достойное легендарныхъ временъ Циціанова, получило въ его разсказѣ обычную окраску.

Мы говоримъ это однако не въ укоръ почтенному автору, талантливый и вполнѣ добросовѣстный трудъ котораго заслуживаетъ полнаго уваженія. Авторъ воспользовался въ данномъ случаѣ одними оффиціальными источниками: журналомъ военныхъ происшествій и донесеніями маіора Богдановича, капитана Ассѣева и штабсъ-капитана Лазарева, которые и ввели его въ заблужденіе. Давно извѣстно, что исторія не можетъ довольствоваться одними оффиціальными свѣдѣніями. Ея жизненная сила—разсказы очевидцевъ, которые не только иллюстрируютъ, но иногда и совершенно измѣняютъ самый смыслъ казенныхъ бумагъ, составляемыхъ нерѣдко подъ вліяніемъ такихъ соображеній, которыя не имѣютъ ничего общаго съ описываемымъ дѣломъ. Приведенный выше эпизодъ лучше всего подтверждаетъ эту старую истину.

Вотъ какъ записано это дѣло въ журналѣ военныхъ происшествій [1]).

[1]) Журналъ военныхъ происшествій въ Прикаспійскомъ краѣ съ 21-го по 28-е ноября 1854 года.

«23-го ноября 1854 года команда изъ 32-хъ человѣкъ нижнихъ чиновъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лазарева [1]), сопровождая изъ Огловъ транспортъ съ дровами для Аймякинскаго укрѣпленія, была атакована непріятельскою партіею, которая, пользуясь густымъ туманомъ, пропустивъ голову колонны, гдѣ шла большая часть команды,—бросилась въ середину транспорта въ шашки. Штабсъ-капитанъ Лазаревъ, несмотря на превосходную численность непріятеля, ударилъ безъ выстрѣла въ штыки, опрокинулъ горцевъ и отбилъ нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ жителей; потомъ, открывъ ружейный огонь, онъ началъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля къ Араканскому спуску. По тревогѣ этой выбѣжали оглинскіе и кулецминскіе жители и стремительно бросились за отступавшими, желая отбить захваченныхъ въ плѣнъ четырехъ человѣкъ своихъ односельцевъ; въ запальчивости они наткнулись на другую еще сильнѣйшую партію, бывшую въ засадѣ, и могли бы пострадать, но были во-время поддержаны командиромъ 1-го батальона Дагестанскаго полка маіоромъ Богдановичемъ,—поспѣшно выбѣжавшимъ на тревогу съ частью аймякинскаго гарнизона и аймякинскими жителями,—который, не давъ опомниться горцамъ, быстро атаковалъ ихъ, прогналъ и освободилъ тѣмъ подвергавшихся большой опасности оглинскихъ и кулецминскихъ жителей. Съ нашей стороны въ рукопашной схваткѣ тяжело раненъ нѣсколькими сабельными ударами одинъ рядовой и легко ранены два жителя».

Въ этомъ разсказѣ есть все: и команда, прикрывающая транспортъ подъ начальствомъ офицера, и быстрый сборъ отрядовъ на тревогу, и стремительныя атаки пѣхоты,—есть все, и нѣтъ только правды. Будучи хорошо знакомъ со всѣми подробностями этого дѣла, я считаю долгомъ, къ славѣ того же Дагестанскаго полка, въ рядахъ котораго нашлись герои, проникнутые духомъ Карягина и Котляревскаго,—разсказать эпизодъ этотъ такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ. Но прежде скажу нѣсколько словъ о тѣхъ источникахъ, которыми я въ свою очередь буду руководствоваться.

Въ 1887 году, собирая матеріалы для описанія кавказской войны, мнѣ удалось розыскать въ архивѣ бывшаго штаба кавказскаго корпуса довольно объемистое дѣло, озаглавленное такъ: «По просьбѣ Дагестанскаго пѣхотнаго полка капитана Лазарева о награжденіи его за дѣла съ горцами» [2]).

Это большое, весьма любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло тянулось почти девять лѣтъ, и, въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ воздви-

---

[1]) Яковъ Давыдовичъ Лазаревъ, родной братъ знаменитаго Карсскаго героя, генералъ-адъютанта Ивана Давыдовича,—нынѣ полковникъ въ отставкѣ.

[2]) Дѣло граднаго стола 1858 года по описи № 70. Начато 7-го февраля 1858 года. Кончено 27-го августа 1865 года на 94 листахъ.

гаемыя препятствія, все-таки выяснило истину. Въ своемъ разсказѣ я и буду руководствоваться этими вполнѣ оффиціальными документами, дополнивъ ихъ только сообщеніями очевидцевъ, которыя успѣлъ записать въ Дагестанѣ.

Это было въ томъ же 1887 году, когда мнѣ пришлось посѣтить Хунзахъ въ одну изъ самыхъ интересныхъ минутъ его жизни—въ день освященія знамени, пожалованнаго аварскому народу въ память пораженія Кази-Муллы подъ Хунзахомъ. На это торжество собрался почти весь Дагестанъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, и я имѣлъ возможность познакомиться со многими выдающимися дѣятелями Шамилевской эпохи. Здѣсь, между прочимъ, встрѣтилъ я и старыхъ мюридовъ, пріѣхавшихъ изъ Араканъ, и жителей нашихъ мирныхъ ауловъ, одинаково участвовавшихъ въ дѣлѣ 23-го ноября и передававшихъ подробности о немъ съ такою наивною и дѣтскою простотою, отъ которой вѣяло одной только святою истиной.

Вотъ какъ происходило дѣло: транспортъ, слѣдовавшій изъ Кака-Шуры, жители которой, въ видѣ натуральной повинности, обязаны были доставлять дрова въ Аймякинское укрѣпленіе,—ночевалъ 22-го ноября въ Оглахъ. Такъ какъ ему на слѣдующій день приходилось перевалить черезъ высокій хребетъ, за которымъ лежало Аймякинское укрѣпленіе, то его отправили задолго еще до восхода солнца, подъ прикрытіемъ не 32-хъ, какъ сказано въ «журналѣ», а всего 20-ти рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Прикрытіе очевидно назначено было слабое, а между тѣмъ правитель Мехтулинскаго ханства Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ увѣдомилъ командовавшихъ на передовыхъ постахъ дагестанскими ротами маіора Богдановича и капитана Ассѣева, что въ Араканахъ собирается значительная партія горцевъ съ цѣлью напасть на наши верхнія Мехтулинскія деревни. Слѣдилъ ли араканскій наибъ Ибрагимъ за движеніемъ этого обоза, или же случайно узналъ о немъ отъ лазутчиковъ,—неизвѣстно,—только онъ рѣшилъ тотчасъ же воспользоваться слабостью прикрытія и напасть на транспортъ, чтобы отбить воловъ и захватить въ плѣнъ подводчиковъ. Партія выступила ночью и, достигнувъ Араканской долины, отдѣлила отъ себя 200 человѣкъ подъ начальствомъ Самсудина, который, поднявшись на Аймякинскія горы, долженъ былъ сдѣлать засаду въ томъ мѣстѣ, гдѣ Оглинская дорога, поднявшись на самый хребетъ, начинаетъ спускаться къ укрѣпленію. Самъ же Ибрагимъ съ пятью стами всадниковъ остался въ долинѣ, чтобы въ случаѣ погони прикрыть отступленіе Самсудина и дать ему возможность увезти добычу.

Утро было сырое и туманное. Огромный транспортъ изъ 68 воловыхъ подводъ, при которыхъ находилось 68 подводчиковъ, медленно поднимался на гору по узкому ущелью, обрамленному съ обѣихъ сто-

ронъ нависшими скалами. Прикрытіе частью шло впереди, а частью разсыпалось вдоль всего обоза, помогая аробщикамъ втаскивать тяжело нагруженныя арбы на гору. Малорослые быки выбились изъ силъ, и транспортъ растянулся. Заднія арбы не добрались еще до половины подъема, когда переднія достигли уже перевала, откуда начинался еще болѣе крутой, идущій зигзагами спускъ къ самому укрѣпленію. До него оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ ясные дни Аймякинское укрѣпленіе съ его массивными башнями видно отсюда, какъ на ладони, но тогда оно затонуло въ волнахъ ходившаго внизу тумана, и даже кругомъ ничего не было видно. Вдругъ грянулъ залпъ, и въ ту же минуту партія горцевъ съ гикомъ ринулась въ шашки. Смятеніе произошло ужасное. Безоружные погонщики въ ужасѣ не смѣли даже бѣжать и сами отдавались въ руки непріятеля. Прикрытіе, захваченное врасплохъ, не могло оказать сопротивленія и было разсѣяно; одинъ солдатъ, настигнутый горцами, былъ изрубленъ шашками, остальные бѣжали. Только унтеръ-офицеръ Еремѣй Ивановъ съ двумя рядовыми засѣлъ за какую-то арбу и, рѣшившись умереть на своемъ посту, отстрѣливался отъ горцевъ. Непріятель между тѣмъ проворно отпрягалъ воловъ, сбивалъ ихъ въ кучу и забиралъ подводчиковъ, считая ихъ уже своею добычею. Но тутъ, благодаря случайному обстоятельству, котораго не могла предвидѣть предусмотрительность горцевъ, дѣло приняло совершенно иной оборотъ.

Спустя два-три часа послѣ ухода транспорта, по той же Аймякинской дорогѣ выѣхалъ изъ Огловъ штабсъ-капитанъ Лазаревъ, командовавшій 2-ою мушкетерскою ротою. Онъ ѣхалъ въ Аймяки въ гости къ одному изъ товарищей и взялъ съ собою конвой изъ десяти рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ Качковскимъ. Они уже догоняли обозъ,— какъ вдругъ впереди послышался ружейный залпъ и затѣмъ дикіе крики, шумъ, гамъ и смятеніе. Лазаревъ, ѣхавшій верхомъ, вскочилъ на ближайшій уступъ и увидѣлъ страшную картину разгрома нашего транспорта, мимо него бѣжали одиночные, спасавшіеся люди. Онъ сталъ ихъ останавливать, а между тѣмъ подоспѣлъ конвой, и Лазаревъ, выдвинувшись съ нимъ вправо отъ обоза, далъ дружный залпъ и вслѣдъ за тѣмъ съ крикомъ «ура!» бросился на непріятеля. Все это произошло такъ неожиданно, такъ быстро, что дружный ударъ 11-ти человѣкъ привелъ непріятеля въ полное замѣшательство. Не видя въ густомъ туманѣ, кто на нихъ нападаетъ, горцы дрогнули и отхлынули назадъ отъ обоза. Въ эту минуту Лазаревъ далъ новый залпъ, и когда нѣсколько всадниковъ слетѣло съ коней, непріятель, не отдавая уже отчета, что происходитъ кругомъ, обратился въ полное бѣгство, едва успѣвъ подхватить своихъ убитыхъ и раненыхъ.

— Мы знали наперечетъ,—разсказывалъ мнѣ въ Хунзахѣ одинъ

изъ горцевъ,—сколько людей находилось въ прикрытіи, видѣли, какъ они бѣжали и заключили, что эти дружные, выдержанные залпы могли принадлежать только какой-нибудь новой части, которая скрытно шла за обозомъ, и о которой мы ничего не слыхали. Въ первую минуту намъ ясно представилось, что лазутчики намъ измѣнили, что роты, стоявшія въ Оглахъ, уже отрѣзали намъ отступленіе, — и мы естественно прежде всего должны были позаботиться о собственномъ спасеніи.

Такимъ образомъ, Лазаревъ съ однимъ своимъ конвоемъ спасъ цѣлый транспортъ, выручилъ разбитое прикрытіе, отбилъ назадъ 136 воловъ и освободилъ отъ плѣна 68 подводчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ прострѣленъ пулею въ плечо.

Приказавъ Качковскому съ пятью рядовыми остаться при обозѣ, онъ со всѣми остальными людьми бросился преслѣдовать бѣгущихъ. Дорога представляла собою узкую тропу и шла по гребню Аймякинской горы до самаго мѣста, гдѣ начинался спускъ въ Араканскую долину. Спускъ этотъ былъ перекопанъ нами глубокимъ рвомъ съ цѣлью затруднить отступленіе горцамъ изъ нашихъ предѣловъ,—и партія летѣла во всѣ повода, чтобы какъ можно скорѣе перескочить этотъ ровъ, за которымъ могла считать себя въ безопасности. Солдаты, едва переводя духъ отъ усталости, продолжали стрѣлять на бѣгу и если не причиняли горцамъ вреда, то все же свистъ проносившихся пуль удручающе дѣйствовалъ на горцевъ, показывая, что погоня у нихъ на слѣду.

Туманъ, между тѣмъ, сталъ подниматься, и Лазаревъ замѣтилъ новый конный отрядъ, который шелъ въ гору, видимо направляясь на перерѣзъ непріятелю, по прямой дорогѣ, мимо Ахъ-Кента. Это были оглинскіе и кулецминскіе жители, выскочившіе на тревогу, подъ начальствомъ своего пристава, Магометъ-кадія оглинскаго, человѣка настолько же храбраго, насколько запальчиваго до сумасшествія. Ихъ было до сорока всадниковъ. Они обогнали Лазарева надъ спускомъ въ Араканскую долину, но непріятель былъ уже на той сторонѣ перекопа, и благоразуміе требовало бы остановиться. Но во-первыхъ, оглинскій кадій во всю свою жизнь не могъ разобраться, гдѣ находилась граница между благоразумною осторожностью и самою неразумною трусостью, которыя въ его понятіяхъ какъ-то отождествлялись между собою; а во-вторыхъ, случилось еще одно обстоятельство, которое заставило кадія забыть всѣхъ и все на свѣтѣ: четверо изъ его оглинцевъ, увлекшись погонею, заскакали слишкомъ далеко и были захвачены горцами. Вскипѣлъ Магометъ-кадій. Не раздумывая долго, онъ перескочилъ оврагъ и пустился по Араканской долинѣ, рѣшившись настигнуть горцевъ и во что бы то ни стало отбить у нихъ своихъ односельцевъ. Къ счастью, онъ не проскакалъ и нѣсколькихъ саженъ, какъ одинъ изъ дозорныхъ замѣтилъ за выступомъ скалы стоявшую засаду и крикнулъ объ этомъ кадію. Оглин-

цы повернули назадъ, но было уже поздно. Прямо на нихъ неслась огромная партія самого Ибрагима—пять значковъ впереди,—а въ тылу лежалъ роковой перекопъ, который на этотъ разъ сослужилъ дурную службу оглинцамъ. Прижатые къ нему, они не могли уже перескочить черезъ него подъ натискомъ горцевъ и были окружены. Положеніе было отчаянное.

Въ эту роковую минуту опять появился Лазаревъ; съ нимъ было только пять нижнихъ чиновъ, а остальные, растянувшись по гребню горы, были еще далеко. Дѣло происходило на спускѣ въ долину, всего верстахъ въ пяти отъ сильнаго койсубулинскаго аула Кудухъ, тогда какъ наши Оглы находились верстахъ въ 11-ти и, слѣдовательно, скорой помощи намъ ожидать было нельзя. Тѣмъ не менѣе, видя, что оглинцы, прижатые ко рву, вотъ-вотъ будутъ раздавлены, Лазаревъ рѣшился на подвигъ столько же отважный, сколько рискованный: онъ бросился за перекопъ, занялъ позицію, и шесть человѣкъ лицомъ къ лицу очутились со всею пятисотенною партіею. Эти шесть человѣкъ были: самъ штабсъ-капитанъ Лазаревъ, унтеръ-офицеръ Ивановъ и рядовые: Новосадовъ, Мизяевъ, Варваринъ и Свистуновъ. Они засѣли на крѣпкой позиціи, шагахъ въ тридцати отъ непріятеля, и открыли такой учащенный огонь по густой массѣ столпившихся горцевъ, что тѣ, поражаемые почти въ упоръ, вынуждены были наконецъ отхлынуть отъ милиціи. Магометъ-кадій тотчасъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы перескочить окопъ,—и ударъ непріятеля исключительно обратился на горсть нашихъ солдатъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ передъ собою болѣе сотни противниковъ. Пользуясь удобною мѣстностью, команда держалась стойко, съ холоднымъ мужествомъ; тѣмъ временемъ къ ней стали подбѣгать остальные люди, и выстрѣлы ихъ, внезапно раздавшіеся съ той стороны окопа, произвели окончательное смятеніе въ непріятельской партіи. Полагая, что за этими передовыми людьми идутъ уже войска изъ Аймякинскаго укрѣпленія, горцы опасались ввязаться въ серьезное дѣло и поскакали назадъ къ Араканамъ. Сумятица при этомъ отступленіи была у нихъ такъ велика, что двое оглинцевъ (сыновья почтеннаго Тайкюпъ-кадія), отрѣзанные отъ своихъ при самомъ началѣ атаки, очутились теперь въ толпѣ бѣжавшихъ горцевъ, и никто ихъ не тронулъ: до того всѣ торопились уходить, ожидая за собою погони. Въ рукахъ непріятеля только остались тѣ четверо оглинцевъ, изъ-за которыхъ и завязалось все дѣло. Одного изъ нихъ, съ русской медалью «За усердіе», горцы почему-то приняли за лазутчика; поэтому они его убили и бросили тѣло на дорогѣ, а остальныхъ увезли съ собою.

Только тогда, когда бой окончился, прибылъ маіоръ Богдановичъ съ ротою штабсъ-капитана Васильева изъ Аймякинскаго укрѣпленія, и

капитанъ Ассѣевъ съ ротою изъ Огловъ. Но непріятель миновалъ уже Араканскую долину, и преслѣдовать его было безполезно.

Насколько молва о подвигѣ пяти солдатъ, разстроившихъ замыслы пятисотенной партіи, распространилась по всѣмъ горамъ, можно судить по тому гнѣву, который выразилъ Шамиль своему араканскому наибу.

— Не будь Ибрагимъ родственникомъ Шамиля (онъ, кажется, былъ его двоюроднымъ братомъ),—говорилъ мнѣ одинъ араканецъ,—ему бы никогда не удержаться на наибствѣ, но теперь дѣло ограничилось для него только домашнимъ арестомъ.

Сами горцы сознавали позоръ своего пораженія. Когда, черезъ нѣсколько времени, 14-го января 1855 года, Лазареву пришлось со своею ротой быть снова въ Араканской долинѣ при размѣнѣ плѣнныхъ, Самсудинъ подъѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ 13-ю старшинами, участвовавшими въ дѣлѣ, и просилъ показать имъ тѣхъ пятерыхъ солдатъ, которые отбили ихъ конницу. Лазаревъ вызвалъ ихъ передъ фронтъ, и горцы, разглядывая ихъ, долго съ удивленіемъ качали своими головами.

Казалось бы, что дѣло Лазарева было совершенно ясное; но при самомъ составленіи реляціи въ ней сразу уже допущены были отступленія отъ истины. Такъ, самъ Лазаревъ въ своемъ рапортѣ называетъ себя начальникомъ прикрытія изъ 32 человѣкъ и, ни словомъ не упоминая о первоначальной катастрофѣ, описываетъ только отраженіе непріятельской партіи отъ транспорта, потомъ преслѣдованіе ея и, наконецъ, стычку на Араканскомъ спускѣ. По этому рапорту, командиръ батальона, маіоръ Богдановичъ, представилъ Лазарева къ ордену св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, а пятерыхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ съ нимъ на Араканскомъ спускѣ, къ знакамъ отличія военнаго ордена. Но чѣмъ дальше подвигалась реляція, тѣмъ больше уклонялась она отъ истины и, наконецъ, въ послѣдней инстанціи вылилась въ ту окончательную форму, въ которой и попала въ журналъ военныхъ происшествій. На основаніи этого журнала, награды вышли маіору Богдановичу и штабсъ-капитану Васильеву, а Лазаревъ не получилъ ничего, также ничего не получили и бывшіе съ нимъ нижніе чины. Лазареву естественно было поднять объ этомъ вопросъ, и вотъ начинается то пресловутое дѣло, которое тянулось почти девять лѣтъ. Прежде всего запросили самого Лазарева, почему онъ неправильно написалъ свой рапортъ. Лазаревъ отвѣтилъ, что, «назвавъ себя начальникомъ прикрытія, онъ не только не увеличилъ, а значительно ослабилъ отличіе своей команды, не желая изъ видовъ честолюбія доносить, что прикрытіе, находившееся безъ офицера, покинуло свой постъ».

«Въ этомъ случаѣ,—писалъ онъ,—я руководствовался чувствомъ

уваженія къ воинской чести той части, въ которой служу. Но какъ бы я ни донесъ, сущность дѣла остается одна и та же, заключая въ себѣ спасеніе мною воловъ и безоружныхъ подводчиковъ отъ плѣна».

Противъ этого, конечно, возражать было нечего. Тогда запросили бывшаго полковаго командира, который отвѣтилъ: «что ежели Лазаревъ ничѣмъ не награжденъ, то безъ всякаго сомнѣнія и не былъ ни къ какой наградѣ представляемъ, потому собственно, что въ дѣлѣ исполнялъ только долгъ каждаго служащаго въ военной службѣ; да если бы и оказалъ какое-либо отличіе, выходящее изъ общаго круга дѣйствія противу прочихъ, то, во всякомъ случаѣ, на основаніи Свода Военныхъ постановленій, не имѣетъ никакого права просить себѣ оной». Противъ этого, конечно, возразить можно было многое, тѣмъ болѣе, что въ полковой канцеляріи отыскались и наградные листы какъ Лазарева, такъ и нижнихъ чиновъ, находившихся при немъ во время боя. Особенно цѣннымъ являлось свидѣтельство маіора Богдановича, командовавшаго въ то время 1-мъ батальономъ, занимавшимъ нашу передовую линію. Онъ писалъ слѣдующее:

«Свидѣтельствую по сущей истинѣ:

«1) что за отличный подвигъ мужества и самоотверженія, оказаннаго съ малымъ числомъ людей при освобожденіи казеннаго транспорта отъ значительной партіи горцевъ, атаковавшихъ 68 аробъ и такое же число аробщиковъ, на высотахъ между селеніемъ Оглы и Аймякинскимъ укрѣпленіемъ, 23-го ноября 1854 года.

«2) За преслѣдованіе имъ опрокинутыхъ горцевъ по аймякинскому хребту къ спуску въ Араканскую долину, и

«3) За безстрашный подвигъ при внезапной встрѣчѣ на этомъ спускѣ съ другою сильнѣйшею партіею, предводимою араканскимъ наибомъ Ибрагимомъ въ числѣ 500 человѣкъ, при пяти значкахъ, атаковавшихъ до сорока человѣкъ оглинцевъ и кулецминцевъ, выѣхавшихъ на тревогу,—я удостоилъ г. Лазарева къ ордену св. Владиміра 4 степени съ бантомъ въ представленіи, сдѣланномъ спустя два дня послѣ дѣла, т. е. 25-го ноября 1854 года. Но почему г. Лазаревъ не получилъ этой награды, заслуженной имъ столь рѣдкимъ подвигомъ, превышающимъ силу самого статута,—мнѣ не извѣстно».

Другое, не менѣе важное свидѣтельство получено было отъ аварскаго хана флигель-адъютанта полковника Ибрагимъ-хана. Онъ писалъ:

«Въ присутствіи членовъ дивана Мехтулинскаго ханства были опрошены: приставъ горныхъ деревень этого ханства поручикъ Магометъ-кадій и другіе жители-очевидцы изъ селеній Кака-Шуры, Огловъ, Кулецмы и Аймяковъ и показали слѣдующее:

«1) 23-го ноября въ 9 часовъ утра, въ туманную погоду, капитанъ Лазаревъ нагналъ на спускѣ къ Аймякамъ транспортъ съ казенными

дровами на 68 арбахъ съ подводчиками изъ с. Кака-Шуры и съ прикрытіемъ изъ 20 рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Видя, что непріятель отрѣзалъ транспорту дорогу и разсѣялъ прикрытіе, Лазаревъ, слѣдовавшій по собственной надобности изъ Огловъ въ Аймяки, бросился на горцевъ со своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 11 человѣкъ, и, личнымъ самоотверженіемъ и отвагою одушевляя солдатъ и оробѣвшихъ жителей, опрокинулъ непріятеля. При этомъ онъ освободилъ какъ прикрытіе, такъ и подводчиковъ съ 136 волами. Въ этомъ дѣлѣ были ранены: одинъ солдатъ смертельно и житель Кака-Шуры Мама-Гассанъ-оглы.

«2) Вслѣдъ за тѣмъ капитанъ Лазаревъ, усиливъ свою команду изъ транспортнаго прикрытія, началъ преслѣдовать опрокинутую партію, отступавшую безъ добычи и плѣнныхъ по хребту къ спуску въ Араканскую долину, и встрѣтился на высотахъ этого спуска съ оглинскимъ приставомъ Кади-Магомою, который, спустившись съ 40 конными оглинцами и кулецминцами въ долину, наѣхалъ на засаду араканскаго наиба Ибрагима. Наибъ, съ большимъ скопищемъ кинувшись на милицію, поставилъ ее въ безвыходное положеніе на крутомъ подъемѣ на тропѣ, глубоко перекопанной. При этомъ случаѣ капитанъ Лазаревъ, не дожидаясь всѣхъ людей своей команды, съ пятью солдатами бросился геройски на непріятеля и заставилъ его послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ обратиться въ бѣгство, безъ содѣйствія ротъ, вышедшихъ на тревогу изъ двухъ довольно не близкихъ пунктовъ: Огловъ и Аймяковъ. Въ этомъ дѣлѣ взяты были въ плѣнъ два оглинца и одинъ раненый кулецминецъ Али-Дебиръ-Гаджи-оглы. Затѣмъ остальные милиціонеры, болѣе чѣмъ 36 человѣкъ, были спасены самоотверженіемъ капитана Лазарева».

Когда такимъ образомъ собраны были всѣ свѣдѣнія, командующій войсками въ Дагестанской области генералъ-лейтенантъ князь Меликовъ 23-го іюня 1861 года представилъ все дѣло временно-командовавшему тогда кавказскою арміею генералъ-адъютанту князю Орбеліани, прибавивъ, что онъ затрудняется выразить о немъ свое мнѣніе, такъ какъ его сіятельству, какъ бывшему тогда командующимъ войсками въ Дагестанѣ, дѣло это можетъ быть болѣе извѣстно.

Прошло еще два года, и только съ пріѣздомъ на Кавказъ главнокомандующимъ великаго князя Михаила Николаевича дѣло это получаетъ наконецъ правильное рѣшеніе. Разсмотрѣвъ его во всѣхъ подробностяхъ, августѣйшій главнокомандующій немедленно вошелъ съ представленіемъ о награжденіи Лазарева орденомъ св. Владиміра 4 степени, «котораго онъ былъ лишенъ собственно по личнымъ неудовольствіямъ къ нему бывшаго полковаго командира его, нынѣ уже умершаго» [1]).

[1]) Дѣло Штаба Кав. в. окр. 1865 года № 70.

Представленіе это было отправлено военному министру 6-го іюня 1863 г., а 7-го іюля генералъ-адъютантъ Милютинъ донесъ великому князю слѣдующее: «Государь императоръ соизволилъ пожаловать маіору Лазареву орденъ св. Анны 3 степени за отличія и усердную службу и труды, понесенные во время экспедиціи въ 1861 году въ Терской области, и орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ за отличіе въ дѣлѣ съ горцами въ ноябрѣ 1854 года».

* * *

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXVI [1]).

Переправа черезъ Эльбу.—Дѣйствія подъ Дрезденомъ.—Движеніе непріятеля къ Бауцену.—Стычка у Эльстервердера.—Сосредоточеніе главной арміи подъ Бауценомъ. — Рекогносцировка Левенштерна къ Зейфтенбергу. — Стычка у Руэланда.—Бой въ Кенигсвертскомъ лѣсу.—Канунъ Бауценскаго сраженія.

Лишь только генералъ Ланской двинулся со своей гусарской дивизіей къ Эльбѣ, а Иловайскій послѣдовалъ за нимъ съ четырьмя полками казаковъ, чтобы переправиться черезъ эту рѣку, какъ показались французскіе конные егеря, привѣтствовавшіе меня выстрѣлами изъ пистолетовъ. Я для этого остался и долженъ былъ отвлечь ихъ вниманіе, чтобы дать нашимъ войскамъ время безпрепятственно переправиться черезъ Эльбу.

Отстрѣливаясь отъ непріятеля, я дошелъ до Берсельсдорфа, гдѣ увидѣлъ доблестный полкъ Иловайскаго 12-го, который ожидалъ меня въ томъ пунктѣ, гдѣ развѣтвляется дорога, идущая изъ Вильсдруфа въ Дрезденъ и которому велѣно было предоставить себя въ мое распоряженіе. Онъ сказалъ мнѣ, что отрядъ Милорадовича идетъ къ Дрездену, что онъ взорветъ мостъ, какъ только этотъ отрядъ переправится черезъ рѣку; и слѣдовательно, я останусь на лѣвомъ берегу Эльбы одинъ, такъ какъ на меня возложена обязанность прикрывать переправу Ланскаго и Иловайскаго и всѣхъ отсталыхъ, которые должны будутъ переправиться по понтонному мосту въ четверти верстахъ влѣво отъ Дрездена—неподалеку отъ шоссе, ведущаго изъ этого города въ Бауценъ.

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

Слѣдуя за движеніемъ генерала Ланскаго, я обошелъ Дрезденъ съ цѣлью выйти на Пирненскую дорогу. Непріятель не особенно тѣснилъ меня; я останавливался и давалъ ему отпоръ, при чемъ мои казаки всякій разъ брали нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; но когда Дрезденскій мостъ съ большимъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ, то мое положеніе сдѣлалось критическимъ; французы, находившіеся напротивъ меня, издали радостные крики и совершили быстрое движеніе впередъ.

Казаки, предупрежденные мною о томъ, что они не перейдутъ по этому мосту, не были испуганы или удивлены случившимся.

Маневрируя и сражаясь все время, я достигъ наконецъ лѣваго берега Эльбы и убѣдился, что все войско переправилось уже черезъ рѣку. Тогда, преслѣдуемый непріятелемъ по пятамъ, я сталъ также переправляться, не смѣя однако слишкомъ спѣшить, чтобы дать время нѣсколькимъ маленькимъ отрядамъ достигнуть праваго берега.

За моими движеніями слѣдили императоръ, король прусскій и большая часть арміи. Съ того пункта, гдѣ они находились, монархи могли видѣть, какъ изъ ложи авансцены, усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы придать моимъ движеніямъ нѣкоторую правильность. Какъ только послѣдняя лошадь моего отряда перешла черезъ мостъ,—а это была лошадь, на которой я ѣхалъ,—я приказалъ разрушить мостъ; лѣвый берегъ Эльбы болѣе не принадлежалъ намъ.

Императоръ, видѣвшій, съ какою отчетливостью я маневрировалъ на его глазахъ, приказалъ подозвать меня и выразилъ мнѣ свое высочайшее одобреніе. Король прусскій подошелъ ко мнѣ, спросилъ мою фамилію и прислалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ знакъ военнаго достоинства.

Первый разъ въ жизни я получилъ столь положительный знакъ одобренія отъ лица высокопоставленнаго; насколько радостнѣе было бы для меня, если бы мой собственный монархъ вспомнилъ въ эту минуту, что тотъ, кто удостоился его благоволенія, томился еще подъ незаслуженнымъ проклятіемъ и что его честь не была возстановлена, несмотря на всѣ данныя ему обѣщанія.

Кавалеріи нечего было дѣлать послѣ того, какъ мосты были сожжены и разрушены, поэтому она была разставлена по квартирамъ. Генералу Ланскому съ его гусарской дивизіей, отряду Иловайскаго и моимъ казакамъ было указано размѣститься въ Морицбургскомъ замкѣ и его окрестностяхъ.

Въ нашей кампаніи былъ Левъ Нарышкинъ; онъ забавлялъ насъ своими остротами и шутками въ то время, какъ мы лакомились фазанами изъ королевскаго птичника, олениной, кабанами и прочими вкусными вещами.

Первый періодъ кампаніи 1813 года окончился проиграннымъ нами

сраженіемъ при Люценѣ и нашимъ отступленіемъ съ лѣваго берега Эльбы; приходилось готовиться къ новой битвѣ.

Императоръ Александръ и король прусскій отступили къ Бауцену. Наполеонъ приказалъ исправить Дрезденскій мостъ и перешелъ черезъ Эльбу въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Милорадовичъ былъ вынужденъ дать при Столпенѣ и Бишофсвердѣ кровопролитное сраженіе, имѣвшее послѣдствіемъ разрушеніе Бишофсверда. Ланскому было приказано отступить къ Грозенгайну. Иловайскій служилъ ему эшелономъ, а мнѣ пришлось прибыть въ главную квартиру Ланскаго въ Грозенгайнъ (Grosenhayn).

Я поспѣшилъ туда, и онъ передалъ мнѣ приказаніе главнокомандующаго, чтобы я отдѣлился съ моими двумя полками казаковъ и гусарскимъ полкомъ Блюхера, надъ коимъ я долженъ былъ принять командованіе, и двинулся въ величайшей тайнѣ въ тылъ непріятеля, наблюдая за его движеніями, стараясь проникнуть его планы, прервать его сообщеніе съ Дрезденомъ, перехвативъ его курьеровъ, однимъ словомъ, старался причинить ему какъ можно болѣе вреда.

Во исполненіе этого приказанія, я отошелъ со своей бригадою къ Грозенгайну, соединился съ Блюхеромъ и его храбрымъ полкомъ, взялъ фуража на три дня и въ 8 часовъ вечера исчезъ никѣмъ не замѣченный; никто не зналъ, куда я направился.

Превосходный проводникъ, котораго я щедро вознаградилъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ золота жалѣть не слѣдуетъ, указалъ мнѣ путь и провелъ меня такъ ловко, что я до восхода солнца очутился въ тылу лѣваго фланга непріятеля, оставивъ въ сторонѣ всѣ деревни и нигдѣ не встревоживъ собакъ, которыя нерѣдко могутъ выдать приближеніе отряда своимъ лаемъ. Я спрятался въ Окрильскомъ лѣсу (bois d' Okrile), откуда мнѣ удалось пробраться въ окрестности Козвига (Kosvig), пройти незамѣченнымъ по большой дорогѣ и спрятаться засвѣтло въ Кайтицѣ (Kaitiz).

Небольшая долина, густо поросшая лѣсомъ, прилегавшая къ Эльбѣ, послужила мнѣ убѣжищемъ.

Егеря—волонтеры Блюхера, хорошо знакомые съ мѣстностью, были посланы переодѣтые на дорогу въ Дрезденъ и Морицбургъ, чтобы наблюдать за происходившимъ. Одинъ изъ этихъ смѣльчаковъ имѣлъ храбрость проникнуть въ Дрезденъ, присутствовать на смотру, видѣть Наполеона и привезъ мнѣ оттуда газеты, прокламаціи и разныя новости. Отъ другихъ моихъ развѣдчиковъ я узналъ, что Морицбургъ былъ занятъ непріятелемъ, что сильныя колонны двигались къ Мейсену и Іоргау, что главныя силы арміи перешли Эльбу и направлялись къ Бауцену и Наполеонъ готовился слѣдовать за ними. Я узналъ также, что король приказалъ генералу Тилеману, весьма къ намъ рас-

положенному, открыть ворота Іоргау французамъ и пропустить ихъ безпрепятственно на правый берегъ Эльбы. Это извѣстіе было весьма важное.

Увѣренный въ томъ, что я не могъ въ настоящую минуту ничего предпринять съ надеждою на успѣхъ, и не желая въ то же время прятаться, я рѣшилъ перейти Эльбу, пойти по дорогѣ изъ Лейпцига въ Іоргау, уничтожить непріятельскіе парки и внести смятеніе въ тылъ его арміи.

Я поручилъ поручику прусскихъ войскъ Рейзвицу (Reisvitz) приготовить плоты, на которыхъ должны были переправиться черезъ Эльбу гусары Блюхера, предполагая, что мои казаки переправятся вплавь.

Поручикъ Рейзвицъ взялся за дѣло такъ энергично, что въ 6 часовъ вечера я могъ переправить одновременно 60 лошадей.

За переправою первой партіи наблюдалъ капитанъ Приттвицъ; моимъ авангардомъ командовалъ пылкій графъ Буксгевденъ, котораго долженъ былъ поддерживать капитанъ Гельфрейхъ, весьма достойный молодой офицеръ. Человѣкъ десять казаковъ, переплывшихъ Эльбу, показали мнѣ знаками, что на противуположномъ берегу не было видно и слѣда непріятеля.

Успокоившись на этотъ счетъ, я тотчасъ приказалъ начать переправу на плотахъ. Переправа была совершена въ величайшемъ безмолвіи и въ полномъ порядкѣ. Блюхеръ слѣдилъ за всѣмъ, и я былъ въ восторгѣ при мысли, какъ будетъ удивленъ непріятель и самъ Наполеонъ, узнавъ о моемъ появленіи на лѣвомъ берегу, въ окрестностяхъ Лейпцига на его собственной коммуникаціонной линіи. Но моя радость была непродолжительна; усиленная перестрѣлка возвѣстила мнѣ о присутствіи непріятеля.

Мои казаки переплыли обратно Эльбу; французы преслѣдовали ихъ бѣглымъ шагомъ и стрѣляли по нимъ во время переправы; мои плоты были попорчены тремя орудіями, которыя непріятель успѣлъ выставить на противуположномъ берегу. Я тотчасъ приказалъ повернуть обратно; Блюхеръ руководилъ движеніемъ лично и такъ какъ ему помогали прекрасные офицеры, то мы не потеряли при этомъ ни одной лошади.

Непріятель доказалъ мнѣ, что ему было извѣстно о моемъ присутствіи въ его тылу. Изъ Мейсена были посланы войска для того, чтобы помѣшать моей переправѣ и выполненію моихъ намѣреній. Такъ какъ плоты не могли быть построены втихомолку, то это и выдало по всей вѣроятности мой планъ.

Я поспѣшно прошелъ по Дрезденскому шоссе и углубился въ Морицбургскіе лѣса близъ деревни Линденау, которая была переполнена французами, не подозрѣвавшими о моемъ близкомъ сосѣдствѣ. Я оставался весь день въ лѣсу съ намѣреніемъ атаковать непріятеля

ночью, а затѣмъ отступить быстро въ Морицбургъ и застигнуть врасплохъ генераловъ Латуръ-Мобура, Гамерштейна и др. въ постели.

По обыкновенію, я никому не сообщилъ своего плана, сказавъ о немъ Блюхеру лишь въ послѣдній моментъ. Онъ просилъ меня какъ милости, чтобы я позволилъ ему идти въ головѣ моей колонны.

Ночь уже давно настала, когда мы подошли безъ малѣйшаго шума къ деревнѣ. Не знаю, было ли это сдѣлано изъ осторожности, или непріятель подозрѣвалъ о нашемъ появленіи, но, какъ бы то ни было, половина французскаго отряда была подъ ружьемъ и непріятель встрѣтилъ меня бѣглымъ огнемъ; я немедленно остановился, взялъ нѣсколько плѣнныхъ и узналъ отъ нихъ, что въ Морицбургѣ находился противникъ подъ ружьемъ и что Наполеонъ приказалъ самымъ строжайшимъ образомъ всѣмъ паркамъ и обозамъ остановиться и не идти далѣе до тѣхъ поръ, пока не удастся очистить край отъ разбойниковъ, какъ ему заблагоразсудилось назвать насъ съ досады.

Я рѣшилъ возвратиться на Грозенгайнское шоссе и на Бауценскую дорогу; но не зналъ, занятъ ли Грозенгайнъ непріятелемъ или нѣтъ, а потому послалъ капитана Гельфрейха разузнать объ этомъ и былъ несказанно радъ, услыхавъ, что непріятель еще тамъ не появлялся.

Я тотчасъ двинулся впередъ, поручивъ Гельфрейху и Приттвицу прикрывать мой маршъ справа и слѣва. Маіоръ Барнекофъ, весьма храбрый офицеръ, остался позади, чтобы прикрыть мое отступленіе. Онъ догналъ меня въ полуверстѣ отъ города преслѣдуемый генераломъ Гамерштейномъ. Гельфрейхъ и Приттвицъ, долго не думая, атаковали вестфальцевъ съ фланга, а Блюхеръ повернулся къ нимъ лицомъ, и такимъ образомъ мы заставили ихъ отступить, оставивъ намъ изрядное количество плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Ланской сообщилъ мнѣ о намѣреніи монарховъ и графа Витгенштейна сосредоточить войска на прекрасной позиціи близъ Бауцена и дать сраженіе Наполеону; мнѣ предписывалось употребить все свое стараніе, чтобы увѣдомлять главнокомандующаго о движеніяхъ, которыя непріятель могъ совершить на пути въ Іоргау.

Въ это время казаки привели мнѣ человѣка, показавшагося имъ подозрительнымъ, потому что онъ прятался въ кустарникѣ. Я приказалъ обыскать его, но при немъ не нашли ничего подозрительнаго, а было замѣчено, что онъ бросалъ время отъ времени тревожные взгляды на свою шапку; я тотчасъ приказалъ разрѣзать ее и оказалось, что въ ней было двойное дно, въ которомъ былъ спрятанъ толстый пакетъ писемъ, изъ которыхъ, къ величайшему моему изумленію, узналъ, что нѣкій Бодмеръ, богатый дрезденскій негоціантъ и владѣлецъ большой и прекрасной фабрики выбойки, находившейся въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Грозенгайна, просилъ управляющаго

его фабрикой сообщить ему самыя подробныя свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ и приказывалъ ему вооружить всѣхъ рабочихъ, если возможно взбунтовать всѣхъ окрестныхъ жителей и обращаться съ нами, во время нашего бѣгства, какъ онъ называлъ наше отступленіе, такъ, какъ обращались съ французами испанцы и русскіе.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ изъ Хемница, говорилось, что наша армія уничтожена при Люценѣ, что она обращена въ бѣгство; при этомъ о трусости русскихъ и въ особенности казаковъ говорилось съ величайшимъ презрѣніемъ, а жителей Лузаціи побуждали слѣдовать примѣру саксонцевъ и избивать русскихъ.

Я не могъ ничѣмъ отомстить тѣмъ лицамъ, которыя писали эти письма, такъ какъ одинъ изъ нихъ жилъ въ Дрезденѣ, а другой въ Хемницѣ, а оба города были заняты французами, но я убѣдился изъ этихъ писемъ, что въ Саксоніи не всѣ относились къ намъ доброжелательно; пораженіе, понесенное нами при Люценѣ, начинало приносить печальные плоды, и французы съумѣли пріобрѣсти себѣ сторонниковъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они дѣйствовали украдкою.

Я послалъ эти два письма генералу Ланскому, чтобы онъ своевременно ими воспользовался.

Мы заняли впослѣдствіи Хемницъ и Дрезденъ, и я хотѣлъ отомстить немедленно; взявъ съ собою двѣ сотни казаковъ, я отправился прямо на фабрику.

Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что человѣкъ, пойманный съ письмами, былъ рабочимъ съ этой фабрики, то, войдя въ квартиру управляющаго, я приказалъ ему позвать этого человѣка. Директоръ фабрики поблѣднѣлъ, какъ смерть, и попросилъ меня пройти къ нему въ кабинетъ; тутъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, онъ бросился передо мною на колѣна и, прося меня пощадить его, говорилъ, что письмо было написано и послано г. Бодмеромъ.

Я находилъ, что въ сущности онъ былъ не виноватъ; у меня прошла охота повѣсить его, но мнѣ хотѣлось наказать г. Бодмера, и я велѣлъ приготовить все нужное для того, чтобы сжечь фабрику и разрушить ее до основанія. Тогда раздались вопли тысячи рабочихъ, которыхъ отсутствіе заработка могло повергнуть въ нищету. Я написалъ генералу Ланскому, испрашивая его приказаній; а между тѣмъ велѣлъ принести сто кусковъ холста, которые я роздалъ казакамъ такъ, что каждый изъ нихъ могъ сдѣлать себѣ три хорошія рубашки. Генералъ Ланской отвѣтилъ мнѣ, чтобы я не жегъ фабрику, такъ какъ это причинило бы слишкомъ большой вредъ мѣстнымъ жителямъ, но велѣлъ наложить штрафъ на владѣльца фабрики, взять для его гусаръ двѣсти кусковъ холста помимо тѣхъ ста кусковъ, которые уже были мною потребованы, и тысячу луидоровъ наличными деньгами.

Директоръ охотно покорился этому, собралъ деньги и исполнилъ все, что я требовалъ, но въ этотъ именно моментъ прискакалъ капитанъ Гельфрейхъ, посланный мною на развѣдки, и сообщилъ, что по шоссе идетъ отрядъ кавалеріи съ намѣреніемъ атаковать насъ.

Я поспѣшилъ ему на встрѣчу; непріятель подвигался впередъ, предшествуемый длинной цѣпью фланкеровъ. Я вступилъ въ бой,ославъ противъ него полкъ казаковъ, и подъ защитою этого прикрытія могъ пересчитать французскіе полки; ихъ было не менѣе шести, изъ коихъ три кирасирскихъ; съ ними была многочисленная артиллерія. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что передо мною былъ цѣлый корпусъ кавалеріи генерала Латуръ-Мобура и генерала Гамерштейна.

Я тотчасъ приказалъ Блюхеру отступить къ Эльстерверду, прикрыться отъ Илорсграбена и приготовить все нужное для того, чтобы сжечь мостъ; я съ своей стороны также сталъ отступать, все время сражаясь съ непріятелемъ, чтобы дать Блюхеру время выполнить свое движеніе.

Полковникъ Прендель, бывшій на моемъ правомъ флангѣ, позади Илорсграбена, оказалъ мнѣ большую услугу, развернувъ весьма кстати свои три полка: этотъ маневръ произвелъ впечатлѣніе на непріятеля, который преслѣдовалъ меня не особенно энергично и далъ мнѣ возможность достигнуть Эльстерверда и разрушить мостъ.

Впрочемъ, одинъ полкъ французскихъ гусаръ, желая воспользоваться нѣкотораго рода замѣшательствомъ, предшествующимъ всегда переходу войскъ черезъ мостъ, атаковалъ меня. Я предвидѣлъ это обстоятельство и приготовился къ нему; онъ не имѣлъ для меня никакихъ послѣдствій; но мнѣ пришлось оплакивать потерю одного превосходнаго офицера Александрова, который былъ смертельно раненъ и скончался въ тотъ же вечеръ. Этотъ Александровъ былъ замѣчателенъ своей изумительной храбростью и своей внушительной наружностью. Его великолѣпная черная борода доходила до пояса. Я нерѣдко посылалъ его впередъ, чтобы приготовить мнѣ квартиру; мирные жители и въ особенности женщины испытывали большой страхъ при видѣ этого человѣка съ воинственной наружностью, который былъ впрочемъ кротокъ какъ агнецъ.

Вообще, о казакахъ имѣли вездѣ самое забавное представленіе. Правда, калмыки и башкиры немного портили дѣло. Поэтому впослѣдствіи насъ называли мирными казаками, а первыхъ—дикими казаками.

Въ числѣ моихъ ординарцевъ было два калмыка, которые, получивъ на завтракъ хлѣбъ съ масломъ, намазывали себѣ лицо масломъ, затѣмъ съѣдали хлѣбъ и ложились на солнце, отчего ихъ и безъ того безобразныя лица становились еще болѣе лоснящимися и отвратительными.

Когда я переправился на ту сторону Эльстера и между мною и Ла-

туръ-Мобуромъ находились рѣка, я сталъ думать о томъ, что могло угрожать мнѣ на дорогѣ, и постарался войти въ сообщеніе съ главными силами арміи, которая уже сосредоточивалась на позиціи передъ Бауценомъ. Развѣдчики, посланные мною въ Добрилуку (Dobrilouk), извѣстили меня, что этотъ городъ былъ уже занятъ колоннами пришедшими изъ Іоргау. Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ добраться до Руэланда, Гогерсверда и Кенигсверта, чтобы предупредить непріятеля.

Я прибылъ въ Руэландъ, никѣмъ не потревоженный. Кавалерія Блюхера нуждалась въ покоѣ; я согласился остаться въ этомъ пунктѣ до 8 час. вечера и воспользоваться этимъ кратковременнымъ отдыхомъ, чтобы произвести съ сильнымъ отрядомъ рекогносцировку къ Зейфтенбергу, съ цѣлью точнѣе выяснить намѣренія колоннъ, прибывавшихъ изъ Іоргау.

Непріятель не далъ мнѣ времени окончить эту экспедицію. Онъ атаковалъ меня энергично. Тревога и смятеніе, вызванныя этимъ въ эскадронахъ Блюхера, были невообразимы. Онъ разрѣшилъ своимъ казакамъ разсѣдлать лошадей; его гусары ѣли и пили въ домахъ; я считалъ ихъ погибшими.

Мои казаки, никогда не разсѣдлывающіе лошадей въ то время, когда они знаютъ, что непріятель находится близко, мигомъ очутились верхомъ. Я поспѣшилъ на встрѣчу французамъ, чтобы остановить ихъ, если возможно, и дать Блюхеру время собрать людей и выйти изъ города.

Мнѣ было трудно сдержать непріятеля, но звукъ трубъ, въ которыя Блюхеръ приказалъ трубить въ городѣ, помогъ намъ; непріятель, предположивъ, что насъ было много, остановился и ограничился нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій.

Какъ только я узналъ, что Блюхеръ ушелъ изъ города, я также поспѣшилъ удрать, радуясь тому, что мнѣ удалось спасти моего доблестнаго товарища отъ неминуемой гибели. Если бы непріятель оттѣснилъ меня, то Блюхеръ погибъ бы со всѣмъ своимъ отрядомъ точно такъ же, какъ погибъ въ тотъ же день вечеромъ прусскій партизанъ маіоръ Гельвигъ. Мнѣ удалось подоспѣть во-время, чтобы спасти остатки его отряда; его солдаты попались мнѣ на встрѣчу, кто безъ шапки, кто безъ сѣдла. Они были застигнуты врасплохъ въ Зейфтенбергѣ такъ же точно, какъ мы съ Блюхеромъ были застигнуты въ Руэландѣ, но у Гельвига не было казаковъ, которые пришли бы ему на помощь и которые всегда дѣйствуютъ проворно. При этомъ наиболѣе пострадалъ храбрый капитанъ Виттовскій, служившій прежде со своимъ эскадрономъ подъ моимъ начальствомъ; онъ былъ тяжело раненъ во время происшедшей сумятицы.

Я собралъ остатки отряда Гельвига и, сопровождаемый Блюхеромъ,

поспѣшилъ въ Гогерсвердъ, стараясь опередить непріятеля, который могъ прибыть туда прямымъ путемъ изъ Іоргау.

Убѣжденный въ томъ, что французы могли подойти по тремъ различнымъ дорогамъ, а именно изъ Руэланда, Зейфтенберга и Спримберга, я сталъ на перекресткѣ этихъ трехъ дорогъ, которыя оканчиваются на площади Гогерсверда, и удвоилъ бдительность, такъ какъ урокъ, полученный въ тотъ день, не пропалъ для меня даромъ.

Я узналъ, что генералъ Ланской находился въ Виттикавѣ (Wittichaw); это успокоило меня относительно моихъ сообщеній съ главными силами арміи.

Въ шесть часовъ утра, я извѣстилъ генерала Ланскаго, что къ Гогерсверду идутъ сильныя колонны изъ Руэланда и Зейфтенберга. Въ девять часовъ я послалъ второе донесеніе о томъ, что вторая, еще болѣе сильная, колонна идетъ отъ Спримберга (Sprimberg).

Каково было мое удивленіе, когда я получилъ отъ генерала Ланскаго въ отвѣтъ угрожающее письмо, въ которомъ онъ укорялъ меня за мнимыя противорѣчія въ моихъ донесеніяхъ: донесеніе, написанное въ 6 час. утра, было послано, по его словамъ, въ оригиналѣ, императору, который тотчасъ приказалъ совершить движеніе къ Кенигсверту; донесеніе, посланное въ 9 час., и въ которомъ говорилось о приближеніи другой колонны изъ Спримберга, могло, по его словамъ, быть причиною неудачи предположенной экспедиціи, а потому на будущее время я буду отвѣчать головою за вѣрность моихъ донесеній.

Это было уже слишкомъ! Задѣтый за живое, я написалъ ему тотчасъ:

Гогерсвердъ, 7 марта 1813 г.

«Ваше превосходительство! Голова моя въ вашемъ распоряженіи, я отвѣчаю за все и не отступлюсь ни отъ чего!

«Свѣдѣнія, которыя я имѣлъ честь сообщить вамъ, отнюдь не основаны на слухахъ, но на движеніяхъ непріятеля, о которыхъ я могу судить по ружейнымъ и орудійнымъ выстрѣламъ, такъ какъ я вынуждаю его салютовать мнѣ.

«Мнѣ прискорбно, что приближеніе различными путями двухъ отрядовъ Лористона и Нея можетъ помѣшать выполненію составленнаго плана, но это не обязываетъ меня умалчивать о томъ, что я вижу.

«Свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля, параллельно которому я иду уже нѣсколько дней, могутъ быть одни въ 6 часовъ утра и совершенно иныя въ 9 часовъ.

«Колонна Нея, идущая отъ Спримберга, можетъ помѣшать выполненію диспозиціи главнокомандующаго; тѣмъ не менѣе она идетъ съ намѣреніемъ атаковать правый флангъ нашей позиціи при Бауценѣ.

«Поэтому, упрекъ, сдѣланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ столь

незаслуженно, не основанъ ни на всегдашней вашей справедливости, ни на такихъ соображеніяхъ, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что мои труды и старанія оцѣнены, что̀ придавало мнѣ до сихъ поръ нравственную и физическую силу переносить заботы и утомленія, неразлучныя съ тѣмъ постомъ, какой я занимаю съ самаго начала кампаніи.

«P. S. Распечатываю донесеніе, которое уже было вручено графу Буксгевдену съ приказаніемъ доставить его вамъ, въ полной увѣренности, что онъ загоняетъ свою лошадь скорѣе, нежели оставитъ васъ въ неизвѣстности относительно событій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ.

«Въ настоящую минуту передо мною находятся Ней и Лористонъ. Я не имѣю въ этомъ болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія.

«Подполковникъ Берненкафъ, посланный на развѣдки, едва не былъ взятъ въ плѣнъ; онъ привелъ мнѣ плѣнныхъ голландцевъ, италіанцевъ и французовъ, которые единогласно подтверждаютъ одно и то же; повторяю, передо мною положительно находятся Лористонъ и Ней. Плѣнные очень жалуются на усиленные переходы, которые они совершали послѣ Лейпцига.

«Я еще держусь въ Гогерсвердѣ; полковникъ Прендель держится вблизи отъ меня, слѣва; Гельвигъ, успѣвшій переформироваться—справа, Блюхеръ находится со мною».

Въ три часа меня атаковалъ Лористонъ; я не оказалъ ему никакого сопротивленія и, отступивъ, добрался до Кенигсверта, гдѣ я засталъ генерала Иловайскаго 4-го, Иловайскаго 12-го и генерала Родіонова съ 8 полками казаковъ.

Тотчасъ послѣ моего прибытія они сняли лагерь и отступили, сказавъ, что въ данной имъ инструкціи было предписано, выждавъ меня, немедленно идти назадъ.

Я остановился на самое короткое время въ Кенигсвертѣ, гдѣ я оставилъ простой обсерваціонный постъ; второй такой же постъ былъ поставленъ мною въ Вартѣ; въ ночь я прибылъ въ Іонсдорфъ (Johnsdorff).

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, генералъ Барклай-де-Толли призвалъ меня; ему именно, на основаніи сообщенныхъ мною свѣдѣній, было поручено идти на встрѣчу Лористона. Я сильно настаивалъ на томъ, что къ намъ приближается Ней, въ чемъ въ главной квартирѣ по-прежнему упорно сомнѣвались! Я такъ настаивалъ на этомъ, что было рѣшено послать на встрѣчу Нею генерала Іорка со всѣмъ его корпусомъ; послѣдствія показали, что это было сдѣлано кстати, такъ какъ Барклаю одному не удалось бы справиться съ нимъ. Въ то время какъ Ней былъ занятъ Іоркомъ, Барклай могъ направить всѣ свои усилія противъ Лористона, котораго онъ разбилъ, и этимъ разрушилъ

планъ Наполеона, состоявшій въ томъ, чтобы вытянуть фронтъ за нашъ правый флангъ, какъ онъ сдѣлалъ это при Люценѣ.

Барклай сдѣлалъ мнѣ честь поставить мнѣ въ заслугу, что я первый своими донесеніями и своей дѣятельностью подалъ мысль, оказавшуюся весьма удачною. Онъ сказалъ мнѣ, что, прочитавъ мои донесенія, императоръ и король прусскій рѣшились послать его противъ непріятеля, и прибавилъ: «теперь, любезный Левенштернъ, будьте моимъ колонновожатымъ, оставайтесь вблизи отъ дивизіи князя Щербатова, который поведетъ атаку въ Кенигсвертскомъ лѣсу, и сообразуйте свои дѣйствія съ тѣмъ, какіе успѣхи нами будутъ одержаны сегодня».

Князь Щербатовъ атаковалъ непріятеля, и въ Кенигсвертскомъ лѣсу завязалась жаркая перестрѣлка; на большой дорогѣ была поставлена батарея, осыпавшая непріятеля картечью; князь взялъ его въ штыки, опрокинулъ и оттѣснилъ къ Кенигсверту, отбивъ у французовъ 11 орудій, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и уничтоживъ цѣлую италіанскую дивизію.

Такъ какъ большая дорога, пролегавшая черезъ лѣсъ, была очень широка и песчана, то я преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля и столь удачно, что мнѣ удалось захвативъ 600 плѣнныхъ солдатъ и 70 офицеровъ.

Сраженіе при Кенигсвертѣ было для насъ чрезвычайно удачно. Вся честь побѣды принадлежала генералу Барклаю; императоръ прислалъ ему въ тотъ же вечеръ Андреевскую ленту. Всѣ поздравляли меня, полагая, что счастье наконецъ улыбнулось мнѣ, Мнѣ было приказано остаться на полѣ битвы и прикрывать движеніе Барклая, который снова занялъ свою позицію при Бауценѣ.

Генералъ Іоркъ былъ не такъ счастливъ, хотя Ней, видя, что вслѣдствіе пораженія Лористона ему угрожаетъ опасность, былъ вынужденъ отступить и тѣмъ далъ время Барклаю послать на помощь Іорку дивизію генерала Юзова (Юзефовича?), вслѣдствіе чего бой возобновился.

Поспѣшный уходъ Барклая, который предчувствовалъ, насколько его присутствіе будетъ необходимо въ Бауценѣ, не позволилъ ему увезти раненыхъ. Онъ поручилъ мнѣ подобрать ихъ, но такъ какъ у насъ совершенно не было перевозочныхъ средствъ, то я былъ въ большомъ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что Лористонъ, заподозрѣвъ, что Барклай ушелъ, началъ сильно тревожить меня.

Но надобно было какъ-нибудь спасти несчастныхъ раненыхъ; я рѣшился сражаться съ однимъ полкомъ, употребивъ другой полкъ для перевозки раненыхъ верхомъ.

Благодаря усердію казаковъ и лѣсистой мѣстности, которая препятствовала непріятелю видѣть то, что происходило въ этомъ пунктѣ, это удалось совершить успѣшно; коляски, взятыя моими казаками у французскихъ генераловъ, были употреблены для перевозки раненыхъ офи

церовъ, которые не знали, какъ благодарить меня Только прибывъ въ Милькель (Milkel), мнѣ удалось организовать правильную перевозку раненыхъ на телѣгахъ, которыя я собралъ изъ окрестныхъ деревень: несчастные раненые были уложены въ повозки и на свѣжую солому.

Армія окончательно сосредоточилась на позиціи у Бауцена; каждый часъ, каждая минута приближали насъ къ великому событію. Аванпостамъ было приказано удвоить бдительность. Генералъ Ланской посѣтилъ меня въ Милькелѣ, нашелъ мою позицію дурною, но тѣмъ не менѣе приказалъ мнѣ держаться на ней.

Этотъ день былъ для меня весьма тревожный, неспокойный. Одинъ, безъ пѣхоты, безъ орудій, я не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ, а между тѣмъ долженъ былъ держатся стойко.

Мнѣ удалось съ успѣхомъ оттѣснить нѣсколько разъ французскую кавалерію, но подъ вечеръ непріятель выставилъ орудія и пѣхоту и сталъ энергично обстрѣливать меня. Я принялъ предосторожность, приказавъ двумъ казацкимъ сотнямъ спѣшиться; это были все превосходные стрѣлки, я поставилъ ихъ на кладбищѣ, обнесенномъ стѣною. Большая часть сдѣланныхъ нами выстрѣловъ попала въ цѣль; непріятель подумалъ, вѣроятно, что этотъ постъ былъ занятъ пѣхотою, тѣмъ болѣе, что я приказалъ бить въ барабанъ, взятый нами наканунѣ и оказавшій мнѣ такимъ образомъ услугу.

Французы, видя, что имъ не удается вытѣснить меня съ этого поста, подожгли деревню. Въ эту критическую минуту подоспѣлъ мнѣ на помощь полковникъ Фигнеръ. Заслышавъ выстрѣлы, онъ направился безъ приказанія начальства къ тому пункту, гдѣ я стоялъ. Два орудія, привезенныя имъ, были поставлены на кладбищѣ, и онъ, какъ опытный артиллеристъ, самъ навелъ ихъ такъ хорошо, что непріятель, подумавъ, что ко мнѣ подошло значительное подкрѣпленіе, отказался отъ мысли взять Милькель и отступилъ къ Кенигсверту.

Я тотчасъ погнался за нимъ со своей кавалеріей, но французы приняли меня такъ, что мой пылъ сразу остылъ. Они дали по моему отряду залпъ почти въ упоръ и убили у меня нѣсколько казаковъ; мой сюртукъ былъ прострѣленъ двумя пулями; генералъ Ланской, узнавъ, въ какомъ я находился положеніи, приказалъ мнѣ оставить позицію. Я отступилъ къ Коммерану; непріятель тотчасъ занялъ оставленную мною позицію, но не преслѣдовалъ меня. Не тревожимый болѣе французами и не любя оставаться безъ дѣла, я перешелъ Шпре (Sprée), засѣлъ въ Черницкомъ лѣсу (Tchernitzwald) и сталъ выжидать благопріятнаго случая, чтобы дѣйствовать. Ожидать пришлось недолго. Тяжелая непріятельская кавалерія шла на Кликсъ чрезъ Виндмюльбергъ, чтобы установить сообщеніе съ Неемъ, который, потерпѣвъ неудачу въ стычкѣ съ Барклаемъ, долженъ былъ идти ей на встрѣчу.

Отрядъ шелъ спокойно какъ въ мирное время, ни мало не подозрѣвая, что я спрятался въ лѣсу. Вдругъ я выскочилъ изъ своей засады, прокричавъ громкое «ура!», которое было подхвачено моими казаками; непріятель мигомъ былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство; мы взяли нѣсколько десятковъ плѣнныхъ и одного офицера изъ штаба принца Невшательскаго, которому было поручено повидаться и уговориться съ Неемъ.

Совершивъ это смѣлое нападеніе, я перешелъ обратно Шпре и продолжалъ наблюдать за непріятелемъ.

Французы энергично атаковали Милорадовича, который командовалъ главнымъ авангардомъ и стоялъ въ Бауценѣ. Къ вечеру онъ отступилъ къ позиціи и составилъ лѣвый флангъ арміи.

Тогда генералъ Барклай призвалъ меня и приказалъ мнѣ соединить мой отрядъ съ отрядомъ Фигнера и стать между его лѣвымъ флангомъ и правымъ флангомъ генерала Блюхера въ промежуткѣ, который пришлось оставить между этими двумя корпусами вслѣдствіе неровности почвы.

Мнѣ пришлось пройти вдоль всей линіи французской арміи, чтобы добраться до Креквицскихъ высотъ, которыя мы должны были защищать на слѣдующій день. Я остановился тутъ на ночь бивуакомъ; ночь была великолѣпная, и я наслаждался кратковременнымъ отдыхомъ, какимъ мнѣ рѣдко приходилось пользоваться по роду моей службы. Это, хотя и не продолжительное, отдохновеніе было мнѣ весьма полезно. Растянувшись на травѣ, любуясь небомъ и звѣздами, я могъ предаться размышленіямъ, не будучи постоянно тревожимъ то получаемыми донесеніями, то необходимостью самому писать донесенія и не находясь въ томъ тревожномъ состояніи духа, которое постоянно испытываетъ всякій командующій аванпостами.

Канунъ генеральскаго сраженія представляетъ всегда нѣчто величественное и торжественное. Отъ него зависятъ судьбы имперій и жизнь отдѣльныхъ лицъ. Опасность, коей подвергаешься на войнѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится испытывать при мысли, что одна ошибка, одно невѣрное соображеніе могутъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Я былъ поглощенъ этими мыслями, какъ вдругъ появился мой братъ Эдуардъ. Онъ командовалъ эскадрономъ Сумскихъ гусаръ, входившимъ въ составъ отряда полковника Фигнера. Я не видѣлся съ нимъ со Смоленска, гдѣ я оставилъ его при смерти съ графомъ Петромъ Паленомъ. Въ такой большой арміи, какова была наша, можно не встрѣтиться по нѣсколько лѣтъ. Мы провели вмѣстѣ всю ночь, и оба чувствовали потребность побесѣдовать откровенно.

Мы бесѣдовали до восхода солнца; канонада началась на разсвѣтѣ. Вся армія была на ногахъ, погода была великолѣпная. Зрѣлище было величественное: это былъ день Бауценскаго сраженія.

Генералъ Милорадовичъ, сражавшійся весьма успѣшно наканунѣ, вступилъ въ бой на слѣдующій день первымъ. Французы атаковали его на восходѣ солнца.

Центръ, гдѣ находились императоръ, король прусскій и графъ Витгенштейнъ, подвергся нападенію немного позже; Барклаю-де-Толли, командовавшему правымъ флангомъ, пришлось выдержать главный натискъ непріятеля.

Войско сражалось по всей линіи съ храбростью, достойной величайшей похвалы; успѣхъ былъ еще сомнителенъ, когда, около пяти часовъ вечера, въ то время, какъ было еще совсѣмъ свѣтло, графъ Витгенштейнъ далъ приказаніе отступать. Всѣ были этимъ изумлены, такъ какъ въ этомъ не чувствовалось необходимости. Генералъ Милорадовичъ дѣйствовалъ на лѣвомъ флангѣ съ замѣтнымъ успѣхомъ, и ему удалось даже подвинуться нѣсколько впередъ. Центръ стойко держался на занятой имъ позиціи. Барклай, коему пришлось имѣть дѣло съ 3-мъ и 5-мъ корпусами, отступилъ въ безподобномъ порядкѣ на новую позицію.

Насталъ моментъ, когда надобно было двинуть противъ непріятеля всѣ наши силы. Я видѣлъ со своей позиціи у Креквица, что Наполеонъ вызвалъ всѣ свои резервы и гвардію; видимо онъ рѣшилъ сдѣлать чрезвычайное усиліе.

Видя это, у императора Александра хватило характера рѣшиться на отступленіе, и онъ дотого былъ увѣренъ въ храбрости и дисциплинѣ своей арміи, что далъ приказаніе отступать засвѣтло и въ моментъ самаго жаркаго и упорнаго боя. Эта рѣшимость спасла союзныя войска и доказала, что своевременнымъ отступленіемъ можно свести на нѣтъ всѣ успѣхи, одержанные побѣдоносной арміей. Но это можно продѣлать только съ хорошо дисциплинированной арміей, слѣпо повинующейся своимъ вождямъ и на глазахъ у самого монарха.

Отступленіе было произведено тремя колоннами. Первая колонна сформирована изъ корпусовъ Блюхера и Іорка. Вторая—изо всѣхъ резервовъ русской арміи и лѣваго фланга Милорадовича и третья изъ праваго фланга, коимъ командовалъ генералъ Барклай-де-Толли. Генералъ Ермоловъ командовалъ аррьергардомъ.

Всѣ эти движенія были совершены въ образцовомъ порядкѣ. Командиры отдѣльныхъ частей и солдаты дѣйствовали съ полной увѣренностью и отвагою; они не считали себя побѣжденными; мы не потеряли ни одного орудія, и непріятель не взялъ ни одного плѣннаго.

Мы удержали съ полковникомъ Фигнеромъ долѣе всѣхъ нашу позицію на Креквицкихъ высотахъ, гдѣ мы подвергались нѣкоторое время адскому огню. Когда армія находилась уже въ полномъ отступленіи, императоръ подозвалъ меня и лично приказалъ отступить съ моимъ отрядомъ къ Гохкирхену, остаться тамъ до слѣдующаго дня, произвести

рекогносцировку мѣстности, разставить цѣпь ночныхъ аванпостовъ и способствовать всѣми возможными средствами проходу арміи, съ многочисленной артиллеріей и обозомъ.

Я поспѣшилъ выполнить это приказаніе. Пробывъ пять или шесть часовъ подъ выстрѣлами, я былъ радъ оставить отвратительную Креквицкую позицію и начать снова дѣйствовать, хотя мнѣ стоило не малаго труда выполнить приказаніе императора и дойти до Гохкирхена.

По пути, я увидѣлъ императора и короля прусскаго съ ихъ штабами; они ѣхали шагомъ по направленію къ Рейхенбаху и Герлицу.

Я слѣдовалъ за ними нѣкоторое время, а затѣмъ свернулъ вправо къ Гохкирхену, гдѣ, накормивъ людей и лошадей, я остановился на кладбищѣ и наблюдалъ, какъ дефилировали одна за другою всѣ колонны нашего лѣваго фланга и центра. Генералы Корфъ, Сенъ-Пріестъ и нѣкоторые другіе провели ночь въ Гохкирхенѣ.

Я исполнилъ въ точности словесное приказаніе императора и оказывалъ артиллеріи и обозу, которые тянулись мимо насъ всю ночь, содѣйствіе при ихъ прохожденіи. Къ пяти часамъ утра пѣхота и артиллерія успѣли пройти; первые же отряды французской кавалеріи показались лишь около 8 часовъ. Я держался стойко, чтобы дать отсталымъ время догнать свои колонны; непріятель остановился передъ Гохкирхеномъ; мнѣ только этого и было нужно.

Императоръ провелъ ночь въ Немерсдорфѣ, а король прусскій въ Рейхенбахѣ.

Какъ только графъ де-Сенъ-Пріестъ увѣдомилъ меня о прибытіи своемъ въ Лобау (Lobau) и нашихъ остальныхъ колоннъ въ Вейсенбергъ, и узналъ, что Милорадовичъ остановился въ Рейхенбахѣ, я началъ отступать къ Лобау; непріятель гнался за мною по пятамъ.

Не получая болѣе ни отъ кого приказаній, я маневрировалъ самостоятельно, не теряя изъ вида противника и держась все время вправо, чтобы присоединиться къ генералу Ланскому, который, по моему предположенію, долженъ былъ находиться на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ я оставилъ его во время Бауценскаго сраженія, когда мною завладѣлъ Барклай.

Я посылалъ донесенія непосредственно самому главнокомандующему, а дубликаты на всякій случай—генералу Ланскому.

Прибывъ въ Лобау, я засталъ тамъ генерала Лисаневича, занятаго разстановкою аванпостовъ. Не имѣя, слѣдовательно, надобности заботиться объ этомъ, я сталъ за его линіею, чтобы дать людямъ и лошадямъ возможность отдохнуть, въ чемъ они крайне нуждались. Въ этотъ моментъ генералъ Лисаневичъ прислалъ сказать, что приближаются сильныя массы кавалеріи съ намѣреніемъ атаковать его; онъ приказалъ мнѣ прикрывать его лѣвый флангъ.

Я готовъ былъ оказать ему эту услугу, но, внимательно осмотрѣвъ мѣстность, убѣдился въ томъ, что опасность угрожала ему не слѣва, а справа. На проселочной дорогѣ, идущей изъ Бауцена въ Рейхенбахъ, показалось облако пыли. Мнѣ было извѣстно, что съ этой стороны нѣтъ никого, кто могъ бы оказать сопротивленіе колоннѣ, намѣревавшейся напасть врасплохъ на наше войско во время его марша. Нельзя было терять ни минуты, поэтому я поскакалъ въ галопъ, чтобы оттѣснить непріятеля. Проскакавъ за развернутымъ фронтомъ Лисаневича, я не имѣлъ времени сообщить ему о причинѣ совершаемаго мною быстраго движенія. Онъ принялъ это за поспѣшное отступленіе и послалъ мнѣ въ догонку адъютанта, который высказалъ мнѣ отъ его имени неодобреніе.

Не останавливаясь, я успѣлъ только сказать: «пусть вашъ генералъ успокоится относительно моего бѣгства, я объясню ему впослѣдствіи, почему я ускакалъ въ галопъ, но онъ можетъ быть увѣренъ, что я такъ же не боюсь опасности, какъ и онъ, и что и онъ не остался бы тамъ, гдѣ я не счелъ возможнымъ остаться».

Дѣйствительно, прискакавъ на высоты Глоссенъ (Glossen), я встрѣтилъ сильныя колонны, направлявшіяся проселкомъ къ Рейхенбаху.

Я тотчасъ развернулъ мою бригаду и увѣдомилъ объ этомъ генерала Раевскаго, котораго я увидалъ отступавшимъ по этой дорогѣ. Я началъ перестрѣливаться съ непріятелемъ. Раевскій успѣлъ построиться, принялъ непріятеля, какъ слѣдуетъ, и генералъ Лисаневичъ, полагавшій, что ему угрожаетъ столь большая опасность, не былъ даже атакованъ непріятелемъ; отряды, угрожавшіе ему, подошли только для того, чтобы облегчить движеніе французскихъ колоннъ, шедшихъ по проселочной дорогѣ.

Однако, генералъ Лисаневичъ, котораго въ арміи всѣ называли не иначе, какъ «Грицко», такъ какъ онъ напоминалъ своимъ добродушіемъ малоросса, счелъ себя оскорбленнымъ и пожаловался на меня. Графъ Паленъ, только-что назначенный командующимъ авангардомъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и уладилъ недоразумѣніе; мы дружески расцѣловались съ Лисаневичемъ.

Когда генералъ Раевскій вступилъ въ бой съ непріятелемъ, я воспользовался своей свободою и, оставивъ Рейхенбахъ вправо, отступилъ на большую дорогу, чтобы посмотрѣть, что произойдетъ съ той стороны, гдѣ генералы Корфъ, Васильчиковъ, Кноррингъ, Панчулидзевъ и Лисаневичъ были атакованы кавалеріей Латуръ-Мобура и всей гвардейской кавалеріей Наполеона.

Я прибылъ на мѣсто сраженія въ тотъ моментъ, когда оно приняло для насъ неблагопріятный оборотъ.

Не рѣшивъ еще окончательно, что дѣлать, я поскакалъ чрезъ боль-

шую дорогу. Въ эту минуту я встрѣтилъ Алексѣя Орлова, который спросилъ меня, что я намѣренъ предпринять.

— Не знаю,—отвѣчалъ я,—но я воспользуюсь всякимъ представившимся случаемъ, и продолжалъ скакать во весь опоръ.

За пылью непріятель не могъ видѣть моего движенія, такъ что я былъ уже въ оврагѣ близъ деревни Герсдорфъ, когда французы объ этомъ еще не подозрѣвали; они преслѣдовали нашу легкую кавалерію, которая была опрокинута польскими гвардейскими уланами, красными уланами и конногренадерами, которые, удовольствовавшись, вѣроятно, успѣхомъ уланъ, остановились, предоставивъ имъ однимъ преслѣдовать васъ. Я воспользовался этой благопріятной минутою, выскочилъ изъ своей засады и напалъ на польскихъ уланъ.

Эта атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; наша кавалерія повернула обратно и въ свою очередь атаковала смѣлыхъ уланъ; я также не пощадилъ ихъ, такъ что почти всѣ красные уланы были истреблены; поляки, ряды коихъ были сильно разстроены, были обязаны своимъ спасеніемъ только конногренадерамъ, подоспѣвшимъ имъ на помощь.

Генералъ Милорадовичъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, видѣвшіе съ высоты произведенную мною атаку, осыпали меня похвалами; принцъ Евгеній прислалъ мнѣ аттестатъ при лестномъ письмѣ, коимъ я могъ бы воспользоваться своевременно, но чего я, по своему обыкновенію, не сдѣлалъ. Вотъ копія собственноручнаго письма принца Евгенія:

«Честь имѣю препроводить при семъ вашему высокоблагородію аттестатъ. Мнѣ весьма пріятно повторить въ немъ то, что я уже неоднократно высказывалъ вамъ.

«Ваши заслуги давно уже установили мой взглядъ на васъ и, хотя вслѣдствіе разныхъ случайностей, вы не воспользовались заслуженною вами наградою, но васъ вознаграждаетъ за это всеобщее и лестное о васъ мнѣніе, къ которому честь имѣю присоединить изъявленіе особаго уваженія, съ коимъ честь имѣю быть вашего высокоблагородія покорный слуга принцъ Евгеній Виртембергскій».

«Аттестатъ. Данъ сей состоящему по кавалеріи полковнику барону Левенштерну въ томъ, что онъ въ сраженіи подъ м. Рейхенбахомъ въ Саксоніи мая 10-го 1813 года, когда наша кавалерія была опрокинута непріятельскою, со ввѣреннымъ ему отрядомъ ударилъ во флангъ, привелъ ее въ замѣшательство и принудилъ къ поспѣшнѣйшей ретирадѣ. Принцъ Евгеній Виртембергскій».

Послѣ этого успѣха, одержаннаго нами, непріятель не рѣшался ничего предпринять; канонада продолжалось до вечера; однимъ изъ послѣднихъ ядеръ, пущенныхъ въ этотъ день, былъ убитъ Дюрокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Наполеона. Тѣмъ же ядромъ оторвало ноги генералу Брюіеру (Bruyères) и убитъ генералъ Кирженеръ (Kirgener).

Смерть Дюрока была самая чувствительная потеря, понесенная Наполеономъ послѣ смерти маршала Ланна; онъ любилъ и уважалъ генерала Дюрока.

Въ этотъ день впервые съ самаго начала кампаніи Наполеонъ пустилъ въ дѣло большія массы кавалеріи и, такъ какъ это была самая отборная часть, то она одержала вначалѣ успѣхъ; но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ, и сраженіе окончилось для него тяжелой потерею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправки:

Въ № 4-мъ „Русской Старины", кн. апрѣль, на стр. 93, строка 1-я снизу напечатано: митрополитъ Денисъ. Болѣе искусившійся — слѣдуетъ читать: митрополитъ Діонисій, болѣе искусившійся.

На стр. 108, строка 11-я снизу напечатано: Бона Сфорца познакомилъ его,—должно быть: Бона Сфорца познакомила его.

Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому.

(Записка министра внутреннихъ дѣлъ О. Козодавлева).

17-го августа 1816 г.

Нижегородское дворянство, въ 1808 году, желая соорудить въ Нижнемъ-Новгородѣ памятникъ въ честь заслугамъ гражданина Минина и князя Пожарскаго, испрашивало позволенія пригласить разныхъ особъ къ подпискѣ, для собранія потребной на дѣло сіе суммы. Оно предполагало, что если собрано будетъ до 20.000 руб., то на сумму сію можно сдѣлать изъ мрамора обелискъ.

Это желаніе доведено было до высочайшаго свѣдѣнія, и между тѣмъ было поручено разнымъ художникамъ сдѣлать проекты таковаго памятника.

Изъ составленныхъ различными художниками программъ для сего монумента, проектъ Академіи Художествъ ректора статскаго совѣтника Мартоса удостоился одобренія его величества.

Приведеніе онаго въ дѣйство предоставлено изобрѣтателю, съ обращеніемъ въ его пользу исчисленной имъ на то суммы 150.000 рублей.

Деньги сіи назначено выдавать ему по мѣрѣ производства работы, такъ, чтобы въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ кои предполагалось оную окончить, Мартосъ могъ получить всю сумму.

Поелику сооруженіе сего памятника его величество изволилъ предоставить единому усердію россіянъ, по преданности къ славѣ предковъ ихъ и отечества, то повелѣно объявить повсемѣстно программу монумента и открыть въ губерніяхъ подписку для собранія упомянутой суммы.

О всемъ семъ состоялся высочайше утвержденный 21-го ноября 1808 года докладъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Куракина.

Въ слѣдствіе сихъ распоряженій, которыя возложены собственно на министерство внутреннихъ дѣлъ, открыта была подписка, по которой

присылаемы были деньги изъ всѣхъ губерній и по мѣрѣ поступленія отдаваемы въ банкъ для приращенія процентами.

Въ началѣ 1811 года собранная сумма составляла 136.000 руб., въ томъ числѣ присланныхъ изъ Нижегородской губерніи 18.000 рублей.

Тогда статскій совѣтникъ Мартосъ представилъ нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ, что по количеству собранной суммы, можно бы уже начать работу, которая продолжится четыре года. Въ теченіе того времени сумма сія могла еще увеличиться процентами и новыми взносами, особливо если бы назначено было вмѣсто Нижняго-Новгорода поставить монументъ въ Москвѣ. Впрочемъ, онъ полагалъ, что по возвышающейся на все дороговизнѣ исчисленныхъ 150.000 рублей на сіе дѣло не достанетъ.

По разсмотрѣніи сего представленія въ комитетѣ министровъ, журналомъ онаго 15-го февраля 1811 года, высочайше конфирмованнымъ положено, что дѣйствительно приличнѣе поставить монументъ въ Москвѣ, освобожденіе которой было главнымъ предметомъ лицъ на монументѣ изображаемыхъ, а въ Нижнемъ-Новгородѣ соорудить памятникъ изъ обелиска.

По сношенію о семъ съ бывшимъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Гудовичемъ, онъ увѣдомилъ, что дворянство въ Москвѣ и семи уѣздахъ, а также и купечество предположило, когда монументъ поставленъ будетъ въ Москвѣ и сооруженіе начнется, внесть суммы до 40.000 руб., каковое извѣстіе доведено было тогда до свѣдѣнія государя императора.

Послѣ того высочайшимъ рескриптомъ, 20-го октября 1811 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ даннымъ, повелѣно начать немедленно отдѣлку монумента и отпускать исчисленную первоначально Мартосомъ сумму изъ внесенныхъ на сей предметъ денегъ по назначенному въ рескриптѣ порядку; но если бы въ продолженіе работы и не внесено было болѣе суммы по подпискамъ, то его величество изволилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ замѣнить (дополнить) сей недостатокъ въ свое время изъ строительнаго капитала, ежегодно ассигнуемаго на казенныя въ государствѣ строенія.

Въ слѣдствіе чего выдано изъ внесенныхъ въ банкъ суммъ и накопившихся процентовъ статскому совѣтнику Мартосу: 1) въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года на построеніе мастерской, гдѣ будетъ дѣлаться большая модель и на сдѣланіе меньшей модели 15.000 руб.; 2) 1813 года въ октябрѣ мѣсяцѣ на дѣланіе большой модели 15.000 руб.; 3) 1815 года въ февралѣ мѣсяцѣ на покупку мѣди и прочаго для отлитія монумента 80.000 руб., всего же выдано 110.000 рублей.

Въ концѣ мая сего 1816 года статскій совѣтникъ Мартосъ представлялъ, что онъ въ 1813 году согласился съ литейнымъ мастеромъ

Якимовымъ отлить монументъ изъ мѣди за 60.000 руб.; но теперь, по случаю возвысившихся чрезвычайно цѣнъ на мѣдь, за употребленіемъ уже почти всей той суммы, недоставало на покупку мѣди до 20.547 руб., почему и просилъ въ облегченіе свое и Якимова, чтобы для отлитія монумента отпущено было изъ банка мѣди штыковой тысячу двѣсти пудъ, по той цѣнѣ, по какой она самой казнѣ съ доставкою сюда обходится. Сія милость хотя и не вознаградитъ Якимова трудовъ, но по крайней мѣрѣ не подвергнетъ его ожидаемымъ величайшимъ убыткамъ.

По разсмотрѣніи сего обстоятельства въ комитетѣ министровъ журналомъ онаго, 9-го іюня сего 1816 года высочайше конфирмованнымъ, положено недостающую сумму 20.547 руб. отпустить изъ общаго строительнаго капитала сообразно высочайшей волѣ, изъявленной на то министру внутреннихъ дѣлъ въ 1811 году.

На основаніи сего высочайшаго повелѣнія помянутая сумма 20.547 р. выдана изъ строительнаго капитала сего 1816 года литейному мастеру Якимову подъ росписку его съ засвидѣтельствованіемъ статскаго совѣтника Мартоса.

Въ началѣ августа сего года отлитіе монумента совершилось благополучно. Въ немъ обѣ колоссальныя статуи Минина и князя Пожарскаго отлиты совокупно однимъ разомъ и никакого поврежденія ни въ одной части не оказалось.

Теперь остается только отчеканить монументъ и барельефы, на что̀ смотря по огромности и многоразличію работы, потребно будетъ около семи мѣсяцевъ.

Пьедесталъ для сего монумента изъ гранита изготовленъ въ Финляндіи, который, равно какъ и монументъ, долженъ быть перевезенъ въ Москву.

Касательно же назначенія мѣста въ Москвѣ для постановленія монумента, то по сношенію министра внутреннихъ дѣлъ, какъ съ бывшими главнокомандующими графомъ Гудовичемъ и графомъ Ростопчинымъ, такъ и съ нынѣшнимъ генераломъ-отъ-кавалеріи Тормасовымъ, хотя сперва и полагалось поставить сей монументъ на площади у Тверскихъ воротъ близъ Страстнаго монастыря, но по случаю новаго плана, для той столицы прожектированнаго, генералъ Тормасовъ призналъ приличнѣйшимъ для сего мѣсто на Красной площади близъ самаго Кремля, тѣмъ болѣе, что сіе приводило бы живѣе на память и самое событіе, на томъ мѣстѣ случившееся.

Статскій совѣтникъ Мартосъ, который самъ то мѣсто осматривалъ, особенно того желаетъ.

Окончательное же по сему рѣшеніе зависитъ отъ высочайшаго его императорскаго величества благоизволенія.

Исполины.

(Сонъ въ лѣтнюю ночь).

Уснулъ я и вижу равнины,
Родной нашей Русской земли,
Живутъ всё на ней исполины,
Что Русь до сихъ поръ берегли.
Жилища ихъ бѣдныя хаты,
Ихъ Скиѳъ, говорятъ, сколотилъ,
За то ихъ хозяева хваты,
Никто ихъ въ борьбѣ не свалилъ.
Ихъ знали давно супостаты,
И разъ къ нимъ и въ гости пришли,
Пожгли городища, спалили и хаты,
Да такъ не хлебавши ушли.
Ихъ избы броней небогаты,
Ни латъ, ни мечей не видать,
Ихъ страшны бываютъ ухваты,
Какъ бабья поднимется рать!...
Родятся они больше въ хатахъ,
Ужъ въ люлькѣ даютъ себя знать;
Ихъ крестные ходятъ въ заплатахъ...
Въ деревнѣ какая тамъ знать?..
Ихъ въ школу отцы не водили,—
Тутъ косность причиной всему,—
За шалость пеньками кормили...
Такъ дѣтокъ учили уму.
И росъ онъ подъ стукъ колотушекъ
Ребенкомъ легко всё сносилъ,
А парня въ замѣну игрушекъ,
Отецъ на медвѣдя водилъ.
Такъ просто росли исполины,
Хранители Русской земли,
Объ нихъ ужъ сказали былины,
И въ лѣтопись русскихъ внесли.

Л. И. С—въ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

людьми, есть первое правило честности; я не думаю, чтобы это правило могло терпѣть исключенія, но увѣренъ, что оно также не требуетъ и излишняго ригоризма. Кто хочетъ говорить правду людямъ, тотъ долженъ быть оживленъ или любовію къ одной истинѣ или любовію къ людямъ, къ пользѣ людей. Первое не всегда соединено съ послѣднимъ; послѣднее, напротивъ, всегда соединяется съ первымъ и не можетъ не быть соединено. Первое благородно, но рѣдко бываетъ полезно, ибо людское самолюбіе не терпитъ наставленій. Послѣднее столь же благородно, но сверхъ того всегда удачно: кто любитъ пользу людей, тотъ говоритъ правду не для того только, чтобы ее сказать и ею блеснуть, а истинно для того, чтобы ею сдѣлать добро; такой человѣкъ примѣняется къ людямъ и старается дѣлать имъ правду пріятною. Напротивъ, человѣкъ, который говоритъ правду только для того, чтобы ее сказать и, такъ сказать, бросаетъ ее, не заботясь о ея дѣйствіи, имѣетъ въ виду не пользу человѣчества, дѣйствуетъ безъ цѣли, единственно для одной гордости и для одного самолюбія; такіе люди должны быть подозрительны: они больше говорятъ, нежели дѣйствуютъ. Правду должно дѣлать пріятною для того, чтобы она могла быть полезна. Есть люди откровенные и есть люди скрытные. Одинъ говоритъ правду, потому что не можетъ не говорить ее, другой говоритъ правду потому, что обязанъ ее говорить. У перваго она вырывается, послѣдній предлагаетъ ее, помысливъ. Одному легче, другому труднѣе; одинъ слѣдуетъ своему характеру, другой съ нимъ борется; оба поступаютъ одинакимъ образомъ, ибо согласуются съ законами чести, но первый счастливѣе и даже любезнѣе, а послѣдній почтеннѣе и тверже. Какое жъ правило наблюдать, говоря правду? Никогда ни въ какомъ случаѣ не утверждать противнаго внутреннему увѣренію разсудка, но вмѣстѣ стараться не оскорблять людей, ибо жизнь съ людьми есть назначеніе человѣка. Можно быть честнымъ, не будучи ни грубымъ, ни надменнымъ, ни ѣдкимъ. Щадить самолюбіе людей, не жертвуя ему ни справедливостію, ни благородствомъ, есть обязанность человѣка, который не хочетъ зарыться въ берлогу и жить съ медвѣдями. Этому правилу надобно иногда слѣдовать даже и съ друзьями: кто любитъ прямо своего друга, тотъ будетъ любить и его пользу; но онъ конечно не забудетъ, что и въ немъ есть человѣческое самолюбіе.

§ 29. Всегда ли должно говорить правду? Всегда, когда она можетъ быть полезна; всегда, когда она ни вредна, ни полезна. Напротивъ, въ т(омъ) случаѣ, когда она можетъ быть вредною, молчи и не унижай себя утвержденіемъ ложнаго. Дѣйствуй всегда согласно съ внутреннимъ чувствомъ: можешь обмануться, но никого не обманешь, а размышленіемъ предохранишь самого себя отъ обмана. Счастливъ тотъ

человѣкъ, который привыкъ мыслить.—Первое правило: человѣкъ долженъ быть правдолюбивымъ, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду изъ любви къ должности; второе: во всякомъ дѣлѣ онъ долженъ имѣть въ виду пользу людей и добро, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду для пользы людей и соглашать ее съ ихъ благомъ.

§ 30. Августа 12. Я сердитъ на Машу [1]). Но моя досада имѣетъ ли основаніе, или есть одна только привязка? Не сержусь ли я больше за себя, нежели за то, что она сдѣлала; больше за пренебреженіе моихъ словъ, нежели за самый проступокъ? Не хочется ли мнѣ сердиться? Ея непослушаніе, можетъ быть, не иное что, какъ вѣтренность безъ всякаго намѣренія; въ такомъ случаѣ не за что сердиться, и можно только ей дать объ немъ замѣтить. Если жъ она захотѣла не послушаться, если ея непослушаніе есть капризъ и пренебреженіе, то, признаюсь, очень досадно. Конечно, все это не можетъ быть доказательствомъ недостатка дружбы, но показываетъ дурную сторону характера: своенравіе или вѣтренность. Кого любишь, того и слушаешь во всемъ съ удовольствіемъ, хотя не всегда бываешь одинаково расположенъ. Но я не ожидалъ найти въ Машѣ своенравія или такой вѣтренности. Не хотѣть пожертвовать такимъ вздорнымъ удовольствіемъ Найти больше удовольствія въ собакѣ, нежели въ исполненіи просьбы того человѣка, котораго любишь! Это мнѣ досадно, и не потому, чтобы мнѣ хотѣлось видѣть ее мнѣ покорною, а потому, что это показываетъ или ея невниманіе ко мнѣ, или ея своенравность, или вѣтренность. Хотя она ребенокъ, но мнѣ бы чрезвычайно было пріятно исполнять всякое ея желаніе; того же бы хотѣлъ и отъ нея! Говорить ли съ нею? Въ послѣдній разъ! Посмотримъ, какъ приметъ. Non, Marie, je ne veux pas être votre tyran, je ne veux pas que vous exécutiez aveuglement ce que je dis, car je n'exige de vous rien qui soit déraisonnable, mais je suis votre ami, je vous aime au-dessus de tout au monde, je voudrais que vous vous souveniez toujours de ce que je vous dis, que vous aimiez à me faire plaisir même dans les petites choses, et c'est précisement parce que je suis sûr que chacune de vos volontés, quelle qu'elle soit, sera sacrée pour moi et que je sentirai toujours un grand plaisir dans son exécution. C'est ce plaisir là qui est une marque certaine d'une vraie amitié [2]). Надобно, чтобы дружба видна была во всемъ, и въ бездѣл-

---

[1]) Марью Андреевну Протасову.

[2]) Т. е.: Нѣтъ, Маша, я не хочу быть твоимъ тираномъ, я не хочу, чтобы ты слѣпо исполняла то, что я говорю, такъ какъ я не требую отъ тебя ничего безразсуднаго. Я твой другъ, я тебя люблю болѣе всего на свѣтѣ, я хотѣлъ бы, чтобы ты всегда помнила о томъ, что я тебѣ говорю, чтобы ты старалась доставлять мнѣ удовольствіе даже въ мелочахъ, и это именно потому, что я увѣренъ, что каждое твое желаніе, каково бы оно ни было, бу-

кахъ, потому что въ бездѣлкахъ можно ежедневно ее доказывать, а важные случаи рѣдки. Кто любитъ, для того все свято и важно. Итакъ въ послѣдній разъ буду говорить съ Машею. Не должно быть похитителемъ чужаго права, не должно никого обременять своею любовью. Можешь наскучить. А для меня всего тяжеле отягощать собою другихъ, особливо тѣхъ, кого стремишься любить всею душею. Дружба требуетъ взаимности; я требую отъ тебя того, что самъ всегда готовъ для тебя сдѣлать. Всякое, самое бездѣльное невниманіе отмѣнно больно. Я разумѣю невниманіе съ намѣреніемъ. Но Боже меня избави отъ желанія видѣть друзей моихъ со мною осторожными или принужденными. Притворное вниманіе несносно и мучительно, оно не можетъ быть вмѣстѣ съ дружбою, которая всегда и внимательна, и непринужденна. Ты будешь это читать, моя милая Маша. Если я ошибся, если ты вчера сдѣлала одну только вѣтренность, а не поступила такъ по своенравію и капризу, чего я очень желаю, то пожалоста не забудь, что первое удовольствіе должно состоять въ доставленіи удовольствія своимъ друзьямъ; что забывать всякую минуту просьбы своихъ друзей или, что еще хуже, пренебрегать ихъ и жертвовать ими самому пустому удовольствію есть совершенно непростительная вѣтренность. Твой поступокъ вчерашній, какъ онъ ни бездѣленъ, очень меня тронулъ; мнѣ вчера и нынѣшнее утро было досадно на тебя и вмѣстѣ грустно. Какъ можно въ ту самую минуту, когда я тебѣ напомнилъ о твоемъ обѣщаніи, опять забыть объ немъ или (что для меня очень больно) дать мнѣ почувствовать, что ты не хочешь объ немъ помнить и не уважаешь моею просьбою! Не значитъ ли это другими словами, что ты не хочешь, чтобы я чего-нибудь отъ тебя требовалъ? Носить собаку на рукахъ не грѣхъ; но когда тебя просятъ, чтобы ты ее не носила, когда тебѣ сказываютъ резоны, то какъ можно для удовольствія няньчиться съ Розкою, дѣлать неудовольствіе тому человѣку, который тебя такъ любитъ! Это непростительная вѣтренность! Что жъ, если это не вѣтренность, а капризъ и упрямство? Я этого не желаю; но увѣренъ, что ты мнѣ прямо откроешь свое чувство. Твоя искренность дороже мнѣ всего. Я имѣю право отъ тебя требовать дружбы и всѣхъ доказательствъ дружбы, потому что самъ люблю тебя больше всего и отъ всей души. Можетъ быть, ты и не замѣтила моей досады и очень удивишься, услышавъ мою претензію. Боюсь, чтобы я не показался тебѣ слишкомъ взыскательнымъ; но я увѣренъ, что ты будешь со мною искреннею и что конечно во всемъ со мною согласишься. Я не желаю видѣть тебя ни малодушною, ни вѣтренною, ни своенрав-

---

детъ для меня священнымъ и что я всегда буду чувствовать большое удовольствіе въ его исполненіи. Это-то именно удовольствіе есть вѣрный знакъ истинной дружбы.

*

ною; всякой твоѣ недостатокъ удивляетъ меня потому, что я цѣню тебя отмѣнно много. Очень желаю, чтобы ты мнѣ казалась точно такою, какова ты есть въ самомъ дѣлѣ, и чтобы я въ тебѣ не обманулся. Обманываться очень больно.

Къ 1806 же году относится нижепомѣщаемый отрывокъ, которому дается здѣсь мѣсто, какъ имѣющему ближайшую связь съ журналомъ 1806 года. Было ли осуществлено Жуковскимъ намѣреніе написать свою автобіографію отъ ранняго дѣтства по конецъ 1805 года, программа которой находится въ этомъ отрывкѣ, неизвѣстно; вѣроятнѣе, что нѣтъ: по крайней мѣрѣ въ его бумагахъ, пожертвованныхъ въ 1884 году Императорской Публичной Библіотекѣ сыномъ его, П. В. Жуковскимъ, этой автобіографіи не находится.

О томъ, что написать въ журналъ.

Разсмотрѣть свою прошедшую жизнь; разобрать свой собственный характеръ и характеръ нѣкоторыхъ знакомыхъ.

Разсмотрѣть свое настоящее положеніе.

Сдѣлать планъ для будущей жизни.

Привести въ порядокъ свою моральную систему.

Прошедшая жизнь.

1) Ребячество—что можно вспомнить. М. Григорьевна [1]). Матушка [2]). 1 учитель [3]). Григорій [4]). Н. Афанасьев(на) [5]).

2) Ученіе у Роде [6]). Первыя сочиненія. К. Засѣкинъ [7]). См.

---

[1]) Т. е. Марья Григорьевна Бунина, жена отца Жуковскаго, Аѳанасія Ивановича Бунина.

[2]) Елизавета Дементьевна.

[3]) Когда Жуковскому минуло 6 лѣтъ, т. е. въ 1789 г., А. И. Буниинъ выписалъ для него изъ Москвы учителя-нѣмца, котораго звали Якимомъ Ивановичемъ (см. Воспоминанія А. П. Зонтагъ о первыхъ годахъ дѣтства В. А. Жуковскаго, напеч. въ „Русской Мысли“ 1883 года, февраль, стр. 273).

[4]) Григорій—крѣпостной А. И. Бунина, получившій отпускную еще при жизни матери Жуковскаго, Елизаветы Дементьевны (см. письмо Жуковскаго къ матери, безъ даты, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., столб. 2365—2366.

[5]) Т. е. Наталья Аѳанасьевна Вельяминова, рожденная Бунина.

[6]) Т. е. въ пансіонѣ Христофора Филипповича Роде въ Тулѣ.

[7]) Т. е. князь Засѣкинъ.

Аф. Ивановича [1]). Голубковъ [2]). Обуховъ. Риккеръ [3]). Бетхеръ. Поповъ. Котельниковъ.

3) Марья Николаевна [4]).

4) Выходъ изъ Родева пенсіона. Отъѣздъ въ Мишенское [5]). Сальковская жизнь [6]). К. Афанасьевна [7]). Чтеніе Флоріана [8]).

5) Отъѣздъ въ Тулу. В. Афанасьевна [9]). Ученье въ училищѣ [10]). Рисованье у Катышева. M-e Joly [11]). Александра Александровна. Сочиненія [12]). Выходъ изъ учлища. Поѣздка въ Мишенское. M-e Mercurini. Чичеринъ. Отъѣздъ въ Тулу и въ Кексгольмъ [13]).

6) Кексгольмская [14]) и Петербургская жизнь. M-elle Hoffmann, Grave, Бѣляева. Соколовъ. Петербургъ. Возвращеніе въ Тулу и въ Мишенское.

---

[1]) Т. е. Смерть Аѳанасія Ивановича Бунина († въ концѣ марта 1791 г.) (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 275).

[2]) Петръ Ивановичъ, учившійся одновременно съ Жуковскимъ въ пансіонѣ Роде; объ этомъ Жуковскій вспоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Голубкову отъ 25-го мая 1809 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, Спб. 1878 г., т. VI, стр. 385—386).

[3]) Сынъ тульскаго доктора Риккера, по закрытіи пансіона Роде учившійся вмѣстѣ съ Жуковскимъ въ домѣ Юшковыхъ (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 282).

[4]) Вѣроятно, Марія Николаевна Вельяминова, дочь Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой, рожд. Буниной, подруга дѣтства Жуковскаго, впослѣдствіи вышедшая замужъ за Свѣчина.

[5]) Имѣніе Аѳ. Ив. Бунина, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева.

[6]) Сельцо Сальково, тоже Бѣлевскаго уѣзда.

[7]) Т. е. Екатерина Аѳанасьевна Бунина, вышедшая въ 1792 году замужъ за Андрея Ивановича Протасова.

[8]) Извѣстнаго французскаго баснописца; впослѣдствіи Жуковскій, какъ извѣстно, перевелъ его передѣлку „Донъ Кишота“ и нѣсколько его басенъ.

[9]) Крестная мать Жуковскаго, Варвара Аѳанасьевна Юшкова, рожд. Бунина.

[10]) Въ Тульскомъ народномъ училищѣ.

[11]) Посѣщая Тульское училище, Жуковскій въ то же время учился дома французскому и нѣмецкому языку съ дочерьми В. А. Юшковой.

[12]) Живя въ Тулѣ, въ домѣ В. А. Юшковой, Жуковскій написалъ трагедію „Камиллъ, или Освобожденіе Рима“, а потомъ пьесу „Павелъ и Виргинія“.

[13]) Для записки въ полкъ, стоявшій гарнизономъ въ Кексгольмѣ.

[14]) Пребываніе Жуковскаго въ Кексгольмѣ относится къ концу 1795 г. (см. письма Жуковскаго къ матери отъ ноября и декабря 1795 года, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года, столб. 2363—2364).

7) Тульская жизнь. Редуты. Болотовъ [1]). Смерть государыни [2]). Сатина. Отъѣздъ въ Москву [3]).

8) Московская жизнь. Коронація [4]). Вельяминовъ [5]) и Головинъ. Вступленіе въ пенсіонъ [6]). Первые классы. Баккаревичъ [7]). Первый актъ [8]). Выборы [9]). И. Володимеровичъ [10]). Тургеневы [11]). Родзянка [12]). Мерзляковъ [13]). Пенсіонскій образъ жизни. М. Николаевна [14]). Собраніе [15]). Что помѣшало хорошо воспользоваться пенсіономъ. Сочиненія пенсіонскія. Ученье.

Служба. Вступленіе въ Сол. контору [16]). М. у ручья [17]). Греева элегія [18]).

---

[1]) Вѣроятно, извѣстный авторъ „Записокъ“ Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ, бывшій въ то время управителемъ села Богородицка (впослѣдствіи города) Тульской губ., пожалованнаго А. Г. Бобринскому.

[2]) Императрицы Екатерины II († 2-го ноября 1796 г.).

[3]) Марья Григорьевна Бунина повезла Жуковскаго въ Москву въ январѣ 1797 года (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 284).

[4]) Коронація императора Павла происходила 5-го апрѣля 1797 года.

[5]) Вѣроятно, Николай Ивановичъ Вельяминовъ, мужъ Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой, рожд. Буниной.

[6]) Въ Московскій университетскій благородный пансіонъ.

[7]) Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ былъ помощникомъ инспектора и преподавателемъ словесности въ Московск. университ. благород. пансіонѣ.

[8]) Первый актъ за время пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ происходилъ 19-го декабря 1797 года. На немъ, между прочимъ, была читана ода Жуковскаго „Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“.

[9]) Въ основанное Жуковскимъ литературное общество „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“.

[10]) Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, извѣстный масонъ, авторъ „Записокъ“.

[11]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ и его сыновья, друзья Жуковскаго, Андрей, Александръ, Николай и Сергѣй Ивановичи.

[12]) Семенъ Родзянка, сотоварищъ Жуковскаго по Университетскому пансіону, бывшій секретаремъ „Собранія воспитанниковъ пансіона“ и отличавшійся стихотворными дарованіями.

[13]) Алексѣй Ѳедоровичъ, извѣстный потомъ профессоръ Московскаго университета.

[14]) Марья Николаевна Вельяминова? Ср. выше, § 3.

[15]) „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“.

[16]) Жуковскій поступилъ на службу въ Главную Соляную контору въ 1800 году (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 186).

[17]) Т. е. „Мальчикъ у ручья“. Такъ Жуковскій назвалъ свой переводъ романа Коцебу „Die jüngsten Kinder meiner Laune“. „Мальчикъ у ручья“ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1801 году.

[18]) Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился этотъ первоначальный переводъ элегіи Грея „Сельское кладбище“ (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 18).

Литературное собраніе [1]). Знакомство съ Соковниными [2]). Знакомство съ Дмитріевымъ [3]). Козлятевъ [4]). Съ Карамзинымъ [5]). Смерть государя [6]). Воейковъ [7]). Кайсаровы [8]). Рахмановъ. Коммиссія. Блудовъ [9]). Коронація [10]). Отъѣздъ Тургеневыхъ [11]). Выходъ изъ Соляной конторы [12]). Отъѣздъ въ деревню [13]).

9) Отставка. Вторичный переводъ Греевой элегіи [14]). Намѣреніе

---

[1]) Учрежденіе Дружескаго Литературнаго Общества. Законы этого Общества были подписаны его учредителями (въ томъ числѣ и Жуковскимъ) 12-го января 1801 года (см. Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 154).

[2]) Съ семействомъ Сергѣя Михайловича Соковнина, товарища Жуковскаго по Университетскому пансіону.

[3]) Съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ.

[4]) Ѳедоръ Ильичъ Козлятевъ († 1808 г.), сослуживецъ И. И. Дмитріева по Семеновскому полку, человѣкъ высокихъ нравственныхъ достоинствъ, находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Дмитріевымъ, который не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ („Взглядъ на мою жизнь"). Карамзинъ говорилъ о немъ: „Это такой человѣкъ, что я за версту сниму предъ нимъ шляпу". „Поэтъ Жуковскій искренно любилъ и уважалъ его"—пишетъ Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ. Жуковскій посвятилъ памяти Козлятева нѣсколько прочувствованныхъ стиховъ въ своемъ „Отрывкѣ изъ письма къ И. И. Дмитріеву", относящемся къ 1813 году (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 313).

[5]) Н. М. Карамзинъ вскорѣ (въ апрѣлѣ 1801 года) женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ Андрея Ивановича Протасова, мужа Екатерины Аѳанасьевны Протасовой.

[6]) Императора Павла I († 11-го марта 1801 г.).

[7]) Александръ Ѳедоровичъ, воспитанникъ Университ. пансіона, впослѣдствіи женившійся на племянницѣ и крестницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

[8]) Извѣстные братья Кайсаровы, Андрей, Михаилъ и Пансій Сергѣевичи, тоже воспитанники Универс. пансіона. Жуковскій, какъ извѣстно, былъ особенно друженъ съ А. С. Кайсаровымъ.

[9]) Съ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ Жуковскій познакомился чрезъ Д. В. Дашкова (см. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время", Спб. 1866, стр. 21).

[10]) Коронація императора Александра I происходила 15-го сентября 1801 года. При коронаціи Блудовъ и Жуковскій были дежурными у раздачи или предъявленіи билетовъ при входѣ на Кремлевскую площадь (см. Ковалевскій, назв. сочиненіе, стр. 24).

[11]) Друга Жуковскаго, Андрея Ивановича Тургенева на службу въ Петербургъ, а Александра Ивановича Тургенева за границу въ Геттингенскій университетъ.

[12]) Изъ Соляной конторы Жуковскій вышелъ въ 1802 году съ чиномъ титулярнаго совѣтника (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 186).

[13]) Въ Мишенское Жуковскій пріѣхалъ въ апрѣлѣ 1802 года.

[14]) Вторичный переводъ элегіи „Сельское кладбище" относится къ сентябрю 1802 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25).

строиться въ Бѣлевѣ. Знакомство съ барономъ [1]). Короткое знакомство съ Карамзинымъ. Жизнь въ Свирловѣ [2]). Смерть Тургенева [3]). Вадимъ [4]). Женитьба Карамзина [5]). Минина [6]). Болѣзнь Тургенева [7]). Отъѣздъ въ Москву. Ода для пенсіона [8]). Женитьба Кирѣевскаго [9]). Возвращеніе въ деревню. Сватьба. Пріѣздъ Тургенева. Поѣздка въ Петербургъ. Возвращеніе въ Москву и въ деревню. Планъ путешествовать [10]). Антонской [11]). Маша [12]). Поѣздка въ Орловскую. Проташинскій [13]). Перемѣна въ расположеніи ума. Кирѣевской. Свѣчинъ [14]). Смерть Петра Николаевича [15]). Перемѣщеніе въ домъ [16]). Вендрихъ [17]). Юшковы. Свѣчина разводъ.

---

[1]) Съ барономъ И. П. Черкасовымъ, о которомъ см. выше, стр. 19.

[2]) Свирлово—деревня подъ Москвою. Тамъ скончалась 4-го апрѣля 1802 года первая жена Карамзина Елизавета Ивановна. Въ мартѣ 1803 г. Карамзинъ снова уѣхалъ изъ Москвы въ Свирлово, куда къ нему переѣхалъ на житье и Жуковскій (см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, ч. I, Спб. 1866, стр. 388).

[3]) Друга Жуковскаго, Андрея Ивановича Тургенева († 8-го іюля 1803 г.).

[4]) Историческая повѣсть Жуковскаго „Вадимъ Новогородскій", посвященная памяти Андрея Ив. Тургенева, была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы" 1803 года (№ 23 и 24).

[5]) Карамзинъ женился вторымъ бракомъ на Екатеринѣ Андреевнѣ Колывановой, воспитанницѣ кн. Андрея Ив. Вяземскаго, въ январѣ 1804 года.

[6]) Минины были тульскіе помѣщики.

[7]) Вѣроятно, Ивана Петровича Тургенева.

[8]) Описаніе акта Университетскаго благороднаго пансіона, происходившаго 21-го декабря 1804 года, помѣщено въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей" 1804 года (отъ 24-го декабря). Изъ этого описанія видно, что на актѣ, между прочимъ, были „произнесены Стихи къ Поэзіи, сочиненія господина Жуковскаго".—Стихотвореніе „Къ поэзіи" было написано Жуковскимъ въ декабрѣ 1804 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25).

[9]) Василія Ивановича Кирѣевскаго на племянницѣ Жуковскаго Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Свадьба ихъ состоялась 16-го января 1805 года (см. выше, стр. 17).

[10]) Относится къ 1805 году (см. выше, стр. 10—11).

[11]) Деньги на путешествіе предполагалъ дать А. А. Прокоповичъ-Антонскій (см. выше, стр. 10).

[12]) Племянница Жуковскаго, Марья Андреевна Протасова. Чувство любви къ ней зародилось въ Жуковскомъ въ серединѣ 1805 года (см. выше, стр. 13—14).

[13]) О Проташинскомъ и родственныхъ его отношеніяхъ къ семьѣ Протасовыхъ см. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 35—36 и 114.

[14]) Вѣроятно тотъ, за котораго вышла племянница Жуковскаго Марья Николаевна Вельяминова.

[15]) Петръ Николаевичъ Юшковъ (который былъ женатъ на Варварѣ Аѳанасьевнѣ Буниной) умеръ 4-го декабря 1805 года.

[16]) Свой домъ въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить съ 1804 года и поселился въ немъ въ концѣ 1805 года (см. выше, стр. 6, прим. 7-е).

[17]) Ѳедоръ Григорьевичъ Вендрихъ, сосѣдъ Жуковскаго по деревнѣ, хо-

10) Настоящее мое положеніе.

11) Мой характеръ.

12) Нѣсколько словъ о характерахъ моихъ прочихъ знакомыхъ. Ник. Ивановичъ [1]). Авд. Аѳанасьевна [2]). Николай Михайл. Михаилъ и Павелъ Михайловичъ [3]). Анна Ѳедоровна [4]). Катер. Семеновна [5]). Бошнякъ [6]). М. Семеновна. Н. Александровна Чебышевъ [7]). Арбеневы [8]).

Будущая жизнь.

1) Что я долженъ и могу изъ себя сдѣлать со стороны моральнаго образов(анія).

2) Какова теперь М. [9]) и какою я ей желаю быть.

3) Какая цѣль моей жизни и какъ до нея достигнуть.

4) Въ чемъ долженъ положить свое счастіе.

5) Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказаться.

6) Какъ пользоваться самимъ собою, чѣмъ заниматься и чѣмъ доставлять другимъ пользу.

рошо знакомый съ нѣмецкою литературою. Въ печати извѣстно письмо къ нему Жуковскаго отъ 19-го декабря 1805 года, въ которомъ Жуковскій сообщалъ ему впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ „Агатона“ Виланда (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 383—385).

[1]) Вельяминовъ? См. выше § 8.

[2]) Авдотья Аѳанасьевна Алымова, рожд. Бунина, старшая дочь А. И Бунина.

[3]) Братья товарища Жуковскаго, С. М. Соковнина, Николай, Михаилъ и Павелъ Михайловичи Соковнины.

[4]) Соковнина, мать Соковниныхъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

[5]) Екатерина Семеновна Тургенева, мать друзей Жуковскаго.

[6]) Александръ Карловичъ Бошнякъ (р. 1787 г. † 1831 г.), тоже воспитанникъ Московск. университ. благор. пансіона; по окончаніи въ немъ курса, служилъ въ Московск. архивѣ иностр. дѣлъ, въ 1816—1820 гг. былъ нерехтскимъ предводителемъ дворянства, а подъ конецъ жизни (въ 1829 г.) вице-президентомъ Молдаво-Валахскаго Дивана. Человѣкъ весьма образованный, онъ много занимался ботаникою. Жуковскій говорилъ про Бошняка, что онъ будетъ русскимъ Бюффономъ (см. письмо къ А. К. Бошняку В. И. Губарева, тоже бывшаго воспитанника Университ. пансіона, отъ 1816 г., напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1879 года, т. XXVI, стр. 214—215. Свѣдѣнія объ А. К. Бошнякѣ см. тамъ же, стр. 213).

[7]) Объ этомъ Чебышевѣ и знакомствѣ его съ Жуковскимъ упоминается въ письмахъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 13-го октября 1818 года и 18-го іюля 1819 года (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 129 и 268).

[8]) За Арбенева вышла замужъ одна изъ племянницъ Жуковскаго Авдотья Николаевна Вельяминова.

[9]) Т. е. Маша (Марья Андреевна Протасова).

7) Какъ себя образовать и какой методѣ слѣдовать въ чтеніи.

8) Планъ моей жизни: семейственной; авторской; общественной.

9) Что я долженъ имѣть необходимо для своего счастія.

10) Какъ вояжировать и что дѣлать, если не поѣду вояжировать.

Моральная система

въ отношеніи къ Богу; къ ближнему; къ себѣ самому.

Къ Богу. 1) Понятіе о религіи натуральной и откровенной: на нихъ основать свои поступки. 2) Понятія о твореніи. 3) Молитва. 4) Провидѣніе.

Къ ближнему. 1) Человѣколюбіе. 2) Общество. 3) Любовь къ отечеству. 4) Учтивость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодѣянія. 8) Свѣтскія знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхожденіе. 12) Разговоръ. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушіе. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнѣніе. 19) Великодушіе. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

Къ самому себѣ. 1) Спокойствіе души. 2) Душа. 3) Характеръ. 4) Умъ. 5) Тѣло. 6) Добродѣтель. 7) Ревность. Зависть. Соревнованіе. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономія. 11) Умѣренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злорѣчіе. 15) Цѣломудренность. 16) Уваженіе самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнѣніе. 23) Честность. 24) Совѣсть. 25) Смерть. 26) Состояніе. 27) Порядокъ. 28) Образъ жизни. 29) Счастіе. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтеніе. 35) Лѣнь, медлительность.

Мысли.

О довѣренности. О аффектаціи. Какому правилу слѣдовать въ сужденіи о людяхъ. О спорѣ. Какъ говорить правду? Откровенность и скрытность. О дѣятельности. Здравіе тѣлесное необходимо для совершенства умственнаго. Женитьба есть товарищество для совершенства. Чего требовать отъ жены и чѣмъ должно быть хорошему супругу? Какія мои занятія должны быть ежедневныя и постоянныя? Идеалъ добродѣтельнаго и счастливаго человѣка. О Агатонѣ [1]). Какіе вопросы я долженъ дѣлать себѣ всякой день? О христіанской морали въ сравненіи съ философической: основать послѣднюю на первой. Прочитать моральныя статьи въ Энциклопедіи и потомъ написать свои.

---

[1]) См. выше, стр. 40, прим. 17-е, и письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 6-го января 1806 года („Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 22).

Замѣчанія на прошлый годъ журнала и о томъ, что мнѣ дѣлать нынѣшній годъ.

О всемъ, что будетъ написано въ моемъ журналѣ, говорить съ опытными людьми. Всѣ отдѣльныя мысли изъ журнала вынести въ особую тетрадь.

Вѣстникъ [1]). Смерть М. Г. и матушки. Плещеевы. Милиція. Воейковъ.

Какъ сказано выше въ предисловіи (стр. 3), въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ въ Императорскую Публичную Библіотеку его сыномъ Павломъ Васильевичемъ, послѣ журнала 1806 года идетъ перерывъ въ цѣлыхъ десять лѣтъ.

Въ тѣхъ же бумагахъ сохранился писанный въ концѣ 1814 года рукою Жуковскаго набросокъ плана о томъ, какія отношенія должны быть между нимъ, Екатериною Аѳанасьевною Протасовою, ея дочерьми Маріею Андреевною и Александрою Андреевною (вышедшею въ 1814 году замужъ за А. Ѳ. Воейкова) и А. Ѳ. Воейковымъ. Набросокъ этотъ относится къ концу 1814 года, когда семья Е. А. Протасовой стала собираться къ отъѣзду изъ Муратова въ Дерптъ. Жуковскій, какъ извѣстно, въ 1814 году пытался еще разъ убѣдить Е. А. Протасову дать согласіе на бракъ его съ ея дочерью Маріею Андреевною, но попытка его не имѣла успѣха, и онъ получилъ, въ концѣ концовъ, только позволеніе ѣхать въ Дерптъ вмѣстѣ съ Протасовыми и Воейковыми.

Помѣщаемъ здѣсь этотъ набросокъ, а также слѣдующія за нимъ мысли Жуковскаго объ общемъ счастіи, представляющія подробное развитіе мыслей, кратко изложенныхъ въ началѣ наброска, въ виду того значенія, какое оба эти документа имѣютъ для біографіи Жуковскаго.

---

1. Планъ.

1) Занятія. 2) Обхожд(еніе) съ М(ашею), съ Екат(ериною) Аѳ(анасьевною) (мнѣ, Воей(кову), Машѣ). 3) Обр(азъ) жизни въ Дерптѣ. Хозяйство въ Мурат(овѣ). 4) Заниматься(ся). 5) Журналъ. 6) Расположеніе времени.

---

[1]) Послѣднія двѣ строки приписаны Жуковскимъ позднѣе, въ концѣ 1813 года. Событія, въ нихъ записанныя, относятся къ 1808—1813 годамъ. „Вѣстникъ Европы“ Жуковскій издавалъ въ 1808—1810 годахъ; Марья Григорьевна Бунина скончалась 13-го мая 1811 года; мать Жуковскаго, Елизавета Дементьевна, скончалась 25-го мая того же 1811 года; въ ряды Московскаго ополченія Жуковскій поступилъ 12-го августа 1812 года, а на родину вернулся 6-го января 1813 года; Плещеевы—это друзья Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ и жена его Анна Ивановна, рожд. гр. Чернышева; А. Ѳ. Воейковъ пріѣхалъ навѣстить Жуковскаго въ Муратовѣ (имѣніи Е. А. Протасовой) въ концѣ 1813 года, а въ 1814 году женился на второй дочери Е. А. Протасовой, Александрѣ Андреевнѣ.

Планъ счастья. Первое, чтобы мы имѣли довѣренность. Наша цѣль. Обхожд(еніе) взаим(ное). Обр(азъ) жизни сем(ейной). Жизнь для другихъ. Не имѣть никакой постор(онней) цѣл(и). Прошедшее. Представить, что мы . . . . . [1]). Общія средства для счастія— какого? Чтобы у насъ въ семьѣ было мирно, достаточно, дѣятельно. Слѣд(овательно), это осн(овывается) на душ(евныхъ) уд(овольствіяхъ), на усоверш(енствованіи) взаим(номъ), на дѣятельности, которая безъ . . . . [2]). Слава. Деньги. Благосл(овеніе) на дѣтей и насъ. Чтобы Екат(еринѣ) Аѳ(анасьевнѣ) было весело, на это способы общіе.

Мнѣ съ Воейковымъ:

Намъ жить вмѣстѣ. Слѣд(овательно) имѣть цѣль одну: общее счастіе, общую славу. Для одного мысль, что мы этого желаемъ искренно. Имѣть въ виду сохранить уваж(еніе) другъ къ другу. Помнить во всякое время другъ о другѣ. Говорить все прямо и безъ закрышки. Поставить за правило, если одинъ заговорилъ, другому молчать и не отвѣчать до тѣхъ поръ, пока не придешь въ спок(ойное) состо(яніе). Воейкову думать, что я объ Сашѣ такъ же забочусь, какъ и онъ обо мнѣ. Мнѣ думать, что Воейковъ тоже обо мнѣ. Ему мнѣ повѣрять всѣ мысли насчетъ Саши. Не таить другъ отъ друга ничего дурного; прошлое загладить; будущее сдѣлать прекраснымъ вмѣстѣ. Воейкову быть искреннимъ на мой счетъ съ Екатерин(ою) Аѳан(асьевною). Говорить и обо мнѣ и объ Машѣ, какъ онъ думаетъ. Ручаться, что мы противъ ея воли ничего не пожелаемъ; но увѣрить, что она лишаетъ насъ счастія безъ причины.

Воейкову съ Екат(ериною) Аѳ(анасьевною):

Поставить за правило угождать во всемъ — благодарн(ость). Грубость. Средство для минутъ неудовольствія: вспоминать о Сашѣ; молчать, когда не въ состояніи не сказать груб(ости); уступать или говорить свое мнѣніе съ ласкою. Быть самому искренному. Сказать напередъ то, что хочешь узнать, не ожидая, чтобы сказали. Главное правило: любить не смотря на непріятности, любить изъ благодарн(ости), любить для Саши. Быть терпѣливымъ въ той мысли, что это спасаетъ жизнь жены, дѣлаетъ счастіе друзей и ее самое дѣлаетъ счастл(ивою). За все награда—уваженіе и спокойствіе четырехъ человѣкъ. Не забывать, что во всякую минуту есть прибѣжище—жена.

Мнѣ съ Екатер(иною Аѳанасьевною):

Противъ холодн(ости) вооружиться терпѣ(ніемъ). Отвѣчать молчаніемъ, никогда грубостію. Вспоминать о Машѣ. Не противорѣчить въ

---

[1]) Далѣе написаны сокращенно три слова, но почеркомъ неразборчивымъ.

[2]) Далѣе написано неразборчиво начало одного слова.

мнѣніи. Искать прибѣжища въ работѣ. Мысль, что мы вмѣстѣ; что каждый день будетъ такъ. Говорить искренно все. Стараться занимать. Мысль, что она не можетъ быть свободна, что это только временемъ (sic). Довести ее до этого. Средства. Мысль, что ее надобно сдѣлать искреннею. Средства. Мысль, что она Машина мать; для этого все сносить. Воейкову наблюдать. Показывать какъ можно болѣе вниманія ко мнѣ. Сашѣ быть своб(одною) со мною насчетъ Маши

Машѣ съ Е(катериною) Аѳан(асьевною):

Быть какъ можно своб(однѣе) на мой счетъ. Распр(осы). Говорить всегда просто свое мнѣніе. Огорченія сносить легче. Мысль, что мы вмѣстѣ. Переносить ихъ въ общ(ій) комитетъ.

М(ашѣ) со мною:

Наша цѣль быть столько счастлив(ыми) вмѣстѣ, сколько возможно. Слѣд(овательно) люб(ить). Пользоваться жизнію каждый особ(енно). Помогать другъ другу быть лучшимъ. Мнѣ все хорошее для Маши; Машѣ для меня. Любить—значитъ теперь для насъ имѣть согласіе въ чувствахъ и мысляхъ; но помнить, что мы дали слово. Съ этимъ обѣщаніемъ соглашать свои поступки. Отлич(іе) позволен(наго) отъ непозвол(еннаго). Позволенное—всѣ ласки сестры и брата. Непозволенное—все то, что нужно скрывать. Довольствоваться тѣмъ, что мы не разлучены; что мы увѣрены другъ въ другѣ. Не желать для настоящаго ничего болѣе. О будущемъ не заботиться и его стоить. Заниматься вмѣстѣ съ тою же цѣлью, съ какою бы и розно занимались. Стоить любви маменьки. Непріятности облегчать терпѣніемъ. Мнѣ надѣяться на утѣш(еніе) Маши, Машѣ на мое. Быть сколько возможн(о) свободн(ыми) при мам(енькѣ), остор(ожными) при другихъ. Во дни непремѣнно одну минуту вмѣстѣ 4-мъ, дабы польз(оваться) сов(ершенною) своб(одою), но не однимъ. Это прин(ять) къ исполн(енію). Довѣренность. Жаловаться другъ другу только другъ на друга. Что ни дѣлать, имѣть въ виду другъ друга.

М(ашѣ):

Читать. Замѣчать въ книгахъ особ(енныхъ) знакомъ тѣ мѣста, кот(орыя) дру(з)ья. Выписывать самыя лучшія мѣста. Журналъ соб(ственный). Мѣста изъ Свящ(еннаго) Писанія. Собственныя мысли и замѣчанія на другихъ.

Мнѣ:

Проза—все писать такое, что было бы дост(ойно). Стихи—слава ей. Св. Писаніе—моя исповѣдь. Прививки (sic)—посв(ятить) ей. Журналъ соб(ственный). Жить какъ пишешь. Искренность насчетъ дурного. Не быть пристрастн(ымъ) въ журналѣ. Ревность. Съ маменькою насчетъ.

замужества. Объ этомъ написать для себя и при случаѣ отдать ей. Режимъ: взять у Фора [1]).

М(ашѣ) съ Воейк(овымъ):

Быть искренною въ ж(еланіи) ему счастія; готовою все сдѣлать, что потр(ебуетъ) минута. На этомъ чув(ствѣ) осн(овываться) пост(оянно). Въ минуты бурныя молчаніе. За то въ минуты тихія правда и ясность дружбы. Сія истинная дружеская искренность будетъ связью.

Воейк(ову) и Сашѣ:

Какъ скажетъ любовь. Но вотъ совѣты дружбы: Воей(кову) не забывать о здоровьѣ, слѣд(овательно) горячность болѣе всего. Вспыльчивость произвед(етъ) ист(ерику). У Воей(кова) пройдетъ, но слѣдъ останется, и здоровье нач(нетъ) погиб(ать). Слѣд(овательно) беречь Сашу, а съ Е(катериною) Аѳан(асьевною): избѣг(ать) случая сердить; гораздо легче уступ(ать), нежели быть причиною разстр(ойства). Все, что можетъ съ одной стороны стоить тяжелой жертвы, напередъ отъ того отказаться. Въ ссорахъ другъ съ другомъ принимать посредниковъ только меня и Машу. Посторонніе чтобъ и не видали. Все прочее сами знаете. Сашѣ обдумыв(ать) все, что прин(адлежитъ) къ званію матери. Объ этомъ вмѣстѣ съ Машею—глав(ное) занятіе обѣихъ, и я помощн(икъ). Чтеніе и опытъ.

Образъ жизни. Общіе предметы хозяйств(енные), обѣдъ и ужинъ. Назнач(ить) людей. Не много. 1) Чтобы были довольны. Обд(умать) ихъ нужды и удовл(етворять) съ излиш(комъ), чтобы имѣть право болѣ(е) требов(ать). 2) Каждому письменно назначить должность и внѣ ея ничего не требовать. Чтобъ онъ былъ порядоченъ, нужно самому подчин(яться) порядку. 3) Всѣ вещи на запискѣ. 4) Самимъ распредѣл(ить) себѣ долж(ности). Сдѣлать общую смѣту всего расхода: на домъ, отопленіе и освѣщеніе; на лошадей; на жал(ованье) и одежду людямъ; на свою одежду; чай, кофе и сахаръ; вино; на годов(ой) стол(овой) запасъ для себя и людей; на ежед(невный) расх(одъ) на столъ; на ежед(невный) рас(ходъ) на людск(ую) пищу; на карманныя деньги; на непредвидѣнан; на закупку нужныхъ мебелей для Дерпта. 5) Должности. Машѣ: Имѣть на рукахъ деньги. Вести приходъ и расходъ. Этому сдѣлать образецъ и книги. Расх(одъ) и при(ходъ) вещамъ. Записка всего, что есть въ домѣ. Приказ(ывать) кухню. Сашѣ: Имѣть на рукахъ чай, сахаръ и кофе и ключи отъ всѣхъ комод(ов)ъ, чтобы знать, гдѣ что лежитъ и

[1]) Докторъ Форъ, взятый въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ, жилъ у Плещеевыхъ въ ихъ имѣніи Черпь. Онъ лѣчилъ въ 1813 году М. А. Протасову во время ея болѣзни (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 121. Тамъ же, на стр. 121—124, напечатано стихотворное посланіе Жуковскаго къ Фору, относящееся къ 1813 году).

чтобы ничто не лежало брошено въ безпоря(дкѣ) или было забыто. Воейкову: лошади, овесъ, сѣно, дрова, люди (ихъ одежда, пища, ихъ должности). Жук(овскому): Смотр(ѣть) за чистотою въ домѣ. Библіотека. Починки въ домѣ. Ав(дотьѣ) Мих(айловнѣ): имѣть на рук(ахъ) стол(овый) запасъ, вино, свѣчи. Выдав(ать) на кухню свѣчи, вино. Имѣть на рук(ахъ) фарфоръ, и посуду, и серебро. Записывать дневн(ой) расходъ. Мѣсячный Машѣ. Имѣть на рук(ахъ) погребъ, мыло. Стир(ка) бѣлья. 6) Общая смѣта.

Занятія: общія и частныя, семейств(енныя), общеполезныя. Общія правила: Чтобы не было во дни праздной минуты. Заниматься каждому съ своею частною цѣлью. Общая цѣль, чтобы день принесъ пользу или головѣ, или карману. Чтобъ минуты отдыха были веселы. Чтобы была и для другихъ польза.

Чтобы Екатер(ину) Аѳ(анасьевну) никогда не оставл(ять). Распредѣлить такъ время, чтобы при ней. Чтобъ были мину(ты), чтобы всѣ вмѣстѣ. Дневанье.

Занятія порознь. Занятія вмѣстѣ. Порознь: занятія по должности, занятія для себя полезныя. Занятія вмѣстѣ: пріятныя, разговоръ.

Занятія порознь. По должно(сти). Каждому обдум(ать) свою цѣль. 1 должность—образовать самого себя. 2 долж(ность)—исполнять то, что прилично званію. 3 долж(ность)—непосредств(енная) польза для тѣхъ, кому она нужна.

1) Чтеніе выбранныхъ книгъ. Писать для себя. Какъ читать и какъ писа(ть). Журналъ.

2) Званія:

Сашѣ, какъ матери: воспитаніе и понятіе о томъ, что каждая мать должна науч(ить) дѣтей: а) если сынъ, б) если дочь. Машѣ должность быть въ этомъ ей помощницею.

Метода, какъ заниматься.

Мнѣ и Воейкову: 1) Чтеніе. Журналъ. 2) Авторство мнѣ (назнач(ить): кажд(ый) день прозы, кажд(ый) день въ стих(ахъ). Вмѣстѣ: Изданіе стихотв(ореній) и проз(ы). Красоты библіи. Приготовл(еніе) къ лекціямъ. Лат(инскій) языкъ и италіанскій. Сообщ(еніе) замѣч(аній) на читанное и записки. Красоты слав(янскаго) языка. Журналъ. Изданіе календаря. Изданіе ежег(одно) луч(шихъ) піесъ въ стих(ахъ) и прозѣ.

Воспитаніе. Составить пол(ный) корпусъ изъ чит(анныхъ) книгъ. Составить нач(альную) книжку для наставленія.

Занятія вмѣстѣ. Священное Писаніе. Чтеніе духовныхъ писателей. Чтеніе своихъ сочиненій и ихъ разборъ.

Выдумать способъ, чтобъ часы, проводимые вмѣстѣ, не были скучны. Приготовл(ять) матерію для разгов(оровъ). О томъ, что читалъ. Одн(имъ) словомъ, думать объ этой минутѣ, ибо она есть отдыхъ отъ дѣятельнаго

дня, въ который всѣ должны быть веселы. Задавать вопросы, которые разрѣш(ать) словесно. Чтеніе замѣченныхъ мѣстъ. Разсказы, игры—чтобы прих(одили) какъ будто невзнач(ай). Планъ кажд(аго) дня. Я и Воей(ковъ). Журналъ нашей жизни; вести Машѣ. Каждому свой журналъ и замѣчанія за другими, такъ чтобы каждый зналъ мысли другихъ о себѣ, и чтеніе другъ другу.

Занятіе полезное для другихъ. Найти бѣдную семью. Каждому съ своей стороны способствовать. Сдѣлать располож(еніе) и слѣдов(ать) ему. Но прежде всего, чтобы все вокругъ насъ было въ порядкѣ.

Прибавленіе.

1) Изъ моихъ тетр(адей) и писемъ.

М(ашѣ) съ мам(еньк ою): Беречь спок(ойствіе) духа. Сказать себѣ, чего желать, чѣмъ довольствоваться, какія неизбѣжныя огорченія, какъ ихъ уменьшать, быть готовымъ къ дурному, пользоваться всѣмъ хорошимъ. Положеніе маменьки съ нами.

Жизнь вмѣстѣ. Одна цѣль. Думать. Забота каждаго о себѣ. Близко. Что возможно и что невозможно.

Новая связь, вмѣстѣ. Стар(аться) до(с)тичь съ мат(ушкою), даже и вопреки ей. Вмѣстѣ сколько непріятн(остей) съ этою цѣлію.

Ненад(обность) переписки. Замѣна чтенія; журналъ; выписки изъ книгъ; назнач. за свѣд.

Противъ ревности воспоминаніе всего прошедшаго.

Tu me dois ton bonheur particulier [1]). Что мнѣ надобно? Что ей надобно? О замужествѣ—обдумать и написать. 1) Режимъ. Смѣло приказ(ывать) по Форову [2]) предпис(анію). 2) Спокойствіе духа. Довѣр(енность) взаим(ная). Не пит(ать) мысл(ей) унын(ыхъ). Смотр(ѣть) на вещи просто. Не приним(ать) къ сердцу. Упов(ать): всет(аки) мы вмѣстѣ. О чтеніи.

О моемъ обѣщаніи. Разговоръ. Я не могу дать. По тѣхъ поръ пок(а) не б., пока не прист. Я не могу гдѣ-то жить. Послѣ моей смерти. Изъ сожалѣнія. Счастья нѣ(тъ)—оно въ испол(неніи) д(олга). Что М. [3]) за... [4]). Я знаю, что онѣ сами были виною. Все для себя.

Шуба. Послѣдніе дни. Плач(евное) прощаніе.

Машины тетрадки. Мои тетрадки. Условіе. Régime.

---

[1]) Т. е. Ты мнѣ обязана своимъ счастіемъ.

[2]) Доктора Фора, о которомъ см. выше, стр. 46, примѣчаніе 1-е.

[3]) Т. е. Маша (М. А. Протасова).

[4]) Конецъ слова написанъ такъ неразборчиво, что его нельзя прочесть.

Для хар(актеристики) Воейк(ова) мои посланія.

Для Е(катерины) Аѳ(анасьевны) мое и ея письмо.

Хар(актеры) Во(ейкова), Ек(атерины) Аѳ(анасьевны), Саш(и), Маш(и), Ав(дотьи) Петр(овны) [1]), мой, Плещ(еева), Ан(ны) Ив(ановны) [2]).

Сочиненія: Владим(іръ) [3]), Вост. Пѣв(ецъ) [4]), Maison de Ch. [5]), баллады [6]), Посл(аніе) къ госуд(арю) [7]), Привѣт(ственное) посл(аніе), Оберонъ [8]), Филоктетъ [9]), Art poétique [10]), Eloisa to Abel(ard) [11]), Der Moench und die... Лекціи. Журналъ. Энеида [12]). Письма о воспит(аніи) и нравств(енности). Журналъ. Жизнь и сочиненія Муравьева [13]). Романъ. Анти-Кандидъ. Прививки (sic) [14]).

Скрытыя статьи. Мнѣ съ Воейковымъ. Мнѣ съ Машею.

Вообще.

Наша цѣль: общее счастіе. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастію кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало.

---

[1]) Авдотьи Петровны Кирѣевской, рожд. Юшковой.

[2]) Пріятеля Жуковскаго Александра Алексѣевича Плещеева и его жены Анны Ивановны, рожденной графини Чернышевой.

[3]) Поэма, которую, какъ извѣстно, задумывалъ написать Жуковскій, но которая такъ и осталась ненаписанною.

[4]) Пѣвецъ въ Кремлѣ?

[5]) La Maison des champs?—дидактическая поэма Кампенона (Campenon, р. 1772 † 1843), изданная въ 1809 году.

[6]) Перечень балладъ, написанныхъ Жуковскимъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1814 года, см. въ Бумагахъ Жуковскаго, стр. 151.

[7]) Посланіе къ императору Александру написано Жуковскимъ съ 14-го по 23-е ноября 1814 г. (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 151; „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 129—130).

[8]) Переводить Виландова „Оберона" Жуковскій началъ еще въ концѣ 1811 года (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 53).

[9]) Приблизительно къ 1811 же году относятся сохранившіеся въ бумагахъ Жуковскаго начатые наброски его перевода Лагарпова „Филоктета" (см тамъ же, стр. 54).

[10]) Извѣстное сочиненіе Буало.

[11]) Посланіе Элоизы къ Абеляру—сочиненіе англійскаго поэта А. Попа.

[12]) Переводъ Жуковскаго отрывка изъ Энеиды явился позже, въ 1822 году

[13]) Работою по приготовленію къ печати сочиненій Михаила Никитича Муравьева, не вошедшихъ въ изданіе 1810 года, Жуковскій занимался по предложенію вдовы М. Н. Муравьева, Екатерины Ѳедоровны Муравьевой; имъ былъ даже составленъ планъ изданія, но въ концѣ концовъ, занятый другими дѣлами, Жуковскій отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 125, прим. 7-е).

[14]) Ср. выше, стр. 45.

Въ чемъ состоитъ это общее счастіе? Въ семейственномъ спокойствіи: то-есть, чтобы у насъ въ семьѣ все было весело, чтобы въ ней была полезная дѣятельность, что(бы) не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ.

1) Чтобъ быть веселымъ, надобно быть: довольнымъ своимъ положеніемъ, довольнымъ другими, довольнымъ собою.

NB. Средства на это легкія, самыя простыя и всѣ отъ насъ зависятъ. Чтобы составить наше счастіе, намъ не надобно ходить въ даль за способами: они всѣ у насъ подъ руками; только хотѣть и не отдѣлять себя отъ другихъ,—а соглашать свои понятія объ немъ съ понятіями своихъ товарищей.

a) Для того, чтобъ быть довольнымъ положеніемъ своимъ, надобно: Не желать перемѣны. Пользоваться тѣмъ, что есть. Боязнію будущаго не портить настоящаго. Думать, что нѣтъ блаженнѣ(е) состоянія, какъ семейственнаго круга, въ которомъ всѣ добрые, вѣрятъ другъ другу, заботятся другъ объ другѣ, порознь трудятся, вмѣстѣ отдыхаютъ посреди искренности и не допускаютъ въ свой кругъ никакихъ огорченій, которыя бы отвратить было имъ возможно. Быть увѣреннымъ, что это положеніе наше и что отъ насъ зависитъ его сохранить.

b) Чтобъ быть довольнымъ собою, надобно: Поставить за правило не только поступкомъ, но и намѣреніемъ не нарушать общаго покоя. Соображаться въ мысляхъ и желаніяхъ съ этою общею цѣлью. Исполнять это сколько возможно на дѣлѣ. Тогда скажешь самому себѣ съ удовольствіемъ, что ты достоинъ занимать свое мѣсто въ милой семьѣ.

c) Чтобъ быть довольнымъ другими: Имѣть къ нимъ полную довѣренность. Маленькія неудовольствія сносить спокойно или не привязываться ни къ чему мелкому. Быть откровеннымъ и требовать откровенности. Не беречь ничего на сердцѣ. Никогда не забывать мысли, что живешь между твоими товарищами, съ которыхъ счастіемъ связано и твое. Не проводить ночи въ сомнѣніи и досадѣ, чтобы утро нашло тебя такимъ, какимъ быть долженъ, то-есть съ легкимъ сердцемъ, не имѣющимъ ничего противъ своихъ друзей, полнымъ прежней ничѣмъ не помраченной къ нимъ любви.

Чтобы другіе были нами дов(ольны): Имѣть къ нимъ довѣренность. Что на сердцѣ, то на языкѣ. Не отдѣлять себя отъ нихъ, не полагать своего желанія за общее правило, но общее своимъ желаніемъ. Не требовать только отъ нихъ, но и самому все для нихъ дѣлать. Думать не объ однихъ только ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ себѣ, но о своихъ въ отношеніи къ нимъ. Однимъ словомъ, соглашать свое съ общимъ. Полную свободу мнѣній. Смотрѣть за ними болѣе, нежели за собою, а смотрѣніе за собою повѣрить имъ и замѣченнаго не беречь на сердцѣ, а говорить прямо. Мысль о усовершенствованіи другихъ.

Всему прошедшему полное забвеніе, и кто имѣетъ себя въ чемъ упрекать, тотъ имѣй въ головѣ только мысль: будущимъ загладить прошедше(е), и чтобы каждый день это исполнялось на дѣлѣ—думать, что мы только что пускаемся вмѣстѣ въ дорогу за счастіемъ, и взять нужный для этого запасъ.

Все это необходимо для того, чтобы намъ всѣмъ порознь и вмѣстѣ было весело. А это веселье, успокоивающее душу, необходимо для того, чтобы мы каждый могли съ успѣхомъ заниматься своимъ особеннымъ дѣломъ, чтобы нашъ отдыхъ отъ дѣла былъ прямо отдыхъ, то есть ощущеніе себя въ кругу милыхъ товарищей, гдѣ все твое, гдѣ нѣтъ заботы, гдѣ перестаешь думать о прошедшемъ и будущемъ, гдѣ доволенъ и собою, и другими. Такое только веселье, такая только дѣятельность составляютъ счастіе. Не имѣть его въ кругѣ добрыхъ значитъ не хотѣть его имѣть. Оно наше, если только сами не будемъ его разрушителями.

2) За весельемъ—дѣятельность,—не та, которая служитъ прибѣжищемъ и спасителемъ отъ горя, которая рѣдко отъ него спасаетъ и вмѣстѣ съ такимъ худымъ товарищемъ и половиннаго успѣха имѣть не можетъ,—но дѣятельность веселыхъ въ семейственномъ кругу счастливцевъ [1]), то-есть наша.

a) Главное правило, чтобы ни одинъ день не прошелъ даромъ, не прибавивъ намъ добра, чтобы онъ не исчезъ изъ жизни. Только изъ такихъ дней составленная жизнь можетъ назваться жизнію. Изъ дней ничтожныхъ составленная есть ничтожество. Какой же запасъ принесешь въ ту жизнь? Готовить этотъ [2]) запасъ наша обязанность; помогать другъ другу готовить—другая, а помогать нечѣмъ другимъ, какъ счастливя другъ друга, чтобы это счастіе служило вмѣсто вдохновенія. Бѣда, если горе уничтожитъ дѣятельность ежедневную, слѣдовательно всей жизни, и если это разрушитъ горе отъ милыхъ людей.

b) Имѣть каждому особенную цѣль, и чтобы къ этой цѣли всякой день особенно приближалъ.

c) Имѣть слѣд(овательно) свое особенное занятіе, относительное къ особенной своей цѣли.

d) И эта цѣль можетъ быть двоякая: или особенная обязанность по своему званію, или обязанность общая для всѣхъ, нравственное свое усовершенствованіе.

Этимъ занятіямъ посвятить свои особенные часы, часы, собственно каждому принадлежащіе. Употребить ихъ такъ, чтобы послѣ, отдыхая съ друзьями, можно было дать имъ пріятный для нихъ и для себя отчетъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ описка: счастливцемъ.

[2]) Тамъ же описка: эту.

e) Такого же рода занятія могутъ быть и вмѣстѣ—для всѣхъ одно.

f) Наконецъ занятіе непосредственно полезное для другихъ, которые не принадлежатъ къ нашей семьѣ, должно входить въ планъ нашего счастія. Я говорю о благодѣяніи. Какое оно быть должно, впередъ нельзя сказать,—но, если можно, чтобъ каждый день былъ замѣченъ добрымъ дѣломъ, по чувству ли сдѣланнымъ или по обязанности—нѣтъ нужды: или причины или дѣйствія все будутъ хорошія. Но это должно быть семейственною тайною.

1817.

Октябрь.

4-е, четвергъ. Выѣздъ изъ Петербурга [1]). Обѣдъ въ С(арскомъ) Селѣ. Пушкинъ [2]). Дорогою встрѣча съ курьеромъ. Спасск(ое) Полисть(е) [3]). Трактиръ. Тверь. Чертковы.

Вторникъ, 9. У Протасовыхъ. Пріѣздъ въ Москву [4]).

10. У Вяземск(аго) [5]). У Антонск(аго) [6]). У Дмитріева [7]). У Нарышк(ина) [8]).

11. У великаго князя [9]).

12. Чудесный праздникъ на Воробьев(ыхъ) горахъ [10]).

14. Напрасн(ая) попытка представиться государынѣ [11]).

---

[1]) Въ подлинникѣ описка: „Выѣздъ изъ Москвы“.

[2]) Проводивъ Жуковскаго, А. С. Пушкинъ вернулся 5-го октября въ Петербургъ (см. письмо А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому отъ 5-го октября 1817 года въ Остафьевскомъ Архивѣ, т. I, стр. 89).

[3]) Станція по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву.

[4]) Князя Петра Андреевича.

[5]) Въ Остафьевскомъ Архивѣ напечатано (т. I, стр. 90) письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 8-го октября 1817 г., въ которомъ сообщается уже о пріѣздѣ Жуковскаго въ Москву.

[6]) У А. А. Прокоповича-Антонскаго.

[7]) У И. И. Дмитріева.

[8]) Вѣроятно, у Кирилла Александровича Нарышкина, занимавшаго недолгое время должность гофмаршала двора великаго князя Николая Павловича (см. „Русскую Старину“ 1896 года, октябрь, стр. 34—35). Въ декабрѣ 1817 года К. А. Нарышкинъ былъ назначенъ уже гофмаршаломъ высочайшаго двора.

[9]) Николая Павловича.

[10]) Въ этотъ день происходила торжественная закладка храма Христа Спасителя.

[11]) Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

17, середа. У Булгакова [1]). К(апо) д'Истрія [2]), Стурдза [3]), Рушковскій [4]), Видберхъ [5]). Великолѣпная мысль для храма. Неудачная поѣздка въ Астафьево [6]). Собраніе пенсіонское.

18-е. Астафьево.

21, воскрес(еніе). Представленіе велик(ому) князю и императрицѣ. Воронежской помѣщикъ. Обѣдъ у Качеповскаго [7]). У Офросим(ова) [8]).

22. День освоб(ожденія) Москвы отъ поляковъ. Первая лекція [9]). Мое переселеніе [10]). У Офросимова.

24. Письмо отъ Тургенева [11]). Обѣдъ въ Англ(ійскомъ) клубѣ. Давыдовъ [12]). Дмитріевъ. Качен(овскій).

25. По утру у Екатер(ины) Семен(овны) [13]). Біографія королевы Луизы [14]). Обѣдъ у великаго князя. Бенкендорфъ [15]): анекдотъ о крестѣ. Музыка. Народъ передъ окномъ. Храповицкій [16]). Дурновъ [17]). Принцъ Прусскій [18]). Послѣ обѣда у Екатерины Семен(овны). К(нязь) Голи-

---

[1]) У Константина Яковлевича (р. 1782 † 1835), съ 1816 по конецъ 1819 года занимавшаго должность московскаго почтдиректора.

[2]) Графъ И. А. Каподистрія въ то время былъ статсъ-секретаремъ императора Александра I и состоялъ въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Извѣстный писатель и дипломатъ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, въ то время бывшій переводчикомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Иванъ Александровичъ, помощникъ московскаго почтдиректора, а съ 1820 г. по самую смерть († 1832) московскій почтдиректоръ.

[5]) Ѳедоръ Лаврентьевичъ Витбергъ, архитекторъ, составитель плана постройки храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

[6]) Извѣстное имѣніе кн. П. А. Вяземскаго.

[7]) Михаила Трофимовича, извѣстнаго профессора Московскаго университета и издателя „Вѣстника Европы".

[8]) Александра Михайловича, который былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Маріѣ Петровнѣ Юшковой.

[9]) Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которой преподавать русскій языкъ былъ приглашенъ Жуковскій.

[10]) Жуковскому, на время пребыванія высочайшаго двора въ Москвѣ, было отведено помѣщеніе въ одной изъ келій Чудова монастыря, куда онъ и переселился 22-го октября (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 181).

[11]) Отъ Александра Ивановича Тургенева. Отвѣтъ Жуковскаго на это письмо напеч. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 181—183.

[12]) Поэтъ и партизанъ Денисъ Васильевичъ.

[13]) Тургеневой, матери Ал. Ив. Тургенева. И далѣе въ дневникѣ Жуковскаго она вездѣ называется только по имени и отчеству.

[14]) Матери великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[15]) Александръ Христофоровичъ, въ то время генералъ-маіоръ, впослѣдствіи шефъ жандармовъ и графъ.

[16]) Матвѣй Евграфовичъ, генералъ-адъютантъ.

[17]) Вѣроятно, флигель-адъютантъ Николай Дмитріевичъ Дурново.

[18]) Вильгельмъ (впослѣдствіи германскій императоръ).

цынъ [1]). Совѣщаніе у Антонскаго и Вяземскаго. Эпиграммы и Пушкина [2]) басня.

26. Обѣдъ у Дружинина [3]). Сентимеръ. Полуехтовъ [4]). Каченовскаго болѣзнь.

27. суббота. Моей лекціи не было: в(еликая) к(нягиня) нездорова. Я люблю свою должность, и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастіе быть привязаннымъ къ тому, что должно. Я надѣюсь со временемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны языка ей полезны, но дадутъ пищу размышленію и подѣйствуютъ благодѣтельнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: извнѣ и внутри души. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни съ кѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерею выгодъ, ибо не ищу ихъ — вотъ теперь мое положеніе. Да сохранитъ Богъ его неизмѣннымъ.—Пріѣздъ Воейкова съ стихами [5]). Извѣстіе отъ Проташ(ин-

---

[1]) Извѣстный князь Александръ Николаевичъ, въ то время главноуправляющій иностранными исповѣданіями, а въ концѣ 1817 г. ставшій и министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Василія Львовича. Вѣроятно, онъ читалъ свою басню „Гнѣвъ Зевеса“, которая черезъ день, 27-го октября, была имъ прочтена въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности (см. извѣстіе объ этомъ засѣданіи, напеч. въ № 91-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1817 г.).

[3]) Вѣроятно, у Петра Михайловича Дружинина, адъюнкта Московскаго университета, директора училищъ Московской губерніи и члена Общества любителей россійской словесности.

[4]) Борисъ Владиміровичъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, умершій въ 1834 году въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи; въ то время онъ былъ генералъ-маіоромъ. Извѣстны стихи ему Жуковскаго на выступленіе въ походъ 1815 г. 17-го февраля (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 422), начинающіеся такъ:

Нашъ кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!
Лети съ полками въ поле брани.

[5]) Александра Ѳедоровича изъ Дерпта, гдѣ онъ занималъ (съ 1814 по 1820 г.) каѳедру русскаго языка и словесности. Стихи, которые привезъ Воейковъ,—это написанный имъ въ Дерптѣ въ 1817 году „Отрывокъ изъ поэмы Искусства и Науки“ (впослѣдствіи напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1819 г., ч. 104, № 8, апрѣль); въ этомъ отрывкѣ Воейковъ характеризуетъ литературную дѣятельность нашихъ старыхъ и нѣкоторыхъ новыхъ писате-

скаго) [1]) о Сашѣ [2]). Поповъ [3]). Обѣдъ у Е(катерины) Семен(овны) и письмо къ Сергѣю [4]). Засѣданіе въ Общ(ествѣ) л(юбителей) с(ловесности) и скука [5]). Дмитріевъ и Шаликовъ [6]). Ужинъ у В. Л. Пушкина.

28, воскресенье. Чистое счастіе дѣлаетъ религіознымъ. Все прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство все оживляетъ въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ. Я бы каждое прекрасное чувство назвалъ Богомъ. Оно есть Его видимый, или слышимый, или чувствуемый образъ. — Шамбо [7]). Пріятное знакомство.—Обѣдалъ у Тютчева [8]). Вечеръ дома.

лей. Между прочимъ, Жуковскому посвящена въ „Отрывкѣ“ слѣдующая строфа (стр. 254):

Жуковскій! съ якоремъ, лилеей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
Объ небѣ говоришь, какъ будто неба житель;
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства.
Ты рѣжешь на мѣди для поздняго потомства.
Ты любишь трудное; играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты.
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лѣсъ—твое любимое гульбище,
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей;
Но ты веселый гость на пиршествѣ друзей.
О другъ! не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ!
Твой пламень не погасъ средь бѣдствій: пусть же вновь
Ярчѣй зажжетъ его счастливая любовь.

[1]) О немъ см. выше, стр. 40, прим. 13-е.

[2]) Объ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой (рожд. Протасовой женѣ А. Ѳ. Воейкова, племянницѣ и крестницѣ Жуковскаго.

[3]) Вѣроятно, Василій Михайловичъ Поповъ, приближенный князя А. Н Голицына, директоръ департамента народнаго просвѣщенія.

[4]) Къ Сергѣю Ивановичу Тургеневу, брату Александра и Николая Ив. Тургеневыхъ, находившемуся въ то время во Франціи, гдѣ онъ состоялъ при графѣ М. С. Воронцовѣ по дипломатической части.

[5]) Извѣстіе объ этомъ засѣданіи было помѣщено въ № 91 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1817 года. Между прочимъ, въ этомъ засѣданіи было прочтено сотрудникомъ Общества П. С. Яковлевымъ стихотвореніе самого Жуковскаго „Сказка Карбункулъ“ (т. е. Красный карбункулъ).

[6]) Князь Петръ Ивановичъ, бездарный писатель.

[7]) Иванъ Павловичъ Шамбо, секретарь великой княгини (а потомъ императрицы) Александры Ѳеодоровны.

[8]) У Ивана Николаевича Тютчева († 1846), отца поэта Ѳ. И. Тютчева. И. Н. Тютчевъ, орловскій помѣщикъ, живалъ по зимамъ въ Москвѣ (см.

Счастіе не цѣль жизни. Мы соединены состраданіемъ съ другими. Ихъ несчастіе общее для насъ. Мы менѣе радуемся, нежели печалимся вмѣстѣ съ другими. Несчастіе дѣлаетъ другого намъ любезнѣе, почтеннѣе—онъ въ нашихъ глазахъ возвышается, чѣмъ болѣе страдаетъ и борется, тѣмъ любезнѣе.

Мы знаемъ здѣсь одно потерянное счастіе. Счастіе нашъ предметъ; здѣсь мы имѣемъ только тѣнь предмета.

То чувство равнодушія, какое имѣетъ всегда мертвое тѣло посторонняго намъ человѣка, есть доказательство безсмертія души. Тайный голосъ говоритъ намъ, что мертвый ничего не потерялъ. Мы жалѣемъ или себя или другихъ, жалѣя о мертвомъ; видя чужія слезы, мы плачемъ объ немъ.

Видъ мертваго младенца дружитъ съ смертію.

29, понедѣльникъ. Утро у в(еликой) княгини. Поповъ. Къ Кокошкину [1]) обѣдать: Апраксинъ [2]), Солнцевъ [3]), Похвистневъ съ женою. Послѣ обѣда у Вяземскаго. У Попова.

3 (ноября), суббота. Утро у в(еликой) к(нягини). Я немножко опоздалъ, и мнѣ былъ какъ будто выговоръ. Она нетерпѣлива; но эта нетерпѣливость милая и добродушная. Я нашелъ у нея Нарышкина [4]). Она занималась важнымъ дѣломъ: выборомъ камней. Она спросила у меня, люблю ли камни?—Не знаю, люблю ли, потому что никогда не имѣлъ ихъ; но больше думаю, что не люблю.—Она не выучила своей басни и съ большимъ горемъ разсказывала мнѣ, что ей было некогда. La princesse Moustache [5]) a été chez moi après dîner et a passé deux heures entières. Vous savez qui est la princesse Moustache? Quand ces dames à

Біографич. очеркъ Ѳ. И. Тютчева, сост. И. С. Аксаковымъ, въ „Русск. Архивѣ“ 1874 г., вып. 10, столб. 10). О знакомствѣ въ эту пору съ Жуковскимъ Ѳ. И. Тютчевъ вспоминаетъ въ своемъ стихотвореніи „17 апрѣля 1818“, написанномъ въ 1873 году.

[1]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (р. 1773 г. † 1838 г.), переводчикъ Мольерова Мизантропа, большой любитель театра, съ 1823 г. по 1831 г. управлявшій московскимъ театромъ.

[2]) Сергѣй Степановичъ Апраксинъ (р. 1747 г. † 1827 г.), генералъ-отъ-кавалеріи, извѣстный въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ; у него также устроивались любительскіе спектакли, концерты и литературныя чтенія.

[3]) Камергеръ Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ († 1848 г.), женатый на сестрѣ В. Л. Пушкина, Елизаветѣ Львовнѣ.

[4]) К. А. Нарышкина, гофмаршала двора великаго князя Николая Павловича (см. выше, стр. 52, прим. 8-е).

[5]) Статсъ-дама княгиня Наталья Петровна Голицына (р. 1741 г. † 1837 г.), рожд. графиня Чернышева; она собой была некрасива и съ большими усами, отчего и получила прозваніе „La princesse Moustache“.

portrait vous arrivent, il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant que mon après-dînée est à moi [1]). Только хотѣли мы начинать, явился государь. Прошло съ четверть часа. Потомъ явились принцъ [2]) и в(еликій) к(нязь). Съ послѣднимъ мы нѣжно поцѣловались.—У Вяземскаго. У Муравьева. Обѣд(алъ) у Екатерины Семеновны. Вечеръ у в(еликаго) князя. Была государыня и разыгрывала лотерею. Разгов(оръ) съ Виллам(овымъ) [3]) о Мерзляковѣ [4]). Бенкендорфъ. Албедиль [5]), который буфонитъ и котораго дразнятъ: совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ я его встрѣтилъ на дорогѣ изъ Дерпта. Милорадовичъ [6]). Трубецкой [7]) съ женою. Храповицкій [8]). Моденъ [9]). Пашковъ [10]). Мухановъ [11]). Нелидова [12]). Ливенша [13]). Прозоровск(ая) [14]). Волконская [15]). Гр(афъ) Чер-

---

[1]) T. e. La princesse Moustache была у меня послѣ обѣда и пробыла цѣлыхъ два часа. Знаете вы, кто такая la princesse Moustache? Когда къ вамъ являются эти кавалерственныя дамы, то нельзя уже болѣе шутить. А я такъ люблю, чтобы послѣобѣденное время было въ моемъ распоряженіи.

[2]) Принцъ прусскій Вильгельмъ.

[3]) Григоріемъ Ивановичемъ († 1842 г.), секретаремъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи главноуправляющимъ IV отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

[4]) Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ написалъ по случаю закладки храма Спасителя стихи „Пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя", которые были имъ читаны въ засѣданіи Общества любителей россійск. словесности 27-го октября 1817 г.

[5]) Гофмаршалъ баронъ Петръ Романовичъ Альбедиль (р. 1764 г. † 1830 г.), вице-президентъ Придворной конторы.

[6]) Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, бывшій въ то время командующимъ гвардейскимъ корпусомъ.

[7]) Вѣроятно, генералъ-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой.

[8]) См. выше, стр. 53, прим 16-е.

[9]) Шталмейстеръ высочайшаго двора графъ Гаврилъ Карловичъ Моденъ (р. 1774 г. † 1833 г., въ должности оберъ-егермейстера), въ концѣ 1817 года назначенный гофмаршаломъ двора великаго князя Николая Павловича вмѣсто К. А. Нарышкина.

[10]) Вѣроятно, оберъ-гофмаршалъ Василій Александровичъ Пашковъ.

[11]) Вѣроятно, оберъ-шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ.

[12]) Извѣстная камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова.

[13]) Статсъ-дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, воспитательница дочерей императора Павла, въ 1826 г. возведенная въ княжеское достоинство.

[14]) Статсъ-дама княгиня Анна Михайловна Прозоровская, вдова московскаго главнокомандующаго князя А. А. Прозоровскаго.

[15]) Статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская, гофмейстерина двора великой княгини Александры Ѳеодоровны.

нышевъ [1]). Кочетова [2]). Нелединская [3]). Разгов(оръ) съ государ(ынею). Она разспрашивала меня о моей ученицѣ [4]); а моя ученица насъ подслушивала и краснѣла. Разговоръ съ Дурновымъ [5]). Отмѣнно умный, живой и проворный. Въ лотереѣ лучшимъ лотомъ было петинетовое платье; его выиграла государыня, которая потомъ изъ него сдѣлала лотерею, назначивъ его напередъ женѣ Адлерберга [6]). Il me paraît que la familiarité du g(rand) d(uc) est inconvenable: elle embarrasse étant trop libre [7]).

4, воскресенье. Болѣзнь Митеньки [8]). Послѣ обѣда у Вяземскаго. Свадьба, рожденіе и смерть въ одной семьѣ.

5, понедѣльникъ. У в(еликой) к(нягини). Долженъ былъ у в(еликой) к(нягини) обѣдать, но прослушалъ приглашеніе и обѣдалъ у Офросимова [9]). Митенькѣ нѣсколько лучше по утру; ввечеру и гораздо лучше. Но эта надежда только злая шутка. Пушкина, Е. Г. [10]). Рябинина. Аникѣева.

6, вторникъ. Нынѣшній день есть тяжкій урокъ жизни: онъ учитъ радоваться, но не полагаться на радость; вѣрить радостямъ души, но не полагаться на постоянство счастія. День начался прекрасно; свѣтлое утро и свѣтлость въ сердцѣ. Урокъ мой былъ очень пріятенъ: въ моей ученицѣ часъ отъ часу открываю болѣе милыхъ, непорочныхъ прелестей сердца. Душа откровенная до младенчества; умъ прекрасный, но еще не напуганный опытомъ. Я говорилъ съ нею о высокой ея цѣли и о прекрасномъ образцѣ, который она имѣетъ въ своей матери. Я имѣлъ удовольствіе слышать отъ нея, и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. «Aucun de mes maîtres n'a été si clair que vous!» Однимъ словомъ это утро наполнило сердце счастіемъ. Мое по-

---

[1]) Оберъ-шенкъ графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ.

[2]) Фрейлина Екатерина Николаевна Кочетова.

[3]) Фрейлина Софья Юрьевна Нелединская-Мелецкая, дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, бывшая потомъ замужемъ за Ѳ. В. Самаринымъ.

[4]) Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[5]) Вѣроятно съ флигель-адъютантомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Дурново.

[6]) Женѣ адъютанта великаго князя Николая Павловича, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга (впослѣдствіи графа), Маріѣ Васильевнѣ, рожд. Нелидовой.

[7]) Т. е. Короткость обращенія великаго князя (Николая Павловича), по моему мнѣнію, неподходяща: она стѣснительна, будучи слишкомъ свободною.

[8]) Сына князя П. А. Вяземскаго.

[9]) См. выше, стр. 53, прим. 8-е.

[10]) Елена Григорьевна Пушкина, жена остроумца-москвича Алексѣя Михайловича Пушкина († 1825 г.).

ложеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно. На эту минуту доволенъ собою—надобно всегда быть довольнымъ собою. Да сохранитъ мнѣ Богъ всегда чистоту сердца и да пошлетъ успѣхъ добрымъ желаніямъ и способность ихъ исполнить. Послѣ былъ у Вяземскаго. Тамъ было все спокойно. Надежда жива. Это дало пріятный остатокъ дня (обѣдъ у Булгакова [1]) и вечеръ у Дмитріева). Возвращаюсь домой. У самаго крыльца нагоняетъ Вяземскаго человѣкъ. Зовутъ къ нему. Все перемѣнилось. Я засталъ нѣсколько минутъ жизни малютки. Всѣ сидѣли вмѣстѣ. Докторъ былъ надъ умирающимъ. Послышались его шаги: это было приближеніе смерти. Мать, прощаясь съ мертвымъ, говорила ему, какъ живому: прости, мой голубчикъ. Въ этомъ выраженіи что-то необыкновенно трогательное. Мы разстались въ три часа. Когда я ѣхалъ отъ Дмитріева домой, луна свѣтила ярко; Кремль былъ прекрасенъ; главы на церквахъ сіяли; на землѣ было свѣтло, и за луннымъ свѣтомъ, озарявшимъ землю, исчезали звѣзды. Когда я возвращался отъ Вяземскаго, все уже было иное: луна спряталась; все покрыто было туманомъ; но звѣзды сіяли гораздо ярче: все на землѣ стало темнѣе; за то на небѣ все сдѣлалось ярче [2]). Какое разительное, живописное изображеніе этого дня и всей жизни.

7, середа. Съ Вяземскимъ у Мит(енькина) тѣла. Видъ мертваго младенца дружитъ съ смертію.—Об(ѣдалъ) у С. С. Апраксина [3]). Тонъ стар(иннаго) боярства. Кажется страннымъ потому, что не похожъ на обыкновенный нынѣшній. Нѣтъ простоты; но есть величавость. Что предпочесть, Богъ знаетъ. Кажется, для большихъ собраній такой тонъ лучше. Непринужденность должна быть въ маломъ кругѣ. Принужденность въ большомъ кругѣ есть синонимъ благопристойности.—Домой. Потомъ съ Пушкинымъ [4]) къ Солнцеву [5]) и къ Кологривымъ [6]), гдѣ Вяземскіе. Е. Григ. Пушкина. Разговоръ о физіономіи. Полуех-

---

[1]) Константина Яковлевича. См. выше, стр. 53, прим. 1-е.

[2]) Ср. описаніе того же событія въ письмѣ Жуковскаго къ Н. М. Карамзину отъ 8-го ноября 1817 г., напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. сентябрь, стр. 38—39.

[3]) О немъ см. выше, стр. 56, прим. 2-е.

[4]) Васильемъ Львовичемъ.

[5]) О немъ см. выше, стр. 56, прим. 3-е.

[6]) Къ тещѣ князя П. А. Вяземскаго, Прасковьѣ Юрьевнѣ Кологривовой (рожд. княгинѣ Трубецкой, въ первомъ бракѣ бывшей за княземъ Ѳ. С. Гагаринымъ) и ея мужу, Петру Александровичу Кологривову. Князь и княгиня Вяземскіе, по кончинѣ сына, тотчасъ переѣхали къ своимъ знакомымъ Рябининымъ, а 7-го ноября отъ нихъ къ Кологривовымъ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 39).

товъ съ женою [1]). Съ нѣкоторыми людьми ловко только наединѣ; при другихъ съ ними стыдно. Вниманіе, которое показываешь къ ихъ словамъ, кажется смѣшнымъ. Наединѣ безъ притворства позволяешь себѣ быть внимательнымъ и говоришь съ этими людьми и х ъ языкомъ. При другихъ, чувствуешь, что такое вниманіе есть притворство, и невольно, говоря, оглядываешься и стыдишься того, что говоришь. Ужиналъ у Кологрив(ыхъ); сидѣлъ рядомъ съ Aimée [2]), которая мила, какъ птичка.

8, четвергъ. Ходилъ къ в(еликой) к(нягинѣ) просить позволенія не быть завтр(ашній) день. Видѣлъ одного Нарышкина. Jéricho [3]). Балъ.

9, пятница. Поѣздка въ Астафьево.

10, суббота. У Нарышкина. Разговоръ о его дѣтяхъ. Вечеръ у Вяземск(ихъ). Обѣд(алъ) у Е(катерины) Семеновны.

11, воскресенье. Обѣд(алъ) у Похвистнева. Чтеніе Мерзл(якова) стиховъ [4]). Вилье [5]).

12, понедѣльникъ. У в(еликой) княгини. Она не приняла урока, но приняла меня. Больна флюсомъ. Обѣдалъ у Полуехтова. Паскевичъ [6]).—Ввечеру у Дмитріева.

Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служитъ урокомъ. Счастіе жизни: знать хорошо урокъ свой, чтобы не постыдиться передъ Верховнымъ Учителемъ. Гдѣ употребить этотъ урокъ въ пользу—это знаетъ Учитель. Что Онъ учитъ не даромъ, это вѣрно; и въ знаніи этого вся вѣра [7]).

---

[1]) Б. В. Полуехтовъ (о немъ см. выше, стр. 54, прим. 4-е) 4-го ноября 1817 года женился на свояченицѣ князя П. А. Вяземскаго, княжнѣ Любови Ѳедоровнѣ Гагариной (см. письмо М. А. Волковой къ В. И. Ланской отъ 5-го ноября 1817 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ 1875 г., августъ, стр. 660).

[2]) Т. е. съ Любовью Ѳедоровною Полуехтовою.

[3]) Вѣроятно, La prise de Jéricho (Взятіе Іерихона), опера на библейскій сюжетъ, музыка которой сочинена нѣсколькими авторами, преимущественно Моцартомъ.

[4]) См. выше, стр. 57, прим. 4-е.

[5]) Лейбъ-хирургъ Яковъ Васильевичъ Виллié.

[6]) Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь Варшавскій), въ то время генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи, пріѣхавшій въ Москву 1-го ноября 1817 года изъ путешествія по Россіи, въ которомъ онъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича (см. сочиненіе кн. А. Щербатова „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“, т. I, Спб. 1888, стр. 326—327).

[7]) Эти мысли о жизни почти буквально повторены Жуковскимъ въ письмѣ его къ А. Н. Арбеневой, писанномъ около того же времени (безъ даты; отнесено издателемъ къ 1818 году) (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. 319) и въ концѣ разсужденія Жуковскаго о счастіи жизни, написаннаго имъ 29-го августа 1819 года въ альбомъ графини С. А. Самойловой (см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 8—9).

13, вторникъ. Шамбо. Лодеръ [1]). Глинка [2]). Утро и обѣдъ у Вяземскаго. Послѣ обѣда у Яковлевой. Странное положеніе. Чернышевъ съ женою [3]). Вечеръ дома.

14, середа. Утро дома; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Вяземскаго.

Русскіе глаголы надобно различать на два разряда: въ одномъ простые; въ нихъ заключается дѣйствіе, относящееся къ лицу или вещи; они изображаютъ или просто дѣйствіе лица, не относя его ни къ какому другому—средніе и общіе,—или дѣйствіе относительное къ другому лицу или вещи—дѣйствительные, возвратные и взаимные,—или состояніе лица, на которое дѣйствуетъ постороннее—страдательные. Въ другомъ разрядѣ тѣ же глаголы, но съ означеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣйствія: предложные или учащательные.

29, четвергъ. Le peuple est meilleur que les cercles [4]).

2 (декабря), воскресенье. День началъ прекрасно; но какъ вѣрить прекрасному, даже и тому, которое въ душѣ, въ мысляхъ и чувствахъ? Какъ мы зависимы отъ всякой мелочи! И какъ истолковать самого себя! Точно во мнѣ два человѣка: одинъ—высокой, чистой, другой—мелочной и слабой. До обѣдни я былъ полонъ бодрости, надежды на себя самого, довѣренности къ своему собственному безкорыстію. Послѣ обѣдни эта бодрость упала; и самъ, и другіе стали въ глазахъ моихъ хуже. Зачѣмъ думаю я о наружности, когда мое главное, чтобы внутреннимъ, самимъ собою быть довольнымъ? Что мнѣ нужды, что я показался не такимъ, каковъ я есть... Но полно ли, только показался? Не былъ ли я въ ту минуту такимъ, какимъ долженъ былъ показаться? И не отъ того ли эта грусть, что въ самомъ дѣлѣ на эту минуту дурное обо мнѣ мнѣніе есть и справедливое? Зачѣмъ позволяю себѣ не думать и такъ часто въ пустякахъ къ другимъ приноравливаться? Взявъ все вмѣстѣ, я хорошъ; порознь—много дурнаго! Должно себя держать въ уздѣ или, лучше

---

[1]) Знаменитый анатомъ и профессоръ Московскаго университета Христіанъ Ивановичъ Лодеръ (р. 1753 † 1832).

[2]) Вѣроятно, Григорій Андреевичъ Глинка (р. 1777 † 1818), бывшій въ 1802—1810 гг. профессоромъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. Онъ также сопровождалъ въ 1817 году великаго князя Михаила Павловича въ его путешествіи по Россіи. Черезъ Глинку Жуковскій получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 177—179).

[3]) Вѣроятно, графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ (см. выше, стр. 58, прим. 1-е); онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной. Его сестра, графиня Анна Ивановна, была замужемъ за большимъ пріятелемъ Жуковскаго, Александромъ Алексѣевичемъ Плещеевымъ.

[4]) Т. е. народъ лучше общества.

сказать, должно съ величайшею внимательностію за собою слѣдовать. Я не могу быть ни спокоенъ, ни дѣятеленъ безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе—по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самаго чувства, но согласно съ долгомъ. Дай Богъ только всегда умѣть скоро найти то, что должно. Въ этой-то скорости усмотрѣнія весь навыкъ добродѣтели. Неужели, желая искренно быть добрымъ и достойнымъ, не будешь ни тѣмъ, ни другимъ, и можешь поступать невольно вопреки этому желанію? Надобно пріучить себя менѣе уважать одобреніе другихъ и единственно довольствоваться собственнымъ одобреніемъ.

Die Prinzessin Charlotte, im kindlich reinen Sinne den Verlust einer Mutter beklagend, war fast untröstlich, dass nicht mehr das lebende Auge der Mutter auf sie geblickt, nicht mehr ihr Mund ein liebendes Wort zu ihr gesprochen hatte. Ach, klagte sie, wäre ich nur da gewesen, meine Mutter würde mir gewiss noch etwas gesagt haben! Die verwittwete Frau Landgräfin sprach darauf zu ihrer Urenkelin: Deine Mutter würde dir gesagt haben: Sei tugendhaft! Ich will dir in dem Namen deiner verklärten Mutter sagen: Sei so tugendhaft, wie sie war! Du hast die Gaben deiner Mutter empfangen, lebe auch in ihrem Geiste und nach dem Vorbilde dieses Engels. Dann wird der Segen deiner Mutter auf dir ruhen (19 July 1810, 9 Uhr).

Приписано рукою великой княгини:

Den andern Tag um 10 Uhr des Morgens ging der König mit seinen Kindern im Garten, zeigte ihnen den Platz, auf welchem unsere liebe Mutter zum letzten Male am 29 Juny die Luft genossen hatte; hier vergossen wir bittere Thränen. Papa führte uns zu einem Rosenhügel und sagte Charlotten: «Winde einen Kranz von weissen Rosen um sie auf Mama zu strecken». Die Brüder pflückten emsig weisse Rosen, und ich sass unter einem alten Birnenbaum den Kranz windend. Jeder Bruder nahm einen Strauss und Papa eine Rose mit drei Knospen, welche Alexandrinen, Louise und Albrecht vorstellen sollten. Alsdann brachten wir diese Blumen an Mama [1]).

---

[1]) Это, вѣроятно, выписка, сдѣланная Жуковскимъ изъ дневника г-жи Вильдерметъ, бывшей съ 1805 года гувернанткою принцессы прусской Шарлотты (великой княгини Александры Ѳеодоровны). Вотъ переводъ этой выписки: Принцесса Шарлотта, въ дѣтски-чистомъ умѣ своемъ скорбя о потерѣ своей матери (королевы Луизы, скончавшейся 19 іюля н. с. 1810 г.), была почти неутѣшна, что не видѣла уже болѣе взора своей матери и не услышала привѣтливаго слова, къ ней обращеннаго изъ ея устъ (принцесса Шарлотта пріѣхала въ замокъ Hohenzieritz, гдѣ скончалась королева Луиза, уже

1818.

Апрѣль, 17. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе великаго князя [1]). Прелестное утро. Чувства веселыя, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная. Конецъ безпокойству. Черты истинной высокости въ характерѣ матери: это великое счастіе. Чѣмъ больше причинъ къ ней привязываться, тѣмъ болѣе прелести въ жизни. Я бы желалъ найти въ ней все. И это будетъ. Она осмотрится въ своемъ мѣстѣ, узнаетъ свои должности, а эти должности усовершенствуютъ душу ея; душа ея способна совершенствоваться.—Поздр(авленіе) великаго князя, императрицы.—Ерихо [2]).—Обѣдъ у Модена.—Прощаніе съ Перовскимъ [3]). Вечеръ въ Кремлѣ. Къ Ланскимъ.

28 октября 1818. Я боленъ. Въ промежуткахъ болѣе высокихъ мыслей, нежели когда-нибудь. Болѣе воспоминаній, и трогательныхъ. Какое (то) общее неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ будто воздухъ прежняго времени. Болѣзнь (думаю, всякая, и самая тяжкая, ибо всякая имѣетъ свои промежутки, а тяжелая требуетъ еще болѣе нравственныхъ усилій),—болѣзнь есть состояніе поучительное; сначала affaissement, упадокъ, потомъ усиліе, потомъ непремѣнно дойдешь къ

по кончинѣ своей матери). Ахъ,—горевала она—если бы я только тамъ была, конечно, моя мать мнѣ еще что-либо сказала бы! Вдовствующая ландграфиня сказала на это своей правнучкѣ: Твоя мать тебѣ сказала бы: „Будь добродѣтельна!“. Я, отъ имени твоей усопшей матери, скажу тебѣ: будь такою же добродѣтельною, какъ она. Ты получила дарованія твоей матери живи же по ея духу и по примѣру этого ангела. Тогда на тебѣ будетъ покоиться благословеніе твоей матери! (19-го іюля 1810, 10 часовъ).

Приписано рукою великой княгини: „На другой день, въ 10 часовъ утра король (прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III) пошелъ въ садъ съ своими дѣтьми, показалъ имъ мѣсто, гдѣ наша дорогая мать наслаждалась воздухомъ въ послѣдній разъ 29-го іюня: тутъ пролили мы горькія слезы. Отецъ повелъ насъ къ холму изъ розъ и сказалъ Шарлоттѣ: „Сплети вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, чтобы возложить его на гробъ матери“. Братья прилежно рвали бѣлыя розы, а я сидѣла подъ старымъ грушевымъ деревомъ и плела вѣнокъ. Каждый братъ взялъ по кусту, а отецъ розу съ тремя бутонами, которые должны были представлять Александрину, Лунзу и Альбрехта (сестеръ и братьевъ принцессы Шарлотты). И потомъ мы отнесли эти цвѣты къ нашей матери“.

[1]) Великаго князя Александра Николаевича; по поводу этого радостнаго событія Жуковскій, какъ извѣстно, написалъ посланіе въ стихахъ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[2]) Ср. выше, стр. 60, прим. 3-е.

[3]) Съ Васильемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (впослѣдствіи графомъ р. 1795 г. † 1857 г.), въ то время адъютантомъ великаго князя Николая Павловича.

чему-нибудь высокому. Болѣзнь знакомитъ съ религіею не страхомъ смерти, но величіемъ жизни; страданіе составляетъ настоящее величіе жизни. Это лѣстница. Наше дѣло взойти; что испытаніе, то ступень вверхъ; радости можно назвать этими площадками, которыя отдѣляютъ рядъ ступеней отъ другаго—онѣ служатъ только отдохновеніемъ и переходомъ для новыхъ усилій, для новыхъ возвышеній. Звѣзды. Тѣни, Etc. etc. [1]).

1819.

Августъ. 13, середа. Балъ графини Бобринск(ой) [2]). Разговоръ Перовскаго. Письмо къ Дуняшѣ [3]). У Вильдерметъ [4]). У Ливенши [5]). Разговоръ за столомъ и послѣ стола о танцахъ и прочее. Послѣ обѣда прогулка у музыки и безчисленныя встрѣчи. Замѣчаніе Перовскаго на мой счетъ, если не справедливое, то по крайней мѣрѣ остерегательное. Нѣтъ ничего опаснѣе какъ pas à pas [6]). Нечувствительно съ верху падаешь на дно. L'essentiel est de ne rien se reprocher [7]). До сихъ поръ я дѣйствую, кажется, прямо. Пускай душа ей; но воля останется моею; она принадлежитъ товарищу [8]).

---

[1]) О болѣзни Жуковскаго А. И. Тургеневъ сообщалъ князю П. А. Вяземскому въ письмѣ отъ 6-го ноября 1817 г. (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 139).

[2]) У графини Анны Владиміровны Бобринской (р. 1769†1846), рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ, любившей жить весело.—Лѣто 1819 года Жуковскій проводилъ въ Павловскѣ.

[3]) Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

[4]) M-lle Wildermeth, родомъ швейцарка, была съ 1805 года воспитательницею принцессы прусской Шарлотты (великой княгини Александры Ѳеодоровны).

[5]) У графини Шарлотты Карловны Ливенъ (см. выше, стр. 57, примѣчаніе 13-е).

[6]) Т. е. шагъ за шагомъ.

[7]) Т. е. главное, чтобъ ни въ чемъ себя не упрекнуть.

[8]) Эти строки касаются возникшаго въ Жуковскомъ чувства любви къ графинѣ Софьѣ Александровнѣ Самойловой (р. 1797†1866), въ то время бывшей фрейлиною императрицы Маріи Ѳеодоровны, а въ 1821 году вышедшей замужъ за графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго. Къ графинѣ Самойловой былъ также неравнодушенъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Перовскій признался въ этомъ своемъ чувствѣ Жуковскому, который написалъ ему по этому поводу извѣстное посланіе, начинающееся словами:

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

цѣ XVIII вѣка былъ сдѣланъ проломъ въ археологической рутинѣ, и положено начало научной археологіи: 21-го августа 1798 года въ Египтѣ былъ основанъ французскимъ генераломъ Наполеономъ Бонапарте Египетскій Институтъ, въ составъ котораго вошли знаменитые ученые того времени. Предсѣдателемъ этого общества былъ назначенъ А. Монжъ. Общество состояло изъ разныхъ спеціалистовъ: историковъ, астрономовъ, химиковъ, географовъ, художниковъ, естествоиспытателей. При Институтѣ были учреждены: библіотека, обсерваторія, музей, ботаническій садъ, химическая лабораторія.

Успѣхамъ археологіи много способствовали антропологическія общества. Первое такое общество было основано въ Парижѣ въ 1859 г., вслѣдъ затѣмъ появилось антропологическое общество въ Лондонѣ, въ 1863 г. Затѣмъ основываются общества въ Нью-Іоркѣ, Манчестерѣ, Флоренціи, Берлинѣ, Стокгольмѣ, Брюсселѣ, Бомбеѣ, а въ 1888 г. составилось антропологическое общество въ Петербургѣ изъ профессоровъ университета и военно-медицинской академіи, къ нимъ присоединились многіе археологи. Послѣдній подвигъ русскихъ археологовъ XIX столѣтія—это XI-й археологическій съѣздъ подъ предсѣдательствомъ графини П. Уваровой, бывшій въ Кіевѣ (съ 1-го по 19-е августа 1899 г.). На съѣздъ собралось 505 членовъ, въ томъ числѣ 24 иностранныхъ.

Шестая глава заключаетъ въ себѣ статью Стюарта Уэллера, въ переводѣ г. А. Борисяка,—о прогрессѣ въ палеонтологіи.

Въ седьмой главѣ помѣщена статья г. В. Таліева о біологіи второй половины истекшаго столѣтія. Біологическая наука, замѣчаетъ авторъ,—переживаетъ въ настоящую минуту полный захватывающаго интереса переходный моментъ. Начало второй половины XIX в. ознаменовалось появленіемъ геніальнаго произведенія, которое имѣло такое же опредѣляющее значеніе для дальнѣйшаго хода науки, какъ открытіе пара и электричества на ходъ промышленности и всей человѣческой культуры. Авторъ имѣетъ въ виду теорію Чарльза Дарвина о происхожденіи видовъ. Великая проблема,—продолжаетъ авторъ,—надъ рѣшеніемъ которой, выражаясь словами поэта, посѣдѣли головы мудрецовъ, къ разгадкѣ которой стоялъ такъ близко Ламаркъ, но не съумѣлъ дать ей общую формулу, теперь была рѣшена. Дарвинъ далъ геніально простую формулу: измѣнчивость, наслѣдственность и борьба за существованіе, въ которой исчерпывается весь процессъ развитія органическаго міра, подъ которую одинаково подходили какъ элементарныя проявленія науки, находящіяся на границѣ живаго съ мертвымъ, такъ и высшія формы ея, достигнутыя на послѣднихъ ступеняхъ длинной лѣстницы развитія. Теорія Дарвина быстро разнеслась по всему міру, привлекая все бо́льшій и бо́льшій кругъ адептовъ. Ея обаяніе было такъ велико и неотразимо, что она не могла дѣйствовать иначе, какъ однихъ захватывая съ перваго же раза въ число горячихъ приверженцевъ, а другихъ обращая въ непримиримыхъ враговъ.

Въ восьмой главѣ подведены итоги успѣховъ, сдѣланныхъ техникой въ XIX в., и намѣчено то, что обѣщаетъ она въ будущемъ. Вотъ окончательные выводы. Вѣкъ пара, который сдѣлалъ такъ много человѣчеству, отживаетъ свое время. На смѣну паровымъ машинамъ выступаютъ машины термическія. Кромѣ того, утилизація даровыхъ силъ природы, какъ, напр. водопадовъ (какъ на Ніагарѣ, р. Рейнѣ и мн. др.), теченія рѣкъ и вѣтровъ должно усилиться въ XX вѣкѣ. Автомобили будутъ играть громадную роль.

Вѣкъ электричества въ XX столѣтіи будетъ господствовать. Телеграфированіе безъ проволоки, телефонированіе будутъ усовершенствованы. Электрическое освѣщеніе совершенствуется, можно сказать, ежедневно, и въ XX в. оно восторжествуетъ или уступитъ химическимъ методамъ: ацетилену, калильнымъ химическимъ тѣламъ.

Идеалы химіи—это возможность дать искусственныя питательныя вещества (искусственный бѣлокъ), сахаристыя вещества и др.

„Итакъ,—заключаетъ авторъ,—въ грядущемъ[1]) XX вѣкѣ человѣчество будетъ переживать цѣлый рядъ техническихъ переворотовъ: выбросится паровая машина, электричество дастъ новые телефоны, говорящіе не за 100—300 верстъ, а на 1.000 верстъ; будетъ введено телеграфированіе и телефонированіе безъ проволоки въ широкихъ размѣрахъ. Передача силы будетъ производиться на большія разстоянія... Химія дастъ новые питательные матеріалы, твердые газы: кислородъ, воздухъ, которые будутъ двигать машины. Химія дастъ новый свѣтъ.

Девятая глава—Успѣхи воздухоплаванія въ XIX вѣкѣ—состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится о воздухоплаваніи до XIX вѣка, а во второй—о состояніи воздухоплаванія въ XIX столѣтіи.

Въ десятой главѣ разсмотрѣны умственныя и соціальныя теченія XIX вѣка, а послѣдняя, одиннадцатая, посвящена обзору политическихъ событій во Франціи, Германіи и Великобританіи; въ концѣ этой главы помѣщенъ очеркъ развитія рабочаго движенія на Западѣ.

Къ книгѣ приложено до 300 портретовъ выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ, государственныхъ людей, и даны краткія біографическія свѣдѣнія о всѣхъ такихъ дѣятеляхъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Жаль, что слишкомъ много опечатокъ, въ особенности въ подписяхъ подъ рисунками (Захарьина, Стасова, Краевскаго, Глинки и др.).

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Писано въ прошломъ столѣтіи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.